

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

ЯЗЫК И ДИНАМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

**Сборник научных статей по материалам
Международной научной конференции**

Минск, 7–9 апреля 2022 г.

Минск
МГЛУ
2023

УДК 81
ББК 81я4
Я 41

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 5/66 от 12.12.2022 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *В. Д. Стариченок* (БГПУ); кандидат филологических наук, доцент *И. Г. Осмоловская* (МГЛУ)

Редакционная коллегия: *О. А. Полетаева (ответственный редактор)*, *А. А. Романовская*, *В. Т. Иватович-Бабич*, *И. Г. Урбанович*, *И. С. Каминская*

Язык и динамическая картина мира : сборник научных статей
Я 41 по материалам докладов Междунар. науч. конф., Минск, 7–9 апреля 2022 г. / редкол. : *О. А. Полетаева* (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – 341 с.

ISBN 978-985-28-0197-3

В издании представлены материалы, отражающие актуальные проблемы современной лингвистики: языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, отраженная во фразеологии; национальные концепты, прототипы, стереотипы; национально-культурный компонент в кодифицированном языке; концептуализация в разных типах текста, преподавание языка в аспекте межкультурной коммуникации.

Предназначается для научных работников и аспирантов.

УДК 81
ББК 81я4
Я 41

ISBN 987-985-28-0197-3

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2023

Предисловие

Предложенное вниманию читателей издание содержит научные статьи по результатам докладов исследователей из Беларуси, Грузии, Словакии, России, представленных на пленарном и секционных заседаниях в рамках Международной научной конференции «Язык и динамическая картина мира» (Минск, 7-9 апреля 2022 г.). Исследования касаются ряда актуальных проблем современной лингвистики. Многие из них выполнены в русле концептуальной лингвистики – одной из наиболее актуальных и перспективных научных парадигм. Объектами внимания участников явились языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, репрезентированная во фразеологии; национальные концепты, прототипы, стереотипы; концептуальная метафора; национально-культурный компонент в кодифицированном языке; национально ориентированный текст, обращенный к собственной и чужой культуре; национально-культурный компонент в художественном тексте; личное имя как особый языковой знак; национально-культурный компонент в аспекте лингвокультурологии. Рассмотрены некоторые важные вопросы методики преподавания языков.

Оргкомитет благодарит авторов за предложенные темы и материалы, сотрудников кафедры славянских языков, А. А. Дерунову, В. Т. Иватович-Бабич, И. С. Каминскую, Л. М. Надумович, О. А. Полетаеву, А. А. Романовскую, И. Г. Урбанович, – за участие в подготовке материалов конференции к изданию.

Особую признательность члены оргкомитета выражают ректору МГЛУ Наталье Евгеньевне Лаптевой, а также проректору МГЛУ по научной работе Ларисе Александровне Тарасевич за поддержку и помощь в организации конференции.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 81'23'27

Желтухина Марина Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор РАО, академик РАЕН

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград; Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

электронная почта: zzmr@mail.ru

Zheltukhina Marina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Member of the Academy of Natural Sciences

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd; Moscow City University, Moscow, Russia

e-mail: zzmr@mail.ru

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАЯЗЫКА¹

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурная специфика современного медиаязыка. Акцент делается на аксиологическом аспекте. Медиатрансляция ценностей влияет на сознание адресата в разных лингвокультурах.

Ключевые слова: аксиологичность, ценности, лингвокультура, медиаязык, медиадискурс, воздействие.

AXIOLOGY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF MODERN MEDIA LANGUAGE

Summary. The article examines the linguocultural specificity of the modern media language. The emphasis is on the axiological aspect. Media broadcasting of values affects the consciousness of the addressee in different linguocultures.

Key words: axiology, values, linguoculture, media language, media discourse, influence.

Актуальность проблемы медиавоздействия на сознание медиаадресата, особенно в межкультурном информационном пространстве, не вызывает сомнений в современных условиях развития межличностных и межгосударственных отношений. Спецификой современного медиавоздействия являются сложившиеся в последние годы информационная связность лингвокультур, их информационная прозрачность, проницаемость, что объясняется происходящими событиями в мире, а также процессами глобализации

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-01623, <https://rscf.ru/project/22-28-01623/>.

и цифровизации социума. Именно СМИ сегодня формируют массовое сознание в различных его разновидностях (политическое, религиозное, экономическое, правовое, бытовое и т.п.) с учетом специфики группового, личного сознания, а также возрастного, гендерного, социального сознания. Как показывает анализ фактического материала, доминирующим объектом воздействия выступает политическое сознание, которое, возникая и развиваясь в связи с осознанием и реализацией реальных интересов, выступает понятийным, оценочным, ценностным, символическим и иным отображением реальных властных взаимодействий граждан. При этом отмечаются тенденции к переосмыслению традиционных ценностных когнитивных категорий в медиадискурсе, к выдвиганию в центр внимания социокультурной ценностной информации.

В XXI веке проблема информативности вскрывает и обуславливает языковые изменения [1]. В языке СМИ отражается коллизия между тенденцией к коммуникативной демократизации (расширение сферы литературного языка, усиление коллоквиальности и диалогичности) и усложнением языков (возрастание их информационной емкости и интеллектуально-семиотической насыщенности: формирование специальных, подязыков различных информационных областей; номенклатур и терминологий). Кроме того, нарастает диспропорция между объемами потребляемой рациональной и эмоциональной информации в сторону рациональной, что ослабляет связи сознания с внешним миром, увеличивает процент заболеваний шизофренией (информационным метаболизмом, связанным с дисфункцией правого полушария). В языке СМИ это вызывает языковую экспрессию, языковую игру, использование арго и арготизмов людьми различных возрастных групп. При этом отмечается ослабление позиций фатической (городская и молодежная среда) и усиление метаязыковой функции языка на фоне дефицита коммуникативности и тенденций к усилению аутизма у многих людей. Расширение проявлений метаязыковой функции сказывается в обилии новой лексики и фразеологии, связанной с отображением информационных процессов, в том числе в многочисленности экспрессивных метаязыковых средств (*грузить* вести пустые разговоры; *обманывать*, *жбанить мозги*, *качать права*, *катить бочку*, *вешать лапшу на уши* и т.п.), а также в насыщенности современной речи метаязыковым автокомментарием (*скажем так*, *широко говоря*, *грубо говоря*, *на самом деле*, *что называется*, *точнее говоря*, *как сказано у классика* и т.п.) [1].

Под **медиавоздействием** понимается спланированное воздействие массмедиа на *знания* (когнитивный уровень), *отношения* (аффективный уровень) и *намерения* (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении. Будучи **коммуникативным воздействием** [2], **медиавоздействие** не конкретизирует характер и способ воздействия: воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (*убеждение*), или воздействие на сознание через эмоциональную сферу, на подсознание (*суггестия*), воздействие с помощью вербальных (*речевое воздействие*)

или невербальных средств (*неречевое воздействие*). Медиавоздействие на сознание адресата подразумевает наличие субъекта и объекта воздействия, канала воздействия, влияние на мотивационную сферу, последствия воздействия (стратегии).

Традиционно понимая под *воздействием* действие, направленное на кого-что-н. с целью добиться чего-н., внушить что-н. [3, с. 64], определим *воздейственность* как свойство, способность человеческой психики осуществлять воздействие. *Речевое воздействие в узком смысле* можно рассматривать как тип воздействия в сфере равноправного сотрудничества, предполагающий регуляцию адресантом деятельности адресата, в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями [4]. *Речевое воздействие* или *влияние* – это процесс изменения адресантом поведения адресата, его установок, намерений, представлений, оценок и т.п. в ходе речевого взаимодействия с ним [5].

Объективными критериями полезности воздействия служат интересы общества и его ценности (конкретные и абстрактные, моральные и утилитарные, индивидуальные и групповые, этнические и общечеловеческие, конкретно-исторические и универсальные). Примечательно, что *непосредственное (контактное) воздействие* преимущественно является *прямым*, а *опосредованное (дистантное) воздействие* может быть и *прямым*, и *косвенным*. Установлено, что в результате и контактного медиавоздействия, и особенно опосредованного медиавоздействия на адресата сформированы следующие группы ценностей, транслируемых в СМИ в разных лингвокультурах: а) социально-групповые и межэтнические отношения; б) взаимоотношение личности и социума; в) социо- и экономико-политические отношения; г) общественная формация.

По критерию осознанности речевых действий вслед за В.И. Карасиком [6] мы разграничиваем *намеренное (интенциональное)* и *побочное (неинтенциональное) воздействие*, что согласуется с его *направленной* и *ненаправленной* разновидностями.

Намеренное речевое воздействие может осуществляться посредством авторитета, законной власти носителя институционально более высокого статуса; манипуляции (т.е. маскируемой власти); убеждения, аргументации; силы (физической или психической).

Ненаправленное речевое воздействие оказывается непроизвольно, поскольку субъект не ставит задачу добиться конкретного результата от объекта. Механизмами выступают *заражение* и *подражание* [5].

Заражение представляет собой процесс передачи эмоционального состояния от адресанта/адресата к адресату на психофизиологическом уровне контакта без смыслового воздействия или дополнительно к нему. Заражение сопутствует эффективным массовым акциям, публичному восприятию ораторских выступлений, произведений искусства и т.д. и служит дополнительным спланивающим фактором до момента превышения оптимальной интенсивности – превращения в толпу.

Подражание реализует следование примеру, образцу на разных этапах человеческого развития от подражания движениям и звукам голоса, далее элементам деятельности и поведения, в том числе и речевого, через игру до идентификации и самоидентификации, а также научения в различных профессиональных сферах.

При *направленном речевом воздействии* субъект ставит перед собой задачу добиться определенного результата от объекта речевого воздействия. Механизмами такого воздействия являются *убеждение* [7; 8] и *внушение* [4].

Убеждение осуществляется как воздействие на сознание адресата через обращение к его собственному критическому суждению, в основе которого лежат отбор, логическое упорядочение фактов и выводов. Убедить означает изменить точку зрения адресата в свою пользу с помощью аргументов. Закономерностью убеждающего воздействия является равноправное соединение рационального, эмоционального, логического и психологического. Именно рационально осмысленная и эмоционально усвоенная человеком информация становится наиболее устойчивой. В этом аспекте убеждение сближается с внушением.

Внушение как процесс воздействия на психическую сферу адресата связано со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием его целенаправленного понимания, развернутого логического анализа и оценки в отношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта [9; 10; 5].

Изучение феномена медиавоздействия в различных типах дискурса в русской, британской, американской, немецкой и других лингвокультурах подтверждает тот факт, что для языка массмедиа характерны все перечисленные механизмы воздействия, а именно: убеждение, внушение, заражение и подражание. Особенно частотны и значительны по силе воздействия их сочетания. Медиазадача в процессе убеждения и внушения – создать прочное, устойчивое отношение к определенному предмету или явлению.

Основными средствами медиавоздействия могут выступать убеждение, призыв, воодушевление, обаяние, юмор, внушение, их комбинации. На отрыве значения слов от их денотатов, слов от их значения основаны манипуляции медиадискурса, создающие «семантический хаос» [11], воздействующие на восприятие адресата. Особенно активное медиавоздействие оказывается на адресата во время предвыборной кампании в процессе агитации, а также в рекламной деятельности, где тоже наблюдается осуществление агитационной идеологии. Агитация направлена на достижение определенного эффекта, поэтому в ней нет полутонов, а только резкие контрасты. Ее отличает резкое сужение тематики и подаче проблемы. Поскольку в агитации доминирует эмоциональная активизация масс, оратор использует не столько аргументы, сколько аподиктические утверждения [12]. Задачам агитации соответствует употребление упрощенных речевых средств: клише, простых, но выразительных образов, ключевых слов, лозунгов.

Именно в силу нацеленности на эмоции агитационное выступление в значительной мере состоит из тавтологий. Тем самым достигается внушение адресату нескольких основных мыслей, постоянное повторение создает впечатление идеологической четкости и последовательности (например, политическая реклама, ежедневные новости, ток-шоу, радио и телереклама лекарственных препаратов, услуг агентств по работе с недвижимостью и т.п.).

Анализ специальной литературы [4; 7; 8; Лебон, цит. по: 10; 14-22 и др.] и фактического материала позволил выявить основные методы аксиологического медиавоздействия:

1) аксиологическое обольщение посредством авторитета, харизматичной личности в той или иной лингвокультуре;

2) аксиологическое клакерство путем внедрения агентов авторитета в той или иной лингвокультуре для усиления ценностных посылов в толпу через активную реакцию на мнение, ценностные формулировки, лозунги лидера с эффектом заражения окружающих;

3) аксиологическая пропаганда при помощи лингвокультурных образов, аллегорий, акцентов, энергичных интонаций, повелительных формулировок, призывов;

4) аксиологический воздействующий механизм от внушения идеи (справедливости, равенства, свободы, патриотизма, революции, победы в войне и др.) до превращения в коллективные образы и действия;

5) аксиологическая грамматика убеждения, основанная на утверждении лингвокультурных ценностей и повторении;

6) аксиологическое единообразие как ясное, не допускающее возражений, двусмысленных толкований утверждение однозначной позиции, господствующей идеи.

Выбор определенного языка (официального, разговорного) массмедиа в качестве средства общения также может иметь ценностные политические импликации. Развитие тайной формы речи обеспечивает значительную власть и узаконенные полномочия. Переход от уровня индивидуального контакта к более высокому уровню сложных социальных отношений означает переход к совершенно новым проблемам во взаимоотношении дискурса массмедиа и политики в разных лингвокультурах. На этом уровне, речь политического, религиозного и пр. содержания может, например, формально адресоваться конкретному адресату, хотя реально ее предназначение будет совершенно другим. Обусловлено это следующей зависимостью: чем больше аудитория, тем сильнее различия в социальном, культурном, возрастном и др. статусах, тем меньше шанс, что все в равной степени поймут индивидуальное содержание, вкладываемое в высказывание адресантом.

Порождаемые языковые поля отображают идеологию определенной социальной или этнической группы, легитимируют набор идей, мотивов, установок и ценностей, который вытесняет любые другие. Одним из

признаков аксиологической деградации демократических принципов выступает аксиологическая дегенерация медиадискурса, политического дискурса, правового дискурса, делового дискурса и других типов дискурсов, которая проявляется в игре словами, в т.ч. с искажающимися смыслами, затемнении смысла, манипуляции понятиями, фактами реальной действительности, использовании военно-бюрократического жаргона, речевой агрессии. Аксиологический медиадискурс представляет сегодня синтез обиходно-разговорного и абстрактного языка, что выражается в простом синтаксическом построении фраз, резкости оценок событий и действующих лиц без учета дипломатических правил, использовании идиоматических выражений, стилистического приема персонификации; широком употреблении абстрактных слов, неопределенно-личного подлежащего, номинативности стиля. Обращение к экспрессивно-окрашенной лексике в аксиологическом медиадискурсе обусловлено спецификой ее воздействия на адресата, знанием его установок и ориентировано на его статусное чутье. Чем ближе понятийное содержание к социальному, тем выше уровень понимания высказывания аудиторией. Поэтому особенно важно исследовать связи значений, коннотации и эмоциональные моменты, которые возникают у адресата при восприятии терминов и понятий языка политики, рекламы, экономики, права, религии и т.п. в массмедиа.

Можно констатировать, что современное аксиологическое межкультурное суггестивное медиавоздействие представляет собой комплексное социально-психологическое воздействие на рацию и эмоцию представителя той или иной лингвокультуры с эффектом внушения посредством массмедиа, изменяющее аксиологическую и нейрофизиологическую динамику адресата. Человек, особенно через СМИ, приобретает нейропсихический лингвокультурный портрет, целостный и внутренне глубоко связанный – от мнемических фигур и интонаций речи до телесных поз, отражающий аксиологию лингвокультуры. Для уменьшения силы суггестивности речевого медиавоздействия на сознание и подсознание адресата необходимо повышать его аксиологическую психолингвистическую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская Н. Б. Коллизии современной коммуникации и их влияние на функциональный уклад языков // Язык и социум : материалы IV междунар. науч. конф., 1-2 дек. 2000 г., Минск : в 2 ч. Ч. 1. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Д. Г. Богушевич [и др.]. Минск, 2001. С. 30–32.
2. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования: на материале рекламных и PR-сообщений // Scripta Linguisticae Applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001 : сб. ст. / отв. ред. А. И. Новиков. М., 2001. С. 209–227.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 53000 тыс. слов. М. : Оникс : Мир и Образование, 2008. 640 с.

4. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография. М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : ВФ МУПК, 2003. 656 с.
5. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.
7. Пикулева Ю. Б. Культурные знаки в политической рекламе // Политический дискурс в России – 4 : материалы рабочего совещания, Москва, 22 апр. 2000 г. / под ред. В. Н. Базылева, Ю. А. Сорокина. М., 2000. С. 79–81.
8. Эко У. О прессе // Пять эссе на темы этики. Спб., 1998. С. 47–73.
9. Мясичев В. Н. Психология отношений : избр. психол. тр. М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1995. 356 с.
10. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М. : Высш. шк., 1981. 173 с.
11. Schlesinger A. Politics and the American Language // *Communication Through Behavior*. St. Paul etc., 1977. P. 74–81.
12. Grieswelle D. *Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien*. München : Minerva, 1978. 155 S.
13. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс : пер. с фр. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
14. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. L. ; New York : Routledge, 1991. 254 p.
15. Naming as Instrument of Strengthening of the Dynastic Power in the early middle Ages (France, England, Vth – XIth Centuries) / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, G. G. Slyshkin, E. G. Vasileva // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (14). P. 7195–7205.
16. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М., 1986. С. 100–142.
17. Dialogue as a Constituent Resource for Dramatic Discourse: Language, Person and Culture / M. R. Zheltukhina, A. V. Zinkovskaya, V. V. Katermina, N. B. Shershneva // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (15). P. 7408–7420.
18. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений ; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы : пер. с англ. М. : Прогресс, 1988. 399 с.
19. Желтухина М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата : учеб. пособие / Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград : Перемена, 2014. 91 с.
20. Learning Via Visualization at the Present Stage of Teaching a Foreign Language / G. N. Ostrikova, M. R. Zheltukhina, I. A. Zyubina, I. G. Sidorova // *Astra Salvensis*. VI (2018). № 1. P. 601–607.
21. Желтухина М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиальной коммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной ; Ин-т языкознания РАН. М., 2003. С. 109–132.
22. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 8-е, испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2017. 308 с.

УДК 811.161.1'37

Минеева Зоя Ивановна, доктор филологических наук, доцент
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
электронная почта: *zmineeva@rambler.ru*

Mineeva Zoya, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
e-mail: *zmineeva@rambler.ru*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ЗООТРОПОВ

Аннотация. В статье рассматриваются зоотропы, включающие в семантическую структуру компоненты «хороший»/«плохой». Аксиологический аспект анализа зоотропов позволяет создать шкалу, показывающую оценку внешних и внутренних качеств человека, а также выявить специфику русской языковой картины мира.

Ключевые слова: зоотроп, оценка, положительная, отрицательная, нейтральная (нулевая).

AXIOLOGICAL ASPECT OF THE STUDY OF RUSSIAN ZOOTROPEs

Summary. The article deals with zootropes that include the components "good" / "bad" in the semantic structure. The axiological aspect of the analysis allows to create a scale that shows the assessment of external and internal qualities of a person, as well as to identify the specifics of the Russian language picture of the world.

Keywords: zootrope, evaluation, positive, negative, neutral (zero).

Зоотропы (от греческих *zoe* ‘животное’ и *trope* ‘поворот’) [1] представляют собой не только социокультурно обусловленный, но и аксиологически значимый корпус лексики, который используется в большей степени не столько для номинации человека, сколько для выражения оценки по его внешним свойствам, особенностям поведения, характера,: *акула, динозавр, трясогузка, зубр, собака, каракатица, бультерьер, медведь, выхухоль* и др. Зоотропы – это переносные антропоцентрические значения слов, называющих животных.

Зоотропы являются не отдельными изолированными единицами, но частью языковой картины мира. Семантические дериваты, какими являются зоотропы, выполняют важную функцию этносоциокультурной идентификации. «Оценка охватывает в языке широкий диапазон единиц, на первый взгляд слабо связанных между собой» [2, с. 5]. Анализ зоотропов, выявляющий положительно и отрицательно оцениваемые внешние и внутренние качества человека, позволяет воссоздать таксономию наиболее важных, с точки зрения русского человека и его наивной картины мира, черт, показать шкалу наиболее значимых человеческих ценностей.

Об аксиологическом аспекте в изучении русских зоотропов можно говорить, поскольку в их большей части имплементирована категория оценки. «Основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным,

связана с признаком «хорошо/плохо». Именно этот вид оценки предполагает высказывания о ценностях. В логических теориях оценок под аксиологическим (оценочным) оператором понимается оператор «хорошо/плохо» [2, с 8].

Оценочные высказывания, в том числе содержащие зоотропы, обладают выраженной иллокутивной силой. «Чем менее информативно высказывание, тем более оно иллокутивно. Ущербность фактического содержания восполняется коммуникативными целями. Поэтому не случайно смысл оценочных высказываний иногда приравнивается к их иллокутивной ауре» [3, с. 207].

Аксиологический аспект зоотропов находит отражение в построении оценочных шкал; можно представить шкалу, на одной стороне которой (со знаком «плюс») размещаются немногочисленная группа номинаций с мелиоративным коннотативным компонентом, включающая *зубр, кит* и некоторые другие, а на другой стороне – корпус негативно-оценочных номинаций с пейоративным компонентом семантики: *каракатица, корова, обезьяна, собака, курица, козел, баран, осел, жук, баклан, горилла, свинья, шакал*.

Языковая картина мира конструируется конвенциональными единицами, с помощью которых осуществляется интерпретация окружающего мира и человека. «Мир не отображается, а интерпретируется...» [4, с. 90], поскольку «в язык проецируются обыденные знания человека о мире, которые могут отличаться от научных, но и такие знания имеют право на специальный анализ и на объяснение их происхождения» [5, с. 16].

Человек интерпретирует окружающий мир, моделирует языковую картину мира. Моделирующей функцией обладают зоотропы, они участвуют в конструировании и развитии особой картины мира русского человека [6, с. 136], отражающей восприятие окружающей действительности, по В. Гумбольдту, из круга своего языка.

Норма подразумевается, это то, что носители языка понимают без слов, следовательно, она не вербализуется, вербализуется отклонение от нормы в ту или иную сторону. «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собой разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [7, с. 13].

Наибольшей значимостью обладают единицы биполярных шкал. Существование традиционных и появление новых единиц объясняется учебными «вниманием носителей языка к крайним точкам аксиологической шкалы ...» [8, с. 366].

Настройка аксиологической шкалы тонкая: коллективная оценка таких свойств человека, как простота, доверчивость, хитрость, негативная, и эта оценка проверена временем. В.И. Даль увидел связь отнерестившегося вялого лосося, потерявшего бдительность и ставшего легкой добычей, с человеком. Лох, по Далю, – отнерестившийся лосось: «Лох м. сев. рыба семга, лосось, облоховившийся по выметке икры: лосось для этого подымается с моря по речкам, а выметав икру идет еще дальше и становится

в омуты, чтобы переболеть; мясо белеет, плеск из черни переходит в серебристость, подо ртом вырастает хрящеватый крюе, вся рыба теряет весу иногда наполовину и назыв. Лохом. В море уходит она осенью и пролоншав (перезимовав) там, отгуливается и опять обращается в лосося. Лоха зовут еще: пан, весельчак, вальчуг. // Лох, пск. Лоховес, разиня, шалапай (на офенском: мужик, крестьянин вообще)» [12].

В продолжающемся издании академического словаря *лох* ‘самец семги в период нереста; вся семга после нереста’ и *лох* (жарг.) ‘слишком доверчивый, наивный человек, которого легко обмануть’ – омонимы [10, т. 9, с. 3141]; связь между *лох* ‘рыба’ и *лох* ‘доверчивый человек’ не эксплицирована, между тем антропоцентрический ЛСВ обуславливается ЛСВ ‘рыба после нереста’, потерявшая силы для самосохранения и ставшая потенциально легкой добычей. В БТС *лох* ‘рыба’ отсутствует, словарь приводит не связанные между собой омонимы *лох* ‘кустарник’ и *лох* (жарг.) ‘глупый человек, простак, наивный, доверчивый человек’ [11], так что антропоцентрический ЛСВ оказывается немотивированным.

Дальнейшая специализация негативной оценки послужила причиной того, что недериват *лох*, согласно словарю новых слов 1992 года, – это ‘плохо одетый человек’.

Если простота и доверчивость в их концентрированном виде оцениваются как негативные качества человека в русскоязычной картине мира, означает ли это, что недоверчивый, себе на уме, хитрый – это положительные качества? Отнюдь. *Жук* – (разг.) ‘ловкий, хитрый человек жулик’ [11].

Оба зоотропа могут быть расположены на разных полюсах биполярной шкалы:

ЛОХ ‘доверчивый, наивный человек – ЖУК ‘хитрый человек’.

Аналогично на противоположных полюсах располагаются номинации *кукушка* и *наседка*, *курица* по тому, какая степень заботы о детях представлена в семантике данных слов, какова их опека:

КУКУШКА – НАСЕДКА, КУРИЦА.

Кукушка в РЯКМ – ‘мать, бросающая своих детей’ или плохо заботящаяся о детях женщина; *наседка* ‘беспокойная мать, излишне опекающая своего ребенка, детей’ [11].

Курица ‘женщина с ограниченным кругозором, чьи интересы замыкаются на домашних заботах’. Прагматика: нанесение обиды. Имплицитно в домашние заботы включаются заботы о детях, таким образом периферия семантики слова сближает его по иллокутивной силе со словом *наседка*.

Аксиологическая оценка обнаруживает подвижность в переносных оценочных номинациях человека на базе названий животных, чему в немалой степени способствует развитие полисемии в этой группе номинаций человека [9].

Мир современного человека – это мир профессионала, профессионализм – безусловная ценность, общество нуждается в профессионалах, активно осваивающих космические пространства, создающих виртуальную реальность, развивающих науку, новые информационные технологии.

В лексикографической практике компоненты положительной оценки ('опытный', 'ценный', 'специалист', 'мастер') включены в дефиницию: «Зубр, а, м. 1. Парнокопытное животное сем. полорогих. 2. *Перен. устар.* О косном, консервативно настроенном человеке. *Жест поручика показался Тентенникову фальшивым и неискренним: конечно же, неспособен был такой зубр, как Васильев, жалеть погибшего в честном бою офицера.* Саян. Небо и земля. 3. *Перен. разг. шутол.* Об опытном и ценном специалисте, мастере своего дела (обычно в функц. сказ.). *Издательские зубры. Зубр журналистики.* □ *Он молод, на партийной работе недавно, а Карыгин – старый зубр.* В. Попов, Разорван. Круг» [10, т. 6, с. 816].

Динамика аксиологической значимости в группе зоотропов проявляется в изменении переносных значений.

Зубр, согласно дефинициям БТС, – 'дикий горбатый лесной бык'; антропоцентрических лексико-семантических вариантов два – разг. 'опытный ценный специалист' (*Писательские зубры. Партийный зубр*) и устар. 'косный, консервативно настроенный человек' (*Разгромить здешних зубров. Закоренелые зубры реакции*) [11]. Данный пример удачно иллюстрирует динамический характер оценки: в конкуренции двух антропоцентрических значений побеждает ЛСВ с мелиоративным компонентом, менее значимый ЛСВ смещается к периферии.

Мастодонт – «1. Крупное ископаемое животное и 2. О ком-, чем-л. Громоздком, неуклюжем, неповоротливом» [11]. В настоящее время за *мастодонтом* закрепляются семы положительной оценки (*мастодонт моды, мастодонт партии* и т.п.).

Некогда исключительно негативно-оценочное обозначение женщины *стерва* при изменении гендерных ролей в социуме воспринимается как экспликация положительной или скорее положительной оценки. 'Целеустремленная', 'идущая к цели', 'решительная', даже 'модная' и 'следящая за собой женщина' – это из интерпретации студентов. Впрочем, этот пример из одного ряда с акулой (*акула пера* и проч. – положительная оценка в современном языке).

Языковые единицы номинируют человека в разнообразных его ипостасях, релевантно фиксируя динамику современных социально-экономических отношений.

Коллективная оценка обладает конвенциональностью. Оценочный компонент семантики лексемы обладает такими качествами, как конвенциональность и коллективность. Носители русского языка безошибочно считают переданную с помощью языковых единиц информацию, декодируют сообщение говорящего и понимают интенции человека, использовавшего ту или иную лексическую единицу. Моделирующая и аксиологическая функции обеспечиваются глубинными связями вторичных номинаций с фольклорными текстами, паремиями, фразеологизмами, прецедентными текстами, содержащими фоновые знания.

Оценочный компонент не присущ самому объекту, но является средством интерпретации мира и выражения личностного отношения к ситуации, предмету, человеку [6, с. 66].

Компоненты негативной оценки часто содержатся в прагматических маркерах: номинация используется с целью брани в случае, если адресат вызывает негативные чувства, эмоции. Интенция брани зафиксирована для слов *козел, скот, скотина, гад*; презрения – для *скот, скотина*, вся оценочная семантика которых концентрируется в прагматике. Самый высокочастотный зоотроп с коннотацией пейоративности – *козел*. Согласно лексикографическим данным, «*козел* 1. Самец козы. 2. Бранно. О человеке, вызывающем неприязнь, раздражение» [11].

Наличие негативной оценки в семантической структуре слова поддерживается поговорками: *пустить козла в огород* (негативный компонент: *корысть*), *как от козла молока, как от козла – ни шерсти, ни молока* (бесполезный). Таким прагматическим потенциалом может выступать в определенной ситуации и в определенном контексте любая единица из ряда зоотропов.

Сферы использования номинаций человека на базе названий животных: бытовая, выражение межличностных отношений, общественно-политическая. Неодериваты типа *колорад* («человек с георгиевской ленточкой» появился в связи с событиями на Украине 2014 года; мотивирующим выступает полосатый колорадский жук «вредное насекомое») становятся яркими маркерами определенного времени и определенных событий.

Итак, зоотропы неразрывно связаны с выражением оценки и аксиологической функцией, поскольку лексемы упорядочиваются иерархически в соответствии с принятыми в обществе ценностями; наиболее значимые качества, свойства, характеристики эксплицированы в большом количестве разнообразных единиц. Иерархия выраженных зоотропами ценностей моделирует ЯКМ. Аксиологические биполярные шкалы не остаются неизменными в развитии языка, экспликация оценки, положительной, отрицательной, нулевой, – подвижна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минеева З. И. Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, №1. С. 22–30.
2. Вульф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 280 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека М. : Яз. славян. культуры, 1999. 896 с.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 560 с.
5. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 348–388.
6. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М. : Яз. славян. культуры, 2002. 224 с.
7. Рацбургская Л. В. Активные деривационные процессы в современном русском языке (на материале медийных текстов) // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. Н. Новгород, 2016. С. 365–369.
8. Минеева З. И. Полисемия в русских зоотропах // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 328–338.

СЛОВАРИ

1. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. М. ; СПб. : Наука, 2004-2021. 30 т.
2. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic> (дата обращения: 04.2022)
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз, 1981. 4 т.

УДК 811.161.1'37

Романовская Алла Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков,
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь,
электронная почта: *Alla_Rom@tut.by*

Romanovskaya Alla, Doctor of Sciences (Philology), Professor at the Department of Slavonic Languages,
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus,
e-mail: *Alla_Rom@tut.by*

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ АНТИЧНОГО СИМВОЛА
В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье описываются семантико-прагматические функции античного символа – особого языкового знака вторичной номинации – в современном художественном тексте. Символы проявляются в произведении как в первичной аксиологической семантике (символ как материальный объект передает универсальный мифологический смысл), так и во вторичной аксиологической семантике (универсальный мифологический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания – речевой смысл).

Ключевые слова: античный символ, аксиологическая семантика, аллегория, персонификация, метонимия, образная метафора, оценочная метафора, оценочно-экспрессивная метафора.

THE AXIOLOGY OF THE ANCIENT SYMBOL
IN A MODERN LITERARY TEXT

Summary. The article describes the semantic-pragmatic functions of the ancient symbol antique symbol – a special linguistic sign of the secondary nomination – in a modern literary text. Symbols appear in the text as in the primary axiological semantics (a symbol as a material object conveys a universal mythological meaning) and in secondary axiological semantics (universal mythological meaning refracted through the linguoculturological prism of linguistic consciousness – speech meaning).

Keywords: ancient symbol, axiological semantics, allegory, personification, metonymy, figurative metaphor, evaluative metaphor, evaluative-expressive metaphor.

Символы, через миф связанные с античностью, являются актуальными для современности свидетельствами другой эпохи, свидетельствами воскрешения античности в историческом смысле этого слова, «времен связующей нитью». В языке литературного текста античный символ присутствует как элемент кода культуры, наделенный мифологическими значениями метафорического характера. Культурная память античного символа формируется по прошествии значительного времени при отсутствии вещи прошлого и передается посредством вербально выраженного знака из эпохи в эпоху. Способный хранить в свернутом виде обширные тексты символ как многозначная вербальная единица разворачивается в текст (в миф). Мифологический символ функционирует таким образом, чтобы личное и социальное поведение человека и мировоззрение (аксиологически ориентированная модель мира) взаимно поддерживали друг друга в рамках единой системы.

Античный символ понимается как особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого), выявляемого посредством метафоры на основе мифа, и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего – наименования мифологической реалии. *Ахилл* – символ доблести, храбрости, дружбы, слабости, мести; *Афина* – символ мудрости, мастерства, справедливости, силы; *Антигона* – символ любви, храбрости; *Психея* – символ красоты, любви).

Античные образы в современном литературном тексте выступают свидетельствами ремифологизации – процесса, в котором античный символ является нитью, восстанавливающей связь времен. Ремифологизация – процесс воссоздания через символ архаических корней, свойственных мифологическому сознанию, с целью установления ценностно-смысловых ориентиров человеческого бытия, углубления и обогащения представлений об окружающем мире и месте человека в нем.

Античный символ, особый языковой знак вторичной номинации, функционирующий в современном художественном тексте, характеризуется способностью сохранять свою мифопоэтическую семантику, а также стимулировать порождение новых смыслов, в чем заключается суть его семантико-прагматических функций как тропа: метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, олицетворения (персонификации судьбы, чувств, природы, природных стихий), вербально выраженной аллегии.

Символ выступает в функции вербально выраженной аллегии, отражая смысл, непосредственно ассоциируемый с мифом. Античный символ в функции аллегии изображает отвлеченную идею (понятие) посредством образа. Образная сторона поясняет идею. Связь между значением и образом устанавливается по аналогии: *Цирцея* – аллегория волшебства (В. Новиков); *Феникс* – возрождения (И. Ильф и Е. Петров); *Минерва (Афина)* – победы (Э. С. Радзинский); *Венера (Афродита)* – красоты (Н. Н. Батракова); *Лаокоон* – страдания (М. П. Шишкин); *Сатурн (Кронос)* – аллегория смерти, *Астрея* – счастья, *Сфинкс* – страха, ужаса (М. Алданов).

Аллегорический смысл понятия *красота* выявляется при использовании античных символов как иллюстраций общей идеи (понятия): *Как ты собираешься смотреть Лувр – как положено или как китайцы с японцами? Тамара непонимающе уставилась на подругу. ... Инна расхохоталась. «Они бегают по Лувру и ищут трех женщин: Венеру Милосскую, Нику – богиню победы, ну, а третью... Ну-ка, сама догадайся!»* [Н. Н. Батракова];

В функции персонификации символы – это иконические знаки, в которых мотивированность означающего означаемым носит мифологический метафорический характер. Особенность персонификации в том, что персонифицированное понятие является повторением: *Филомела – ласточка; Ахелой – бык; Актеон – олень; Аполлон – лебедь; Филемон и Бавклида – деревья, растущие из одного корня.*

Для мировосприятия античности характерен вид олицетворения, называемый овеществлением героя. Мифологические герои превращаются также в явления и предметы природы, включая животных, птиц, насекомых. Так, *Аполлон* превращается в лавр, дуб, кипарис, пальму, плющ и другие растения. Зооморфизм *Аполлона* проявляется в его отождествлении с вороном, лебедем, мышью, волком, бараном. Но, принимая другие образы, именно *Аполлон* продолжает выполнять необходимые для развития мифа функции: *в образе ворона указывает, где надо основать город, в образе лебедя обращает в бегство Геракла* и т.д. Персонаж является исполнителем функций и носителем качеств, на основании которых формируется семантика имени *Аполлон* как символа.

Олицетворением души, грусти является *Психея* (А. А. Ахматова, Б. К. Зайцев, В. Ф. Ходасевич); *Мойра* – олицетворение судьбы (М. Алданов); *Купидон (Эрот)* – любви (В. Новиков, Т. Н. Толстая).

Олицетворением рая являются *Пан, фавны*, олицетворение воздушной стихии – *Эол*: *Я умер. Яворы и ставни // Горячий теребил Эол // вдоль пыльной улицы. Я шел, // и фавны шли, и в каждом фавне // я мнил, что Пана узнаю: // «Добро, я, кажется, в раю»* [В.В. Набоков].

Олицетворением ветра, воздушной стихии является *Борей*: *Что ты сказал?!.. Почудилось... Скорей // всего, я просто брежу разговором... // Смотри-ка, как бесчинствует Борей: // подушка смята, конечно с пробором* [И. А. Бродский]

В исследовании метонимического использования античного символа в тексте исходим из систематизации функций, которые формируют смыслы внутри ассоциативных представлений. Античные символы в метонимической функции демонстрируют создание образных дериваций по признаку количественного отношения и по признаку ‘часть вместо целого’.

Так, имя эллинского старца *Харона* переносится на паром, которым переправляются в определенное место, называемое раем. *Харон* символизирует иной мир, ассоциацию с которым вызывает намек: паром – это *Харон* (А. Г. Битов). *Эдип* символизирует смерть (Д. Рубина).

Орфей – певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, создающий мир своим искусством. Зевс – верховное божество, отец богов и людей. В античности этимология слова *Зевс* связывалась с корнями греческих слов *жизнь, кипение, орошение* – ‘то, через что все существует’. *Зевс* и *Орфей* в современном тексте символизируют порядок. *Зевс* и *Орфей* символизируют космос. *Не доверяющая авторитетам людская масса словно бы пытается разобраться в жизни сама, она сама пробует людьми жизнь в различных направлениях. Она немножко слепа, и потому ставит себе вехи и вешки. Процесс познания в самом древнем смысле слова. (Как скажем, образ Орфея или Зевса – познание хаоса)* [В. С. Маканин].

Метонимия основана и на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними (множественное число вместо единственного). *Сизифы* символизируют работу, связанную с издательским делом (А. А. Вознесенский). *Пенелопы* – символ супружеской верности (Э. С. Радзинский). *Афродиты* и *Елены* символизируют женскую красоту (А. А. Ахматова). *Ахиллы* символизируют героичество, *Антинои* – антигероичество (В. Аксенов).

Античный символ как метафора, выполняющий образно-эстетическую функцию в тексте, создает психологическое напряжение. Актуализация образно-ассоциативного комплекса в символической метафоре происходит с целью создания нестандартного мировидения. Когда символ, сохраняя первичную оценочность, попадает в современный художественный текст, он проявляется в функции вторичной символической метафоризации. Мифопоэтический интенционал символа «переобразуется», получает новые оттенки, нюансы, коннотативные окраски под воздействием нового языкового окружения. Символическая метафоризация представлена тремя типами: образная метафора, оценочная метафора, оценочно-экспрессивная, или эмотивно окрашенная, метафора.

Первый тип символической метафоризации – образная метафора (допущение о подобии). Модус семантической интерпретации (модус фиктивности, по В.Н. Телия) выражается в форме *как бы*: Златовласка сравнивается с *Горгоной* по характеру (дочь горного духа *как бы* Горгона) (О. А. Славникова); Елена Александровна (кассирша) на основе внешнего сходства сравнивается с *Афиной* (кассирша *как бы* Паллада) (Б. К. Зайцев).

Как ты здесь оказался в несезон?» // Сухая кожа, сморщенная в виде // коры. Зрочки – как белки из дупла. // «А сам ты как?» «Я, видишь ли, Язон. // Язон, застрявший на зиму в Колхиде. // Моя экзема требует тепла... [И. А. Бродский]. Поэт сравнивает себя с Язоном. Греческий герой отправляется в страну Эю (или Колхиду), чтобы добыть золотое руно, поэт застрял в Колхиде из-за болезни (поэт как бы Язон).

Второй тип символической метафоризации – оценочная метафора. Параметром классификации символа как оценочной метафоры является общая оценка. Античный символ присутствует в русском художественном

тексте в функции оценочной метафоры, в которой доминирует (по В. Н. Телия) модус фиктивности в редуцированной форме *как бы* + модус оценки по шкале хорошо/плохо.

Музы – символ искусства, знания. Но в контексте приобретается новый смысловой эффект – стихийность: *Их в институт не пустит гордость. // Там сатана правит балл тебе. // На место дворника гигантский конкурс – // музы носятся на метле!..* [А. А. Вознесенский]. Музы не летают, а носятся на метле, как известный сказочный персонаж, то есть музы летают, как бы летала Баба Яга, обозначая при этом талантливую молодежь, не работающую по специальности, а предпочитающую место дворника (поэтому они «носятся на метле»). Отсюда и вытекает смысловой эффект стихийности, символом чего являются в данном контексте музы.

Ахерон(т) как символ смерти, подземного мира в греческой мифологии в современном контексте приобретает новые смысловые оттенки и проявляет себя как символ опасности, разрушительной силы: *Да, господа, есть минуты, когда молчать – преступление, которого не простит нам потомство, как не простит народ русский!.. Выйдите на окраины города!.. Взгляните, взгляните же вокруг себя!.. Переполняется вековая чаша терпения народного!.. Приходит позорный конец миру кнута и мракобесия!.. Завтра, может быть, уже будет поздно! Господа, Ахерон выходит на улицу!.. Нет, не аплодируйте, – вскрикнул князь, подняв руку, – вы не смеете аплодировать! Завтра, может быть, прольется кровь!..* [М. Алданов].

Символические функции *Ахерон(т)а* соотносятся с функциями символа *Немезида* (Νέμεσις ‘неотвратимая’). Беда (*как бы* это было возмездие Немезиды) имеет непосредственное отношение к человеку, отражаясь в его физическом состоянии (болезнь) (Б. К. Зайцев, Т. Н. Толстая).

Третий тип символической метафоризации – оценочно-экспрессивная, или эмотивно окрашенная, метафора. Параметрами классификации символа как оценочно-экспрессивной (эмотивно окрашенной) метафоры являются модус фиктивности (*как если бы*), оценочный модус (частная оценка), эмотивный модус (‘одобрение/презрение’) как допущения о подобии в семантической интерпретации.

На основе частных оценок: сенсорно-гедонистической, интеллектуальной, эмоциональной, эстетической, этической, нормативной – формируется оценочный смысл, свидетельствующий о вторичной аксиологичности античных символов. *Мегера* как символ власти и злой силы. *Да эта тетка [главврач в психиатрической больнице] просто мегера! – подумала она и отчаянно закричала: – О, Господи! Но это же невозможно! Выпустите меня!* [Н. В. Андреева]. В греческой мифологии *Мегера* – одна из эриний, символизирующих месть, безумие, злобу.

Сенсорно-гедонистические оценки связаны с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим: чувство возбудимости (*привет от Танатоса, передаваемый через Эроса*) возникает от созерцания человека в медицинском халате. *Танатос* символизирует смерть, *Эрос* – жизнь (чувства) (В. Новиков).

Женщина чувствует себя *Одиссеем*, потому что отправляется в неизвестный путь. Символом этого рискованного поступка является *Одиссей*, знающий расстояние, но не представляющий трудностей на пути. *Стоя на остановке автобуса с рюкзаком за плечами, Медея ощущала себя не менее чем Одиссеем. Вероятно, даже более, поскольку Одиссей у берегов Трои, не догадываясь о многолетнем времени, которое понадобится для возвращения, достаточно представлял себе расстояние, отделявшее его от дома* [Л. Улицкая].

Интеллектуальные оценки присутствуют при выражении умственной деятельности, внутренних способностей, результатов умственно-творческой, речевой деятельности человека. *Титан* (С. Есенин) обозначает силу таланта поэта, огромную, в каком-то смысле стихийную и неукротимую, истоками которой являются чувства, а не рационализм. *Прометей* (В. Маяковский) всей силой своего пылающего таланта прославлял новую страну, но, как и Есенин, тоже стал жертвой – оба были отомщены за огонь таланта (В. В. Орлов). *Сизиф* – символ хитрости, богоборчества, безрезультатности. В современном тексте Сизиф – бунтующий человек, которого ослепляет романтика бунта (В. С. Маканин).

По мнению Каморзина, Есенин был истинным титаном. Но не Прометеем, упаси Боже, нет. Это Маяковский мог числить себя родственником Прометей и желал пылать в сто тысяч солнц, допылался. Сергей Александрович не был воспламенителем или факельщиком, он скорее выступил в Брюсовом переулке как титан-огнеборец, теперь бы сказали – титан-эколог. Последнее соображение смутило самого Каморзина. Он тут же объявил: ну если не титаном, то несомненно исполином. (Соломатину довелось видеть фотографии Есенина, вынужтого в «Англетере» из петли. Лежал – на чем-то – худенький опечаленный мальчик. Чуть ли не ребенок лежал... Какие уж тут Гераклы!) [В. В. Орлов]. В античности *титаны*, *Прометей*, *Геракл*, являются символами физической силы, геройства. При интерпретации смысла на основании контекста учитывается генотипическая природа данных символов, однако на основе генотипа устанавливаются новые смыслы. Титан-Есенин обозначает силу таланта поэта, огромную, в каком-то смысле стихийную и неукротимую, истоками которой являются чувства, а не рационализм. Прометей-Маяковский всей силой своего пылающего таланта прославлял новую страну, но, как и Есенин, тоже стал жертвой – оба были отомщены за огонь таланта.

Эмоциональная оценка присутствует при характеристике внутреннего состояния, при внешнем выражении внутреннего состояния, при описании волевых особенностей человека. *Пан* – символ любви. Лейтенант Гленн, как если бы он был Паном, вызывает чувство любви (Д.А. Смирнова). *Орфей* и *Эвридика* – символизируют несчастную любовь. Поэт, как если бы он был Орфеем, ищет сочувствия, символизируя грусть (В. Ф. Ходасевич).

Минотавр в контексте символизирует эмоциональное ощущение радости. *Город был больше меня, но я знал его весь. Это очень приятное ощущение. Наверное, так радовался Минотавр, гуляя по своему лабиринту. Он знал, где нужный поворот и куда приведет этот ход. Никто не знал этого, любой заблудился бы, кроме него. Он властвовал над своим лабиринтом не потому, что был могучий, сильный и с рогами, а потому, что знал его, как свои копыта. Я считал город своим лабиринтом, и Лена с Немо молча признавали это* [П. Костин]. «Я» радовался знанию города, как если бы радовался Минотавр знанию лабиринта.

Эстетические оценки характеризуются признаками ‘красивый/некрасивый’; ‘прекрасный/безобразный’; ‘уродливый’. *Горгона Медуза* символизирует ужас, но ассоциации, основанные на эстетической оценке, связаны со страданием (А. Г. Битов). *Артемиды* символизирует красоту девушки (А. Г. Битов). *Антиной* в греческой мифологии символизирует наглость. *Захолустный Антиной (как если бы им был Остап)* – символ хитрости (обманной, напускной значимости) (И. Ильф и Е. Петров).

Козлоподобный граф Безбородко с его странной живостью засел на экране моей памяти. Зачем он здесь? То есть ты хочешь сказать, что у меня есть все шансы заделаться в скором времени таким же похотливым старикашкой, примитивным похабником [В. Новиков]. Козлоподобный граф соотносится с *Паном*.

Этические оценки связаны с удовлетворением нравственного чувства. *Генерал – герой (как если бы он был Ахиллесом)* (Б. Акунин). *Бавкида (Пульхерия)* символизирует любовь, верность (Л. С. Петрушевская). *Цирцея* символизирует силу власти, зло (О. А. Славникова). *Фурии, сирены* символизируют ужас в отношениях: дамы в парикмахерской, ставшие жертвами ради красоты, страдают в руках чудовищ (Т. Н. Толстая).

В греческой мифологии *Персефона* – символ власти в аиде, мудрости, обновления жизни (весны). Сравним два контекста, которые вызывают ассоциации, связанные со смертью и верностью. *Смерть – это то, что бывает с другими. // Даже у каждой пускай богини // Есть фавориты в разряде смертных, // точно известно, что вовсе нет их // у Персефоны; а рябь извилин // тем доверяет, чей брак стабилен* [И. А. Бродский]. Смысл, который появляется на основании контекста: перед смертью (Персефой) все равны, Персефоне можно доверять, она верная. *Слышишь, опять Персефоны голос? // Тонкий в руках ее вьется волос // жизни твоей, рассеченной Паркой. // То Персефона поет над прялкой // песню о верности вечной мужу; // только напев и плывет наружу* [И. А. Бродский]. Персефона символизирует судьбу, верность.

Нормативные оценки связаны с практическими интересами и повседневным опытом человека. *Паллада* является символом порядка (Б. К. Зайцев). *Икар* – символ обреченности. *Пятка Икара* – уязвимое место, символизирующее его трагическую гибель. Когда человеку (как если бы он был Икаром) даже с крыльями за спиной не удается, то в этом случае лучше всего много и усердно работать (А. Г. Битов).

Единорог – мифологическое животное с телом лошади. Согласно греческому тексту «Физиолога», рассматривается как символ чистоты. В контексте единорог символизирует высшую меру жизнедеятельности человека. *Я считал: время как время, не самое худшее в моей ничемной жизни; а Немо переживал, что делает не то или не успевает. Я сочувствовал ему. Он мог рассчитывать на большее, чем просто есть траву на поляне с другими лошадьми. С его способностями он мог есть разы в компании с единорогами* [П. Костин].

Для получения экспрессивных эффектов используется метафорическая перифраза. Метафора, выполняющая образно-эстетическую функцию, наблюдается в контекстах, где символ присутствует умозрительно и выявляется в самом контексте: *Не корми ... птиц небесных: те сыты печенью Огнекрада (Прометей) (С. Соколов); она получила, вероятно, каплю царской крови, почетное родство с теми царицами, всегда обращенными к зрителю в профиль, которые пряли шерсть, ткали хитоны и выдывали сыр для своих мужей, царей Итаки и Микен (Пенелопа, Клитемистра) (Л. Улицкая).*

Семантико-прагматические функции античного символа заключаются в смыслопорождении, в «переобразовании» мифологического смысла. Функционируя как образно-эстетическая метафора (отождествление), сравнение (уподобление), метаморфоза, метонимия (синекдоха), аллегория, символ задает эстетический стимул.

На основании анализа исследуемого материала установлено, что в функции аллегории, когда связь между значением и образом устанавливается по аналогии, и в функции олицетворения, уподобления человеку неживого, абстрактного, античные символы сохраняют свою первичную аксиологичность.

В функции метонимии, которая основана на перенесении значения с части на целое и на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними, символы формируют смыслы внутри ассоциативных представлений.

Создавая суггестивную ситуацию на основе эмотивности, символ выступает в функции оценочной метафоры (общеоценочное значение), оценочно-экспрессивной (эмотивно окрашенной) метафоры (частнооценочное значение). Для получения экспрессивных эффектов используется метафорическая перифраза. На основании анализа семантико-прагматических функций (прагматических значений) античных символов выявляется их вторичная аксиологичность. Вторичная аксиологичность символов является основой их константной переорганизации.

Применение концепции аксиологической семантики к анализу символа позволяет выявить оценочный смысл, формирующийся на основе античного символа в языковом пространстве, которое образуется в результате взаимодействия элементов, отражающих, во-первых, объективную сторону действительности и, во-вторых, ценностные характеристики объективных свойств мира.

УДК 81'27'28

Метревели Медея Гивиевна, доктор педагогики, профессор.

Телавский государственный университет имни Я. Гогебашвили, Телави, Грузия

электронная почта: *medea.metreveli@tesau.edu.ge*

Metreveli Medea, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Y. Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

e-mail: medea.metreveli@tesau.edu.ge

ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

Аннотация. В социолингвистике диалект определяется с прагматической точки зрения. Следовательно, его собственный языковой лингвистический статус обычно меньше учитывается – он описывается через экстралингвистические (а не имманентные) признаки.

Ключевые слова: язык, диалект, речь, лингвистика, языкознание, речь, стандартный, социолингвистика

LANGUAGE AND DIALECTS

Summary. In sociolinguistics, a dialect is defined from a pragmatic point of view. Consequently, his own linguistic status is usually less taken into account – he is described through extra linguistic (rather than immanent) features.

Keywords: language, dialect, speech, linguistics, speech, standard, sociolinguistics

Еще в девятнадцатом веке лингвисты утверждали, что можно рационально управлять тенденцией развития языка. Язык требует разумного вмешательства: для его совершенствования необходимо разработать правильную языковую политику. Языкознание должно не только изучать законы языка, но и направлять путь дальнейшего развития языка на основе обнаруженных закономерностей.

Языковая политика – это официальное действие, направленное на вмешательство в функционирование какого-либо языка (государственного, регионального, языка меньшинств, иностранного и т. д.) (например, официальная письменность, легализация взаимоотношений языка с государственными структурами и т. д.) или в вопросы места этих языков. Языковая политика обычно основывается на определенных принципах (экономика, национальная идентичность, демократические ценности и т. д.). Некоторые европейские политические философии предлагают теорию тесной связи государства, национальности и языка: язык является символом и составной частью национальности и в то же время определяющим фактором гражданства. Поэтому важно, чтобы он был четко определен и отличался от других языковых вариантов, используемых в данной географической области.

Язык – это целый новый мир с различными культурными и языковыми факторами. Язык – это система общения, используемая людьми страны или сообщества. Мы, люди, используем язык как способ общения. Оно может быть как устным, так и письменным. Некоторые ученые любят повторять слова лингвиста Макса Вайнрайха о том, что «язык – это диалект с армией и флотом» [1, с. 10].

Есть еще термин в социолингвистике – лингвистическое разнообразие, который является нейтральным, характерным термином. Его цель состоит в том, чтобы избежать использования термина – язык – в то же время избежать оценочного суждения. Любое определение языкового разнообразия как составляющего или не составляющего реального языка основывается на внешних факторах, а не на реальных (языковых) характеристиках многообразия. Однако мы считаем необходимым четко определить и разграничить такие термины, как родной язык, иностранный язык, второй язык.

Родной язык – это языковая разновидность, приобретаемая в раннем детстве, до двух-трех лет. Эта разновидность имеет для ребенка особый статус, так как ребенок открывает ее сам в период ранней социализации мира, и понимает, что для нормального развития необходима языковая связь с другими говорящими. Ребенок начинает понимать и усваивать языковые «правила» в своем ближайшем окружении и вместе с тем усваивает правила коммуникативного поведения (например, кому, как и когда здороваться). Это разновидность, в которой лингвистический талант человека впервые проявляется в естественном языке.

Термин «второй язык» используется для языковых вариаций, которые усваиваются позже, а не в детстве: из-за этого все языки, кроме первого языка (на котором начинает мыслить подросток), должны считаться вторыми, третьими и т. д. Языки, приобретенные после овладения первым языком, могут быть разных типов, отсюда и большое разнообразие терминологии. Второй язык предполагает не только последовательность освоения, но и подчеркивает социолингвистический статус языкового разнообразия.

Необходимо различать статусы второго языка и иностранного языка: термин «иностраный язык» часто используется для обозначения языковых вариантов, преподавание которых может быть менее мотивирующим: в частности, учащиеся не контактируют с этими вариантами или используют только виртуально или в ограниченных формах (кино, телевидение, поездки в страны, где они используются). Из-за этого они могут меньше осознавать собственные потребности в иностранных языках – они считаются обычными школьными предметами, по которым достижением результатов является не фактическое овладение, а их оценка (зачеты, экзамены). В этом существенное отличие второго языка от иностранного. Второй язык человек осваивает, усваивает, вторым языком овладевает, а иностранный язык – изучается как предмет (отсюда существенное различие между методами и стратегиями обучения).

А что такое диалект?

Диалект определяется как разговорная разновидность языка, распространенная в определенной области или этнической, социальной, профессиональной, возрастной группе. В соответствии с этим у нас есть территориальные, этнические, социальные, профессиональные диалекты. Диалект – это факт речи, а не языка: различные употребления одной и той же системы порождают языковые виды. Эти разновидности по существу и есть диалекты. Диалект – это устная речь. В письме происходит только его фиксация. Главное и существенное состоит в том, что диалект является разновидностью общенационального языка, а не самостоятельной языковой системой (Бесарион Джорбенадзе) [2, с. 4].

Отношения между языком и диалектом можно определить следующим образом: «необходимым условием для признания принадлежности языковых различий или диалектов к одному языку является то, что они должны составлять один континуум» (Винфрид Бедер) [3, с. 10].

В социолингвистике диалект определяется с прагматической точки зрения. Следовательно, его собственный языковой лингвистический статус обычно меньше учитывается – он описывается через экстралингвистические (а не имманентные, свойственные) признаки.

По мнению некоторых грузинских лингвистов, «проблему разделения языка и диалекта нельзя ставить только в область лингвистики. Ни один язык с культурной традицией не именуется языком из-за своих лингвистических особенностей. Никем еще не определена степень языковых изменений или особенностей, после чего количественные различия между родственными языковыми единицами переходят в качественные – вариант системы переходит в новую систему» (Тариэл Путкарадзе) [4, с. 140]. Поэтому статус существующих языков обычно определяется этнокультурным и политико-религиозным признаком (Тариэль Путкарадзе).

Естественно, у нас нет возможности подробно проанализировать это мнение в настоящей статье. Однако мы все же постараемся сделать так, чтобы читатель более-менее понял суть проблемы.

В целом один и тот же объект (в нашем случае – язык) может быть предметом изучения в разных областях науки. Ярким примером тому является существование широкого круга естествознания: то или иное явление природы изучается совершенно с разных сторон. Например: вода является предметом изучения в физике (обсуждение ее физических свойств) и химии (молекулярный состав воды). То же самое и с языком: необходимо следовать принципу имманентной (или сущностной) дефиниции. Когда речь идет о происхождении того или иного языка, его отношении к другим языкам, мы должны пользоваться правилами и терминологией, установленными в недрах историко-сопоставительного языкознания. Квалификация языка присваивается по системным сходствам и различиям – это аксиома для лингвистов, а другие подходы уже выходят за рамки лингвистики. Следовательно, определение лингвистических понятий (язык, диалект и т. д.) и их взаимосвязей в языкознании возможно лишь при наличии собственных лингвистических критериев, и введение здесь внеязыковых понятий и критериев может вызвать лишь хаос и путаницу (Александр Ониани) [5, с. 23].

Социолингвистика изучает функционирование языка на синхронном уровне. Его целью не является и никогда не было определение собственного языкового статуса того или иного объекта. Дело в том, что статус той или иной единицы будет для историко-сопоставительного языкознания отличным от того, что в силу различных экстралингвистических факторов было «узаконено» социолингвистикой.

Мы можем определить язык по-разному. Потому что язык – это целый новый мир с различными культурными и языковыми факторами.

Язык – это система общения, используемая людьми страны или сообщества.

В какой момент язык становится диалектом и наоборот? Хотя нет четкой границы между этими двумя понятиями, но все же они различимы.

Диалект – это особый вид языка, на котором говорит определенная группа или регион. И так, вы видите, что язык – это более широкое понятие, и диалект находится в его тени.

Язык играет роль родителя, и от него происходят различные диалекты. Мы можем видеть разницу между диалектом и языком, когда пишем об этом. Но в реальном мире, когда все становится практическим, сложнее определить размытую грань между этими двумя понятиями.

Давайте углубимся в детали, чтобы увидеть, что там скрыто.

Будет немного сложнее определить разницу между языком и диалектом в реальном мире.

Мы думаем, что португальский и испанский – это разные языки. Тогда как получается, что испанская газета может быть прочитана носителем португальского языка? Или же другой пример. Я сама разговаривала с испанскими коллегами на одной конференции, только на итальянском языке, так как я владею итальянским языком. Они говорили по-испански, но мы понимали друг друга. Так же хорошо я понимаю, когда украинцы говорят со мной, хотя я не владею украинским, а владею русским языком. Эти два языка различны. Но есть степень взаимопонимания, которая позволяет общаться. Не значит ли это считать испанский, португальский и итальянский диалектами, а не языками. Но ведь среди ученых есть сторонники этого взгляда. В конце концов, испанский и португальский – оба романские языки.

Мы считаем варианты английского языка, на которых говорят во всем мире, взаимопонятными диалектами. Говорящий по-английски в Южной Америке, австралиец и британец – все трое могут разговаривать друг с другом, несмотря на разные диалекты и акценты.

Однако взаимопонимание может относиться и к другим языкам. Датчане, шведы и норвежцы могут довольно комфортно общаться, несмотря на то, что каждый из них говорит на своем языке. Это потому, что эти три скандинавских языка взаимно понятны. Так должны ли мы, поэтому переклассифицировать их как диалекты, а не как языки?

А как насчет китайских языков – или это диалекты? Мы считаем, что мандарин и кантонский диалект являются диалектами китайского языка, однако они не являются взаимно понятными. Да, они используют одну и ту же систему письма. Но человек, говорящий на мандаринском диалекте не понимает того, кто говорит на кантонском диалекте.

Существуют также огромные культурные последствия, когда мы рассматриваем различия между языками и диалектами. Носители одного и того же языка не могут иметь абсолютно никаких современных культурных связей. Рассмотрим носителей английского языка, выросших в Южной Африке, и тех, кто вырос в США. Да, есть исторические узы, которые связывают их обоих (следовательно, они говорят на одном языке), но какой-либо особой культурной близости, безусловно, не хватает, когда речь идет о среднем современном гражданине.

Таким образом, разговор на одном языке не подразумевает какого-либо общего культурного опыта, кроме того, который описан в книгах по истории. С другой стороны, те, кто говорит на разных языках (давайте еще раз вспомним Скандинавию), могут иметь довольно тесные современные культурные ассоциации. Как таковые, культурные соображения помогают определить разницу между языком и диалектом не больше, чем взаимопонимание.

Затем возникает проблема стандартизированных языков. Многие страны в какой-то момент своей истории выбрали определенный диалект, на котором основывался их стандартный язык. Например, во Вьетнаме обучение ведется на ханойском диалекте. В Англии стандартизированный язык основан на диалекте, на котором говорят на юго-востоке. Стандартный русский основан на том, как на этом языке говорят в Москве. Стандартизированный немецкий язык представляет собой смесь средненемецкого и верхненемецкого языков (с тремя региональными вариантами: немецкий стандартный немецкий, австрийский стандартный немецкий и швейцарский стандартный немецкий). И так далее.

В итоге мы можем сказать, что диалект – это региональная вариация языка. Мы надеемся, что эти дебаты не будут простыми, включая все, от географии до социально-экономического статуса!

ЛИТЕРАТУРА

1. Weinreich, Max. *The yivo faces the post-war world*. New York ; Yidisher Visnshaftlekher Institut-Yivo, 1945. 18 p.
2. Besarion Gorbenaдзе. *Kartuli dialekt'ologia I* [Electronic resource]. Tbilisi : Metsniereba, 1989. Gv. 4. URL: <http://sml.corpora.co › files › textsPDF>.
3. Winfried Boeder. *The South Caucasian languages // Lingua*. 2005. Vol. 115, iss. 1-2. P. 5–89.
4. Dadiani, put'k'aradze, sherozia, evrop'uli kart'ia regionuli an umtsiresobis enis shesakheb da sakartvelo. 2010. Gv. 140.
5. Aleksandre Oniani. *Kartvelur enata shedarebiti gramat'ik'is sak'itkhebi (sakhelta morpologia) : [damkhm. sakhelmdzghv. p'ed. in-t'ebis pilol. pak'-t'is st'udent'ebisatvis]*. Tbilisi : Ganatleba, 1989. Gv. 23.
6. Gvantseladze T. *Enisa da dialekt'is sak'itkhi kartvelologiashi*. 2006. Gv 112.

УДК 811.161'373'221

Трофимович Тамара Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и лингводидактики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка;

Русакович Ирина Кузьминична – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры коррекционно-развивающих технологий Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
электронная почта: *t.trof@mail.ru*

Trofimovich Tamara Grigoryevna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank;

Rusakovich Irina Kuzminichna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Correctional and Developmental Technologies of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
e-mail: *t.trof@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВА В СЛОВЕСНЫХ И ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Аннотация. В публикации предпринимается попытка выявления национального компонента наименований родства в жестовых языках Беларуси и России, для чего осуществляется обращение к русскому и белорусскому словесным языкам. Авторы вносят таким образом свой вклад в решение актуальной проблемы установления и признания национальных жестовых языков.

Ключевые слова. Наименования родства, словесный язык, жестовый язык, национальный компонент системы наименований.

NATIONAL COMPONENT OF RELATIONSHIP NAMES IN VERBAL AND SIGN LANGUAGES OF BELARUS AND RUSSIA

Annotation. The publication attempts to identify the national component of kinship names in the sign languages of Belarus and Russia, for which an appeal is made to the Russian and Belarusian verbal languages. The authors thus contribute to solving the urgent problem of establishing and recognizing national sign languages.

Keywords. Names of kinship, verbal language, sign language, national component of the naming system.

В настоящее время общеизвестным и общепринятым является факт того, что языки бывают не только словесными, но и жестовыми. Жестовым называют язык, состоящий из жестов – знаков, появляющихся в результате движения рук в сочетании с мимикой. Доказано, что жестовые языки представляют собой полноценные средства коммуникации, которые исполь-

зуются слабослышащими или глухими людьми. Эти языки функционируют независимо от языков словесных, не обусловлены ими, что не лишает их статуса языков как таковых, имеющих к тому же национальную принадлежность.

В современном полиэтническом мире существует большое количество национальных словесных языков (около 7000). По некоторым сведениям, в мире зафиксировано 138 национальных жестовых языков (А. Комарова). Естественное их развитие как средств общения неслышащих и слабослышащих людей привело к созданию международного жестового языка жестуно (*джестуно*, *International Sign (IS)* (также *Gestuno*, *International Sign Language (ISL)*, *International Sign Pidgin* и *International Gesture (IG)*), который, по многим утверждениям, успешно используется [1, с. 10].

В контексте мировой ситуации существования национальных жестовых языков, а также признания их статусов, значимым и заслуживающим внимания оказался вопрос о том, существуют ли русский и белорусский жестовые языки. По-другому эту проблему можно сформулировать следующим образом: является ли жестовый язык, используемый на территории Беларуси, белорусским, а жестовый язык на территории России русским.

Попытаемся предложить наше видение сути проблемы, а также возможные пути ее решения на примере наименований родства в словесных и жестовых языках Беларуси и России.

Известно, что русские и белорусские словесные термины родства образуют древние по происхождению лексико-семантические группы наименований, структура которых обусловлена существованием у восточных славян системы кровных и свойственных родственных отношений. В настоящее время можно с уверенностью констатировать две существенные особенности этих групп в обоих языках: 1) заметное сокращение количества активно функционирующих единиц; 2) закрытость, замкнутость самих систем наименований. Это означает, что изменения социального статуса и значимости родственных отношений в жизни общества постепенно привели к тому, что часть единиц вышла из активного употребления и продолжает выходить (например, русские наименования *деверь*, *шурин*, *ятровка*, *золовка* и др., их белорусские соответствия *дзевер*, *швагер*, *ятроўка*, *залоўка* и др.). Новые наименования родства тоже не появляются.

Термины родства в словесных русском и белорусском языках характеризуются заметной общностью звукового и грамматического облика, что является следствием генетического родства языков. Возьмем для сопоставления наиболее активные единицы: *русск. мать, отец, сын, дочь, брат, сестра, внук, внучка, дедушка, бабушка, муж, жена, свекровь, свекор, тесть, теща, племянник, племянница* – *белор. маці, бацька, сын, дачка, брат, сястра, унук, унучка, дзядуля, бабуля, мужык, жонка, свякроў, свёкар, цесць, цешча, пляменнік, пляменніца*. Можно привести и другие примеры, которые подтвердят вывод о сходстве русских и белорусских наименований.

Сходство, тем не менее, не исключает национальной специфики анализируемых единиц, проявляющейся не только и не столько на звуковом (*внук – унук*) и морфемном уровне (*дедушка – дядуля*), но и на лексическом. В каждом из языков существует группа особых, различающихся концептуально и ономазиологически номинативных единиц. Приведем некоторые из них: *родители – бацькі, отец – бацька, папа – тата, двоюродный брат – стрыечны брат, шурин – швагер, свояченица – швагерка* и др. Следовательно, генетическое родство русского и белорусского языков не исключает целого комплекса национальных черт, что в конечном итоге приводит в сочетании с социолингвистическими показателями к признанию самостоятельности языков.

Русские и белорусские наименования родства активно вовлечены в деривационные процессы, приведшие и приводящие к заметному расширению составов групп. Потребности коммуникации порождают уменьшительно-ласкательные и экспрессивно окрашенные наименования: *мама – мамочка – мамуля – матушка, папа – папочка – папуля, сынок – сыночек – сынуля – сыночка, доченька – дочка – дочурка* и т.д. При возникновении подобных наименований активизированным в словесных русском и белорусском языках оказывается морфемный уровень: *доченька – дачушка, мамочка – матуля, дедушка – дядуля* и т.д. В каком-то смысле на морфемном уровне тоже проявляется национальная специфика языков.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает упомянутый ранее факт сокращения активно функционирующих русских и белорусских терминов родства. По мнению большинства исследователей, социальные преобразования в ходе исторического развития привели к тому, что изменилась значимость отношений кровного и свойственного родства. Актуальными для человека остались отношения, которые условно называются *трехпоколенными*. Это означает, что если за основу взять отношения свойственного родства *муж – жена (мужык – жонка)*, то востребованными оказываются наименования лиц старшего поколения (родителей), а также детей и внуков. В результате для *жены* оказываются актуальными не только единицы *мать, отец (мама, папа)*, но и *свекор, свекровь*, для мужа – не только наименования родителей, но и *тесть, теща*. Для разных поколений значимы названия детей (*сын, дочка*) и внуков (*внук, внучка*).

В настоящее время другие многочисленные термины родства переместились на периферию словарных составов русского и белорусского языков. Их национальная специфика выявляется только в результате диахронического подхода.

Отличительной особенностью многих наименований родства является их способность использоваться в качестве обращений. Обычными и привычными оказываются в русском и белорусском языках обращения, являющиеся одновременно именованиями родства: *мама, папа, сын, дочь, брат, сестра* и т.д. Однако обращениями нередко становятся слова, которые

по происхождению являются терминами родства, но в конкретной ситуации использованы не как таковые. *В автобусе мальчик уступает место пожилой женщине и говорит: “Бабушка, садитесь!”. Молодой человек просит другого помочь положить вещи в машину и говорит: “Братишка, помоги!”. Подросток должен позвонить маме, но забыл дома телефон: “Тётя, дайте телефон позвонить!”*

В отношении жестовых языков прежде всего следует отметить, что их национальный колорит может быть обусловлен особенностями менталитета, историей и культурой национальных ассоциаций глухих, спецификой территориальных и этнических отличий в коммуникативно-речевом поведении, быте, традициях, восприятии и переработке информации его носителями, ситуации и степени их включенности в словесно-жестовое двуязычие.

Белорусский жестовый язык в современном социокультурном пространстве рассматривается как язык, принадлежащий «субкультуре глухих» – культурно-лингвистическому микросоциуму, «Белорусскому обществу глухих», имеющему свою 90-летнюю историю и традиции (<http://www.belog.org>) Его носителями являются около 10000 лиц с инвалидностью по слуху, проживающих на территории Республики Беларусь, в том числе дети с нарушением слуха (а также – слышащие билингвы), рожденные в семьях неслышащих родителей.

Исторически белорусская ассоциация людей с нарушением слуха ранее входила в структуру «Всероссийского общества глухих», где также использовался еще в СССР единый для системы образования русский словесный язык и русский дактильный алфавит как средство обучения детей с нарушением слуха, а также формировались общие корни русскоязычного образования и профессиональной подготовки переводчиков жестового языка (Ленинградский восстановительный центр Всероссийского общества глухих – ЛВЦ ВОГ). Поэтому термин «русский жестовый язык» является устойчивым и распространенным [2], [3] и на территории Беларуси. Заметим, что в настоящее время в нормативных государственных документах национальный характер жестового языка, используемого на территории Беларуси, не обозначен, и в отношении к нему применяются определения «жестовый язык», «жестовая речь».

В настоящее время в формате научных исследований ведется описание феномена национального жестового языка, изучение и поиск аргументов – лингвистических отличий и других показателей, которые могут послужить концептуальным обоснованием термина «белорусский жестовый язык» и его использования в социокультурном и политическом пространстве страны (НИР Министерства образования РБ, 2021-2022, ГР 20211511 от 24.05.2021). Социальная значимость проводимого исследования национального жестового языка усиливается поддержкой и адресным запросом общественного объединения «Белорусское общество глухих», его обращениями в Мини-

стерство образования РБ и другие государственные инстанции с предложениями установить статус жестового языка и укрепить лингвистические, культурные, образовательные права незлышащих белорусов, опираясь на Конвенцию ООН «О правах инвалидов».

Обращение к научной литературе и данные проведенного исследования национального жестового языка позволили выделить следующие характеристики его «белорусскости»: соответствие территориально-политическому фактору (он является средством общения незлышащих и слабослышащих людей на территории независимого государства); фактору самоидентификации (носители белорусского жестового языка считают себя в подавляющем большинстве белорусами) и лингвистическому фактору (проявление лингвистических различий на уровне лексики и фразеологии).

Если сопоставлять лексические, грамматические и синтаксические средства в близкородственных жестовых языках – русском и белорусском, то очевидно, что наибольшее количество различий выявлены в основном на лексическом уровне [4], [5]. Выраженные различия обнаружены в 9,1 % объема языковых единиц; это выглядит как разные жесты и соотносится как непохожие на звуковом уровне слова; и невыраженные различия – 20, 5% случаях – как различия на морфологическом уровне (они наблюдаются в изменении отдельных структурных элементов жеста (форме руки, направлении ладони, пальцев, количестве и качестве движений)).

Рассмотрим это на примере обозначения родства. Как и в словесных языках в этой группе прослеживается сходство большинства языковых единиц (около 70%), что объясняется общей историей и территориальной близостью государств (<https://www.spreadthesign.com/ru.by/search/by-category/83/semia-i-semeinye-otnosheniia>) Так, и в белорусском, и в русском жестовых языках жесты-эквиваленты *мама/маці, папа/тата, родители/бацькі* идентичны. Они обрисовывают облик лица раскрытой ладонью сверху вниз (стержневая линия – *отец*) и справа налево (поддерживающая отцовский крест линия – *мать*), символизируя, что человек – носитель черт своих родителей.

Одинаковым является способ уточнения родства: например, *внук* и *внучка* в обоих жестовых языках передается сочетанием двух жестов *дочь/сын + следующий*. Однако в обозначении *сына* и *дочери* средствами русского и белорусского языков наблюдаются незначительные различия в месте исполнения жестов и в качестве движения (морфологический уровень).

Также похожи способы передачи степени родства – *шурин – швагер, свояченица – швагерка* – в обоих языках через использование трех жестов: *жена+ее+брат / жена+ее+сестра*. Однако на уровне воспроизведения жестов-эквивалентов наблюдаются «произносительные» отличия. Так, например, в обозначении *мужа* и *жены* в русском и белорусском жестовом языках используется имитационный жест «одеть кольцо», но в русском жестовом

языке он исполняется щепоткой, а в белорусском – сомкнутыми указательным и большим пальцами (морфологический уровень). В обозначениях *брат/сестра, двоюродный брат/сестра*) [4] – *стрыечны брат/сястра, тетя/цёця* [4] также прослеживается морфологическая дифференциация в воспроизведении.

Разные жестовые обозначения в русском и белорусском жестовом используются для называния *дедушки/дзядулі и бабушки/бабулі*. Причем в обоих языках в этих жестах заложена связь с возрастом (у бабушки) и с наличием бороды (у дедушки). Но русские жесты *дедушка и бабушка* на территории Беларуси могут иметь значение *борода и осень*, а самостоятельные белорусские обозначения старшего поколения отличаются формой руки и движением от русскоязычных.

Способов передачи уменьшительно-ласкательных жестовых обозначений, как и особенностей обращения, не наблюдается. Пользователи белорусского жестового языка, как и российского для передачи экспрессивно окрашенных наименований пользуются двух-трехсоставными жестами (*мамочка/матушка – матуля*, например, жестами *мама +дорогая/любимая /обожжаемая/уважаемая*) и активно дополняют сказанное эмоционально с помощью мимики). При обращении также в контексте прибегают к наименованиям родства, поэтому приведенные примеры актуальны и для наших близкородственных жестовых языков, но больше они прослеживаются в детско-родительских отношениях. Например, в семье вечером папа говорит сыну: “*Мы сегодня посмотрим сказку на жестовом языке, ее расскажет бабушка*” (исполнитель в почтенном возрасте) или родители обращают внимание детей на улице: “*Смотрите, какая красивая тетя идет!*”, или, забирая малышей из школы: “*Вас сегодня хвалил дядя вахтер*”.

Пользователи жестовых языков России и Беларуси фактически беспрепятственно общаются, что указывает на их близкое родство. Однако при сравнении лексических составов выявляются определенные количественные и качественные отличия. Это позволяет утверждать, что перед нами два жестовых языка – русский и белорусский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейльман И. Ф. Знакомьтесь: ручная речь. М. : Загрей, 2001. 172 с.
2. Зайцева Г. Л. Курс «Русский жестовый язык» (экспериментальная программа для школ глухих) // Дефектология. 2002. № 1. С. 32–42.
3. Прозорова Е. В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 44–61.
4. Словарь белорусского жестового языка на сайте проекта «Распространим жест» // Международный интернет-словарь жестовых языков Sign language dictionary – SPREADTHESIGN [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.spreadthesign.com/be/> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Фрадкина Р. Н. Говорящие руки: тематический словарь жестового языка глухих России. М. : Моск. гор. орг. ВОГ, 2001. 597 с.

УДК 37.01:811.161.1

Буйняк Милан, учитель

Школа и Гимназия для одарённых детей, Братислава, Словакия

электронная почта: *milan.bujnak.ars@gmail.com*

Bujnak Milan, the teacher

School for Gifted Children, Bratislava, Slovakia

e-mail: *milan.bujnak.ars@gmail.com*

СУТЬ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Н. И. ФЕШИН – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Аннотация. В рамках словацко-русско-американского диалога культур мы предлагаем одну из возможных педагогических интерпретаций темы «Чего мы ждем от школы» на материале творчества художника XX века Николая Ивановича Фешина. Талантливого ученика И. Е. Репина встретим в словацком учебнике и в его музее в Таосе посредством информации-импрессии. Встреча автора учебника с дочерью художника Ией вызывает у учащихся живой интерес к диалогу культур.

Ключевые слова: Фешин, культуроведческое направление иноязычного образования, диалог культур, синтетическая художественная культура, информация-импрессия.

ESSENCE OF CULTURAL DIRECTION IN PEDAGOGICAL INTERPRETATION OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION. N. I. FESHIN – DIALOGUE OF CULTURES

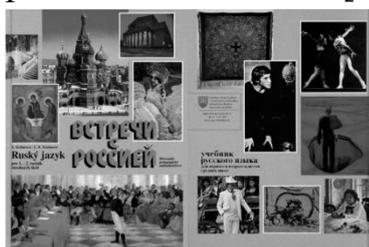
Summary. Within the framework of the Slovak-Russian-American dialogue of cultures, we offer one of the possible pedagogical interpretations of the topic “What do we expect from school” based on the work of the 20th century Russian painter Nicolai Fechin (Nicolai Ivanovich Feshin). We will meet the talented student of I. E. Repin in the Slovak textbook and in his museum TAOSE through information-impression. The meeting of the author of the textbook with the daughter of the artist Iya arouses a keen interest in the dialogue of cultures among students.

Key words: Fechin, cultural direction of foreign language education, dialogue of cultures, synthetic art culture, information-impression.

Одной из основных целей иноязычного образования является формирование личности учащегося. Для достижения этого мы интерпретируем синтетическую художественную культуру как систему ценностей в деятельности лично освоённых. Речь идёт об иноязычной культуре в сравнении с родной, в контексте культуры мировой.

«Утратилось равновесие между человеком и природой, между жизнью и искусством, между наукой и музыкой, между цивилизацией и культурой – то равновесие, которым жило и дышало великое движение гуманизма.

Гуманизм утратил свой стиль; стиль есть ритм; утративший ритм гуманизм утратил и цельность. Как будто мощный поток, встретившись на пути своем с другим потоком, разлетелся на тысячи мелких ручейков; в брызгах, взлетевших над разбившимся потоком, радугой заиграл отлетающий дух музыки. Дружный шум потока превратился в нестройное журчанье отдельных ручейков, которые, разбегаясь и ветвясь все больше при встречах с новыми и новыми препятствиями, послужили силами для тех образований, которые мы привыкли, обобщая, называть образованиями европейской цивилизации. Старая «соль земли» утратила свою силу, и под знак культуры, ритмической цельности, музыки встало другое встречное движение, натиск лишь внешне христианизированных масс, которые до сих пор не были причастны европейской культуре.» А. А. Блок Крушение гуманизма, 07.04.1919 – ровно 100 лет назад. [1, с. 100-101]

На наших встречах с русистами мира мы говорим о стремлениях словацкой русистики двигаться по пути культуроведческого направления иноязычного образования, интерпретировать художественную культуру словесную, визуальную и музыкальную синтетически (см. фотографии примеров прецедентных текстов на обложках учебников Э. Колларовой, Л. Б. Трушиной [2, 3 обложки «Встреч с Россией»]). Мы уверены, что именно использование синтетической художественной культуры является средством повышения интереса, мотивации, обогащения курсов и программ русского языка как иностранного. Хотим обратить ваше внимание на то, что не язык и культура с союзом и, а язык через культуру и культура через язык. Сейчас, при достаточно сложной политической обстановке в мире, на наших уроках русского языка как иностранного именно русская культура является тем средством, которое привлечёт учащихся изучать русский язык. Опора при изучении языка на синтетическую художественную культуру помогает диалогу культур, учит толерантности.

А. А. Блок в своей статье «Без Божества, без вдохновенья» (Цех акмеистов) пишет, что культура России это «синтетическая культура. ... Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более — прозаик о поэте и поэт о прозаике. Бесчисленные примеры благодетельного для культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо; самые известные – Пушкин и Глинка, Пушкин и Чайковский, Лермонтов и Рубинштейн, Гоголь и Иванов, Толстой и Фет. Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга – философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры. Слово и идея становятся краской и зданием; церковный обряд находит отголосок в музыке; Глинка и Чайковский выносят

на поверхность «Руслана» и «Пиковую даму», Гоголь и Достоевский – русских старцев и К. Леонтьева, Рерих и Ремизов— родную старину. Это – признаки силы и юности; обратное — признаки усталости и одряхления». [4, с. 175-176]

На основе вышеупомянутого представляем виртуальный культуроведческий мост Братислава – Минск – Казань – Таос: Николай Фешин – диалог культур. Национальный словацкий учебник русского языка как иностранного для старшеклассников в теме «Чего мы ждём от школы» предлагает «Портрет Вари» Николая Фешина [2, с. 43]. Сколько в этом портрете обаятельного: таинственный мир детства, вызывает уважение – terra incognita. В учебнике несколько детских и юношеских портретов с их необыкновенным духовным миром. Эти существа не выдерживают ни крика, ни оскорбления, ни унижения. Они должны жить в школе, которая является настоящей мастерской человечности – глаза, лицо на портрете Вари Адоратской Фешина или его дочери Ии, лицо «Девочки с персиками» Серова, глаза портрета мальчика Петрова-Водкина. Глаза детей, которым мы, школьные педагоги, создаём школьную среду, где нет места страху, где царят любовь и уважение. Мы понимаем, что эти портреты – мудрость красоты художественной культуры.

Ежегодно моим выпускникам я рассказываю такую историю – информацию-импрессию. Наш учебник был создан в 1995 году, и автор этого учебника через несколько месяцев после его издания едет в Вашингтон. Там она получает в подарок от дочери, которая живёт в Санта-Фе, поездку в соседний Таос, в дом Фешина в США. (Дом Н. Фешина сыграл такую же культурную роль, как в начале 20 века литературный салон Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского в Париже и в 30-ые годы того же века парижский салон Гертруды Стайн.) На электронной доске учащиеся смотрят фотографии дома Фешина в США, сейчас это Художественный музей Таоса ([англ. Taos Art Museum](#)), рассказ продолжается ... двери музея открываются, гостей встречает англоговорящий гид. Однако гости просят русскоговорящего гида. Через некоторое время к ним выходит маленькая, скромная старушка. Три с половиной часа она рассказывает им о музее на чистом русском, отвечает на все вопросы, говорит красиво, ярко. Гости получают поток информации-импресии – художественное, визуальное и жизненное впечатление. Гости изумлены – откуда такой экскурсовод столько знает и почему так прекрасно говорит на русском... Получают ответ: «Так я же дочь художника, дочь Фешина. Ия Николаевна Фешина...».

19

Гости получают приглашение на чай и завязывается беседа. Они показывают дочери русского художника словацкий учебник русского языка «Встречи с Россией» с портретом Вари. В конце на доске учащиеся увидят фотографии, кто был в гостях в Таосе: на фотографиях дочь Николая Фешина – Ия Николаевна Фешина и автор «Встреч с Россией» и современный президент Ассоциации русистов Словакии - профессор Эва Колларова.

Во второй части учебника [3, с. 360], предназначенной для выпускников, мы опять встретимся с информацией-импрессией о Фешине, о музее в Америке, встрече с дочерью художника, с безграничной любовью отца к дочери и дочери к отцу по теме «Россия не только с первого взгляда», в которой учащиеся узнают о особенностях русского характера, обычаях, привычках, суевериях, об основных этапах русской истории XX века и встречаются с известными людьми русской и словацкой культуры, носителями диалога этих культур. «Есть люди – сами события» [5, <https://www.litres.ru/marina-cvetaeva/proza/chitat-onlayn/page-29/>]

Не просто обучение языку, а формирование личности учащегося посредством иноязычного межкультурного образования помогает научить владеть не только языком, но посредством фактов синтетической художественной культуры – люди, события, произведения и сама жизнь как прецедентный текст нам помогает расширять познавательный кругозор учащегося, формирует его мировоззрение, его эмоции. Чем лучше мы знаем другую культуру, воспринимаем ее через призму собственной культуры, тем лучше мы знаем друг друга, понимаем и воспринимаем красоту многообразия человека, жизни – жизнь как разговор в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. : к «Крушение гуманизма». М. ; Л. : Худож. лит., 1962. Т. 6. 556 с.
2. Колларова Э., Трушина Л. Б. Встречи с Россией для 1-2 для старших классов средних школ : учеб.-метод. пособие. Б. : SPN 1996. 310 с.
3. Колларова Э., Трушина Л. Б. Встречи с Россией для 3–4 для старших классов средних школ : учеб.-метод. пособие. Б. : SPN 1998. 367 с.
4. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. : к «Без божества, без вдохновенья». М. ; Л. : Худож. лит., 1962. Т. 6. 556 с.
5. Цветаева М. Проза [Электронный ресурс] : сборник. URL: <https://www.litres.ru/marina-cvetaeva/proza/chitat-onlayn/page-29/> (дата обращения: 07.04.2022).

УДК 378.147:811.161.1'243

Пашковская Светлана Сергеевна, доктор педагогических наук,
доцент / профессор
Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
электронная почта: svetlpash@mail.ru

Pashkovskaya Svetlana, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor /
Professor
Penza State University, Penza, Russia
e-mail: svetlpash@mail.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье обобщены и критически осмыслены современные проблемы положения русского языка и русской культуры в мире (актуальные проблемы межкультурной коммуникации); вопросы продвижения русского языка и русской культуры на современном этапе исторического развития.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, глобальные перемены, русский язык как иностранный, русская культура, духовные ценности

TITLE TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Summary. The article summarizes and critically comprehends the current problems of the position of the Russian language and Russian culture in the world (actual problems of intercultural communication); issues of promoting the Russian language and Russian culture at the present stage of historical development.

Key words: intercultural communication, global changes, Russian as a foreign language, Russian culture, spiritual values.

Русский язык – это духовная реальность
Маслова В. А., Данич О. В.

С начала 20-ых годов XXI века происходят серьезные изменения в социально-экономической, политической и социокультурной жизни общества. Мир меняется на наших глазах: всеобщую глобализацию (вернее – «вестернизацию») сменили «глобальные» *перемены* (хочется верить, что это не перемены из китайского «проклятия», а перемены к лучшему).

Во времена перемен важна духовная составляющая, объединяющая и цементирующая общество – та ценностная доминанта, вокруг которой формируется культура, такой доминантой является, прежде всего, язык.

«Русский язык – это не только язык межнационального общения. Это несущая конструкция самого образа жизни, основа тех духовных ценностей, которые объединяют все народы России в единое культурное пространство» [1, с.175]. Знаем и верим, что русский язык и русская культура объединяют не только народы России!

На современном этапе исторического развития попытки запрета русского языка и русской культуры в некоторых странах отнюдь не случайны: «... русский язык – это духовная реальность. Он сохраняет исчезающую духовность, которая трансцендентна по своей природе: таинственным и непостижимым образом она связана с иным планом бытия. Ухватить ее, да и то не в полной мере, может лишь язык» [2, с.134].

Русская культура, русский язык – неопровержимое свидетельство нравственного отношения к людям и миру. Заставить замолчать «живого свидетеля» – русский язык и русскую культуру – невозможно, даже запретив Пушкина, Достоевского, Тютчева, Чайковского, Шостаковича... Запретить, чтобы было легче убедить «обнищавший» без русской культуры мир в том, что белое есть черное, а черное – белое.

В XXI веке нет сложнее и актуальнее науки, чем (успешное!) общение между разными народами и разными культурами, а «важнейшим фактором в выживании общества и человека является не экономика или технические чудеса, а духовные силы народа» [3, с.126].

На фоне большого количества выдающихся научных исследований (А. Л. Бердичевский, Е. М. Верещагин, А. Вежбицкая, Л. И. Гришаева, Г. Коптельцева, В. Г. Костомаров, Э. Кибирева, Э. Колларова, Н. Е. Кузовлева, Х. Лоос, Е. И. Пассов, Ю. Е. Прохоров, Ю. Рот, В. В. Сафонова, А. П. Садохин, И. Е. Стернин, С. Г. Тер-Минасова, Л. В. Цурикова и др.), талантливых учебников и мультимедийных средств, учебных пособий по межкультурному образованию до последнего времени нет системного учебного комплекса по теории и практике межкультурной коммуникации (РКИ), что является особенно актуальным в контексте происходящих процессов в мире.

Целью данной статьи является анализ положения русского языка и русской культуры в современном мире в данный период исторического развития, анализ возможностей продвижения русского языка в процессе межкультурной коммуникации (выявление синергетической особенности русского языка, преподаваемого через русскую культуру; русской культуры, открываемой через язык).

Методы исследования обусловлены целью статьи и спецификой материала: анализ научной и учебной литературы, наблюдение и обобщение педагогического опыта. Выбранные методы применялись как на теоретическом уровне (сравнение, анализ и синтез, абстрагирование и моделирование), так и на эмпирическом уровне (наблюдение, сравнение).

Наше исследование позволило получить следующие результаты

1. Критически осмыслены современные проблемы положения русского языка и русской культуры в мире (актуальные проблемы межкультурной коммуникации); актуализированы вопросы продвижения русского языка и русской культуры на современном этапе исторического развития.

2. Обоснована актуальность создания современного учебного комплекса по теории и практике межкультурной коммуникации средствами русского языка как иностранного (с аудио- и видеоматериалами); пособия, способствующего созданию положительного и позитивного «имиджа» (*образа!*) России.

Данные результаты получены при обсуждении следующих проблем.

I. Язык, существующий в жизни человека, – социальный феномен; между языком и культурой отношения части и целого. Е. И. Пассов, говорил, что нет отдельно языка и культуры, – «язык есть органическая часть культуры, факты языка – это те же факты культуры... совершенный вид глагола – такой же факт русской культуры, как матрешка» [4]. Происходящие перемены в обществе отражаются в языке и культуре (культуре и языке).

Пандемия, породившая «онлайнизацию» обучения и коммуникации, научила ценить «живое» общение и традиционное образование.

Период глобализации как этапа качественно новых межкультурных связей в международном образовательном пространстве сменила глобализация, ведущая к унификации культур, появилась угроза разрушения базовых ценностей национальных культур, нависла серьезная опасность для всей цивилизации. Язык, как точный барометр, первым заметил процессы, происходившие в обществе; появление назойливых слоганов, навязывающих чуждые ценности («бери от жизни все»; «ты этого достойна»; «и пусть весь мир подождет»), сменилось «бородатыми певицами» и «счастливыми чайлдфри».

Глобализация («вестернизация») породила, с одной стороны, внутренний протест и возросший интерес народов мира к национальной культуре, желание сохранить культурную самобытность, а с другой стороны – «гипертрофированное чувство гордости... В результате мы являемся свидетелями ...усиления националистических настроений, активизации региональных фундаментальных движений» [5, с.7], порождающих языковую агрессию и порождаемых ею же. Появились первые признаки «демонизации» России, русского языка и культуры.

«Глобализация» захотела «разделить и властвовать», «убрав свидетеля» – русский язык и русскую культуру, потому что русская культура говорит о стране ярче, убедительнее всех информационных фейков и «вбросов», опровергая их.

Межкультурная коммуникация невозможна без терпения и взаимного уважения, восприятия «иного» взгляда на свою культуру и самого себя, поэтому в методике преподавания иностранных языков результатом образования должна быть «не столько коммуникативная, сколько межкультурная компетенция – умение общаться с представителями другой культуры, включающее способность к пониманию ограниченности собственной культуры и своего собственного языка, и умение переключаться с другой культуры на другие не только языковые, но и неязыковые нормы поведения» [6, с. 4].

Человек, знающий русский язык и культуру, поймет, что стоит за «очернением» России, где правда и на чьей она стороне. Человек, знающий русский язык и читающий А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, скорее всего, задумается о том, что происходит в мире с русской культурой.

История русского народа, его этнические и языковые особенности (национальная картина мира) «кричат» в пословицах и поговорках для тех, кто хочет ее заглушить, лишить права голоса: *«за правду Бог и добрые люди», «сам погибай – а товарища выручай», «за правое дело – стой смело», «рана от копья на теле, от речей – на сердце»...*

Гетерогенные, гетеросубстратные, гетерохронные представления о мире, когнитивно обработанные носителями русского языка, структурируется в уникальную «ментальную репрезентацию» (Гришаева, Цурикова, 2008) русской культуры.

II. Межкультурная коммуникация как учебная дисциплина в процессе обучения русскому языку как иностранному призвана решить следующие актуальные задачи:

1) сформировать коммуникативно релевантные знания как часть коммуникативной компетенции, обеспечивающей адекватность дискурсивной деятельности (понимание того – *как, где, с кем и о чем* говорить), что включает:

- во-первых, *базовые языковые знания* (фонетики, лексики, грамматики и т.д.), являющиеся необходимыми, но недостаточными для успешной коммуникации;

- во-вторых, *интеракциональные знания*, для формирования которых предлагается использовать прецедентные тексты (аудио- и видеоматериалы) и феномены, формирующие алгоритмы дискурсивных событий в русской языковой среде (выражение просьбы, благодарности, извинения и т.д.);

- в-третьих, *контекстные знания*, помогающие вступить в коммуникацию в соответствии с социальным статусом коммуникантов, их ролевыми отношениями, местом и обстановкой общения;

2) сформировать навыки бесконфликтного межкультурного общения: подготовить к принятию существующего различия культур; адаптации в новой языковой среде (разрабатывается «пошаговое» снятие факторов возможного «культурного шока»);

3) сформировать навыки осознания и корректирования причин и механизмов коммуникативных неудач и сбоев, вызванных иллюзией «схожести» ситуации общения разных лингвокультур.

Иллюзия «схожести» во многом определена разными ценностями культур, различиями в их иерархической структуре, поэтому знакомство с русским языком и национальной культурой нужно начинать с рассмотрения **базовых ценностей**. Ценности – «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» [7, с.37].

Языковой барьер можно преодолеть гораздо быстрее, чем «культурный» и «ценностный»: «... культурный барьер опаснее и «хуже» языкового: он скрыт, на нем шапка-невидимка» [8, с.50]. Построение учебного комплекса

по теории и практике межкультурной коммуникации (русского языка как иностранного) должно быть на материале традиционных ценностей русской культуры, транслируемых в отобранных текстах, способствующих без «заигрывания» продвигать позитивный и положительный образ страны.

Преподавание иностранного (русского) языка в современных условиях требует общей концептуальной основы, базирующейся на знании межкультурной коммуникации как науки (и учебной дисциплины). Необходимо «сверить часы» двух разных культур.

Чтобы перевести негативное определение «чужой» (язык) в нейтральное «другой», надо, во-первых, вызвать интерес, а, во-вторых (это самое важное!), «заразить» любовью к культуре и языку.

Пути могут быть разными:

1) доказательство «от противного» – слом негативных стереотипов о России, открыто насаждаемых в последнее время.

Рассмотрим на конкретных примерах. На практических занятиях по межкультурной коммуникации предлагается студентам дома посмотреть первые серии сериала «Как я стал русским» и ответить на вопросы: что вы знали о России, что читали, чего (не) ожидали, (не) хотели и (не) увидели в России. Ответы бывают разные, но, как правило, искренние: мягкий юмор фильма вызывает улыбку и желание обсудить «стереотипы» разных стран.

2) Путь «эмоционального воздействия» (метод «солнечного ожога») – дать студентам шанс «уразуметь сердцем» – целостно и экономично охватить всю совокупность бытия [9, с.181] русского языка и культуры. Прослушивание стихотворных (прозаических) текстов с подобранным музыкальным сопровождением (музыка российских и советских композиторов), ассоциативные задания – «соответствия» музыки, картин и стихов и т.д.

В качестве самостоятельной работы предлагается просмотр фильмов, объединенных общей темой и проблемой, над которой нужно подумать. Задания, где нет «правильных» ответов, а есть приглашение к «думанию» и творчеству. Например, просмотр фильмов: «Метель», «Жестокий романс», «Мой ласковый и нежный зверь» и «А зори здесь тихие». Выбор этих фильмов обусловлен несколькими причинами. Во-первых, все они созданы талантливыми режиссерами по произведениям классиков русской литературы (А. С. Пушкин, А. Н. Островский, А.П. Чехов, Б. Л. Васильев), во-вторых, музыка Г. В. Свиридова, А. П. Петрова, Е. Д. Доги – самостоятельный «фрагмент» русской культуры, оказывающий дополнительное эмоциональное воздействие на студентов. Тема, объединяющая все эти фильмы, – судьба «русской женщины» в разные исторические периоды. В качестве итогового занятия – творческое задание, например, эссе (по заранее отработанной структуре, с необходимыми клише и конструкциями), презентация или проект – сравнение с национальными особенностями культуры студентов.

Предлагается работа с монтажным листом:

- 1) фонетико-интонационный анализ звучащего текста (включающий паралингвистические и экстралингвистические особенности эпизодов фильма);
- 2) лингвистический анализ фрагмента фильма;
- 3) анализ невербальной коммуникации данного эпизода (выявление конгруэнтности-неконгруэнтности вербальной и невербальной информации);
- 4) творческое задание на одорическую (ольфакторную информацию); предлагается описать запахи, сопровождающие коммуникацию данного эпизода (вариант задания - анализ информации девяти невербальных языков - кинесика, проксемика, гаптика и т.д.).

Итак, на занятиях студенты самостоятельно выявляют основные тенденции в развитии феномена синергии языка и культуры. Для поддержания интереса, мотивации изучения русского языка и культуры необходим современный системный комплекс по теории и практике межкультурной коммуникации РКИ.

Учебный комплекс, построенный на основе базовых ценностей русской культуры, на текстах, строго отобранных для создания *позитивного и положительного образа России*. И главное то, чтобы новый современный учебный комплекс по теории и практике межкультурной коммуникации мог передать *духовность русского народа*, которая «формируется и сохраняется благодаря языку, так как в языке существуют глубинные трансцендентные смыслы, почти недоступные для рационального осмысления, но понимаемые носителями русской лингвокультуры. Они создают и удерживают духовность в обществе и отдельном человеке» [12, с.127], дающие надежду на успешную межкультурную коммуникацию и взаимопонимание!

ЛИТЕРАТУРА

1. Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. М. : Наука, 2002. 456 с.
2. Маслова В. А., Данич О. В. Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 125–137
3. Маслова В. А., Данич О. В. Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 125–137.
4. Пассов Е. И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты (Статья вторая) // Мир русского слова. 2001. № 2. С. 54–58.
5. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : КНОРУС, 2017. 254 с.
6. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, И. П. Лысакова, Е. И. Пассов. М. : Рус. яз. Курсы, 2011. 184 с.
7. Klukhon K., Strodtbeck F. Variation in Value Orientation. New York. 1961. 437 p. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : КНОРУС, 2017. 254 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М. : Слово, 2008. 344 с.
9. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М. : Правда, 1990. 814 с.
10. Маслова В. А., Данич О. В. Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 125–137.

УДК 378.147:811.161.1

Барчакова Моника, учитель

Художественная школа, Нижна над Оравой, Словакия

электронная почта: *monikabarcakova1@gmail.com*

Barčáková Monika, The teacher

High school, Nižná nad Oravou, Slovakia

e-mail: *monikabarcakova1@gmail.com*

БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ БУДУЩЕГО (Педагогическая интерпретация)

Аннотация. В статье рассматривается тема педагогической интерпретации фильма «Доживём до понедельника» на уроках русского языка как иностранного. Излагаются разные приёмы педагогического процесса посредством синтетической художественной культуры.

Ключевые слова: Синтетическая художественная культура. Визуальное искусство. Нравственность.

TITLE THERE IS NO PAST WITHOUT A FUTURE (Pedagogical interpretation)

Summary. The study deals with the topic of pedagogical interpretation of film „We'll live to see Monday“ in Russian language lessons. Various techniques through synthetic art culture are presented.

Key words: Synthetic art culture. Visual culture. Morality.

Словацкие русисты уже 30 лет идут по пути культуроведческого иноязычного образования. Иноязычное образование – это не традиционный учебный процесс, это не только сообщение знаний и формирование навыков. Это и воспитание, и впечатления-импрессии, и уважение к интересам учащихся... Поэтому нам так хочется открыть для себя слово, которое бы в одном *terminus technicus* совмещало два латинские понятия: *educatio* а *eruditio*. Всё это сводится к пути от «*homo loquens k homo spiritualis*» [1, с. 11], от человека говорящего к человеку духовному. А кто такой этот духовный человек? «*Не тот, кто что-то знает и умеет, не только компетентный, но и тот, кто обладает некими устойчивыми ориентирами, управляющими его деятельностью в любой сфере. Человек духовный владеет культурой созидательного творческого труда, культурой разумного потребления, культурой гуманистического общения, культурой познания, культурой мировоззрения, культурой эстетического освоения действительности*» [2, с. 18-19]. А таким человеком должен быть и учитель нашего времени. В прошлом,

сегодня и в будущем. В процессе иноязычного образования подчёркиваем важность эстетического воспитания, которое всегда идёт рука об руку с воспитанием нравственным. Критик В. Г. Белинский говорил: *«Чувство красоты – основа добра и нравственности»*. То, чего особенно не хватает в наши дни – это нравственность, совесть, чувство собственного достоинства, справедливости, настоящей интеллигентности, художественного вкуса.

Тему «Без прошлого нет будущего» в педагогическом процессе раскрываем по спирали накапливания знаний учащихся. Историческая спираль доминирует и в синтетической художественной культуре; история, литература, визуальная и музыкальная культуры...

Накапливание знаний вместе с эмоциями начинаем с культуры древней Руси – сказок, былин, песен. Те сказки, о которых А. С. Пушкин и словацкий поэт М. Руфус сказали: *«Сказки созданы не для того, чтобы дети засыпали, а для того, чтобы взрослые проснулись»* [3, с. 29], знакомим с культурой 18, 19, 20 веков до наших дней.

Остановимся на педагогической интерпретации киноклассики. В словацком учебнике русского языка «Встречи с Россией» (Э. Колларова, Л. Б. Трушина) упоминаются следующие фильмы: «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Андрей Рублёв», «Утомлённые солнцем», «Кавказский пленник», «Москва слезам не верит», «Иваново детство», «Восхождение» и др.

Остановимся на фильме шестидесятилетней давности «Доживём до понедельника» (1968). Режиссёром фильма является С. Ростоцкий, сценарист Г. Полонский, главные герои: Вячеслав Тихонов в роли учителя истории Ильи Семёновича Мельникова, Нина Меншикова в роли учительницы литературы Светланы Михайловны и Ирина Печерникова в роли учительницы английского языка Наташи Гореловой. Прошлое, которое учит будущее.

Это наверно лучший русский фильм о школьной среде, учителе, человеке... Напомним, что не важно чему учить, как учить, а важно кто ты – УЧИТЕЛЬ. Как в прошлом – в шестидесятые годы – так и сегодня. Именно в наши дни на первый план выходит профессия учителя, профессия человека, глубоко образованного, нравственного, достойного, благородного. Прошло почти 60 лет с момента создания фильма, но до сих пор за нашими кафедрами сидят непривлекательные, недообразованные, «серые» Зои Владимировны Гендрякова: *«Преподносим неустойчивое, испаряющееся, причем в самой категорической, почти насильственной форме - знай во что бы то ни стало, отдай все время, все силы, забудь о своих интересах. Забудь то, на что ты больше всего способен. Получается: мы плодим невнимательных к себе людей. Ну, а если человек невнимателен к себе, то вряд ли он будет внимателен к другим. Сведения, которыми мы пичкаем школьника, улетучиваются, а тупая невнимательность остается»* [4, с. 154] и Светланы Михайловны.

Фрагмент фильма «Доживём до понедельника» [5, видео]

Картина №1: Фрагмент из фильма «Доживём до понедельника»

Мельников:	<i>«Не властны мы в самих себе И, в молодые наши леты, Даем поспешные обеты, Смешные, может быть, всевидящей судьбе.» Как просто сказано, как спокойно и навсегда.</i>
Светлана Михайловна:	Еще бы... Классик?
Мельников:	<i>Кто?</i>
Светлана Михайловна:	Похоже на Некрасова, нет?
Мельников:	<i>Что?</i>
Светлана Михайловна:	Не Тютчев?
Мельников:	<i>Холодно, это не в школьной программе.</i>
Светлана Михайловна:	Вздаюсь.
Мельников:	<i>Баратынский.</i>
Светлана Михайловна:	Ну узнайте, никто не обязан помнить всех второстепенных авторов.
Мельников:	<i>Но его еже перевели...</i>
Светлана Михайловна:	Куда?
Мельников:	<i>Перевели в первостепенные. Вы не слышали?</i>

И что же мы видим? "Серые" Светланы Михайловны.

- 1) Серость всегда идёт рука об руку с надменностью.
- 2) Сцена у рояля – поза, жесты, мимика, дикция, излишняя уверенность в себе, фальшивая улыбка Светланы Михайловны.
- 3) Миг быта – уборщица.
- 4) Урок жизни – "второстепенного автора", вне учебника уже не читаем. А кто второстепенный, а кто первостепенный?
- 5) Урок музыки – Мельников – учитель истории играет произведение норвежского композитора Э. Грига.
- 6) Урок литературы – слушаем стихи, которые наизусть читает Мельников («Не властны мы в самих себе / И, в молодые наши леты / Даем поспешные обеты, / Смешные, может быть, всевидящей судьбе»). Это стихи Е. А. Баратынского – русского поэта 19 века, "второстепенного" автора. Сколько них красоты мудрости.

Эту сцену у рояля (Разговор Светланы Михайловны с Мельниковым) воспринимаем глубже и шире среди учителей. Мы с ней встречаемся на методических днях нашего «дообразования». Но с полной ответственностью можно сказать, что именно эту сцену восемнадцатилетний молодой человек наших дней способен понять и рассуждать, кто у него за кафедрой...

Серый учитель никогда не способен формировать личность, потому что он сам не личность. Так нам не хватает "мельниковых", которые способны вызвать у своих слушателей впечатлительный интерес. А ведь именно «Интерес – фундамент знаний», – сказал давно давным Л. Н. Толстой. [6, с. 5]

Вот посмотрите, сколько интереса в жизни Мики Морозова.

Картина № 2 В. Серов: Мика Морозов

Так мы и стараемся работать, хотя до Мельникова нам еще далеко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колларова Э. Разговоры о культуроведческом направлении иноязычного образования : учеб.-метод. пособие. Братислава : ŠPU, 2014. 214 с.
2. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования : метод. пособие для преподавателей рус. яз. как иностр. М. : Рус. яз. Курсы, 2010. 568 с.
3. Руфус М. Четыре эпишотлы людям. Банска Бистрица : PRO, 2010. 289 с.
4. Тендряков В. Ночь после выпуска [Электронный ресурс]. 1974. URL: http://www.belousenko.com/books/Tendryakov/tendryakov_noch_posle_vypuska.htm (дата обращения: 06.04.2022).
5. Ростоцкий С. Доживём до понедельника [Электронный ресурс]. М., 1968. URL: "Доживём до понедельника" х/ф – поиск Яндекса по видео (yandex.ru) (дата обращения: 06.04.2022).
6. Гурская Ю. М. Репрезентация ключевых имен культуры при обучении языку иностранцев [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74326924.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).

Секция 1
ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЯЗЫКОВОЙ, КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И НАИВНОЙ КАРТИНАХ МИРА

УДК 81'37

Захилько Елена Алексеевна, студент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *zaxilko@inbox.ru*

ZahilkoElena, student
Minsk State Linguistic University
e-mail: *zaxilko@inbox.ru*

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»:
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена вопросу о национально-культурных особенностях языковых средств, репрезентирующих понятие интеллигенция в русской и английской языковой картине мира, в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: взаимосвязь языка и культуры, понятие, национальная языковая картина мира.

THE CONCEPT “INTELLIGENTSIA”:
THE LANGUAGE AND CULTURE INTERCONNECTION

Summary. The article is devoted to the issue of national-cultural peculiarities of the linguistic means representing the concept of intelligentsia in the Russian and English language picture of the world, in a comparative aspect

Keywords: the relationship of language and culture, the concept, the national linguistic picture of the world language; culture; concept; intelligentsia; language picture of the world.

Культура есть совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений; совокупность таких достижений в определенную эпоху, у определенного народа [1]. Язык и культура тесно связаны между собой. Язык не может существовать вне культуры и наоборот.

Вопрос о взаимосвязи языка и культуры начал рассматриваться в XIX в. и не утратил своей актуальности до сегодняшнего дня. Основные положения концепции В. фон Гумбольдта сводятся к следующему: материальная и духовная культура воплощаются в языке; всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ); ВФ языка – это выражение «народного духа», его культуры; язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром [2, с. 59].

Язык и культура – это две разные системы. Их главное различие заключается в том, что язык отражает действительность, а культура, в свою очередь, выступает как элемент действительности.

Всякая культура национальна, то есть имеет определенную специфику, в связи с чем в каждом языке выделяется лексика с национально-культурным компонентом значения. В каждом языке для отражения того или иного факта культуры используются разные средства, которые формируют языковую картину мира. Посредством языка человек воспринимает вымысел, переживает то, чего не существует. «Культура живет и развивается в языковой оболочке» [3, с. 63]. Языковая картина мира, в свою очередь, – это совокупность языковых средств, с помощью которых носители разных языков отражают тот или иной факт культуры. Из этого следует, что языки различаются не только системой знаков, но и языковыми картинами мира.

Наряду с понятием *языковой картины мира* выделяется понятие *национальной языковой картины мира*. В ее формировании участвует единицы языка с национально-культурным компонентом значения: слова, фразеологизмы, идиомы, пословицы, поговорки. При этом важно учитывать, что в составе подобных выражений «единицы естественного языка приобретают в языке культуры дополнительную, культурную семантику» [3, с. 71].

На этом основании можно сделать вывод, что для разных языков формируются различные национальные языковые картины мира, не для каждого устойчивого выражения (фразеологизма, пословицы, поговорки) одного языка можно найти эквивалент или аналог в другом языке. Однако данный факт не является доказательством, что то или иное понятие не сформировано в сознании носителей другого языка. Следует отметить, что на формирование национальной языковой картины мира влияют разные экстралингвистические факторы – традиции, обычаи народа, в целом его культура. С течением времени некоторые предметы быта перестают существовать за отсутствием необходимости в их использовании или заменяются другими, а иногда просто получают другие названия. В таком случае лексические единицы, ранее использовавшиеся для наименования подобных предметов, выходят из употребления и становятся архаизмами. Некоторые лексические единицы расширяют свое значение или приобретают новый смысл, в связи с чем изменяется национальная языковая картина мира. Так произошло со словом «интеллигенция», которое первоначально означало «понимание» и ассоциировалось со следующими словами: *пытливость, любопытство (потребность в знании), рассудочность, рассудительность, разумность, смекалистость, смыслённость, сообразительность, осмысленность, разумение, понимание, понятливость (способность к пониманию), деятельность рассудка, разумное постижение действительности, познавательная сила, духовные силы, умственное образование, мыслительная сила, степень мыслительной силы, развитость душевных способностей, умствен-*

ная одарённость, знание, умение, умельничество, разум, рассудок, сознание; разумный дух, высшее сознание, высшее состояние человека как умного существа, свободного от всякой грубого, телесного вещества, бессмертного и неосязаемо могущего влиять и действовать на все вещи; светскость, просвещённость; межеумие, двоеумие, двуразумие [4].

Для установления лексического объединения был применен онома-семасиологический подход к анализу и системной организации единиц языка на основе идентифицирующей формулы [5, с. 18]. Компонентный анализ значений лексических единиц дал основание для установления лексико-семантического объединения (лексико-семантического поля – ЛСП) на основании идентифицирующей формулы ‘обладающий умом’.

Понятие *интеллигенция* ассоциируется с представлениями: *разумные, рассудительные, смыслёные, сообразительные, понятливые, понимающие, пытливые (любопытные), знающие, сведущие люди; мыслящие люди, осмысленные люди, с развитыми душевными способностями, умственно одарённые люди; представители образованной народчины (демократии); образованные люди, как правило, получившие высшее образование, разумная, образованная, умственно развитая часть общества, «общественный слой работников умственного труда, образованных людей, умственное движение; светскость, просвещённость, вежесть, вежливость, учтивость, любезность, обходительность, предупредительность, совестьливость, впечатлительность [4].*

Следовательно, слово *интеллигент* связывается со словами русского языка: *пытливец, любопытник, знаток, знаец, знавалец, знайка, умник, разумник, рассудник, рассудочник, смекальщик, соображалщик, понятник, понимальщик, умственник, умовщик, вольнодумец, вольнодумщик, любезник, учтивец, совестьник [4].*

Кроме того, русское слово «интеллигенция» зафиксировано во многих лексикографических источниках, в том числе современных, что свидетельствует о частотности его употребления.

Слово «интеллигенция» входит в состав устойчивых выражений, также зафиксированных в лексикографических источниках русского языка: *современная интеллигенция, французская интеллигенция, молодая интеллигенция, партийная интеллигенция, рабочая интеллигенция, русская интеллигенция, местная интеллигенция, старая интеллигенция, буржуазная интеллигенция, левая интеллигенция, столичная интеллигенция, европейская интеллигенция, представители интеллигенции, в среде интеллигенции, часть интеллигенции, цвет русской интеллигенции, большинство интеллигенции, сознание интеллигенции, роль интеллигенции, судьба интеллигенции, история русской интеллигенции, проблема интеллигенции, уничтожение интеллигенции, прослойка интеллигенции, принадлежать к интеллигенции, касается интеллигенции, называться интеллигенцией [6].*

Приведенные выше факты свидетельствуют не только о том, что слово интеллигенция участвует в формировании национальной языковой картины мира, но и о том, что данное слово является ключевым в русской культуре. Как отмечает В. А. Маслова, «чтобы считаться ключевым словом культуры, слово должно быть общеупотребительным, частотным, должно быть в составе фразеологизмов и пословиц» [3, с. 72].

Наряду с национальной языковой картиной мира существует также концептуальная картина мира, причем, по мнению В. А. Масловой, «люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке, – разные» [3, с. 67].

Теорию концепта и его составляющие рассматривает Ю. С. Степанов: «концепт – явление того же порядка, что и понятие» [7, с. 42]. В своей работе автор отмечает, что, исходя из внутренней формы данные слова могут считаться синонимами. Однако «концепт» и «понятие» – это термины разных наук. Термин «понятие» употребляется по большей части в философии, тогда как термин «концепт» закрепился в культурологии. Исходя из этого Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [7, с. 43]. Таким образом, можно сделать вывод, что Термин концепт в культурологии, по мнению Ю. С. Степанова, употребляется, когда говорят о структуре. Рассматривая слово интеллигенция как концепт в русской культуре, важно отметить, что первоначально оно означало нечто абстрактное (понятийное), тогда как на сегодняшний день используется для обозначения определенной общественной группы.

Более того, значение слова «интеллигенция» в современных лексикографических источниках русского языка расширено, иными словами, расширен объём данного понятия, что свидетельствует об изменении его отражения в сознании носителей русского языка и, соответственно, об изменениях в концептуальной, а также национальной языковой картинах мира.

В английской лексикографической практике слово «интеллигенция» имеет два эквивалента *intelligentsia* и *intellectuals*. Посредством анализа дефиниций указанных слов были выявлены лексические единицы, с которыми ассоциируется слово интеллигенция в сознании носителей английского языка. *Intelligentsia*: *education* 'образование', *academic* 'ученый', *bluestocking* 'ученая женщина', *bookish* 'книжный', *bookworm* 'книжный червь', *brain* 'умница', *egghead* 'мыслящая личность', *laureate* 'лауреат', *mage* 'мудрец', *pointy-headed* 'остроумный', *polymath* 'эрудит', *scholar* 'стипендиат', *wonk* 'зубрила', *collegiate* 'академический', *scholarly* 'научный', *scholastic* 'ученый', *college* 'колледж', *university* 'университет', *book-learned* 'начитанный', *erudite* 'эрудит', *studious* 'прилежный', *elite* 'элита', *learned* 'образованный', *literary* 'литературно образованный', *bibliophile* 'книголюб', *reader* 'читатель', *savant* 'мудрый', *academician* 'академик', *doctor* 'профессор',

pundit 'ученый', *expert* 'эксперт', *know-it-all* 'всезнайка', *educated* 'образованный', *experienced* 'опытный', *informed* 'информированный', *aware* 'осведомленный', *knowledgeable* 'знающий', *teacher* 'учитель', *disciple* 'ученик', *grind* 'зубрила', *swotter* 'зубрила', *qualified* 'компетентный', *ignorant* 'безграмотный', *untaught* 'необученный', *uncultured* 'некультурный', *uneducated* 'необразованный', *unread* 'неначитанный', *benighted* 'невежественный', *undiscriminating* 'неразборчивый'. *Intelligence* 'знания', *cerebral* 'мозговитый', *clever* 'умный', *gnome* 'умник', *intellect* 'интеллект', *intellectual* 'интеллектуальный', *mind* 'рассудительный', *quick* 'смышленый', *sage* 'мудрый', *smart-cookie* 'сообразительный', *thinker* 'мыслитель', *wit* 'остроумный', *smart* 'умный', *brainy* 'способный', *intelligent* 'образованный', *mastermind* 'вдохновитель', *alert* 'бдительный', *astute* 'проницательный', *brilliant* 'блестящий', *canny* 'благоразумный', *dear* 'серьезный', *dexterous* 'проворный', *discerning* 'распознающий', *analytical* 'аналитический', *recondite* 'невразумительный', *longhair* 'интеллектуал', *wunderkind* 'вундеркинд', *thoughtful* 'мыслящий', *critic* 'критик', *theorist* 'теоретик', *foxy* 'хитрый', *rational* 'рациональный', *resourceful* 'находчивый', *sagacious* 'мудрый', *clear-sighted* 'дальновидный', *hard-headed* 'расчетливый', *tough-minded* 'упрямый', *anti-intellectual* 'необразованный', *lowbrow* 'непритязательный', *unthinking* 'легкомысленный', *stupid* 'глупый', *stodgy* 'нудный', *purblind* 'недальновидный' [8].

Было установлено, что большинство выявленных единиц английского языка входит в состав лексико-семантического поля «Образование», тогда как в русском языке выделяется поле «Нравственные качества человека».

Проанализированные лексические единицы английского языка были объединены в следующие лексико-семантические объединения: «Education» (49), «Intelligence» (50), «Society» (11), «Character» (13), «Ability» (26), «Stupidity» (27).

При анализе материала русского языка были установлены следующие объединения: «Человек» (8), «Общество» (32), «Статус» (50), «Образование» (37), «Интеллект» (19), «Поведение» (27), «Приличие» (15), «Норма» (14), «Богатство» (12), «Бедность» (9).

Из приведенных данных видно, что в английском языке не выделяется таких объединений как «Статус», «Поведение», «Приличие», тогда как в русском языке таковые присутствуют. В состав указанных объединений входят следующие лексические единицы: *интеллигент*, *учитель*, *высший*, *аристократ*, *интеллигентный*, *профессор*, *писатель*, *интеллектуал* и др. («Статус»); *поведение*, *этикет*, *воспитание*, *воспитанный*, *этика*, *благородный*, *благонравный*, *мораль*, *нрав* и др. («Поведение»); *приличие*, *вежливый*, *вежливость*, *деликатный*, *галантный*, *приветливый*, *приличный*, *любезный* и др. («Приличие»).

Объединения «Education» и «Intelligence» в английском языке включают 49 и 50 лексических единиц соответственно, аналогичные объединения в русском языке «Образование» и «Интеллект» – 37 и 19 лексических

единиц. Из этого следует, что слово «интеллигенция» в сознании носителей русского языка ассоциируется прежде всего с образованностью и интеллектом. В сознании носителей русского языка данное слово в первую очередь вызывает ассоциации с определенным положением человека в обществе, его нравственными качествами.

Концепт «Интеллигенция» существует как в русской, так и в английской языковых картинах мира. При этом русские и англичане понимают интеллигенцию неодинаково.

Интеллигенция – социальная группа лиц, профессионально занимающихся умственным – преимущественно сложным и творческим – трудом, развитием и распространением образования и культуры и отличающихся высотой духовно-нравственных устремлений, обостренным чувством долга и чести [1].

Intelligentsia – very educated people in a society, especially those interested in the arts and in politics 'Интеллигенция – очень образованные люди в обществе, особенно те, кто интересуется искусством и политикой' [8]. Это свидетельствует о различиях в русской и английской языковых картинах мира. Данная проблема актуальна не только для лингвистики, но и для методики преподавания иностранных языков. На сегодняшний день главной целью, которую ставит перед собой преподаватель иностранного языка является формирование поликультурной личности, то есть учащийся должен уметь выражать свое мнение, давать оценку происходящим событиям средствами изучаемого языка, учитывая при этом, что один и тот же факт культуры в сознании носителей разных языков часто отражается по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М. : АСТ Астрель, 2006. Т. 3. 974 с.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 448 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: взаимосвязь языка и культуры [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/03.php. (дата обращения: 03.09.2022).
4. Сушичев К. Интеллигенция. Первоначальные и вторичные значения сего слова [Электронный ресурс]. URL: publizist.ru/blogs/109483/28574/ (дата обращения: 17.09.2022).
5. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.
6. Слова русского языка. Словосочетания со словом интеллигенция [Электронный ресурс]. URL: <https://wordsonline.ru/combinations> (дата обращения: 09.10.2022).
7. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Акад. проект, 2001. 989 с.
8. Cambridge International. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. 1799 p.

УДК 81'367

Тарасенко Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)»,
Таганрог, Россия
электронная почта: *tarasenkoev@mail.ru*

Tarasenko Elena, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) «RINE (RINE)»,
Taganrog, Russia
e-mail: *tarasenkoev@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Аннотация. Данная статья имеет целью выявить закономерности функционирования в речи младшего школьника синтаксических концептов, являющихся фрагментом его языковой картины мира.

Ключевые слова: детская языковая картина мира, синтаксический концепт.

REPRESENTATION OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF A JUNIOR SCHOOLBOY

Annotation. This article aims to find out the regularities of the functioning of syntactic concepts in the speech of a junior schoolboy, which are a fragment of his linguistic picture of the world.

Keywords: children's language picture of the world, syntactic concept.

Любая картина мира является проекцией восприятия внешнего мира определенным типом человеческого сознания: индивидуальным, коллективным, обыденным, научным. Представляется возможным поддержать гипотезу о существовании еще одного типа сознания – детского сознания, проецирующего особую «точку зрения» на мир, которую принято называть детской языковой картиной мира (ДЯКМ).

В чем же специфика детской языковой картины мира и чем она обусловлена?

Изучив особенности ДЯКМ, мы выделили ряд аспектов.

1. ДЯКМ отражает определенный способ восприятия и организации мира ребенка, в соответствии с его опытом и возрастом. В психолингвистических исследованиях подчеркивается ведущая роль познавательной деятельности при познании мира и номинации ребенком предметов и явлений окружающей действительности.

2. Взгляд ребенка на мир через призму языка во многом зависит от ведущей роли взрослого, подражая речевым высказываниям которого ребенок овладевает языком. Подрастая, ребенок приобщается к языку через

общение со взрослыми и сверстниками, а также погружаясь и воспринимая окружающую речевую среду, которая может быть как благоприятной, так и негативной.

3. Наивные представления в языковой картине мира ребенка примитивны в соотношении с языковой картиной мира взрослого. Однако они интересны исследователю, постигшему законы овладения человеком языком как знаковой системой, а также как репрезентация ребенком своего видения мира, в котором вербально проявляется специфика детского мировосприятия, его многогранность, неоднозначность, в некоторой степени автономность, отражающего достигнутый к данному моменту уровень когнитивного развития ребенка. «Несомненно, что и сам язык, закрепивший в своих единицах и категориях способ членения и означивания мира, косвенным образом воздействует на восприятие этого мира» [1, с. 6]. Под воздействием нового языка в ряде случаев приходится пересматривать, например, языковую картину мира детей-билингвов.

4. Наивные представления ребенка, как и взрослого, образуют определенные системы, которые могут быть зафиксированы в словаре как отражение воплощенной в детском языке наивной картины мира. Современные исследователи реконструируют по данным лексических и грамматических значений соответствующие фрагменты ДЯКМ.

5. Ученые отмечают противоречивость устройства ДЯКМ: «с одной стороны, идет ее постоянное обновление и обогащение новыми компонентами и гранями, с другой – традиции и вербальные образы составляют его прочную и инвариантную основу» [1, с. 12].

6. В ходе языкового развития ребенок не просто присваивает взрослую языковую картину мира, но конструирует самостоятельно свою собственную, все более уточняемую и сближающуюся постепенно со взрослой картиной мира [3].

7. ДЯКМ функционирует в детской речи. Детская речь, языковые факты которой подвергаются изучению, является фокусом особого детского взгляда на мир, особого целостного, соответствующего определенному возрасту представлению о мире.

8. В детском возрасте процессы познания, освоения и переработки информации, структурирования и категоризации действительности идут наиболее активно. Ребенок оперирует системой знаний, образующей свою категориальную сетку, сквозь которую он воспринимает действительность.

На последнем положении хотелось бы остановиться подробно, на примере описания фрагмента языковой картины мира младшего школьника, созданного в результате анализа использования им структурных схем простого предложения, показать новую страницу в трактовке репрезентации языковой картины мира в онтогенезе.

Как известно, языковая картина мира рассматривается в лингвистике как часть концептуальной картины мира, исследуется в двух аспектах: статическом и динамическом.

Динамический аспект концептуализации связан с выделением и репрезентацией объектов, событий и их конкретных характеристик как единиц знания непосредственно в процессе речевой деятельности с целью передачи знания, обмена информацией или ориентации в мире. В этом случае результатом познавательного процесса становятся концепты как единицы оперативного знания онтологии мира, конкретные смыслы, которые формируются и передаются в процессе общения.

Тип концепта предопределен способностью к вербализации. Это могут быть: готовые лексемы и фразеологические единицы, а также структурные и позиционные схемы предложений, несущие типовые пропозиции (синтаксические концепты).

Воронежскими учеными Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой было выделено восемь синтаксических концептов русского языка: «бытие объекта», «небытие объекта», «бытие признака объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «агенса воздействует на объект», «речемыслительная деятельность человека», «пациенс претерпевает состояние» [4].

По своей сути, синтаксический концепт – это фрагмент языковой картины мира, представленный типовой пропозицией, репрезентированной структурными схемами простых предложений (ССПП), вариативность которых обусловлена интенциями говорящего (пишущего) относительно конкретной ситуации.

Как образуется синтаксический концепт? Единство грамматической схемы заставляет исследователя задуматься над тем, какую единую типовую пропозицию эта схема несет или несла, для какой типовой пропозиции она создавалась: ССПП₁, ССПП₂... → типовая пропозиция → синтаксический концепт. Например, «кто несет что», «кто создает что»... → «кто делает что» → «агенса воздействует на объект».

Рассмотрим синтаксические концепты, репрезентированные структурными схемами предложений с предикатами психической деятельности в речи младшего школьника, основываясь на классификации Л. М. Васильева [5].

Выбор исследования указанных предикатов обусловлен их частотностью, поскольку они выражают сферу психических процессов, которые являются ведущими в этот период жизни младшего школьника.

В составе фрагмента языковой картины мира эмоций и ментальных процессов младшего школьника, связанного с использованием базовых синтаксических концептов простого предложения, реализуются все восемь синтаксических концептов, но наиболее активно используются 3 концепта – «агенса воздействует на объект», «пациенс претерпевает состояние» и «речемыслительная деятельность».

Концепт «агенса воздействует на объект» репрезентируется ССПП «кто воспринимает что» (*Ночью там мы видим луну; Мы ходили почти каждый день/ и поэтому белки/ как только слышали наш запах/ сразу со всех ног*

бежали к нам//), «кто любит кого» (*Я очень люблю футбол//; Отец любит уравнения//*), «кто интересуется чем» (*Кроме футбола я еще занимаюсь английским//*) в речи младшего школьника. Примечательно, что во 2-м классе количество таких предложений преобладает, вероятно, потому, что начальная фаза учебного процесса и, соответственно, «новая» роль ученика накладывают отпечаток на грамматическое и смысловое содержание высказываний.

Концепт «речемыслительная деятельность человека» реализуется в речи младшего школьника не столько для описания манеры речи, ее средств, сколько для оценки речевой ситуации и описания мыслительной деятельности. Одной из наиболее распространенных специализированных ССПП, репрезентирующих этот синтаксический концепт, является схема «кто думает что / о чем»: *Когда я смотрю на звездное небо, я думаю о звездах*. Приобретение информации достигается и путем мыслительной деятельности, выражаемой при помощи других ССПП и их структурно-семантических модификаций: *Я читаю все свободное время; Ванятка понял, что воробьи за зиму грязные стали и на себя не похожие; Хороший кружок/ не надо мучиться/ что подарить на день рождения//; Мечтаю стать кактусоводом*. Схема собственно познавательной деятельности «кто знает что» и ее варианты используются для описания процессов получения новой информации: *Но мы знаем, что нашему богатырю нипочем любая нечисть; Основной лестницей я/ почти не пользуюсь/ так как/ трюки на основной лестнице я изучил уже все/ даже «змеюку»//*.

Ребенок в младшем школьном возрасте понимает, что живой предмет под воздействием обстоятельств способен претерпевать физическое, психическое, интеллектуально-модальное состояние, предписываемое другим человеком, ситуацией или природой, которое передается в русском языке ССПП «кому нужно/приходится что делать». Наиболее распространена ситуация «пациенс претерпевает интеллектуальное или эмоциональное состояние» в речи младшего школьника: *Здесь ясно видны приставки; Мне нравится учиться//; Соседи наши/ очень любят эту собаку/ но цветы они тоже любят/ а любоваться приходится нашими/ потому что собака их ест/ не успевают они взойти//; Чтобы не обидеть родителей/ я начал читать/ а потом втянулся//*.

Информация о психической деятельности младшего школьника заложена в синтаксических концептах «агенса воздействует на объект», «речемыслительная деятельность человека» и «пациенс претерпевает состояние», служащих основанием для интерпретации его индивидуальной языковой картины мира.

Данное исследование нацелено на изучение речи «обычного ребенка», и выводы в перспективе имеют отношение к каждому русскоязычному младшему школьнику, принявшему из детства эстафетную палочку употребления структурной схемы простого предложения как репрезентанта типовой позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : 2009. 592 с.
2. Петрова М. В. Детская языковая картина мира: на материале детского немецкого фольклора : автор. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2009. 22 с.
3. Цейтлин С. Н. Лингвистика детской речи. Некоторые размышления [Электронный ресурс]. Ч. 2. URL: <http://window.edu.ru/resource/501/38501/files/spr0000045.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж : Истоки, 2003. 196 с.
5. Васильев Л. М. Семантика русского глагола М. : Высш. шк., 1981. 184 с.

УДК 81'37

Долмат Юлия Викторовна

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *juliadolmat@mail.ru*

Dolmat Yulia, Postgraduate, Trainee Teacher of the Department of Slavic Languages

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *juliadolmat@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
С КОМПОНЕНТАМИ "СВОБОДА", "ВОЛЯ" И "НЕЗАВИСИМОСТЬ"
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению структурных и семантических особенностей атрибутивных словосочетаний с компонентами «свобода», «воля» и «независимость», отобранных методом сплошной выборки из корпусов русских, белорусских и английских текстов.

Ключевые слова: атрибутивные словосочетания, компонент, структурные и семантические особенности, модели словосочетаний, понятия свобода, воля, независимость.

PECULIARITIES OF ATTRIBUTIVE PHRASES WITH COMPONENTS
"FREEDOM", "WILL" AND "INDEPENDENCE" IN FICTION

Summary. This article is devoted to identifying the structural and semantic features of the attributive phrases with the components "freedom", "will" and "independence", selected by the method of continuous sampling from the corpora of Russian, Belarusian and English texts.

Key words: attributive phrases, component, structural and semantic features, patterns of phrases, concepts of freedom, will, independence.

В процессе коммуникации большое значение имеет не только знание слов, правил их формирования и распознавания их смысла, но также способность слов сочетаться друг с другом. Особенную роль в данном процессе играют словосочетания.

Словосочетание – это одна из сложных, но интересных исследовательских проблем, так как оно является одной из наиболее важных синтаксических единиц. Большой вклад в развитие теории о словосочетании внесли В. В. Виноградов, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. А. Белошапкова и другие. Проблемы, связанные со словосочетанием (их объем, границы, возможности сочетаемости лексических единиц), не решены до конца и продолжают развиваться в современной лингвистике.

Словосочетанием является синтаксическая конструкция, которая образуется при помощи подчинительных связей: согласования, управления, и примыкания. В словосочетание переносятся все отношения, частные и общие, конкретные значения, возникающие при присловной подчинительной связи. Данные отношения являются значениями словосочетаний [1, с.79]. В свою очередь, А. А. Шахматов отмечал, что словосочетание – это соединение слов, образующее грамматическое единство, которое обнаруживается зависимостью одних из этих слов от других [2, с.274].

Важную роль в системе языка играют атрибутивные группы. Они описывают свойства, качества и признаки, которые относятся к предметам. Это устанавливает, по каким нормам и параметрам мы выделяем вещи из класса. В. Д. Аракин определяет атрибутивное словосочетание как двучлен (реже трехчлен), у которого оба компонента – стержневой и зависимый – соединены при помощи синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи [3, с.132].

Целью данного исследования является выявление структурных и семантических особенностей русских, белорусских и английских атрибутивных словосочетаний со словами свобода, воля и независимость.

В каждом языке словосочетания строятся по определенным моделям, представляющим собой обобщенные величины, которые наполняются в речи различным лексическим материалом, придающим словосочетанию определенный характер [3, с.129].

Материалом исследования послужили атрибутивные словосочетания со словами свобода, воля и независимость, отобранные методом сплошной выборки из корпусов русских, белорусских и английских художественных текстов. Из них 195 словосочетаний со словом свобода (80 в русском, 89 – в английском, 26 – в белорусском), 119 с компонентом воля (71 – в русском, 32 – в белорусском и 16 – в английском), 63 единицы с компонентом независимость (10 – в русском, 40 – в английском, 13 – в белорусском).

В первую очередь рассмотрим русские, белорусские и английские словосочетания с компонентом свобода. Найденные словосочетания были распределены по следующим моделям:

Модели словосочетаний в русскоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *безумная свобода, безграничная свобода, внезапная свобода, высокая свобода, желанная свобода, непосильная свобода, чистейшая свобода, чуждая свобода;*

2. «Сущ+сущ»: *свобода воды, свобода воли, свобода слова, свобода личности, свобода любви;*

3. «Сущ+инф»: *свобода выполнять, свобода распространять, свобода двигать* [4].

Модели словосочетаний в белорусскоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *абсалютная свабода* ‘абсолютная свобода’, *доўгачаканая свабода* ‘долгожданная свобода’, *максімальная свабода* ‘максимальная свобода’, *падманная свабода* ‘обманная свобода’, *уяўная свабода* ‘мнимая свобода’;

2. «Сущ+сущ»: *свабода веравызнанняў* ‘свобода вероисповеданий’, *свабода дзеяння* ‘свобода действия’, *свабода слова* ‘свобода слова’, *свабода кахання* ‘свобода любви’ [5].

Модели словосочетаний в англоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *academic freedom* ‘академическая свобода’, *considerable freedom* ‘значительная свобода’, *certain freedom* ‘определенная свобода’, *creative freedom* ‘творческая свобода’, *delightful freedom* ‘восхитительная свобода’, *total freedom* ‘полная свобода’, *stolen freedom* ‘украденная свобода’;

2. «Сущ+сущ»: *food freedom* ‘свобода в еде’, *mother’s freedom* ‘свобода матери’;

3. «Сущ+ инф»: *freedom to choose* ‘свобода выбора’, *freedom to do good* ‘свобода творить добро’

4. «Сущ + предлог + сущ»: *freedom of assembly* ‘свобода собраний’, *freedom of commerce* ‘свобода торговли’, *freedom of action* ‘свобода действий’, *freedom of movement* ‘свобода передвижения’, *freedom of love* ‘свобода любви’, *freedom of hate* ‘свобода ненависти’ [6].

В свою очередь, выявленные словосочетания с компонентом *воля* были распределены по следующим моделям:

Модели словосочетаний в русскоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *бывалая воля, бывшая воля, верховная воля, ревнивая воля, рыбацкая воля, солдатская воля, степная воля, легкая воля, ленивая воля, лесная воля*;

2. «Сущ+сущ»: *воля бойца, воля вещества, воля генералов, воля коня, воля людей, воля мастера, воля небес, воля случая, воля души*;

3. «Сущ +Предл.+ Сущ»: *воля к жизни* [4]

Модели словосочетаний в белорусскоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *божая воля* ‘божья воля’, *бязлітасная воля* ‘беспощадная воля’, *вешчая воля* ‘вещая воля’, *вышэйшая воля* ‘высшая воля’, *генеральская воля* ‘генеральская воля’, *дзявочая воля* ‘девичья воля’, *лепшая воля* ‘лучшая воля’, *грубая воля* ‘грубая воля’, *поўная воля* ‘полная воля’, *сапраўдная воля* ‘настоящая воля’;

2. «Сущ+сущ»: *воля бацькоў* ‘воля родителей’, *воля князя* ‘воля князя’, *воля старых* ‘воля стариков’; [5].

Модели словосочетаний в англоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *genuine will* ‘подлинная воля’, *headstrong will* ‘упрямая воля’, *intense will* ‘напряженная воля’, *violent will* ‘жестокая воля’;

2. «Сущ+сущ»: *enemy’s will* ‘воля врага’;

3. «Сущ + предлог + сущ»: *the will of God* 'воля Бога', *the will of people* 'воля народа';

4. «Сущ+Инф»: *the will to act* 'воля действовать'; [6].

Также были выявлены следующие словосочетания с компонентом независимость:

Модели словосочетаний в русскоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: подчёркнутая независимость, полная независимость, любезная независимость, сегодняшняя независимость

2. «Сущ+сущ»: независимость деталей, независимость мысли, независимость Родины, независимость труда, независимость ума;

3. «Сущ +Предл.+ Сущ»: независимость от полиции [4]

Модели словосочетаний в белорусскоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *асабістая незалежнасць* 'личная независимость', *поўная незалежнасць* 'полная независимость', *пэўная незалежнасць* 'определенная независимость', *сапраўдная незалежнасць* 'настоящая независимость', *спакойная незалежнасць* 'спокойная независимость', *уласная незалежнасць* 'собственная независимость';

2. «Сущ+сущ»: *незалежнасць думкі* 'независимость мысли', *незалежнасць настаўніка* 'независимость учителя', *незалежнасць Радзімы* 'независимость Родины' [5].

Модели словосочетаний в англоязычных текстах:

1. «Прил+сущ»: *apparent independence* 'очевидная независимость', *certain independence* 'определенная независимость', *financial independence* 'финансовая независимость', *national independence* 'национальная независимость'.

2. Сущ+сущ»: *child's independence* 'независимость ребенка';

3. «Сущ + предлог + сущ»: *independence of action* 'независимость действий', *independence of mind* 'независимость ума', *independence of movement* 'независимость движения' [6].

В ходе анализа полученных данных было выявлено следующее:

1. Из 80 проанализированных русских словосочетаний с компонентом свобода 12 имеют эквиваленты найденным английским и белорусским словосочетаниям. 5 русских словосочетаний, построенные по модели «Прил+Сущ», имеют следующие эквиваленты в английском языке: *большая свобода* – *greater freedom*, *дикая свобода* – *wild freedom*, *полная свобода* – *complete freedom*, *последняя свобода* – *final freedom*, *безграничная свобода* – *limitless freedom*. В белорусском и русском языках эквивалентны следующие словосочетания: *высокая свабода* – *высокая свабода*, *доўгачаканая свабода* – *долгожданная свобода*. В английском и белорусском языках эквивалентны такие словосочетания, как *поўная свабода* – *complete freedom*, *human freedom* – *чалавечая свабода*. В свою очередь, в русском, белорусском и английском языках эквивалентны следующие словосочетания: *большая свобода*–*большая свобода* – *greater freedom*; *свобода любви* – *свабода кахання* – *freedom of love*.

2. Среди проанализированных русских, белорусских и английских словосочетаний со словом *воля* были найдены следующие соответствия: русское словосочетание *божья воля* эквивалентно белорусскому словосочетанию *божшая воля*. Словосочетание *упрямая воля* эквивалентно английскому *headstrong will*. В свою очередь, в русском, белорусском и английском языках эквивалентны следующие словосочетания: *вольная воля – свободная воля – free will, добрая воля – добрая воля – good will*.

3. В свою очередь, среди словосочетаний со словом *независимость* были выявлены следующие соответствия: в русском языке словосочетание, построенное по модели «Прил+сущ», *полная независимость* эквивалентно белорусскому *поўная незалежнасць*. Русскому словосочетанию *независимость мысли* соответствует белорусское *незалежнасць думкі*, словосочетанию *независимость ума* соответствует английское *independence of mind*.

Таким образом, результаты данного исследования показали, что для русского и белорусского языков наиболее характерны структурные модели типа «Прил + Сущ», например, *подчёркнутая независимость, полная свобода, настоящая свобода, максимальная свобода* ‘максимальная свобода’, *высшая воля* ‘высшая воля’; «Сущ. + Сущ»: *свобода слова, свобода выбора, свобода творчества* «свобода творчества». Им соответствуют английские словосочетания, построенные также или по модели «Прил. + Сущ»: *new freedom* ‘новая свобода’, *religious freedom* ‘религиозная свобода’. Английские словосочетания, построенные по модели, «Сущ. + Сущ» могут быть переведены на русский язык следующими способами: 1.) именем прилагательным: *secret freedom* ‘тайная свобода’; 2.) существительным в родительном падеже: *press freedom* ‘свобода прессы’, *enemy's will* ‘воля врага’. Полученные результаты могут быть использованы в теоретических и практических курсах общего языкознания, лексикологии, языка и культуры, лингвокультурологии, лексикографии, а также в практике преподавания русского языка (как иностранного) и английского языка в учреждениях образования Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2 : Синтаксис / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1980. 709 с.
2. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / вступ. ст. Е. В. Клобукова ; ред. и коммент. Е. С. Истриной. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
3. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ejyzJ> (дата обращения: 07.09.2020).
5. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://bnkorporus.info/korporus.html#> (дата обращения: 07.10.2021).
6. British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 15.10.2021).

УДК 81'42

Велисевич Анастасия Вячеславовна, магистрант, преподаватель-стажёр кафедры межкультурной экономической коммуникации

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь;
Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *velisevich.anastasiya@mail.ru*

Velisevich Anastasiya, Master student, Trainee teacher of the Department of Intercultural Economic Communication

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus; Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus
e-mail: velisevich.anastasiya@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАСТРОМЕТАФОРЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Основное внимание в данной статье уделяется выявлению и рассмотрению структурных особенностей гастрономических метафор в медийном дискурсе (на примере немецкого и русского языков).

Ключевые слова: гастрономическая метафора (гастрометафора); медийный дискурс

STRUCTURAL FEATURES OF THE GASTRONOMIC METAPHOR IN MEDIA DISCOURSE: COMPARATIVE ASPECT

Summary. The main attention in this article is paid to the identification and consideration of structural features of gastronomic metaphors in media discourse (based on German and Russian languages).

Key words: a gastronomic metaphor (a gastrometaphor); media discourse

В центре внимания лингвистических исследований последних десятилетий находится проблема взаимоотношения языка и культуры, языка и сознания, языка и мышления. В связи с этим возрастает интерес к изучению феномена человека в культуре и языке. Поэтому метафора как способ мышления, концептуализации и категоризации знаний о действительности вызывает значительный интерес отечественных и зарубежных лингвистов (например, работы Н. Д. Арутюновой [1; 2], М. Блэка [3], В. П. Москвина [4; 5; 6], Г. Н. Склярёвской [7], В. Н. Телия [8], А. П. Чудинова [9], Д. Лакоффа [10] и др.).

Однако многие аспекты метафоры по-прежнему остаются дискуссионными, а метафоры некоторых тематических сфер – недостаточно изученной. Научные труды, посвящённые анализу метафор тематической сферы «Гастрономия» немногочисленны (например, научные труды Е. А. Юриной [11;12], А. С. Бойчук [13;14]), где гастрометафоры отражены как часть лингвокультурной специфики иноязычного дискурса.

Исследований на материале русского и немецкого языков, посвящённых гастрономической метафоре как системному образованию, до настоящего времени не проводилось – что отражает новизну исследуемой проблемы.

Рассмотрение структурных особенностей гастрометафоры в медийном дискурсе в сопоставительном аспекте актуально в силу следующих причин:

1) важностью изучения структурных особенностей гастрометафор ввиду отсутствия сведений о структурной организации рассматриваемых языковых единиц в пределах медиадискурса;

2) значимостью гастрометафоры в медийном дискурсе как транслятора человеческого опыта, когнитивной и языковой картин мира;

3) необходимостью выявления и изучения структурных особенностей гастрометафоры в медийном дискурсе представителей различных лингвокультур.

Материалом исследования являются 93 случая употребления русскоязычных и 28 случаев употребления немецкоязычных гастрометафор (далее – ГМ) с компонентом «Еда/Пища» (исключая случаи повторов ГМ). Подбор материала осуществлялся методом количественного контент-анализа в 105 русскоязычных и 250 немецкоязычных контекстах Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и Referenz- und Zeitungskorpora DWDS (<http://www.dwds.de/>) в газетных статьях, датируемых 2001-2022 гг. [15; 16]. Основными методами исследования были избраны компонентный анализ, количественный контент-анализ. В качестве инструментария для анализа ГМ автором применяется функциональная классификация В. П. Москвина с внесёнными изменениями и дополнениями. В основе данной классификации лежит рассмотрение внешней структуры метафоры как определенной лексико-грамматической конструкции: учитываются особенности плана выражения метафоры, представленным словом-параметром (носителем метафорического образа) или группой таких слов [4; 5].

Целью данного исследования является выявление и интерпретация структурных особенностей немецко- и русскоязычных гастрометафор в медийном дискурсе.

Объектом исследования являются случаи употребления немецко- и русскоязычных гастрономических метафор в контекстах немецких и русских газет.

В качестве предмета исследования выступают структурные особенности, отражённые в немецко- и русскоязычных гастрометафорах, употребляемых в контекстах немецких и русских газет.

В ходе анализа структуры гастрометафор *по частереченной принадлежности* было выявлено, что в контекстах русскоязычных газетных статей превалирует *адъективная* метафора (32,6% случаев употребления), в контекстах немецкоязычных газетных статей – *субстантивная* (42,86% случаев употребления).

Наблюдаемая разница в количественных данных объясняется тем, что в русской языковой картине мира посредством гастрометафор делается упор на качественные характеристики предмета, человека либо ситуации, в которой сам человек либо предмет действительности задействованы. В отличие от русской языковой картины мира, немецкая языковая картина мира акцентирует внимание на название самого предмета, человека, ситуации, которым присущи определенные характеристики и действия.

Например, словом-параметром (носителем метафорического образа) в статье Ярослава Тимофеева является *квасной*, выраженное структурно именем прилагательным, поэтому гастрометафора *квасной патриотизм* адъективная:

*“Создавайте великие фильмы, великое искусство и выражайте там свои идеи. Самое страшное – это **квасной патриотизм**. Я воспитывался на таком патриотизме, а посмотрите, что случилось, когда рухнул Советский Союз”* [Ярослав Тимофеев. «Путин сказал: «Останься с паспортом США, ты и так служишь России» // Известия, 2013.10.22].

В немецкой гастрометафоре *Honig ums Maul sschmieren* словом-параметром является слово *Honig* ‘рус. мёд’, поэтому данная гастрометафора относится к субстантивному типу метафор:

*“Dabei hat Gabriel seinen Wechsel-Kandidaten jede Menge **Honig ums Maul geschmiert**”* [Die Zeit, 26.05.2011, Nr. 22]; *“При этом Габриэль задобрил, «умаслил» кандидата, пришедшего ему на смену”* (перевод выполнен Велисевич А.В.)

Стоит отметить, что в контекстах русскоязычных газетных статей также доминирует *субстантивная* метафора (31,52% случаев употребления).

В контекстах немецкоязычных газетных статей в равной степени наблюдается преобладание *глагольной и адъективной типов метафор* (21,42% и 21,42% случаев употребления соответственно).

Русскую субстантивную ГМ, немецкую адъективной и глагольной ГМ можно наблюдать в следующих примерах:

*“По информации правоохранительных органов столицы, в 00:25 преступники разбили окно и бросили «**коктейль Молотова**» в участковый пункт, расположенный в доме № 38 на улице Пресненский Вал”* [Ольга Панфилова. Московскую милицию забросали «коктейлем Молотова» // Новый регион 2, 2010.10.05];

*“Die Vergangenheit ist "**kalter Kaffee**", sagte der Bundestrainer in Évian”* [Die Zeit, 28.06.2016 (online)]; *“Прошлое – это “пустяки”, – сказал тренер национальной французской сборной футбола «Эвиан»”* (перевод выполнен Велисевич А.В.).

*“Unsere Bundeskanzlerin hat uns hier eine **Suppe eingebrockt**”* [Die Zeit, 01.09.2016 (online)]; *“Наш канцлер Германии «заварила кашу», втянула нас в неприятности”* (перевод выполнен Велисевич А.В.).

Реже в контекстах русскоязычных газетных статей встречается *наречная* метафора (26,08% случаев употребления):

Меньше всего в контекстах русскоязычных газетных статей встречается *глагольная* метафора (9,8% случаев употребления), в контекстах немецкоязычных газетных статей – *наречная* (14,3% случаев употребления).

Следовательно, для русскоязычной картины мира важны не само действие либо ситуация, а важны следующие факторы: социальный, материальный, семейный, профессиональный статус; физиологические, психологические, интеллектуальные характеристики человека / качественные характеристики предмета; уровень жизни в обществе; степень трудности ситуации, в которой оказался человек.

Для немецкоязычной картины мира первоочерёден сам человек/предмет, а затем, в одинаковой степени, важно, какими характеристиками обладает тот или иной предмет действительности/человек и какие совершает он при этом действия, поступки. Поэтому как будет выполнять действие человек /предмет будет рассматриваться другим человеком, обществом с учётом вышеперечисленных факторов.

Как и в русскоязычных, так и в немецкоязычных газетных статьях *по количеству единиц-носителей метафорического образа* высокой частотностью пользуется *простая метафора* (93,5% и 93% случаев употребления ГМ соответственно):

“Штраф в 0,1 балла для Курбатовой – ложка дегтя в бочке меда” [Мысин Н.. Девушки нашей мечты! Вчера, спустя 19 лет, российские гимнастки завоевали выстраданное золото чемпионата мира // Советский спорт, 2010.10.21]; слово-параметр (метафора по Л.Н. Рынькову) в данном фрагменте является *ложка*, а слово-аргумент – *дѣготь* (указательное слово по Л. Н. Рынькову); план выражения представлен одной единицей, поэтому метафора простая.

“Ältere Frauen mit jungem Gemüse an ihrer Seite nennt man Berglöwinnen” [Zeit Magazin, 27.03.2014, Nr. 14]; “Пожилых дам в сопровождении молодых мужчин называют светскими львицами” (перевод выполнен Велисевич А.В.); слово-параметр (метафора по Л.Н. Рынькову) в данном фрагменте является *Gemüse* ‘рус. овощи’, а слово-аргумент – *junge* ‘рус. молодые’ (указательное слово по Л.Н. Рынькову); план выражения представлен одной единицей, поэтому метафора простая.

По наличию или отсутствия опорного слова в контекстуальном отношении в анализируемых немецко- и русскоязычных контекстах газет чаще встречаются случаи употребления *замкнутой метафоры* (89,3% случаев употребления немецких ГМ и 92,4% случаев употребления русских ГМ) по сравнению с *незамкнутой метафорой* (10,7 % случаев употребления немецких ГМ, 7,6% – русских ГМ).

Незамкнутая (контекстная) метафора встречается реже *замкнутой* в контекстах газетных статей двух языков, т.к. данный тип метафор требует дополнительных знаний адресата. Например, при употреблении в полити-

ческих газетных статьях гастрометафор *квасной патриотизм, j-m den Brotkorb höher hängen*, необходимо знать не только политическую ситуацию в странах, но и исторические факты, отраженные путём ГМ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что в контекстах русских и немецких газет по количеству единиц носителей метафорического образа преобладают однокомпонентные (простые) немецко- и русскоязычные гастрометафоры.

По частеречной принадлежности в контекстах русскоязычных газетных статей высокочастотна адъективная ГМ, менее частотна – глагольная ГМ. В контекстах немецкоязычных газетных статей превалирует субстантивная ГМ, менее наблюдаема наречная ГМ.

По наличию или отсутствию опорного слова замкнутая метафора преобладает над незамкнутой (контекстной) метафорой, при этом контекстная метафора расшифровываться не только благодаря контексту, но и знаниям адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М., 1990. С. 5–32.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 160–163.
4. Москвин В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация : учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. Волгоград : Перемена, 1997. 91 с.
5. Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. 2000. № 2. С. 66–74.
6. Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М. : Ленанд, 2006. 184 с.
7. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 151 с.
8. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 173–204.
9. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография. Екатеринбург. 2013. 175 с.
10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 2003. 242 p.
11. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 236 с.
12. Юрина Е. А. «Пищевая метафора»: объем и границы понятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1, № 3 (63). С. 207–212.
13. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. 2010. № 7 (61). С. 75–79.
14. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический, стилистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Волгоград, 2012. 271 л.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.03.2022).
16. Corpora im DWDS – Corpora im digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache. (DWDS) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 26.03.2022).

УДК 81'37

Рудько Татьяна Владимировна, магистрант кафедры славянских языков, преподаватель кафедры второго иностранного языка (английский)
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: tsepa.tatsiana@gmail.com

Rudzko Tatsiana, postgraduate student of Slavic department, teacher of ESL department
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tsepa.tatsiana@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Данная статья посвящена лексическим средствам выражения большого количества, которые составляют большую часть микрополя неопределенно большого количества и наиболее точно отражают картину мира. Это средства вторичной номинации. Рассматриваются особенности данных средств, анализ их частотности в указанных языках.

Ключевые слова: категория количества, функционально-семантическое поле, вторичная номинация, вторичное значение, узвальное и окказиональное употребление.

SEMANTIC FEATURES OF QUANTITY EXPRESSION: COMPARATIVE ASPECT

Summary. The paper focuses on the linguistic means of manifestation of big quantity. One of the ways of expressing quantitative relations in Russian, Belarussian, English is the mechanism of secondary nomination. The paper deals with secondary meanings and their frequency in the languages.

Key words: category of quantity, semantic field, secondary nomination, secondary meaning, usual and occasional language usage.

Категория количества является неотъемлемой частью нашей действительности, так как фиксирует результаты нашего познания свойств окружающего мира и пронизывает всю сферу языка. Этот факт свидетельствует о наличии практически во всех языках функционально-семантического поля количества, которое объединяет языковые средства выражения количественных отношений на разных уровнях. Макрополе количества можно разделить на более мелкие микрополя. Наиболее широким и разработанным является микрополе неопределенно большого количества. К такому микрополю могут быть отнесены лексические, морфологические, синтаксические средства выражения количественности, однако основную массу представляют лексические единицы.

Одним из способов выражения большого количества является механизм вторичной номинации. В лингвистической литературе существует много терминов для обозначения данного явления: «семантическая инновация» [1],

«семантическая деривация» [2], «вторичная сигнификация» [3]. Более того, механизм вторичной номинации рассматривался лингвистами с разных сторон. Так, например, В. Н. Ярцева считает вторичной номинацией ту ситуацию, когда для нового обозначаемого явления используется фонетический облик существующей лексемы [4, с. 335]. В. Гак, в свою очередь, понимает под вторичной номинацией тот процесс, когда одна и та же форма используется для выполнения новых функций [5, с. 336–338]. Мы за основу берем определение В. Н. Телия, согласно которому «вторичная номинация – это использование в языке уже имеющихся номинативных средств в новой для них функции наречения» [6, с. 129]. Слово может иметь два значения: первичное – основное значение слова, прямо именуемое что-либо, и вторичное, возникающее на основе сходства по характеру, ассоциации, форме и т. д. Согласно определению В. Н. Телия мы будем понимать первичные значения как присвоение предмету имени, которого он еще не имеет, а вторичные значение – использование новым именем уже названных предметов.

В основе вторичной номинации лежит ассоциативность как одна из характеристик человеческого мышления. Дело в том, что существительные, подвергающиеся вторичной номинации, характеризуются своей способностью обозначать количественную характеристику предметов или явлений в силу того, что в их лексическом значении имеются для этого предпосылки – семы. Именно эти компоненты значения представляют собой основу для функционального переноса значения, они индуцируются, а семы первичного значения приглушаются (уходят на задний план).

Материалом исследования послужили примеры сочетаний существительных по модели « $N_1 + N_2gen$ » в русском и белорусском языках, « $N_1 + of + N_1$ » в английском языке: 625 примеров в русском языке, 278 примеров в белорусском языке, 409 примеров в английском языке. Все примеры были взяты из национальных корпусов изучаемых нами языков [7, 8, 9].

Проанализировав данные корпусов, мы пришли к выводу, что чаще всего процессам вторичной номинации подвергаются существительные, обозначающие большие и интенсивные природные явления. Нами были выделены две большие группы, состоящие из более мелких: группа динамических метафор и группа статических метафор. В группу динамических метафор входят существительные, которые в своем первичном значении означают природные явления, связанные с водой, движением воздушных масс, или квазижидкостей. Такие явления имеют динамический характер, поскольку предполагают движение воды, масс и т. д. Такое движение может быть горизонтальным и вертикальным. В зависимости от этого выделяются три больших группы: горизонтальные, горизонтально-вертикальные, вертикальные движения, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы. Название этих подгрупп мы определяем при помощи сем, послуживших основой для функционального переноса.

Горизонтальные метафоры представлены следующими подгруппами:

1. Большая протяженность, связанная с водой. Данная подгруппа представлена такими существительными, как: *море, океан* (рус.), *мора, акіян* (бел.), *sea, ocean* (англ.). Такие переносы довольно часто встречаются в изучаемых нами языках и приобретаемый ЛСВ этих слов отражен в словаре. Они используются чаще всего для выражения: БК испытываемых чувств: *акіяны гора і бедстваў, ocean of rain*, БК людей, находящихся где-то: *море людей, sea of faces*, БК информации: *мора інфармацыі*, БК любой жидкости, кроме воды: *океан выпивки, мора віна*, и др.

Встречаются случаи вторичной номинации в словах *озеро, возера, lake*, но количество выражаемых ими значений ограничено: *возера слёз, lake of unshed tears*.

2. Группа «непрерывный водный поток, большое количество льющегося» представлен такими существительными, как: а) *река, рака, river*, которые чаще всего выражают БК людей: *river of people*, БК жидкостей: *реки крови, рэкі народных слёз*; б) *поток, памок, stream* – самые распространенные значения: БК прибывающих людей: *памок гараджанаў, stream of tourists, поток посетителей*, БК получаемых сообщений, писем и т.п.: *поток откликов, памок лістовак*, БК написанного/напечатанного: *поток литературы, stream of reports*, БК абстрактных понятий: *памок лаянцы, stream of thoughts*. Английское *stream* также используется для выражения БК денег: *stream of income*. В белорусском языке встречаются примеры вторичной номинации со словом *плынь* для выражения БК людей: *чорная плынь варожых салдат*. Эквивалентами в русском языке и английском языке являются *течение* и *flow* соответственно, однако данные слова не приобретают переносных значений.

Группа вертикальных и горизонтальных движений включает следующие подгруппы:

1. Продолжительное движение водных масс. Она представлена: *прилив, приток* (рус. яз.), *прыліў, прыток* (бел. яз.), *tide, current, inflow* (англ. яз.). В найденных нами примерах выражается значение «поступление во множестве»: БК людей: *прыліў літаратурнай моладзі, приток покупателей, tide of refugees*, БК денег: *прилив инвестиций, inflow of cash*, БК чувств: *tides of grief, прыліў шчасця*.

2. Переполнение водой в большом количестве: *наводнение, потоп, половодье* (рус. яз.), *навадненне, патап, наводка* (бел. яз.), *flow, inundation, overflow, deluge* (англ. яз.). Основное значение, выражаемое этими существительными в их вторичном значении, – заполнение очень большим количеством, а именно: БК прибывающих людей: *патап гасцей, потоп туристов, flood of immigrants*, БК получаемых сообщений, писем, звонков: *flood of calls, половодье открыток*, БК испытываемых чувств: *наводнение равнодушия, overflow of emotions, наводка пачуццяў*. Последние примеры имеют пограничный характер, поскольку выражаемые ими значения находятся на пересечении двух полей: количества и интенсивности.

3. Колебательные движения водной поверхности: *волна, хваля, wave*. Наиболее часто приобретаемые значения: неожиданное проявление БК эмоций, состояний: *хваля абурэння, волна нежностей*, БК движущихся людей: *хваля людзей, wave of settlers*. В эту группу входят также вал (рус. яз.) и вал (бел. яз.), которые, сочетаясь с другими существительными, выражают те же значения, но еще и: БК написанного/напечатанного: *вал лістоў, вал запрещенных текстов*, БК обрушившейся на кого-л. критики: *вал претензий, вал крытыкі*, БК событий: *вал непрыемнасцяў, вал расследований*.

4. Движущаяся масса вулкана: *лава* (рус. яз.), *лава* (бел. яз.), *lava* (англ. яз.). В найденных нами примерах присутствуют значения: БК людей: *лава покупателей, лава паўстанцаў*, БК абстрактных понятий: *лава проблем*. В английском языке было найдено всего 2 примера вторичной номинации: БК пролитых слез: *lava of tears*, БК чувств: *lava of hatred and irrationality*.

Вертикальные метафоры включают следующие подгруппы:

1. Движение, направленное вниз:

а) Стремительное вихревое движение воды: *водоворот, вёр, whirlpool*. Сочетания с этими словами, в основном, используются для выражения: БК переживаемых чувств, эмоций: *whirlpool of excitement, водоворот чувств*, БК происходящих событий: *вёр падзей, whirlpool of meetings*, БК людей: *вёр маніфестантаў, водоворот гостей*.

б) Движущаяся масса снега или другого рыхлого вещества: *лавина, лавіна, avalanche*. Основным значением, приобретаемым этими словами при помощи вторичной номинации, является «резкий наплыв в большом количестве». Речь может идти про БК людей: *лавіна разгневаных людзей, avalanche of accountants*, БК информации, написанного/напечатанного: *лавина публикацій, лавіна раманаў і мемуараў*, БК абстрактных понятий: *лавина пачуццяў, лавіна слоў, лавина новостей*, БК денег: *лавина долгов, avalanche of donations*, и др.

в) Атмосферные осадки в виде капель воды, льдинок: *дождь, ливень, дождж, лівень, залева, rain, shower, downpour*. Два основных значения, выражаемые сочетаниями с этими словами: множество чего-л. падающего, сыплющегося: *rain of abuse, shower of stones, ливень обломков, дождж куляў*, и поток или обилие чего-л., например, наград: *дождж медалёў, дождь наград* (это значение наблюдается только в русском и белорусском языках), напечатанного/написанного: *град тисем, лівень папер, shower of love poems*, обрушившейся на кого-л. критики: *hail of criticism, град проклятий, град абвінавачванняў*, абстрактных вещей: *лівень няўгод, град пытанняў, ливень мыслей*.

г) Поток падающей воды: *водопад, каскад, вадаспад, каскад, waterfall, cascade*. Наиболее распространенные значения: БК испытываемых чувств: *водопад страстей, waterfall of sensation*, БК написанного/напечатанного: *каскад вершаў, вадаспад моцных слоў, cascade of letters*, БК абстрактных вещей: *вадаспад запытанняў, каскад незвычайных прыгод*.

2. Движение, направленное вверх:

а) Струя воды, бьющая вверх: *фонтан, фантан, fountain*. Подвергаясь вторичной номинации, данные слова выражают значение «поток чего-л. вырывающегося вверх», например: брызг, искр: *фонтан брызг*, слов: *фонтан красноречия, фантан рыфмаваных слоў*, информации: *фантан звестак, fountain of ideas*.

Отдельно стоит рассмотреть группу динамических метафор, связанных с движением ветра. Здесь выделяются 3 группы.

1. Стремительное круговое движение ветра: *вихрь, вихар, whirlwind, vortex*. Данные слова выражают чаще всего БК эмоций, чувств: *вихор народнага гневу, vortex of emotions*, БК событий: *вихар падзей, вихрь перемен, whirlwind of social engagements*. В английском языке *whirlwind, vortex* также приобретают значение БК выполняемых действий: *whirlwind of activities*.

2. Внезапный порыв ветра: *шквал* (рус. яз.), *шквал* (бел. яз.), *flurry* (англ. яз.). Наиболее распространенные значения: БК критики: *шквал брани, шквал злоснай крытыкі, flurry of critical comments*, БК эмоций: *шквал гнева*, БК реакций на что-л.: *шквал рецензий, шквал апладысmentaў*, БК получаемых сообщений, звонков, и т. п.: *шквал лістоў і тэлефонных званкоў*. Английское *flurry* выражает также БК выполняемых действий: *flurry of buying*, а русское и белорусское *шквал* – БК событий: *шквал падзей, шквал проверок*.

3. Разрушительный ветер: *ураган, смерч* (рус. яз.), *ураган, смерч* (бел. яз.), *tornado*. Два основных вторичных значения: стремительно несущееся множество чего-л.: *ураган снарядов, tornado of enemy fire*, проявление чего-л. в большом количестве, например: событий: *смерч падзей*, эмоций: *ураган пачуццяў*, написанного/напечатанного: *ураган писем, tornado of love letters*.

4. Сильный ветер, сопровождающийся дождем/снегом: буря, бура, storm
Группа статических метафор состоит из полисемант, связанных с:

1) особенностями рельефа: *прорва, бездна, пропасть; прорва, бездань, прадонне; abyss, chasm*. В рус. яз. и бел. яз. данные существительные во вторичном значении получили широкое распространение, поскольку выражают БК от конкретных предметов до абстрактных понятий: *прорва грошай, бездань часу, бездань пачуццяў, пропасть дел, прорва людей*. В английском языке существительные *abyss, chasm* встречаются редко во вторичном значении, и в основном выражают БК абстрактных вещей: *chasm of demands, abyss of pleasure*;

2) значительной возвышенностью: *гора, гара, mountain*. Данные существительные тоже находят широкое использование во вторичном значении. Наиболее часто они выражают: БК напечатанного/написанного: *mountain of paperwork*, БК денег: *mountain of debts, гара грошай*, БК людей: *гора трупов, mountain of bones*, БК объектов: *гара бліноў*;

3) воздушной массой: *облако, воблака, cloud*. Выражаемые значения: БК абстрактных понятий: *облако мыслей, cloud of gloom and despair*, БК чувств: *воблака страху, cloud of hope*, БК парфюма: *воблака водараў*,

cloud of fragrance. В русском и белорусском языках встречается употребление «облако, воблака» для выражения БК насекомых, летающий над кем-то, чем-то: *облако комаров, воблака куслівых аваднеў*;

4) множеством обильно заросших деревьев. Например, *лес* (рус. яз.) и *лес* (бел. яз.), *forest* (англ. яз.) во вторичном значении выражают большое количество возвышающихся предметов: *цэлы лес крыжоў, лес мачт, forest of telegraph poles*. Слова *гуща* и *гушча* выражают скопление чего-то в большом количестве, как правило, в одном месте: *гуща дачников, гуща горчайшых абстоятэльнасцяў, гушча сялян, гушча кажухоў і паліто, гушча разважанняў*. В английском языке сочетания с *thicket* выражают чаще всего большое количество идей или событий: *thicket of literary references*;

5) засушливой территорией. В английском языке *wilderness* в своем вторичном значении означает БК испытываемых чувств: *wilderness of hatred*. Сочетания с *пустыня* (рус. яз.) и *пустыня* (бел. яз.) в их вторичном значении немногочисленны и носят лишь авторский характер: *оазис в пустыне незнання, папяровая пустыня пустых «рублёў»*.

Проанализировав отобранные нами примеры сочетаний, построенных по общей модели, мы можем сделать вывод, что вторичная номинация представляет собой активный механизм для выражения количественных значений. Как выяснилось, наиболее часто приобретаемыми вторичными значениями являются:

- БК абстрактных понятий: 42% в английском языке, из которых 23% - БК испытываемых чувств; 36% в белорусском языке, 14% выражают БК понятий, не попавших в другие категории, например, БК мыслей, знаний, личных качеств; 53% в русском языке, из которых 20% - БК происходящих событий;

- БК людей: 12% в английском и русском языках, 17% в белорусском языке;

- БК объектов, предметов: 13% в английском языке, 19 % в белорусском языке, 14% в русском языке;

- в русском языке большую часть – 23% занимает БК получаемых сообщений, писем, звонков, реакций и т. п. В английском и белорусском языках это количество значительно меньше представлено: 7% и 8% соответственно.

Анализ материала показал, что пути образования вторичных значений с использованием одинаковых направлений функционального переноса являются в основном сходными в сопоставляемых языках. Различия в смысловом объеме вторичной номинации сводятся к следующему: 1) количественный состав (число существительных, подвергающихся вторичной номинации); 2) разные приобретаемые значения (одно и то же слово может манифестировать разные переносные ЛСВ в языках). Данные различия объясняются структуральными особенностями изучаемых языков, социально-историческими условиями жизни и другими экстралингвистическими факторами. Такие расхождения сводятся к фактам закрепления или не закрепления ЛСВ в узуальном употреблении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: (на материале рус. яз.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969. 27 с.
2. Игнатъева Э. В. Средства выражения количественных отношений в системе имени в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 1982. 15 с.
3. Земская Е. А. Русская разговорная речь / АН СССР, Ин-т рус. яз. М. : Проспект, 1968. 240 с.
4. Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. М. : Наука, 1968. 458 с.
5. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. С. 366–378.
6. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М., 1977. С. 129–221.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 01.04.2022).
8. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://bnkorporus.info/index.html> (дата обращения: 01.04.2022).
9. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 01.04.2022).

УДК 81'367'37

Мицкевич Евангелина Сергеевна, студентка

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *eva_minsk2011@mail.ru*

Mitskevich Evangelina, student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *eva_minsk2011@mail.ru*

СЕМАНТИКА ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются инфинитивные предложения как способ выражения определенной модальной семантики, а также способы их перевода на английский язык.

Ключевые слова: синтаксис русского языка; особенности перевода; инфинитивные предложения; модальность предложения.

SEMANTICS OF INFINITIVE SENTENCES IN JOURNALISM

Annotation. This article is devoted to the types of expressing certain modal semantics of the Russian infinitive sentences, as well as the ways to translate them into English.

Key words: syntax of the Russian language; translation features; infinitive sentences; sentence modality.

Какую бы тему журналист ни освещал, в каком бы жанре он ни работал, он всегда и всюду решает задачу – как реализовать свой замысел, какие языковые средства отобрать из всего многообразия, от каких отказаться, несмотря, может, быть, на всю кажущуюся привлекательность. Актуальность исследования обусловлена широким использованием в публицистике инфинитивных предложений для передачи определенного спектра их модальных значений.

Объектом исследования являются инфинитивные предложения в публицистике и их перевод. В качестве предмета выступает модальная семантика инфинитивных предложений в публицистике.

Цель исследования заключалась в определении корректного перевода инфинитивных предложений, относящихся к выделенным основным типам модальных значений в современных публицистических текстах.

Материалом исследования послужили данные выборки из журналов «Знание – сила», «Наша психология» и газеты «Российская охотничья газета». В данных журналах и газете собраны тексты разной направленности: тексты научно-популярной направленности, тексты развлекательного характера. Данные журналы были выбраны, чтобы выявить специфические модальные значения, характерные для разных публицистических текстов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и результаты могут быть использованы в преподавании русского языка как иностранного студентам-филологам при изучении стилистики русского языка, лингвистики текста, межкультурной коммуникации и культурологии, а также в лингвистической подготовке журналистов.

Публицистика обладает рядом функций, одной из которых является воздействующая. Воздействующая функция газетно-публицистического стиля особенно ярко проявляется в синтаксисе. Из разнообразного синтаксического репертуара публицистика отбирает конструкции, обладающие значительным потенциалом воздействия.

Инфинитивные предложения часто используются в основном тексте, также в заголовках и подзаголовках.

Инфинитивные – это односоставные предложения с главным членом – сказуемым, выраженным независимым инфинитивом, обозначающие возможное (невозможное), необходимое или неизбежное действие [1, с. 101]. Например: *Не своротить* камня с пути дуמוю (Горький); *Быть* грозе великой! (Пушкин); *Тучам солнца не скрыть, войне мир не победить* (Пословица).

В английском языке инфинитив входит в группу неличных форм глагола, наряду с герундием и причастием, что отражает тот факт, что английский инфинитив не имеет категории лица. Инфинитив в английском языке – это неличная форма глагола, которая называет действие, состояние или процесс. Английский инфинитив указывает на одновременное или предшествующее действие по отношению к личной форме основного глагола [2, с. 15].

Инфинитив в английском языке имеет несколько разновидностей, в том числе он может быть full infinitive «полный инфинитив» и bare infinitive, дословно имеющий перевод «голый». Друг от друга они отличаются наличием у полного инфинитива частицы «to».

Инфинитивные предложения – одно из синтаксических средств выражения модальных значений. В инфинитивных предложениях модальность выражается «самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами» [3, с. 263]. В английском языке существуют большое количество различных конструкций, которые эквивалентны русским инфинитивным предложениям.

В результате анализа 133 русских инфинитивных предложений из выпусков журналов «Знание – сила», «Наша психология» и газеты «Российская охотничья газета» мы выявили следующие модальные значения:

- 38% значение «возможность» в вопросительных предложениях: *Как управлять ими?*

- 20% значение «необходимость действия»: *Рисковать и идти навстречу новому.*

- 17% значение «приказ»: *Не влюбляться!*

- 9% значение «сомнение»: *Играть или не играть?*

- 6% значение «долженствование»: *И сидеть мне с утра до вечера все ближайшие шесть выходных.*

- 4% значение «невозможность действия»: *В наших домах не встретить подобных стульев и лестниц.*

- 4% значение «неизбежность действия»: *Поменять взгляд на землю.*

- 1% значение «желательность действия»: *Жить бы да творить ему в этой прекрасной стране на радость себе и публике!*

- 1% значение «ненужность действия»: *Не поучать свои яйца.*

В значении «Возможность действия» в основном находятся конструкции с вопросительным словом. Для их корректного перевода используется эквивалентное вопросительно слово в английском языке, добавляя инфинитив. Например: *How to manage them?* Также можно использовать модальный глагол «can» в сочетании с bare infinitive: *How can you turn change to your advantage?*

Для перевода инфинитивных предложений, имеющих значение «необходимость действия» следует использовать форму bare infinitive: *Take risks and go for something new. Talk about your concerns with your child, without hiding your anxiety from him.*

«Приказ» в английском языке имеет два варианта выражения. Утвердительные команды переводятся с помощью bare infinitive, а также конструкции «Let's + bare infinitive»: *Unite (Объединиться). Let's unite.* Негативные формы приказов формируются с помощью конструкций «Don't + bare infinitive» или «Let's not + bare infinitive»: *Don't fall in love! Let's not fall in love!*

«Сомнение» выражается с помощью использования полного инфинитива: *To play or not to play? To play or not to play? (Играть или не играть?)*

«Долженствование» переводится в зависимости от контекста. Это может быть как двусоставное предложение: *And I'm sitting from morning to evening for the next six weekends*; так и предложение с bare infinitive: *And then drop the ladder (И потом отбросить лестницу)*.

Значение «Невозможность действия» может быть переведено двумя способами. Например, с использованием конструкции «There is/are no» без использования инфинитива: *There are no such chairs and stairs in our homes*. Также возможно использование глагола «can» в отрицательной форме: *They cannot become part of society without this (Без этого им не стать частью социума)*.

Для перевода инфинитивных предложений со значением «неизбежность действия» используется bare infinitive: *Change your view of the Earth...*

Значение «Желательность действия», в котором часто используется частица «бы», как правило, переводится на английский язык с помощью «would rather \ had better»: *He would rather live and create in this beautiful country to the delight of himself and the public!*

Перевод инфинитивных предложений с модальным значением «ненужность действия» происходит с помощью конструкций «Don't + bare infinitive»: *Don't teach your eggs*.

Таким образом, занимая различное композиционное положение (заголовки, подзаголовки, основной текст), инфинитивные предложения становятся действенным инструментом выражения модальной семантики. Модальная семантика инфинитивных предложений в публицистике имеет тесную корреляцию с контекстом и не может рассматриваться изолированно. Наиболее частотными модальными значениями в нашем исследовании оказались значение «возможность действия», значение «необходимость действия», значение «приказ». Перевод инфинитивных предложений разной модальной семантики осуществляется с помощью различных эквивалентных конструкций. Выбор инфинитивного предложения как модального средства в журнале развлекательного характера диктуется его стилистическими характеристиками. В журнале развлекательного характера инфинитивные предложения более частотны в употреблении, чем в журнале научно-популярной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык : учеб. пособие для пед. ин-тов : в 3 ч. 2-е изд. М. : Просвещение, 1987. Ч. 3 : Синтаксис. Пунктуация. 256 с.
2. Широбокова Л. А. Синтаксические конструкции с инфинитивом в газетных заголовках: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты (на материале российских и британских печатных сми) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 10.02.19 / Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д., 2011. 19 с.
3. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. М., 1975. С. 254–295.

УДК 811.111'37

Воронова Юлия Вадимовна, студентка

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *yulia.voronova20@gmail.com*

Voronova Yuliya Vadimovna, student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *yulia.voronova20@gmail.com*

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ДОМИНИРОВАНИЯ (на основе материалов англоязычных ток-шоу)

Аннотация. Рассматриваются подходы к определению и классификации коммуникативной стратегии доминирования, изучаются особенности их использования в англоязычных ток-шоу.

Ключевые слова: когнитивно-лингвистический подход, публицистический дискурс, речевое воздействие, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный ход.

COMMUNICATIVE TACTICS AND STRATEGIES OF DOMINANCE (based on the materials of english talk-shows)

Annotation. Various approaches to determine and classify communicative strategy of dominance are being examined in the article, as well as different peculiarities of its usage in English talk shows.

Key words: cognitive-linguistic approach, journalistic discourse, speech influence, communicative strategy, communicative tactic, communicative move.

В начале XX века одним из основных фокусов внимания в мире психологии является бихевиоризм. Изучение поведения как объективного феномена психики оказывает своё влияние и на изучение речевого поведения в лингвистике. Результатом обширных исследований стало возникновение такого подхода как когнитивно-лингвистический, постулаты которого были сформулированы в статье А. Е. Кибрика «Лингвистические постулаты» в 1983 году [1]. Расширение сферы влияния лингвистики позволило взглянуть на феномены, которые раньше воспринимались не наблюдаемыми, более прагматично, в том числе и на речевое поведение.

Благодаря когнитивно-лингвистическому подходу стало возможным выделить такие понятия, как коммуникативная стратегия и тактика. Одним из первых, кто выделил понятие непосредственно коммуникативной стратегии в лингвистическом контексте стал нидерландский лингвист Т. А. Ван Дейк. Он определил данный феномен как «общую организацию некоторой последовательности действий, которая включает цель или цели взаимодействия», сравнивая стратегию с планом общения [2, с. 98].

В своей работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» О. С. Иссерс сравнивает коммуникативные задачи со «сверхзадачей» или коммуникативной стратегией [3, с. 52]. Такой подход помогает разграничить семантический компонент, отвечающий за план, задачу или цель от средств, используемых для их достижения, и выделить их как два отдельных феномена – коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика соответственно. Согласно Т. Ван Дейку, коммуникативные тактики представляются как одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Если рассмотреть стратегию и тактику в родовидовом соотношении, то необходимо ввести и третью переменную, которая именуется «коммуникативным ходом» (КХ) [2].

Лингвистическим материалом для нашего исследования коммуникативных стратегий и тактик послужили англоязычные ток-шоу, которые можно отнести к публицистическому дискурсу. Дискурс представляет собой процесс живого вербализованного общения, который во многом отклоняется от письменной речи, сохраняя в себе спонтанность, тематическую связность и завершённость. Дискурс отражает в себе коммуникативные намерения автора, взаимоотношения автора и адресатов, а также жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую он включен. Именно эта погружённость в жизнь и учёт экстралингвистических факторов позволяет анализировать дискурс с точки зрения когнитивной лингвистики, частью которой стали исследования коммуникативных стратегий и тактик в конце XX века.

Публицистический тип дискурса, затрагивая всевозможные сферы жизни человека, является так называемой призмой действительности. Однако целью медиатекста не всегда выступает исключительно информирование. Публицистический дискурс вполне может стать персуазивным и реализовывать в себе такие коммуникативные стратегии, как стратегию манипуляции или дискредитации. Данная особенность сближает его с политическим и характеризует как личностно-ориентированный тип дискурса, который ставит своей целью воздействовать на адресата в том или ином смысле и вызвать у него отклик.

Речевое воздействие ставит своей целью установление власти в речевом взаимодействии, которое позволяет людям организовать сотрудничество. В ситуации массмедийного дискурса стратегии и тактики реализации речевого воздействия вызывают особый интерес, так как могут быть использованы под предлогом стратегий информирования, распространённых в данном типе дискурса.

Основной стратегией получения власти в коммуникации считается стратегия доминирования. В статье, посвящённой коммуникативным тактикам и ходам, реализующим стратегию доминирования, А. Ю. Кудрявцева рассматривает стратегию доминирования в тесной связи с социальным статусом говорящего и теми компетенциями, которыми он владеет и которые были выделены В.В. Богдановым в работе «Коммуникативная компетенция и лидерство» [4; 5]. Под данными компетенциями подразумеваются компетенция энциклопедическая, лингвистическая и интерактивная. В соот-

ветствии с ними были выделены следующие тактики реализации стратегии доминирования и соответствующие им коммуникативные ходы (далее – КХ), которые представлены ниже в виде следующей схемы:

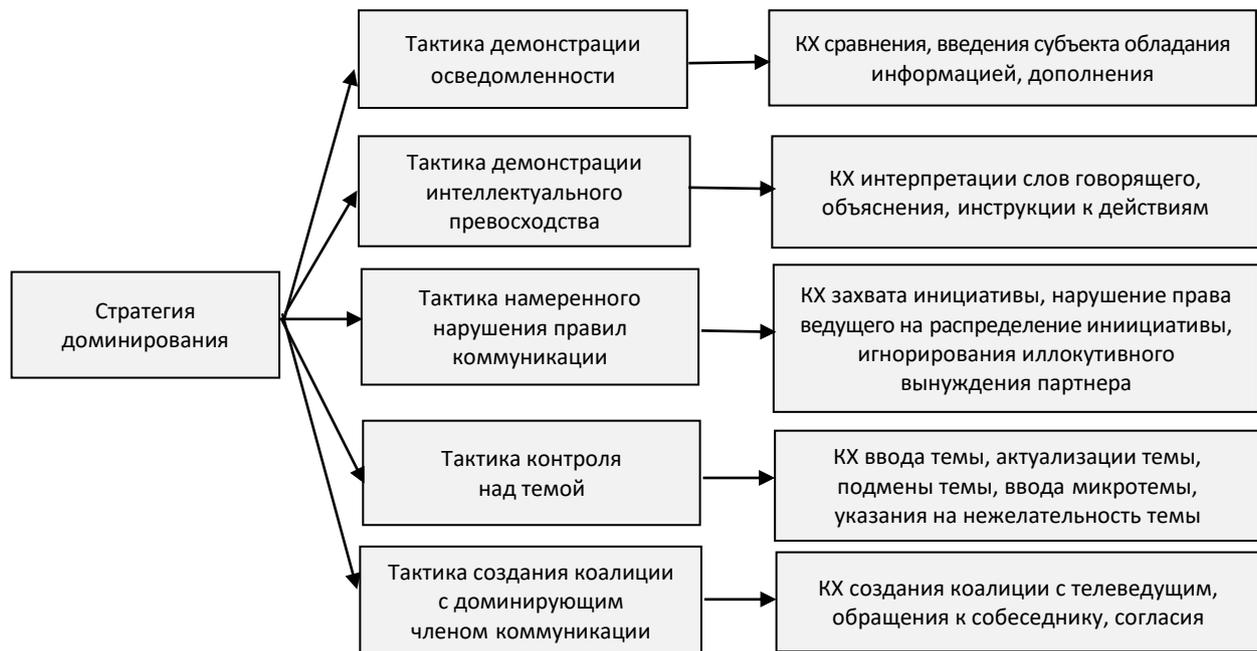

Рисунок 1 – Коммуникативные тактики и ходы реализации стратегии доминирования

В качестве источника материала для анализа было выбрано британское комедийно-развлекательное ток-шоу «The Graham Norton Show» с участием различных звёзд шоу-бизнеса в качестве гостей. Для проведения исследований было отобрано 5 выпусков длительностью около 45 минут, записанных в 2018-ом году. Объём проанализированного материала составил около 4 часов. В результате анализа была составлена классификация использованных коммуникативных ходов и тактик с указанием оригинальных реплик. Давайте рассмотрим их с приведением конкретных реплик.

Тактика демонстрации осведомлённости не была широко представлена в рамках развлекательного ток-шоу, однако некоторые из примеров позволяют выявить наиболее частотные коммуникативные ходы, которые были использованы гостями:

«*It's a lot like La La Land*» ‘Это во многом как Ла-Ла-Ленд’ – КХ сравнения;
 «*By the way, that was live*» ‘К слову, это было вживую’ – КХ дополнения.

Тактика демонстрации интеллектуального превосходства также не находит особого отражения в данном жанре ток-шоу, однако был выявлен следующий коммуникативный ход:

«*I know that because I've read Gary Barlow's book "A better me"*» ‘Я знаю это, потому что я прочитал книгу Гарри Барлоу “Лучшая версия меня”’ – КХ объяснения.

В некоторых случаях данная коммуникативная тактика может быть использована ведущим для снятия трудностей понимания.

Тактика намеренного нарушения правил коммуникации была представлена следующими коммуникативными ходами:

(в ответ на 3 вопроса ведущего) «*Yeah. That's right. Yes*» ‘Да. Верно. Да’ – КХ игнорирования иллокутивного вынуждения партнёра по коммуникации;

(ко второму гостю после вопроса ведущего к первому: «*You do like to learn new things, right?*» ‘Ты бы хотел узнать новое, правда?’) «*You too like to learn new things*» ‘Ты тоже любишь изучать новое’ – КХ нарушения права ведущего на распределение инициативы;

(во время речи другого гостя) «*Did you have water guns? I would love that*» ‘У вас были водные пистолеты? Мне бы это понравилось’ – КХ захвата инициативы.

Тактика создания коалиции с доминирующим членом коммуникации встречалась 12 раз и одними из примеров коммуникативных ходов стали следующие:

(к гостю) «*I've always admired your train work*» ‘Я всегда восхищался тому, как ты обращаешься с подолом’ – КХ обращения к собеседнику;

«*I know he was very good*» ‘Я знаю, что он был очень хорош’ – КХ согласия.

Тактика контроля над темой представляла особый интерес для данной работы, так как одной из подзадач ставился анализ того, удерживается ли контроль над темой ведущим или же данной тактикой пользуются и приглашённые гости. Она была представлена в обработанном материале следующими коммуникативными ходами:

«*That's the first time you meet her, right?*» ‘Это первый раз, когда ты её встречаешь, не так ли?’ – КХ обращения к собеседнику, ввод микротемы;

«*There is an interesting link between theremin and Doctor Who*» ‘Между Доктором Кто и терменвоксом существует интересная связь’ – КХ смены темы;

«*Can I tell you something about 11?*» ‘Могу я рассказать вам кое-что про 11?’ – КХ ввода микротемы;

При анализе языковых средств выражения тех или иных тактик можно заметить, что при коммуникативном ходе сравнения широко используются указательные местоимения (*that* ‘тот’, *same* ‘такой же’), сравнительные союзы (*like* ‘как’). Указательные местоимения также встречаются в коммуникативном ходе дополнения наряду с вводными конструкциями со значением порядка мыслей (*by the way* ‘к слову’). В тактике демонстрации интеллектуального превосходства также находят своё отражение вводные конструкции и подчинительные союзы (*because* ‘потому что’). Для реализации коммуникативного хода захвата инициативы субъекты в большинстве случаев прибегают к эмоционально-окрашенным интонационно и лексически конструкциям (*Nah, come on* ‘Ну нет, да ладно вам’), преобладают вопросительные предложения (*Did you do a Scottish accent?* ‘Ты симитировал шотландский акцент?’, *Do you have a picture of it?* ‘У вас есть фотография этого?’), и повелительное наклонение глаголов (*Don't pretend* ‘Не притворяйся’, *Introduce me* ‘Представьте меня’).

В большей степени была задействована тактика намеренного нарушения правил коммуникации, которой за всё исследование гости воспользовались в общей сложности 25 раз. В меньшей степени использовалась тактика

демонстрации интеллектуального превосходства, что скорее всего обусловлено тематикой ток-шоу. В контексте развлекательной передачи многие гости пытались захватить инициативу разговора, включая себя в беседу доминирующего члена коммуникации, а также нарушая права ведущего на распределение инициативы. Это позволяло получить возможность быть больше времени в центре внимания. Тактика демонстрации интеллектуального превосходства с помощью объяснения, инструкции к действиям или интерпретации слов говорящего была реализована лишь 3 раза, потому что основными темами коммуникации становился опыт самих гостей или их недавняя деятельность, что не давало возможности развернуть высокоинтеллектуальные дискуссии и не поощрялось ни ведущим, ни гостями.

В свою очередь тактика контроля над темой является второй по частотности тактикой стратегии доминирования, которая была реализована в представленном материале. Это объясняется включением в статистику ведущего, который на протяжении всех эпизодов ток-шоу являлся ответственным за ввод и смену тем. Помимо ведущего у гостей были попытки смены темы, некоторые из которых стали успешными, но в общей сложности они не были многочисленными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : МГУ, 1992. 336 с.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Богданов В. В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 26–31.
5. Кудрявцева А. Ю. Коммуникативные тактики и ходы, реализующие стратегию доминирования // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 62–66

УДК 811.111'42

Цыбульская Мария Владимировна, студентка

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *miaaasyuuuu@mail.ru*

Tsybulskaya Mariya, , student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *miaaasyuuuu@mail.ru*

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ЖАНРЕ КИНОРЕЦЕНЗИИ (на материале русского и английского языков)

Аннотация. Статья представляет собой анализ и систематизацию различных маркеров интертекстуальности, выявленных в кинорецензиях на русском и английском языках. Была определена наиболее продуктивная модель интертекстуальности.

Ключевые слова: интертекстуальность, маркеры, кинорецензия, цитата, аллюзия, реминисценция.

MEANS OF EXPRESSING INTERTEXTUAL CONNECTIONS
IN THE GENRE OF FILM REVIEW
(based on the material of the russian and english languages)

Annotation. The article is an analysis and systematization of various markers of intertextuality identified in film reviews in Russian and English. The most productive model of intertextuality was determined.

Key words: intertextuality, markers, film review, quotation, allusion, reminiscence.

Интертекстуальность давно и прочно является одной из самых продуктивных теоретических проблем, изучаемых как зарубежными, так и отечественными лингвистами. В последнее время это понятия активно завоёвывает новые области применения. В их числе также оказывается и публицистика.

Жанр рецензии – один из основных в институте кинокритики, по его состоянию можно судить об отрасли в целом. Появившись на свет практически одновременно с кинематографом в начале XX века, кинорецензия развивается в непосредственной связи с данным видом искусства. Несмотря на существование большого количества работ, посвящённых исследованию специфики кинорецензии, вопрос, связанный с теоретической разработкой данного жанра, всё ещё остаётся слабо изученным.

Целью нашего научного исследования является выявление особенностей реализации интертекстуальных связей в кинорецензиях на русском и английском языках. Актуальность данного исследования обусловлена сразу несколькими факторами. С одной стороны, возросшим интересом к категории интертекстуальности как явлению культуры и как текстовой категории, а, с другой стороны, существует явная необходимость изучения специфики её проявления в пространстве кинорецензий, которые были созданы в различных культурно-языковых сообществах.

К определению термина «интертекстуальность» существует множество подходов, узких и широких трактовок, но в данном исследовании мы будем считать, что интертекстуальность – это «общее свойство текстов, выражающееся в наличии связей, благодаря которым тексты могут явно или неявно ссылаться друг на друга» [1]. Для того, чтобы реципиент мог распознать интертекстуальную интенцию автора, текст должен содержать интертекстуальные индексы. Для создания подобных индексов авторы используют различные инструменты интертекстуальности: цитаты, аллюзии и реминисценции.

Материалом нашего исследования послужили кинорецензии на следующие фильмы: «Гарри Поттер и философский камень» (2001), «Интерстеллар» (2014), «По соображениям совести» (2016), «Зелёная миля» (1999), «Джейн Эйр» (2011), «Побег из Шоушенка» (1994), «Начало» (2010).

Было просмотрено 25 русских и 25 английских кинорецензий, доступных на популярных интернет-сайтах англоязычных и русскоязычных платформ. Наиболее используемыми источниками английских кинорецензий

являются веб-сайт “IMDb”, считающийся крупнейшей в мире базой данных о кинематографе, и портал известного американского критика Роджера Эберта – “RogerEbert”. Большинство кинокритических рецензий на русском языке было взято с крупнейшего русскоязычного интернет-сервиса «Кинопоиск», а также со специализированного интернет-журнала «Искусство кино» и информационно-развлекательного портала «Канобу».

Кинокритические рецензии выполнены как профессиональными кинокритиками, так и любителями, и рассчитаны на массового читателя.

Рассмотрим инструменты создания интертекстуальности в пространстве русскоязычных кинокритических рецензий. В ходе исследования мы проанализировали 25 кинокритических рецензий, в которых было выявлено 39 интертекстуальных включений различного типа.

Наиболее распространённым и очевидным маркером интертекстуальности является *цитата*: 19 случаев дословного воспроизведения в тексте кинокритической рецензии одного и более прецедентных текстов. Широкое распространение получил приём введения рецензентом диалогов или реплик, взятых из исходного кинофильма, в основной текст статьи. К примеру, при анализе пространства кинокритических рецензий на военную драму «По соображениям совести» мы отметили, что многие авторы включают в свой текст прямые цитаты главного героя фильма Дэймонда Росса: «*Чего ты хочешь? Я не в силах понять. Я тебя не слышу*», — говорит потрясённый кровавой бойней капрал Досс в фильме Гибсона.

При этом наиболее частотными являются цитаты с атрибуцией, в то время как цитаты без указания автора-донора высказывания встречаются реже.

Вторым по распространённости инструментом создания интертекстуальности является *аллюзия*. При анализе практического материала мы обнаружили 16 случаев заимствования определённых элементов претекста. Стоит отметить, что при создании аллюзивных включений в поле интереса составителей кинокритических рецензий могут попадать факты из:

1) мифологии: «А сын, который вырастает за время его странствий, — *Телемак*, у которого своя, не зависящая от отца, хоть и предопределённая его отъездом, судьба».

2) Библии: «Ибо никогда не стоит *создавать себе кумира*, как это сделал я в случае с ‘Межзвездным’».

3) всемирной истории: «Носитель имени короля, опоэтизированного Шекспиром в «Генрихе V» — ‘Господь за Гарри и святой Георг!’, и *того, другого, иной страны, того короля Наваррского*».

4) живописи: «Таинственное рукопожатие, которое Амелия переживает в момент перелета через «котовую нору», возвращается, когда Купер оказывается за горизонтом событий: это он жмет ей руку, невольно повторяя *жест Адама, прикасающегося пальцем к Богу-Отцу на потолке Сикстинской капеллы*».

5) науки: «Более того, вся эта экспедиция, что демонстрирует научные познания человечества, увенчана библейским именем «Лазарь». Историю которого авторы иронично описывают научным языком: чтобы чего-то достичь, надо от чего-то избавиться — *третий закон Ньютона*».

Наименее частотным маркером интертекстуальности является *реминисценция*, так как нами было выявлено всего 4 неявные отсылки к другим произведениям или культурно-историческим событиям. Например, при анализе кинокритики на научно-фантастическую драму «Интерстеллар» мы обнаружили, что рецензент включил в текст статьи выражение «как корабль назовёшь, так он и...», говоря об упомянутом в эпосе космическом корабле «Лазарь». Оригинальное выражение «как яхту назовёшь, так она и поплывет» принадлежит знаменитому капитану Врунгелю, герою популярного советского мультсериала, который был снят в 1970-ые годы.

Далее рассмотрим инструменты создания интертекстуальности в пространстве англоязычных кинокритик. В ходе исследования инструментов создания интертекстуальности в пространстве кинокритик на английском языке нами было выявлено 24 интертекстуальных включения. Отметим, что количество значительно уступает количеству интертекстуальных маркеров, найденных нами в кинокритике на русском языке, несмотря на их меньшую содержательность и отсутствие широкого разнообразия в способах выражения оценочности.

Как и при анализе кинокритик на русском языке, мы определили, что самым распространённым и очевидным маркером интертекстуальности является *цитата*. Нами было выявлено 13 случаев дословного воспроизведения в тексте кинокритики одного и более прецедентных текстов. Широкое распространение получил приём введения рецензентом диалогов или реплик, взятых из исходного кинофильма, в основной текст статьи. Также кинокритики активно используют цитаты как эпиграф, помещая их в начало своей статьи. Приведём пример из кинокритик на мистическую драму “The Green Mile”, взятых со специализированного англоязычного сервера “IMDb”:

1) “*What happens on the mile stays on the mile*” («*То, что происходит на миле, остаётся на миле*»).

2) “*Some birds aren't meant to be caged*” («*Некоторые птицы не должны быть заточены в клетке*»).

В обоих случаях в качестве эпиграфа были взяты цитаты из одноимённого романа Стивена Кинга, текст которого лежит в основе сюжета вышеупомянутого кинофильма.

Вторым по распространённости инструментом создания интертекстуальности является *аллюзия*: мы обнаружили 10 случаев заимствования определённых элементов претекста. При создании аллюзивных включений в поле интереса составителей кинокритик могут попадать факты из:

1) мифологии: “*While it is an outstanding technical production, giving spectacle precedence over narrative is the film's Achilles Heel*” («*Несмотря на то, что это выдающаяся техническая постановка, приоритет зрелища над повествованием является ахиллесовой пятой фильма*»).

2) Библии: “*After all, even a non-religious person can admit that Thou Shall Not Kill is universally humanistic*” («*В конце концов, даже нерелигиозный человек может признать, что "Не убий" универсально гуманистично*»).

3) литературных произведений: “Richard Harris is headmaster Dumbledore, his beard so long that in *an Edward Lear poem*, birds would nest in it” («Ричард Харрис – директор Дамблдор; его борода такая длинная, что в *стихотворении Эдварда Лиры* в ней могли бы гнездиться птицы»).

4) других кинофильмов: “Garfield is cast to perfection as the wide-eyed and straight talking man of unshakeable principle and *Palmer* convincingly plays his adorable emotional anchor” («Гарфилд идеально подходит для роли наивного и прямолинейного человека с непоколебимыми принципами, а *Палмер* убедительно играет своего очаровательного эмоционального якоря»).

Также в роли материала для создания отсылок могут выступать пословицы, поговорки, афоризмы и идиомы. Однако самым частотным способом создания аллюзивной отсылки является так называемое «раскавычивание» цитаты и включение новообразованной версии ранее дословной выдержки в текст кинокритики: “He calls our attention to the hero of his story who managed to *put a little bit of the world tearing itself apart back together*” («Он обращает наше внимание на героя своей истории, *которому удалось собрать воедино частичку мира, разрывающегося на части*»).

Стоит отметить, что для создания аллюзивных отсылок русскоязычные и англоязычные авторы, несмотря на разный культурный контекст, выбирают одни и те же цитаты.

Наименее частотным маркером интертекстуальности в пространстве кинокритики на английском языке является *реминисценция*. Нами была выявлена всего одна неявная отсылка к литературному произведению: “The film certainly doesn't *go quietly into the night*” («Фильм, определённо, тихо в ночь не уходит»). Автор кинокритики неосознанно перефразирует название известного стихотворения Дилана Томаса “Do not go gentle into that good night” («Не уходи нежно в эту тихую ночь»), тем самым создавая ситуацию, подходящую под описание термина «реминисценция».

Для итоговой систематизации мы посчитали долю каждого маркера интертекстуальности от общего количества выявленных включений: цитата – 54%, аллюзия – 45%, реминисценция – 5% (в материале на русском языке); цитата – 49%, аллюзия – 41%, реминисценция – 10% (на английском). Таким образом, результаты анализа практического материала на русском и английском языках показали, что самым очевидным маркером интертекстуальности текста рецензии является цитата. Было отмечено, что при создании интертекстуальных индексов в поле интереса составителей кинокритики чаще всего попадают факты из мифологии, всемирной истории и Библии. Также широкое распространение в кинокритике получил приём введения рецензентом диалогов или реплик, взятых из исходного кинофильма, в основной текст статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер.: Б. П. Нарумов, Г. К. Косиков. М. : Директ-Медиа, 2009. 656 с.

УДК 81'373'42

Куц Александра Александровна

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *sashenka_brest@tut.by*

Kuts Aliaksandra Aliaksandrovna

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *sashenka_brest@tut.by*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: В статье установлены и систематизированы языковые средства обозначения победителя. Исследование проводится на материале корпусных текстов газетно-публицистического стиля. Лексические обозначения победителя представлены в виде лексикографической полевой модели.

Ключевые слова: полевые исследования, лексико-семантические группы, основные лексические обозначения, комплексные совмещённые обозначения, устойчивые ассоциативно-образные обозначения.

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF THE LINGUISTIC MEANS DENOTING THE WINNER IN THE MODERN TEXT

Summary: In the article linguistic means of denoting the winner are being established and systematized. The analysis is carried out on the corpus-based newspaper texts. The lexical units denoting the winner are presented in the form of a lexicographic field model.

Key words: field research, lexico-semantic groups, basic lexical representations, complex combined representations, set associative-figurative representations.

Чутким и непосредственным регистратором общественного восприятия победителя является лексика языка. Выбранный в качестве объекта исследования фрагмент национальной языковой картины мира не случаен и предопределён необходимостью очертить современное представление о победителе, так как роль победителя знакома каждому индивиду и постоянно находит актуализацию в различных сферах жизнедеятельности: работе, учёбе, личной жизни, спорте, политике, войне, религии, медицине. Исследование проведено на материале английских, белорусских и русских текстов газетно-публицистического стиля первых двух десятилетий XXI века, так как именно материалы СМИ играют важную роль в формировании современного образа человека. Обязательным условием отбора служило наличие лексемы *victory*, *перамога*, *победа*. Источниками текстов послужили белорусский и русский национальные корпуса [1; 2], а также выстроенный корпус на основе британских интернет-источников [3; 4]. Методом сплошной выборки было отобрано по 500 контекстов для каждого из языков и выявлено 680 примеров употребления имён нарицательных, служащих обозначением победителя.

Языковые средства обозначения *победителя* представлены в виде лексикографической полевой модели, представленной Л. Г. Бабенко. В такой модели разграничиваются *основные лексические обозначения, комплексные совмещённые обозначения и устойчивые ассоциативно-образные обозначения* [5].

К *основным английским лексическим обозначениям победителя* были отнесены следующие (в скобках указана частотность актуализации в 500 контекстах): a person who achieves a high or specified level of success ‘человек, который добился значительного успеха’: *winner* (91), *success* (17), *victor* (5), *conqueror* (2); a person who has surpassed all rivals in a sporting contest or other competition ‘человек, превзошедший всех соперников в том или ином соревновании’: *champion* (41), *champ* (1); a competitor or team that has reached the final or finals of a competition ‘участник или команда, вышедшие в финал или финалы соревнований’: *finalist* (2); having won a victory ‘одержавший победу’: *victorious* (6), *triumphant* (4). Итого: 169 словоупотреблений.

Среди *основных белорусских лексических обозначений победителя* были установлены: той, хто перамог, дабіўся перамогі: *пераможца* (22), *чэмпіён* (7), *чэмпіёнка* (6), *трыумфатар* (1); тот, котораго перамаглі: *пераможаны* (6); тот, который имеет отношение к победе, который завершился победой, несёт победу: *пераможны* (8). Итого: 50 словоупотреблений.

Основные *русские лексические обозначения победителя* выглядят следующим образом: тот, кто победил, одержал победу: *победитель* (26), *триумфатор* (2), *победоносец* (1), рекордсмен (2); та, которая одержала победу: *победительница* (6); относящийся к победе, выражающий торжество по поводу победы: *победный* (3), *победоносный* (2); такой, которого трудно, невозможно победить: *непобедимый* (3). Итого: 45 словоупотреблений.

Наиболее частотными среди *основных лексических обозначений победителя* являются следующие единицы: *winner* (91) в английских текстах, *пераможца* (22) в белорусских текстах, *победитель* (26) в русских текстах. Среди русских лексических обозначений *победителя* мужского и женского рода употребляются отдельные лексемы *победитель* / *победительница*, в белорусском и русском же языках мужчины и женщины-победители именуются одной и той же лексемой. Были установлены лексемы, характерные для текстов одного языка, но не отмеченные в сопоставляемых текстах других языков, например: *трыумфатар* и *триумфатор* в белорусском и русском языках, но в англоязычных текстах эквивалента этим словам выявлено не было. Лексема *winner* характеризуется наибольшей частотой актуализации, нежели его синоним *victor*. Согласно Оксфордскому словарю их значения отличаются. Так, если *winner* означает человека, который нечто выиграл, то *victor* – это уже человек, который не просто выиграл что-то, но при этом одержал верх над врагом или оппонентом [6].

Среди *комплексных совмещённых обозначений победителя* в английских газетных текстах были выделены следующие лексемы: titles awarded as a result of a victory ‘звания, присуждаемые в результате победы’: *hero* (23), *heroine* (1), *superhero* (1); the competitor thought most likely to win, especially by

people betting on the outcome ‘наиболее вероятный победитель, чаще всего на которого делают ставки’: *favourite* (17); a person who is the current champion of a major sports competition ‘человек, который является действующим чемпионом крупного спортивного соревнования’: *titleholder* (1); a person who is awarded a token of victory ‘человек, награждённый знаком победы’: *medalist* (1). Итого: 44 словоупотребления.

В белорусских текстах зафиксированы следующие *комплексные совмещённые обозначения*: звания, присуждаемые в результате победы: *чэмпіён* (18), *герой* (10), *лаўрэат* (3); тот, кто идёт первым в каком-либо соревновании: *лідэр* (15); тот, кто имеет наибольшие шансы на первенство в спорте: *фаварыт* (6); участник соревнования, который получил приз: *прызёр* (21); участник соревнования, который установил рекорд: *рэкардыст* (3); тот, кто получил медаль как победитель в спортивных состязаниях: *медаліст* (2); та, которая получила медаль как победитель в спортивных состязаниях: *медалістка* (1). Итого: 79 словоупотребления.

Комплексные совмещённые обозначения в русскоязычных текстах фигурируют следующим образом: спортсмен или спортивная команда, идущие первыми в состязании: *лидер* (65); тот, кто имеет наибольшие шансы на первенство в спорте: *фаворит* (28); спортсмен, победитель в соревновании в каком-либо виде спорта на первенство: *чемпион* (25); лицо, которому присуждена государственная или международная премия: *лауреат* (8), *дипломант* (1); тот, кто получил медаль как победитель в спортивных состязаниях: *медалист* (1); звания, присуждаемые в результате победы: *чемпион* (13), *герой* (12). Итого: 153 словоупотребления.

Таким образом, наиболее частотными среди *комплексных совмещённых обозначений победителя* в английском, белорусском и русском языках являются следующие единицы соответственно: *hero* (23), *чэмпіён* (18), *лидер* (65). В белорусскоязычных и русскоязычных текстах отмечены случаи актуализации лексем *лаўрэат* (3) и *лауреат* (8), однако среди англоязычных контекстов соответствующий им эквивалент *laureate* не был обнаружен. Также были установлены единицы, эквиваленты которым отсутствуют в других языках. Например, *titleholder* (1) ‘человек, который является действующим чемпионом крупного спортивного соревнования’, *champ* (1) – ‘разговорное наименование чемпиона’. Разница в семантике лексем *победитель* и *лауреат* заключается в том, что первая чаще всего включает соревновательный аспект и обозначает того, кто получил победу над своим соперником. Звание *лауреата* получают те, кто внёс особый вклад в жизнь общества и заслужил какую-либо премию. В этом смысле речь идёт не о конкурсе, а об упорном труде и связанных с ним достижениях. Само слово *лауреат* обладает внутренней формой, признак, положенный в основу номинации – лавровые ветви, венком из которых древние греки и римляне украшали головы победителей, символизируя победу, триумф и славу. *Лауреат* не всегда оказывается победителем, в то время как *победитель* – это всегда лауреат.

Устойчивые ассоциативно-образные обозначения представлены в английских газетно-публицистических текстах следующим образом: an outstandingly successful person ‘человек, прославившийся в какой-либо сфере деятельности; о знаменитости’: *star* (16), *superstar* (1); a person regarded as likely to receive an award or achieve smth ‘лицо, которое скорее всего получит приз или достигнет что-либо’: *candidate* (19), *nominee* (3), a person who is awarded something, such as a prize or payment ‘человек, которому что-то присуждается, например приз или выплата’ *awardee* (3). Итого: 42 словоупотребления.

В белорусских текстах *устойчивые ассоциативно-образные обозначения* победителя представлены следующим образом: тот, кто претендует на получение или достижение чего-либо: *кандыдат* (21), *прэтэндэнт* (3); тот, кто принимает участие в чем-нибудь: *удзельнік* (16); тот, кто готов идти на риск для достижения чего-либо: *рызыконт* (2). Итого: 42 словоупотребления.

Основные русские *устойчивые ассоциативно-образные обозначения* выражены следующими единицами: тот, кто принимает участие в чем-либо: *участник* (23), *конкурсант* (10); тот, кто намечен для избрания, назначения, приёма куда-либо, или для получения чего-либо: *кандидат* (15); тот, кто претендует на что-либо или имеет основания на получение чего-либо: *претендент* (8). Итого: 56 словоупотреблений.

Следовательно, наиболее частотными среди *устойчивых ассоциативно-образных обозначений победителя* являются лексемы *candidate* (19) в английском языке, *кандыдат* (21) в белорусском языке и *участник* (23) в русском языке.

Среди средств обозначения победителя, помимо имён нарицательных, были установлены имена собственные. Они обладают всеобщей узнаваемостью и воспроизводимостью в рамках отдельной культуры, то есть характеризуются прецедентностью. Имя субъекта является импульсом культуры и индикатором типа культуры [7, с. 382]. Выявленные имена собственные отличаются в текстах трех языков. Так, в роли победителей на протяжении первых двух десятилетий XXI века выступали следующие деятели: 1) в английских текстах *Lord Nelson* – одержал победу в Копенгагенском сражении; *Wayne Rooney* – победитель Лиги чемпионов УЕФА; *Donald Trump*, *George Bush*, *Barak Obama* – одержали победу на президентских выборах в США в период двух первых десятилетий XXI века; *Michael Schumacher* – семикратный чемпион мира, обладатель рекордов чемпионата мира Формулы-1; *Jodie Foster* – лауреат премий «Оскар», «BAFTA», «Золотой глобус», «Независимый дух» и премии Гильдии киноактёров США; *Rory McIlroy* – возглавлял мировой рейтинг в гольфе, победитель «мейджоров» и т. д.; 2) в белорусских текстах *Вікторыя Азаранка* – Олимпийская чемпионка, призёр, победительница и финалистка турниров Большого шлема, победительница турниров WTA; *Вольга Гаварцова* – победительница турниров WTA, победительница Большого шлема, финалистка турнира Orange Bowl; *Іван Ціхан* – двукратный чемпион мира в метании молота, призёр Олимпийских игр; *Максім Мірны* – бывшая первая

ракетка мира в парном разряде, олимпийский чемпион, 10-кратный победитель турниров Большого шлема, победитель 53 турниров АТР; *Александр Суворов* – за всю карьеру полководца не проиграл ни одного сражения и т. д.; 3) в русских текстах *Владимир Путин*, *Михаил Медведев* – одержали победу на президентских выборах в России в период двух первых десятилетий XXI века; *Мария Шарапова* – экс-первая ракетка мира, победительница пяти турниров Большого шлема, одна из лидеров по рекламным заработкам среди спортсменов мира; *Ирина Слуцкая* – призёр Олимпийских игр по фигурному катанию, призёр Олимпийских игр, чемпионка мира, чемпионка Европы и т. д..

Специфика национального отношения к победителю покоится в языке. Тексты газетно-публицистического стиля играют важную роль в формировании образа победителя. На материале английских, белорусских и русских текстов газетно-публицистического стиля установлены и систематизированы языковые средства обозначения победителя. Лексические обозначения победителя представлены в виде лексикографической полевой модели, которая включает в себя *основные лексические, комплексные совмещённые и устойчивые ассоциативно-образные обозначения*. Специфика разработанной лексикографической полевой модели заключается в разной количественной и частотной представленности языковых средств, обозначающих победителя, в трех зонах полевой модели как при внутриязыковом, так и межъязыковом сопоставлении, а также в выявлении случаев отсутствия эквивалентных наименований победителя при сопоставлении текстов английского, белорусского и русского языков в рамках исследуемого материала. В белорусском и русском языках для наименования победителя чаще прибегают к употреблению *комплексных совмещённых обозначений* (79 и 153 словоупотреблений соответственно), а в английском языке – *основных английских лексических обозначений* (169 словоупотреблений). Среди средств обозначения победителя помимо имён нарицательных были установлены прецедентные имена собственные. Такие имена являются индикатором специфики протекания культурных процессов в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://bnkorporus.info> (дата обращения: 22.06.2016).
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 22.06.2016).
3. The Guardian [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/> (accessed: 24.06.2020).
4. The Daily Telegraph [Electronic resource]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/> (accessed: 24.06.2020).
5. Бабенко Л. Г. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентация в языке и речи: на материале лексики, фразеологии и паремиологии : словарь. М. : Азбуковник, 2017. 1020 с.
6. The Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.lexico.com/definition/long/> (accessed: 24.06.2022).
7. Топоров В. Н. Имя как фактор культуры // Исследования по этимологии и семантике : [в 3 т.]. М., 2005. Т. 1 : Теория и некоторые частные её приложения. С. 380–383.

УДК 811.161.1'373.45'374

Акуленко Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *alena-95@tut.by*

Леонтьева Вера Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *veraleo@tut.by*

Akulenko Alena, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *alena-95@tut.by*

Leontyeva Vera, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *veraleo@tut.by*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
(на материале лексемы *джунгли*)

Аннотация. В статье прослеживается развитие семантики индийского по происхождению наименования *джунгли* в системе современного русского языка на основе материалов лексикографических источников и данных Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: заимствованная лексическая единица, лексема индийского происхождения, семантическая адаптация, язык-реципиент.

LOANWORDS SEMANTIC ADAPTATION IN THE SYSTEM
OF MODERN RUSSIAN
(based on the lexeme "*jungle*")

Summary. The article traces the semantic development of the lexeme "*jungle*", which is of the Indian origin, in the Russian language system. The research is based on data from various lexicographic sources and the Russian National Corpus.

Keywords: loanword, lexeme of the Indian origin, semantic adaptation, recipient language.

Процесс пополнения словарного состава новыми лексическими единицами является естественным для любого языка, но в определенные периоды языкового развития особое место в данном процессе отводится заимствованиям из заданных источников. На сегодняшний день список языков-доноров для русского языка достаточно широк, начиная с классических греческого и латыни, заканчивая достаточно экзотическими для славянской лингвокультуры китайским, японским, корейским и индийскими языками.

Оказываясь в системе языка-реципиента, заимствования, как правило, достаточно быстро получают графическое оформление, многие из них адаптируются морфологически, но в словообразовательные процессы принимающего языка (как морфологической, так и семантической деривации) включается так или иначе значительно меньшее их количество. Закономерно случаи глубокого внедрения «чужеродной» единицы в семантическую систему нового языкового пространства особенно интересны.

В центре нашего внимания – лексема *джунгли*, которая прошла в русском языке стадии фонетического, графического и морфологического освоения (будучи *pluralia tantum*, она имеет падежные формы изменения исключительно во множественном числе), а также послужила производящей базой для прилагательного *джунглевый* [1]. Предметом нашего исследования являются особенности семантической адаптации данной лексической единицы в современном русском языке.

Сведения об этимологии и семантике лексемы *джунгли* в современном русском языке были получены нами из ряда лексикографических источников – толковых словарей, словарей иностранных слов, этимологических и энциклопедических словарей. Выводы о специфике функционирования рассматриваемого наименования в современной русской речи сформулированы на основе анализа материалов Национального корпуса русского языка (его Основного корпуса).

По утверждению этимологов, первое упоминание о джунглях в русских письменных источниках встречается в «Хождении за три моря» – записях Афанасия Никитина, в которых он описывал Индию XV в., точнее, Бахманидское государство. Известно, что свое путешествие тверской купец совершал в 1466-1472 гг. [2]. По мнению М. Фасмера, древнерусское *женгель* ‘чаша’ (у Афанасия Никитина) восходит к инд. *džängäl* ‘невозделанная земля’, др.-инд. *jaṅgala* [3]. Лексикографы отмечают, что «в словарях русского языка в форме *джунгель* слово отмечено с 1861 г.» [4]. Во всяком случае, в словаре А. Д. Михельсона «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней», изданном в 1865 г., приводится лексема *джунгли* в значении ‘индийские равнины, поросшие травой и прорезанные болотом и лесом’ [5]. Отметим при этом, что ни в первом (1863-1866 гг.), ни в последующих изданиях «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля интересующее нас слово не фиксируется.

Если М. Фасмер предполагает «новое» (по всей видимости, повторное) заимствование лексемы *джунгли* из нем. *Dschungel* или англ. *jungle* [3], то авторы других лексикографических источников разворачивают цепочку опосредованного заимствования далее: «англ. *jungle*, от джангал, на языке хинди и маратхи – лес, густые заросли» (Большая советская энциклопедия) [6]; «англ. *jungle* < хинди *jaṅgal* < санскр. *jāṅgala* ‘дикость’» (Иллюстрированный словарь иностранных слов Л. П. Крысина, 2008) [7].

Интересно, что в значительной части лексикографических источников (изданных в XIX, XX и даже XXI вв.) лексема *джунгли* фиксируется только в одном (прямом) значении, причем в данных дефинициях наблюдается ряд отличительных деталей. Во II половине XIX – начале XX в. *джунглями* называли «индийские равнины, поросшие травой и лесом, и перерезанные местами болотом» (А. Д. Михельсон, 1865; А. Н. Чудинов, 1910) [5; 8], или «...болотистые берега рек, сплошь покрытые бамбуком и др. растениями» (Ф. Павленков, 1907) [9]. Обращают на себя внимание классифицирующие лексемы *равнины*, *берега (рек)*, дополненные конкретизаторами, в числе которых так или иначе перманентно присутствует признак «болотистости». Лишь в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Ф. Павленкова (1907) интересующая нас дефиниция включает, помимо «флористического», ещё и «фаунистический» компонент: «... *изобилующ. разл. хищными зверями*» [9].

В словаре Д. Н. Ушакова (1935-1940) наименование *джунгли* трактуется уже посредством классификатора *заросли*, сопровождаемого всё тем же конкретизатором – признаком «болотистости», дополненным конкретизирующим признаком «непроходимости»: «непроходимые низкорослые заросли в болотистых местностях Индии» [10]. Данная трактовка *джунглей* сохраняется в лексикографических источниках до сих пор. Изначально (с XIX в.) присутствующий в словарной репрезентации *джунглей* конкретизирующий признак «лесистости», дополненный «труднопроходимостью», стабильно присутствует в большинстве последующих изданий [11; 12; 13; 14; 15].

Отметим, что в толкованиях заметна разная локализация рассматриваемой природной зоны: узкая – «индийский», «в Индии» (в основном, в словарях до середины XX в.) [3; 5; 8; 10] – и широкая – «тропические страны», «тропические страны, преимущественно в Юго-Восточной Азии», «тропики и субтропики», «тропические и субтропические страны» (в более поздних источниках) [1; 4; 7; 14; 15; 16 и др.]. В материалах Национального корпуса русского языка наименования зон распространения джунглей также представлены достаточно широко: упоминаются джунгли Амазонки и Ориноко, джунгли Вьетнама, Бразилии, Бирмы, Гайяны, Конго, Малайзии, Мексики, Перу, Шри-Ланки, Эквадора, Юкатана, джунгли Южной Америки и др. [17].

Помимо того, в новейших специальных лингвистических онлайн-словарях иностранных слов на удивление слаженно и последовательно прослеживается детализация в подаче информации, присущая оригинальному тексту статьи Большой советской энциклопедии, посвященной денотату *джунгли*: (англ. *jungle* хинди) «густые, труднопроходимые лесные заросли в долинах рек предгорий Гималаев; джунглями называются также муссонные тропические леса с обилием деревянистых лиан и высоких грубостебельных злаков (Индостан, Индокитай, Зондские о-ва)» [6; 18; 19].

В словарях русского языка, изданных на рубеже XX – XXI вв., уже отмечается использование в разговорной речи лексемы *джунгли* как обозначения «густых зарослей чего-либо» без какого бы то ни было

обращения к Индии, тропикам, субтропикам и т.д. [4; 14; 15; 16] с иллюстрациями *Камышовые джунгли*. *Джунгли кустарника* [4]; *Джунгли малинника*. *Джунгли камыша* [15]. Авторы «Современного словаря иностранных слов : толкование, словоупотребление, словообразование, этимология» (2005 г.) предполагают, что расширение значения данного слова происходило с I половины XX в. и приводят его без стилистических помет (т.е. употребление лексемы *джунгли* в расширительном значении, по мнению создателей словаря, больше даже не ограничивается рамками разговорной речи, а характеризует нормированный русский язык в целом): «*Расшир.* Всякий густой лес. *Это не подмосковный лес, а прямо джунгли какие-то! В наших местных джунглях вполне можно заблудиться*» [20]. На наш взгляд, введение в словарную статью *джунгли* хронологической составляющей заслуживает внимания, данная попытка функционального осмысления лексической единицы весьма плодотворна. Трактовка *джунглей* как «всякого густого леса», однако, не представляется нам удачной, семантический потенциал *джунглей* как «густых зарослей чего-либо», по нашему мнению, превосходит текстовые возможности исключительно «леса».

Материалы Национального корпуса русского языка не противоречат приведенным выше утверждениям: отметим значительно опережающее кодификацию вхождение в текстовую реальность лексемы *джунгли* в значении «густых зарослей чего-либо» (с 30-х гг. XX в.), что подтверждает версию авторов Словаря [20], ведущих таймлайн расширительного прочтения *джунглей* с I половины XX в.: *Душный оранжевый воздух цветочного магазина окружил меня теплыми запахами вазонов и дождя. Я стоял в джунглях папоротников, цитрусов, пальм, анемонов, парниковой сирени* [В. П. Катаев. Цветы (1936)]; *Красота! Не сад, а джунгли*. [А. П. Гайдар. Судьба барабанщика (1938)]; *... на хуторе Погорелом, в степных кукурузных, подсолнечных джунглях ...* [В. Ф. Панова. Сентиментальный роман (1958)]; *Он (...) взглянул на лиловые джунгли люпина ...* [Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)]; *А за оврагом чуть меньшее поле сплошь синее – васильки. Это не обычные наши васильки, скромные цветочки, прячущиеся во ржи, а какие-то васильковые джунгли, кусты васильков в пол человеческого роста* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1973)]; *А синие, зеленые, красные водоросли, переплетаясь друг с другом, образовывали настоящие морские джунгли* [В. Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995)]; *... так называемые джунгли – участок, заросший травой, кустарником и деревьями* [К. Феокистов. Траектория жизни (2000)]; *В эту зиму Валентина Викторовна посеяла в ящиках помидоры и сладкий перец, и теперь рассада перерастала на подоконниках, закрывая свет – целые джунгли получились* [Р. Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба народов», 2009]; *... весь участок зарос, не дача, а джунгли какие-то* [А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)] [17].

Жизнь *джунглей* как единицы вторичной номинации зародилась, без сомнения, в текстах: *Мануфактурист Бернштейн на глазах приобрел прямо государственные связи и лез сквозь джунгли нэпа к настоящему богатству* [С. Ф. Буданцев. Отчий дом (1928)]; *И он, миллионер, уже не думает об эксплуатации человека человеком, а думает, как бы ему выжить в этих каменных джунглях* [Л. Измайлов. Наши люди (1984)]; *Ну кто не знает, что Нью-Йорк – это самый страшный город мира, город-спрут, город-джунгли, каменный мешок, в котором нечем дышать* [В. Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)]; *Господи, какая же непонятная штука – жизнь! А душа человеческая – вообще вроде джунглей...* [Г. Полонский. Медовый месяц Золушки (1986) // «Театр», 1988]; *Ведь мы одной крови, жители капиталистических джунглей – «хищники», то есть те, кто сам добился успеха и богатства, и «травоядные», которым богатство и связи достались по наследству* [А. Тарасов. Миллионер (2004)]; *Впрочем, закон джунглей гласил «Слабому – кость», и Николай снова прихлебывал из картонного стаканчика обжигающий кофе, уже предвкушая радостное волнение полета* [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)]; *Вскоре Дина оказалась кормящей женой и матерью. Она не заблудилась в джунглях чистогана. Быстро ушла из педагогики – торговать в книжный магазин. Через год стала директором. Через два магазина этот купила* [М. Неволошин. Уходишь – счастливо, приходишь – привет // «Волга», 2016] [17]. В текстах, как видим, *джунгли* в переносном значении отмечены с 20-х гг. XX в. Обращают на себя внимание частотность и регулярность подобного образа *джунглей* и их концептуализации в русскоязычных текстах на протяжении последних 100 лет. Текстовая реальность, расцвеченная разнообразными красками, до сих пор, на наш взгляд, недостаточно полно представлена в словарях.

Впервые данный ЛСВ (вариант, однозначно используемый в переносном значении) подвергся фиксации в Словаре русского языка С. И. Ожегова (1972) [21]. Да, речь идет о фразеологических единицах, связанных значениях, но прецедент создан: *Закон джунглей* (перен.: об открытом произволе и насилии); *Каменные джунгли* (о кварталах больших городов). Отметим наличие в тексте словарной статьи пометы «перен.», сопровождающей одну из языковых иллюстраций. Тот же *Закон джунглей* в заданном значении дублируют Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (2-е издание, 1981–1984), Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина (1998) и др. [22; 7; 4; 17; 16].

Словарь Л. М. Баш, А. В. Бобровой (2005) вводит в текст словарной статьи третье значение *джунглей* в качестве полноправного «члена» лексемы как системы ЛСВ: «3. (2 пол. XX в.). *Перен.* Об обществе, социальной группе, в которых царят открытый произвол, насилие и жестокость. *Джунгли «свободного мира». Закон джунглей»* [20]. Данный словарь, помимо долго-

жданной полноценной кодификации переносного значения лексемы, снова предпринимает удачную, на наш взгляд, попытку прослеживания хронологического «следа» *джунглей*: в тексте имеется указание на время фиксации ЛСВ (2 пол. XX в.). К сожалению, источник редуцирует отмеченные нами как ведущие себя экспансивно «густые заросли чего-либо», сохраняя в качестве расширительного значения традиционный «всякий густой лес» [20].

Филиация значений *джунглей* в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова (1998) и Популярном словаре русского языка: Толково-энциклопедическом А. П. Гуськовой, Б. В. Сотина (2003), на сегодняшний день, вероятно, наиболее адекватна корпусным данным, хотя в чем-то уступает новаторскому подходу, открытости и «реактивности» словаря Л. М. Баш, А. В. Бобровой (2005). В данных лексикографических источниках указаны все 3 значения: прямое (исходное), расширительное (с пометой *разг.*, помета *расшир.* отсутствует: тем не менее именно данное значение ‘о густых зарослях чего-л.’ максимально широко представлено в современных текстах) и переносное (правда, с пометой *публиц.*, помета *перен.*, имеющаяся в Словаре А. П. Гуськовой, Б. В. Сотина, в словаре С. А. Кузнецова вообще отсутствует) [4; 15].

На сегодняшний день наиболее полное лексикографическое описание джунглей как единицы вторичной номинации, на наш взгляд, наблюдается в «Толковом словаре русского языка начала XXI в. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Склярёвской (2007). В данном источнике фиксируются 2 переносных значения рассматриваемой лексемы, трактуемые новаторски: «2. чего, какие. Перен. Беспорядочное скопление чего-л. Джунгли мегаполиса. Неоновые джунгли. Каменные джунгли» и «3. чего, какие. Перен. О жестоком, опасном и непредсказуемом мире. Джунгли криминала», а также дается расширенное толкование фразеологизма закон джунглей «(о ситуации в обществе, государстве, при которой юридические законы не имеют реальной силы и власть принадлежит более могущественной в физическом, военном, экономическом отношении стороне)» [23]. По нашему мнению, данная трактовка имеет все шансы стать новой лексикографической традицией в описании джунглей как лексической единицы.

На наш взгляд, развитие семантики индийского по происхождению наименования *джунгли* в системе современного русского языка продолжается. Семантическая адаптация заданной лексемы открывает всё новые возможности контекстуальной реализации, порождая прецедентные контексты XXI в., что и станет объектом нашего дальнейшего исследования в самое ближайшее время. Работа лингвистов-специалистов по созданию корпусов текстов сегодня приравнивается к труду профессиональных лексикографов, а корпусные данные становятся бесценным источником информации о жизни слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1990. 917 с.
2. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., перераб. и доп. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 284 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Астрель, 2003. 4 т.
4. Гуськова А. П., Сотин Б. В. Популярный словарь русского языка : толково-энцикл. М. : Рус. яз. : Медиа, 2003. 869 с.
5. Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М. : Изд. книгопродавца А. И. Манухина, 1865. 718 с.
6. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] // Словари онлайн. URL: <https://bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 23.03.2022).
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов : ок. 25 000 слов и словосочетаний. М. : Рус. яз., 1988. 846 с.
8. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А. Н. Чудинова. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб. : Изд. В. И. Губинского, 1910.
9. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 2-е изд. СПб. : Типография Ю. Н. Эрлих, 1907. 714 с.
10. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Совет. энцикл. : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. 4 т.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. С. П. Обнорского. М. : ОГИЗ-ГИЗ, 1949. 968 с.
12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948-1965. 17 т.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1957-1961. 4 т.
14. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразоват. : в 2 т. М. : Дрофа : Рус. яз., 2000. 2 т.
15. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
16. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича. М. ; СПб. : Наука, 2004 – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.03.2022).
17. Словарь иностранных выражений [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/inostr/1406648.html> (дата обращения: 24.03.2022).
18. Новый словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1422835.html> (дата обращения: 27.03.2022).
19. Современный словарь иностранных слов / Л. М. Баш, А. В. Боброва, Г. Л. Вячеслова, Р. С. Кимягарова, Е. М. Сендровиц. Изд. 6-е, стер. М. : ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД, 2005. 960 с.
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 9-е изд., испр. и доп. М. : Совет. энцикл., 1972. 846 с.
21. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981-1984. 4 т.
22. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Эксмо, 2007. 1136 с.

УДК 811.161.1'373.45

Томашева Екатерина Александровна

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *tomasheva_k@mail.ru*

Tomasheva Katerina

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *tomasheva_k@mail.ru*

НОВЕЙШИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

Статья представляет собой многоаспектный анализ новейших заимствованных слов в пространстве современного русскоязычного медиатекста, а именно: выявление, рассмотрение и описание структурно-семантических и прагматических характеристик лексических единиц.

Ключевые слова: заимствование, медиатекст, семантика, прагматика, слово-композит, ассимиляция.

THE LATEST BORROWINGS IN THE SPACE OF MODERN MEDIA TEXT

The article is a multi-aspect analysis of the latest borrowed words in the space of modern Russian-language media text, namely: the identification, consideration and description of structural-semantic and pragmatic characteristics of the lexical units.

Key words: borrowing, media text, semantics, pragmatics, composite word, assimilation.

Заимствование слов является естественным процессом языкового развития, при котором язык обогащается новыми лексическими единицами. Пути вхождения заимствований в речь многочисленны, в том числе, через средства массовой информации.

Актуальность данного исследования состоит в том, что многие заимствованные слова, появляющиеся в печатных изданиях, до конца не освоены, однако они формируют активный словарь и, следовательно, постепенно входят в состав русского языка и речи.

Целью работы является выявление, рассмотрение и описание структурно-семантических и прагматических характеристик в пространстве современного русскоязычного медиатекста.

Объектом исследования стали заимствованные слова в пространстве современного русскоязычного медиатекста. Предмет же исследования представляют структурно-семантические и прагматические характеристики заимствований.

Язык является сложной системой знаков, которая постоянно развивается и меняется. Наиболее подвижный уровень языка представлен лексикой, так как именно она реагирует на изменения в жизни общества, которые, в свою очередь, влияют на появление новых слов и выражений.

Существуют различные пути пополнения словарного состава языка, одним из которых является заимствование иноязычной лексики. Согласно З. А. Харитончик, заимствование – это «процесс использования элементов одного языка в другом» [1, с. 16].

Для анализа структурно-семантических и прагматических характеристик заимствований в пространстве современного русскоязычного медиатекста использовались материалы журнала *ELLE Russia 2021'02—2021'12*. В ходе исследования было отобрано 100 заимствованных лексических единиц, которые подверглись многоаспектному анализу. Была изучена структура, семантика, тематическая принадлежность, а также типы ассимиляций заимствованных слов. Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы.

Прежде всего, по структуре заимствованные слова делятся на однословные номинации. Примерами могут служить слова *кафф* (*cuff*), *бустер* (*booster*), *абыюз* (*abuse*). Данные лексические единицы составляют 50 % от общего числа заимствований.

Также представлены слова-компози́ты, иными словами, сложные слова, состоящие из двух основ. Данная группа составляет 40 % от общего числа лексических единиц. Существуют композиты двух типов: иноязычные лексемы, заимствованные целиком, и слова-компози́ты смешанного типа. В первом случае обе основы сложного слова представлены заимствованными частями, то есть, композит сложился уже в языке-доноре. Мы это можем наблюдать при рассмотрении следующих заимствований: например, иноязычное слово *коттеджкор* (из англ. *cottagecore*) в значении «эстетика загородной жизни», состоит из слов *cottage* («коттедж, загородный дом») и *core* («ядро, суть»).

Заимствование *липсинк* (из англ. *lip sync*) в значении «синхронизация движения губ с музыкой» происходит от иноязычных основ *lip* («губа») и *sync* («синхронизация»). Так и англоязычные основы *fund* («фонд, денежные средства») + *raise* («добывать») составляют слово *фандрайзинг* (*fund raising*) в значении «спонсорство».

Что касается композитов смешанного типа, в данной группе слов лишь одна основа является заимствованной, в то время как другая представлена основой языка-реципиента, в данном случае, русского. Примером может служить слово-компози́т *cancel-культура* («культура отмены»: способ поведения в обществе, в социальных сетях в частности, при котором принято полностью отвергать или прекращать поддерживать какую-либо известную личность, потому что данный человек сказал или сделал что-то, что оскорбляет определенную группу людей). Данное заимствование состоит из английского корня *cancel* («отменять») и слова *культура*.

В исследовании также представлены суффиксальные производные – слова, образованные на базе заимствованной основы с использованием словообразовательных ресурсов русского языка. В частности, такими заимствованиями являются суффиксальные производные *ковидный* (от англ. *COVID* с использованием суффикса *-н-*), *стриминговый* (от англ. *stream* в значении «передача или прием данных (особенно видео- и аудиоматериалов) по компьютерной сети в виде непрерывного потока информации») и суффикса *-ов-*), а также производное слово *кастомизировать* (от англ. *customize* «изменить что-либо в соответствии с потребностями покупателя или пользователя» при использовании суффикса *-ирова-*). Подобные заимствования составляют 10 % от всего числа лексических единиц.

Наблюдаются следующие типы ассимиляций заимствованных слов:

- *фонетическая* (в том числе, орфоэпическая) представлена 55% фонетически освоенных слов;
- *графическая*: 9% заимствований представляют иноязычные вкрапления (графически не освоенные слова), такие как *statement, edutainment*;
- *грамматическая* (заимствованные слова, включенные в словообразовательные, деривационные процессы) представлена 40% грамматически освоенных заимствований.

И в то же время имеют место следующие тенденции: слово может быть недостаточно освоено фонетически, но являться включенным в словообразовательный процесс при образовании слов-композигов. Так, например, иноязычные вкрапления *beauty* и *health* не являются графически освоенными, иными словами, не записываются с помощью графических средств русского языка, однако уже вступают в деривационные отношения. Примерами могут служить слова-композигов *beauty-находка* и *health-коуч*.

Elle Russia является журналом о моде, тем не менее, в нем представлены различные тематические пространства. Всего представлены 16 тематических групп, такие как музыка, экономика, информационные технологии, а также социальные отношения.

Тематическая группа «Мода» включает в себя 16 лексических единиц. Например, заимствование *глокал* (от англ. *glocal*), образованное при совмещении слов *global* «мировой, всеобщий» и *local* «местный», предстает в значении «локальное в общем». Заимствованное слово *оверсайз* (от англ. *oversize*) в качестве наименования стилевого направления имеет значение «большой размер, сверхразмерный».

Необходимо также обратить внимание на один из наиболее часто употребляемых в англоязычном и, с недавних пор, русскоязычном пространстве неологизм *адвент-календарь*. Данная лексическая единица имеет немецкое происхождение (*Adventskalender* – традиционный в Европе календарь для отслеживания времени до прихода Рождества), однако восходит данное понятие к латинскому *adventus* – «появление, пришествие, наступление» (от лат. *ad ventus* «у порога»). В современном же языке понятие *адвент-*

календарь выступает в значении специального картонного домика с ячейками, помеченными датами (днями с начала декабря по Сочельник). В каждой из такой ячеек находится небольшой подарок. Возможны различные тематики адвент-календарей, однако наиболее распространенными являются *адвент-календари*, связанные с модой и включающие в себя косметические продукты или украшения.

Что касается тематического пространства «Одежда», данная группа представлена 12 единицами. Примером может служить заимствование *лонгслив* (от англ. *long sleeve*, *long* «длинный»+ *sleeve* «рукав»), представляет собой тонкую футболку с длинным рукавом. Все чаще используется и иноязычное слово *кэтсьют* (англ. *catsuit*, *cat* «кошка»+ *suit* «костюм») в значении слитного плотно облегающего костюма, наподобие комбинезона, иногда с капюшоном. Используют также лексическую единицу *пауэр-дрессинг* (англ. *power dressing*, *power* «сила, мощь»+ *dressing* «одежда»), имея в виду наблюдающийся чаще всего в деловой сфере стиль унисекс, который подразумевает, в основном, ношение больших жакетов и широких брюк. *Пауэр-дрессинг* имеет отношение к феминистическому движению, так как данная манера одеваться, возникшая на основе предметов мужского гардероба, подчеркивает силу и решительность, в противовес более «женственным» предметам одежды.

Тематическая зона обуви, в свою очередь, представлена лишь 4 лексическими единицами, среди которых присутствует наименование деревянной обуви – *клоги* (из англ. *clog*, далее от *clogge* «кусок дерева»). Также существует иноязычное слово *биркенштоки*, заимствованное от фамилии основателя немецкой фирмы обуви *Birkenstock*. В данном случае наблюдается метонимизация значения из имени собственного в нарицательное существительное.

В тематическую зону «Социальные процессы» входят 22 лексические единицы. Примером может служить слово *абьюз* (из англ. *abuse* «оскорблять», далее из франц. *abus* «злоупотребление», восходящее к лат. *abusus* «расхождение; злоупотребление»). Понятие *абьюз* в речи имеет резко негативную коннотацию и говорит о личных отношениях, в которых человек недопустимо ведет себя по отношению к партнеру. В данном случае говорят о нарушении личных границ и грубости (или даже жестокости) по отношению к другому человеку.

Заимствование *бодипозитив* (англ. *body positive*, *body* «тело»+ *positive* «положительный») употребляется в значении принятия своей внешности. Основной идеей данной концепции является положительное отношение к собственному телу вне зависимости от его внешнего вида или состояния.

Говоря о социальных процессах, необходимо упомянуть заимствованное слово *газлайтинг* (англ. *gaslighting*, *gas* «газ»+ *lighting* «освещение, свет»). Данное понятие восходит к названию «Gas Light» — пьесы, в которой муж применяет различные манипуляции, что в конечном итоге заставляет жену

сомневаться в адекватности собственного восприятия действительности. В речи понятие *газлайтинг* употребляется в этом же значении: говоря о психологическом насилии, при котором манипулятор отрицает очевидные факты из реальной жизни конкретного лица, тем самым внушая данному человеку, что он невменяем.

Тематическая группа «Украшения» включает 4 лексические единицы. Так, например, под иноязычным словом *кафф* (*cuff*), пришедшем из английского языка в первоначальном значении «манжета», сегодня мы понимаем «ювелирное изделие, предназначенное для ношения на запястье, изготовленное из металла или иного материала». Что касается заимствования *голд* (англ. *gold* «золото»), наблюдается метонимический перенос, так как лексема используется не только в значении «драгоценный металл», но и говоря об изделиях из него, иными словами, золотых украшениях.

Что касается пространства «Интернет-коммуникации», данная зона представлена 12 лексическими единицами. Например, заимствование *коллаб* (от англ. *collab* – сокращение от *collaboration* – «сотрудничество, взаимодействие») используется в Интернет-пространстве в значении «совместный продукт двух медиаперсон, обычно видеоблогеров». Композит *паблик-ток* (от англ. *public talk* *public* «общественный»+*talk* «речь») употребляется в значении «публичное выступление» и представляет собой встречу медиаперсоны и поклонников в формате диалога, в ходе которого известный человек делится своим мнением о конкретной проблеме и отвечает на вопросы аудитории.

Примером лексической единицы из тематической зоны «Интернет-коммуникации» также может служить иноязычное слово *трендсеттер*, проникшее в русский язык из англоязычных СМИ (*trendsetter*), состоящее из двух основ: *trend* «тенденция, тренд» и *set* «вводить, устанавливать». Слово *трендсеттер* широко употребляется в значении «человек, который вводит новую моду, особенно в одежде». В свою очередь, заимствованное слово *контент*, вошедшее в русскоязычную речь через англоязычное слово *content* (в значении «содержание»), восходит к латинскому *contentum* («содержимое»). В медиапространстве же данная лексема употребляется в значении «информация, содержимое соцсетей, блогов и каналов».

Говоря о тематическом пространстве «Информационные технологии», нельзя не упомянуть иноязычное слово *агрегатор* (из англ. *aggregator* «накопитель»), употребляется в случае наименования организации, которая собирает информацию с интернет-страниц других предприятий и размещает ее на одном веб-сайте». Заимствованное слово *апдейт* (англ. *update*) используется при обозначении модернизации или обновления (программы, например). Данное слово проявляет тенденцию к более частотному употреблению в речи, нежели его аналоги.

Тематическое пространство «Музыка» включает в себя 6 заимствованных единиц, таких как слово-композит *иниер*. Данное заимствование проникло в русский язык из английского (*in ear*), лексической единицы,

изначально образованной при взаимодействии предлога *in* «в» и знаменательного слова *ear* «ухо». Говоря о профессиональных музыкантах, лексема *иниер* употребляется в значении «профессиональный наушник у певца». На данный момент заимствованное слово широко не распространено и грамматически не освоено.

Тематическая зона «Музыка» обнаруживает также показательный пример того, как имя собственное переходит в нарицательное существительное и осваивается грамматически. Так заимствование *свифтис* восходит к фамилии англоязычной певицы *Taylor Swift* и образуется при метонимизации *Swift* в *swifties* при обозначении поклонников исполнительницы. Далее в русскоязычном варианте заимствованное слово *swifties* осваивается графически, становясь лексической единицей *свифтис*. И в то же время данное слово выступает в значении «поклонник исполнительницы», в единственном числе, в отличие от англоязычного варианта. Другими словами, в процессе освоения заимствование теряет значение множественного числа, и для его обозначения в русской речи используется слово *свифтисы*.

В тематическом пространстве «Гендерные отношения» необходимо, прежде всего, обозначить слово *гендерный*, так как оно является суффиксальным производным на базе англоязычного заимствованного слова *gender*, восходящего к латинскому *genus* «происхождение, род». Понятие *gender* на данный момент вызывает много дискуссий и вопросов в англоговорящих странах, так как именно там впервые встал вопрос о *гендерной идентичности*, то есть внутреннем самоощущении человека как представителя того или иного гендера. Например, ведутся споры о лексическом значении слова *gender*, так как изначально значение данного слова — «пол, род» — сегодня скорее заменяют синонимичной лексемой *sex* в этом же значении, оставляя за словом *gender* семантическое значение «особые качества или социальные роли, которые в обществе ассоциируются с мужской, женщиной или другой личностью». То есть, *гендер* не приравнивают к понятию *биологического пола*, а, в некотором роде, ассоциируют со значением так называемого *пола социального*. Таким образом, в английском языке происходит семантический сдвиг, который отражается и на лексическом значении слова *гендер* в русском языке.

Ярким примером заимствованного слова в тематической зоне «Гендерные отношения» служит лексема *квир* (англ. *queer*), так как в данном случае произошло улучшение семантики. Прилагательное *queer* в значении «своеобразный, странный» пришло из шотландского диалекта, позже, при субстантивации, оно использовалось в ненормативной лексике. Сейчас же слово *квир* употребляется в значении «не соответствует традиционным представлениям о гендере или сексуальности».

Тематическое пространство «Здоровье» представлено 10 заимствованными лексическими единицами. Например, неологизм *локдаун* (англ. *lockdown*) пришел в язык с появлением COVID-19 и широко используется в значении «период времени, в течение которого людям не разрешается покидать свои

дома из-за опасной болезни». Заимствованное из хинди слово *панчакарма* (*panchakarma*) также является достаточно новым и употребляется при обозначении способа очищения организма от нежелательных отходов.

Тематическая группа «Экономика» представлена в основном не освоенными фонетически и грамматически заимствованными словами. В частности, иноязычное слово *фандрайзинг* (из англ. *fund raising*), образованное от англоязычных основ *fund* «фонд, денежные средства» и *raise* «добывать», используется в значении привлечения в компанию сторонних ресурсов (иногда упоминается в значении «сбор пожертвований»).

Заимствование *аутсорс* (от англ. *outsource*; *out* «из, вне» и *source* «источник») употребляется в речи в качестве привлечения внешних исполнителей для выполнения некоторых задач компании, другими словами, делегация обязанностей. В свою очередь, понятие *ретеншин* (от англ. *retention* «удержание, сохранение», *retain* «сохранять») выступает в значении «коэффициент удержания клиентов», то есть процент постоянных потребителей.

Следовательно, мода – лишь одна из многочисленных тематических зон, которые обнаруживают заимствования и особенно новые заимствования.

Необходимо также отметить тот факт, что изученные лексические единицы, несмотря на их появление в печатных изданиях, в основном показывают принадлежность не к литературной речи, а, в большей степени, к сленгу. Данные заимствования, даже будучи до конца не освоенными, входят в активную лексику русского языка посредством средств массовой информации, которые представлены, в том числе подобного рода журналами.

Таким образом, можем зафиксировать следующие тенденции в функционировании новейших заимствований:

1. Широко представлена группа слов-композигов, состоящих из двух частей, особенно в случае обеих заимствованных основ в данных лексических единицах.

2. В пространстве русскоязычного медиатекста появляется все больше иноязычных вкраплений, не освоенных графически, а также наблюдается множество случаев, когда заимствованное слово может иметь два варианта написания, то есть, быть одновременно зафиксировано и средствами языка-донора, и с помощью графической системы русского языка.

3. Даже при условии недостаточной фонетической освоенности, заимствованные основы являются активно включенными в словообразовательный процесс при образовании слов-композигов со смешанными основами.

4. Наибольшее количество заимствований обнаруживают тематические пространства «Социальные процессы», «Социальная деятельность» и «Интернет-коммуникации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитончик З. А. Лексикология английского языка : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. Минск : Выш. шк., 1992. 229 с.

УДК 811.161.1'373

Агличева Татьяна Николаевна, старший преподаватель
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
Москва, Россия
электронная почта: *aglich@yandex.ru*

Aglicheva Tatiana Nikolaevna, senior lecturer
Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
e-mail: *aglich@yandex.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию фразеологизмов, их функции в речи и особой роли как знаков языковой и культурной семантики.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект; языковая и культурная семантика; стилистические особенности фразеологизмов.

LINGUA-CULTURAL ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNITS STUDIES

Summary. The following article is dedicated to the studies of phraseological units, their function in oral speech and the special role they play as signs of linguistic and cultural semantics.

Keywords: lingua-cultural approach; linguistic and cultural semantics; stylistic features of phraseological units.

Язык – основная форма фиксации знаний о мире. Языковая картина мира понимается как закреплённые в языке различные способы *видения* мира. Слово как разновидность знания о мире становится предметом изучения способов, с помощью которых отображается жизнь человека. В значении слова закрепляются достигнутые обществом знания о той или иной реалии. Данные знания отражают связанные со словом культурные представления и традиции, «а культура составляет тот общий фон, на котором воспринимается языковой знак. Язык не просто выражает идеи, но и формирует их...» [1, с. 28]. «Поскольку этническая культура и этнический (национальный) язык согласованы между собой, язык вырабатывает свое *видение* национального мира» [2, с. 92]. По мнению Н. И. Толстого, язык – это и компонент культуры, и её инструмент; в то же время язык автономен по отношению к культуре. Развитие темы “Язык и культура” Н. И. Толстой видит “лишь при условии серьёзного внимания к языку как вербальному

коду культуры и к языку как творцу культуры” [3, стр. 24]. Для фразеологии такой образ языка исследуется как национально-культурная специфика фразеологизмов.

В русском языке, как и в любом другом, важна и интересна национально-культурная семантика языка, то есть те языковые значения, которые фиксируют и передают от поколения к поколению особенности русской природы, характер экономики и общественного устройства страны, ее фольклора, художественной литературы, искусства, науки, а также особенности быта и обычаев. В ознакомлении с национально-культурной семантикой русского языка помогает особый аспект изучения языка – *лингвострановедческий*.

Национально-культурная семантика присутствует на всех уровнях языка: и в морфологии, и в синтаксисе, и в фонетике. Однако наиболее ярко она проявляется в тех единицах языка, которые отражают внеязыковую действительность, называя предметы и явления окружающего нас мира. К таким единицам относятся слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (поговорки, крылатые выражения). Они важны не только как средства коммуникации, но и как источники различных общественно значимых сведений. Национально-культурная семантика языка – это история и культура народа, и чем история и культура богаче, тем ярче и содержательнее значимые единицы языка. Прошлое связано с настоящим, поэтому национально-культурная семантика языка должна описываться и изучаться не только с синхронической (современной), но и с диахронической (исторической) точки зрения. Исторический подход к языковой семантике имеет для лингвострановедения большое значение.

Одной из важнейших языковых единиц является фразеологизм как особый знак языка и культуры. Фразеологизм – это объект лингвистики, но лингвокультурологический аспект семантики фразеологизма помогает понять его своеобразие как знака в культурной коннотации. *Фразеологизм* – это особое сочетание слов, общее значение которого не выводится из прямого значения составляющих его компонентов, поскольку они утратили в составе фразеологизма своё лексическое, грамматическое и словообразовательное значение. К примеру, если о ком-то сказано, что «он работает плохо», то смысл словосочетания вытекает из отдельных смыслов слов «работать» и «плохо». Если же мы говорим «*работать спустя рукава*», то смысл «плохо, небрежно» не вытекает из значений глагола «спустить» и существительного «рукава». В «обычном» словосочетании смыслы слов складываются и дают легко предсказуемый общий смысл всего сочетания, а в «особом», фразеологическом, словосочетании нельзя предсказать, какой общий смысл дадут входящие в это сочетание самостоятельные слова. Почему «*отложить в долгий ящик*» означает «затянуть какое-либо дело»? Почему «*заварить кашу*» означает «затевать сложное или неприятное дело»? Разве в выражении «*бить баклуши*» содержится хоть какой-то намек на безделье?

Итак, слова во фразеологическом сочетании производят своеобразный, непредсказуемый общий смысл всего выражения. «Под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [4, стр. 4]. Это свойство фразеологизма называется *идиоматичностью*. Об этом, традиционном, определении фразеологизма ранее писали такие учёные, как В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, В. Н. Телия и другие.

В. Н. Телия писала так: фразеологизмы – «общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизмов» [5, стр. 605].

Как следует из определения, «фразеологизмы понимаются как особые знаки языка, которым присущи *устойчивость, воспроизводимость, образность, экспрессивность*» [6, стр. 11]. Известно, что большинство сочетаний слов рождается говорящим в процессе речи. Если какой-то человек кажется вам очень умным, вы можете о нём сказать: «ясная голова», «великолепно мыслит», «чрезвычайно умен» и так далее. Но если вы скажете «он семи пядей во лбу», то это выражение не создано в момент речи, а извлечено из памяти. *Воспроизводимость* – это свойство языковых (а не речевых) единиц, ведь языковые единицы человек запоминает как нечто цельное и в ходе речевой коммуникации извлекает их из памяти. Этой характеристикой – *воспроизводимостью* – фразеологизмы объединяются с другими значимыми единицами языка – со словами и языковыми афоризмами.

Остановимся на отличиях фразеологизмов от слов и языковых афоризмов. Языковые афоризмы (пословицы, поговорки) имеют синтаксическую форму фразы («Сам кашу заварил – сам и расхлебывай» – это пословица); фразеологизмы же имеют синтаксическую форму словосочетания. Так, приведенная пословица делится на два фразеологизма: «заварить кашу» – затеять сложное или неприятное дело, «расхлебывать кашу» – распутывать сложное или неприятное дело). Слова (точнее, словоформы) *синтаксической формы* не имеют (они обладают лишь морфологической формой: заварить, каша, сам, расхлебывать).

Фразеологизмы *синтаксически членимы* и могут выполнять функции обычных членов предложения. К примеру, обстоятельство образа действия может быть выражено одним словом (работа продвигается *успешно*) или фразеологическим словосочетанием (работа продвигается *без сучка без задоринки*), и эти синтаксические различия никак не сказываются на синтаксической функции и одного слова, и многословного фразеологического

сочетания. При семантической эквивалентности слов и фразеологизмов возможна их *взаимозамена*. Сравним: *бить баклуши* = бездельничать; *как курица лапой* = неразборчиво; *от горшка два вершка* = маленький.

Рассмотрим ещё одну характеристику фразеологизма, *двуплановость* его семантики. Так, «*работать (трудиться) засучив рукава*» означает «с большим усердием, старательно и добросовестно». Но какое отношение имеют рукава к усердной работе? Идиоматический смысл выражения возникает как бы помимо слов, ведь сочетание «*засучив рукава*» можно понять и в прямом смысле. В предложении «*Засучив рукава, хозяйка принялась мыть окна*» сочетание «*засучив рукава*» имеет дословное значение. Женщина засучила рукава своей одежды, чтобы не замочить их водой и чтобы они не мешали в работе. В исторической перспективе идиоматическому смыслу словосочетания предшествует его прямой смысл. Выражение «*засучив рукава*» было связано с особым покроем одежды в Древней Руси. Верхняя одежда шилась с такими длинными рукавами, что они доходили до колен, а иногда и до самых пяток. Такая одежда была оправдана суровым русским климатом: длинные рукава в какой-то мере заменяли рукавицы. Делать что-либо со спущенными рукавами было невозможно, поэтому сначала их засучивали, то есть поднимали на руки складками. Одежда с длинными рукавами исчезла, но выражение «*засучив рукава*» приобрело идиоматический смысл – так возник фразеологизм. Возникновение и генезис фразеологизмов, как правило, представляет собой приобретение словосочетанием метафорического (идиоматического) значения, и словосочетание становится «связанным».

Семантика многих словосочетаний (например, «*мерить на свой аршин*», «*белены объелся*», «*печь как блины*», «*сматывать удочки*» и т.д.) и в наши дни остается двуплановой, так что носитель языка (даже не лингвист) обычно может объяснить, почему у фразеологизма то или иное значение. Такова синхроническая (современная, актуальная) двуплановость фразеологических сочетаний. Большая группа фразеологизмов обладает двуплановостью семантики только с диахронической (исторической) точки зрения. Это значит, что прямой смысл словосочетания носитель языка (не лингвист) уже не воспринимает, а воспринимает только его идиоматическое значение. Это происходит потому, что перестают употребляться слова из состава фразеологического сочетания: «*турусы на колесах*», «*типун тебе на язык*» и т.д. Забывается и явление, которое легло в основу некогда свободного словосочетания, – обычай, ремесло, обряд. Современные носители языка не знают о том, что на бобах можно гадать, но выражения «*гадать на бобах*», «*разводить бобы*», «*остаться на бобах*» из активного употребления не уходят. В таких ситуациях очень важно различать фразеологизм с идиоматическим значением и его генетический прототип, то есть словосочетание с прямым смыслом.

Лингвокультурологическое исследование фразеологизмов имеет комплексную страноведческую ценность.

Во-первых, они отражают национальную культуру. Некоторые фразеологизмы называют такие явления прошлого, которые не имеют прямых аналогов в культурах других стран и народов. Например, «не лыком шит», «красный угол».

Во-вторых, фразеологизмы отражают культуру с помощью слов, принадлежащих к числу безэквивалентных, то есть таких, которые невозможно перевести на другой язык с помощью эквивалента. Например, фразеологизм «ходить фертom» («держаться гордо, высокомерно») содержит безэквивалентное слово «ферт»: так в старину называлась буква «Ф», своим внешним видом напоминающая человека, который, подбоченившись, принял вызывающую позу. Другие примеры: «коломенская верста», «тертый калач», «семи пядей во лбу».

В-третьих, фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами. Прототипы рассказывают о русской флоре и фауне, особенностях повседневного быта, отражают русский фольклор и художественную литературу. Конечно, рассмотрение фразеологии со страноведческой точки зрения не может заменить полного, систематического курса истории, художественной литературы, но не следует пренебрегать и этим источником.

Лингвокультурологическое исследование фразеологизмов – это исследование знаков языка, которые в образном виде хранят и передают из поколения в поколение ценностные установки национальной культуры.

Лингвокультурологическое исследование фразеологизмов – это взаимодействие двух семиотических систем – естественного языка и культуры. Суть лингвокультурологического исследования во фразеологии – в глубинной мотивированности фразеологизма, комплексном описании его языковой и культурной семантики. Национально-культурный компонент содержится в семантике фразеологизма или диахронически, или синхронически.

Современный этап лингвокультурологического направления во фразеологии – это этап продолжающегося исследования фразеологии с позиции современного языкового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. М. : Либроком, 2012. 456 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Мирознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого) эпистемы. М. : ИКАР, 2002. 168 с.
3. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 512 с.
4. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М. : Высш. шк., 1980. 207 с.
5. Телия В. Н. Фразеология // Русский язык : энциклопедия. М., 1997. С. 605–607.
6. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. М. : URSS : Ленанд, 2016. 453 с.

УДК 811.581.11'373.222

Надумович Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент

Сяо Ян, студентка 4-го курса переводческого ф-та

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

электронная почта: *lusjanad@gmail.com*

Nadumovich Liudmila, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*

Xiao Yang, *4th year student of the Faculty of Translation*

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *lusjanad@gmail.com*

ЗООНИМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В данной статье проанализированы зоонимы, входящие в состав фразеологизмов, характеризующих человека, китайского и русского языков. Сделаны выводы о сходствах и различиях зоонимов-символов в составе фразеологизмов сопоставляемых языков.

Ключевые слова: фразеология; русские и китайские зоонимы, характеризующие человека; национально-культурная специфика фразеологизмов.

ZOONYMS THAT CHARACTERIZE A PERSON IN THE COMPOSITION OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Summary. This article analyzes the zoonyms that are part of the phraseological units that characterize a person in the Chinese and Russian languages. Conclusions are drawn about the similarities and differences of zoonyms-symbols in the composition of phraseological units of the compared languages.

Key words: Phraseology; Russian and Chinese zoonyms that characterize a person; national and cultural specificity of phraseological units.

Фразеология является особой составляющей лексического пласта национального языка. Фразеологизмы не только экспрессивны, образны, просты и лаконичны, но и содержат богатый национально-культурный подтекст, имеют глубокую историко-культурную ценность. Все языки, история развития которых восходит к далёкому прошлому, имеют богатую фразеологическую систему. К числу таких языков относятся китайский и русский. Фразеологизмы обоих этих языков имеют долгую историю, и у них много общего. Однако различный исторический опыт, образ мышления и образ жизни двух народов по-разному отражаются в устойчивых выражениях.

Материалом исследования послужили китайские и русские фразеологизмы с компонентом зоонимом (зоофразеологизмы), извлеченные из фразеологических словарей: «Словаря китайских фразеологизмов» [1], из словаря «Китайские фразеологизмы. Аллюзии» [2], а также из «Словаря широко используемых современных русских и китайских фразеологизмов» [3]. Объектом исследования являются зоонимы, характеризующие человека, в составе фразеологизмов русского и китайского языков. Изучение лексических единиц данной группы в составе устойчивых выражений помогает понять языковую картину мира того или иного народа.

Зоофразеологизмы явились результатом длительных наблюдений человека за повадками и внешним видом животных. При этом зоонимы отражают не только отдельные черты характера человека (упрямство – осёл, наивность – панда, любовь – голубь), но и бытийные и культурные отношения носителей языка, национальную специфику народа. Они имеют богатые выразительные возможности и обладают высокой экспрессивностью, поэтому наименования животных имеют также образно-символическое значение.

Рассмотрим это на примере зоонимов *дракон* и *медведь*, входящих в состав фразеологизмов, характеризующих человека, китайского и русского языков.

Особый интерес представляет зооним *дракон*. Китайский фразеологизм *дракон среди людей* соотносится с великим выдающимся человеком, а употребление слова *дракон* в качестве метафоры великого человека также связано с традиционной китайской культурой. Дракон – сакральное животное в китайской мифологии и часто используется как символ удачи. Дракон имеет два символических значения: 1) символ власти, благородства и чести; 2) символ удачи и успеха. Дракон был тотемом китайского народа с древних времен, и сами китайцы называли себя «наследниками дракона». Образ этого мифического существа имеет позитивную оценку в китайской культуре, поэтому и ассоциируется с великим человеком. В русской культуре дракон часто изображается как злое животное и часто упоминается в сочетании с такими прилагательными, как *чёрный*, *страшный*, *огнедышащий* и др., поэтому не может употребляться по отношению к выдающимся людям.

В китайской культуре *медведь* – это уничижительный образ. Так, устойчивое выражение «я лучше выращу дракона, чем десять медведей» имеет значение ‘лучше от души воспитать горстку талантов, чем набирать большое количество посредственностей’, а выражение «собака-медведь ломает палку» – ‘не гонитесь только за тем, чего у вас нет, в конце концов, то, что вы получите, будет только лучше, хотя и меньше) и т. д. По сути, образ медведя соотносится с людьми глупыми, некомпетентными и бестолковыми. Но этот образ любим и почитаем русскими. Им поклонялись древние славяне. Медведь – лесной царь, благородный символ и тотем

в русской культуре. В древности сибиряки, основными промыслами которых были рыболовство и охота, поклонялись медведям и считали их не только хозяевами леса, но и прародителями животного мира и людей. Они наделяли медведей магическими дарованиями, способностью понимать человеческую речь, приносить счастье или несчастье, а также верили в их воскресение после смерти. Русские легенды о медведях носят сакральный характер, они повествуют о том, что медведь жил с Богом в шатре в форме конуса в небе. Но по причине упрямства был низвергнут на землю и стал богом человечества. Русские люди симпатизируют этому лесному жителю, потому что по своей природе медведи бесхитростны и дружелюбны, они милы в своей внешней простоте. Образ медведя отражен в таких устойчивых выражениях, как *косолапый мишка*, *неуклюжий*, *как медведь*, *медведь на ухо наступил* ('кто-либо совсем лишён музыкального слуха'), *медведь ухо отдал* ('кто-либо совсем лишён музыкального слуха'), *медвежья услуга* ('непрошенная помощь, приносящая вред вместо пользы').

Таким образом, наблюдая над повадками животных, народ переносил эти качества на человека. Образы животных вызывают ассоциации, связанные со многими человеческими качествами – физическими и нравственными, что, безусловно, аккумулировано во фразеологии. Так, употребляя зооним *дракон* во фразеологизмах, китайцы, в отличие от русских, акцентируют исключительно положительные черты, а с зоонимом *медведь* они чаще склонны связывать что-то отрицательное.

Причина разных метафорических значений одной и той же бытийной единицы в русских и китайских фразеологизмах заключается в том, что носители китайского и русского языков, находясь под влиянием разных культур, часто фокусируют свое внимание на разных аспектах вещей при их наименовании и употреблении, извлекают из них различные символы и значения. Зоонимы, входящие в состав фразеологизмов, характеризующих человека, имеют много общего в китайском и русском языках, однако имеются и различия. Совпадения обусловлены сходными заключениями о поведении и характере животных, различия – традиционным укладом жизни каждого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юань Цзяньпин. Словарь китайских фразеологизмов : ок. 22 000 выражений. 2-е изд. 2009. 1954 с.
2. Цуй Цзяньлин. Китайские фразеологизмы. Аллюзии : ок. 2 000 выражений. 2007. 462 с.
3. Суй Сюэбэнь. Словарь широко используемых современных русских и китайских фразеологизмов : ок. 700 выражений. 2004. 296 с.

УДК 811.16 '37

Чернышова Людмила Васильевна, кандидат филологических наук,
доцент

Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь

электронная почта: *cherny0101@tut.by*

Chernyshova Liudmila, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *cherny0101@tut.by*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ *ВЯЗАТЬ* В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ДИНАМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье показана специфика в концептуализации действия 'вязать' в русской и белорусской языковой картинах мира на материале семантики одноименного глагола, его дериватов и фразеологии.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуализация, номинация, семантика, лексикография.

FEATURES OF THE CONCEPTUALIZATION OF THE ACTION *KNIT* IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN DYNAMIC PICTURE OF THE WORLD

Summary. The article shows the specifics in the conceptualization of the action "knit" in the Russian and Belarusian language pictures of the world based on the semantics of the cognominal verb, its derivatives and phraseology.

Key words: linguistic outlook, conceptualization, nomination, semantics, lexicography.

Концептуализация – это первый из основных процессов познавательной деятельности человека, он заключается в осмыслении поступающей к нему информации. На втором этапе результаты мыслительной деятельности связываются с языковыми знаками, что позволяет реализовать потребности в коммуникации. Номинации подвергаются не все объекты действительности. Воспринимая окружающую действительность, человек в процессе восприятия выделяет в ней только важные, актуальные для него элементы, именно они получают имена, которые могут различаться в разных культурах и имплицитно сохранять специфику первого этапа – концептуализации. Анализируя языковые знаки, эту специфику можно эксплицировать.

Важным фрагментом картины мира является действие, получившее в русском и белорусском языках номинацию вязать / вязаць. Лексемы имеют разветвленную семантическую структуру и значительное количество производных.

Обратимся к семантике русского и белорусского глагола. Традиционные толковые словари фиксируют прямое, совпадающее в двух языках значение, связанное с действиями 'соединять, скреплять, сцеплять', в том числе терминологию [1; 2]. Лексикография нового поколения вводит в толкование концептуальные семы, образованные в результате переноса семантики и обладающие стилистической ограниченностью и эмоциональной окраской: 1) 2) б) *перен. разг.-сниж.* Способствовать возникновению тесных отношений между кем-либо; 3) б) *перен.* Стеснять, лишая самостоятельности, независимости; 5) *перен. разг.-сниж.* Рассказывать что-либо (обычно складно, неторопливо) [3].

Для выяснения специфики в концептуализации и национальных особенностях развития семантики, для подтверждения зафиксированных в лексикографии ассоциаций и обнаружения новых мы привлекли к анализу материалы общелитературного языка, включая разговорный и просторечный варианты, жаргон, а также фразеологию.

Русскому глаголу *вязать* и многим его дериватам в прямом значении 'закручивать, сцеплять, стягивать, плести' соответствуют подобные современные белорусские корреляты, что, несомненно, объясняется мощным воздействием русского языка на белорусский. Если обратимся к лексикографии раннего советского периода, то увидим, что исторически роль глагола в русском и белорусском языках была различной. Так, в «Русско-белорусском словаре» В. Ластовского (издание 1924 г.) прямое значение глагола 'вязать крючком из ниток' представлено глаголами *рабіць, рубіць, румбаваць*, есть отличия и в других соответствиях [4, с. 114].

Отправной точкой сопоставления концептуализации послужили стилистически маркированные лексико-семантические варианты русского глагола *вязать* в словаре Т.Ф. Ефремовой [3].

1. Сема б) *перен. разг.-сниж.* 'Способствовать возникновению тесных отношений между кем-либо': *дружба, любовь, связь, привязанность*.

Русское существительное *привязанность* образовано от глагола *привязаться*, в его семантике содержится внутрисловная оценочная энантиoseмия. С одной стороны, качество характеризуется *положительно*: 2. *перен., разг.* почувствовать симпатию к кому-либо, чему-либо; 3. *перен., разг.* сильно увлечься чем-либо, с другой стороны, *отрицательно*: 4. *перен., разг.* неотступно следовать за кем-либо; 5. *перен., разг.* приставать, придирается к кому-либо. Сему 'надоедливый, назойливый' отражают однокоренные лексемы *навязчивый, привязчивый*, а также *связаться, привязаться, навязаться*.

Белорусский материал представлен значительно меньшим количеством производных с корнем *-вяз- / -вяж-*, большинство лексем – явные русизмы: *привязаться – прывязацца, привязанность – прывязанасць, отвязаться – адвязацца* и др. Здесь *положительное* значение чаще передается лексемами с корнем *-хіл-*: *хіліцца, прыхіліцца, прыхільны, прыхільнасць* и др., а *отрицательное* – *-чан-*: *чаніцца, прычаніцца, адчаніцца* и др. (что иногда встречается и в русском языке – *перен., разг. цепиться, прицепиться*).

Преимущество последних подтверждает словарное толкование путем своеобразного перевода: *прывязацца* объясняется в словаре как ‘2. *перен.* адчуць *прыхільнасць* да каго’; *неадвязны* – как *неадчэпны* и др. [2].

Таким образом, в белорусском языке описываемый фрагмент номинируется *расчлененно* – глаголами *хіліцца* – номинацией действия ‘клониться, наклоняться, склоняться, крениться’, позже *перен.* ‘лгнуть, чувствовать расположение’ и *чапіцца* – ‘цепляться за что-либо’, *перен.* ‘обременять собой, навязываться’ при участии заимствованных из русского языка дериватов с корнем –*вяз-* / –*вяж-*. Меньшая значимость последних подтверждается и другими факторами, например, наличием глагола *адкаснуцца* в качестве соответствия русскому просторечному глаголу *отвязаться*: *Отвяжись от меня!* – *Адкасніся ад мяне!*

2. Значение 3) б) *перен.* ‘Стеснять, лишая самостоятельности, независимости’, произошло от ‘а) Связывать кого-либо, лишая свободы движения’. Наш материал свидетельствует, что семантика неволи и освобождения содержит культурные и эмоциональные коннотации.

а) Сема ‘лишить свободы передвижения’ в русской и белорусской фразеологии коррелирует с семой ‘лишить возможности действовать, поступать свободно, независимо’ и передается при помощи образа обездвижения человека путем *блокировки ног и рук*: *связать / вязаць по рукам и ногам (на руках і нагах)*; *связать руки / вязаць рукі*; *связывать руки – разг. экспрес.*; в русском материале – *развязать руки*; *развязать себе руки* и метафорически – *развязывать крылья – разг. экспрес.* – получить полную свободу действовать самостоятельно (образ свободно летящей птицы).

б) Значение ‘свобода от ограничений от чего-либо’ содержат фразеологизмы с компонентом *язык*: *развязать язык / язык развязаўся – разг. ирон.* ‘давать возможность кому-либо говорить свободно, без стеснения’, *язык не завяжаш* (ср. рус. *рот не закроешь*) – ‘не запретишь говорить’, то есть состояние свободы достигается через свободу слова.

В белорусском языке ту же семантику содержат фразеологизмы с компонентом *глаза – вочы, зрение*: *развязаць вочы* – увидеть, узнать что-либо, убрав преграду, освободить глаза (ср. рус. *разуть глаза*); *свет завязаць кому-нибудь* – стать преградой, обузой, лишить свободы действий.

Русский материал свидетельствует, что ограничением свободы может служить *работа, занятость*: *жарг. отвязаться, отвяз, отвязка* – освободиться, избавиться от работы, забот; отдых, развлечение, рас-слабление, празднество; отпуск – и *нормы общественного поведения*: *развязный* – излишне непринужденный, фамильярный, наглый, *жарг. отвязный* – не стесняющий себя условностями и правилами поведения, принятыми в обществе; независимый; раскованный, развязный, *отвязанный* – в уголовном жаргоне ‘блатной, развязный’. Стилистическая ограниченность русских лексем не влияет на их частотность в разговорной речи, что может свидетельствовать об их культурной маркированности, а также перспективе закрепления в узусе. В белорусском материале работа, занятость как огра-

ничение свободы не проявлены, но все же, на наш взгляд, имплицитно присутствуют в лексемах *абавязаны*, *абавязак*, имеющих в своем значении сему должностования, *связанности*.

в) Ассоциация лишения свободы с применением *насилия* четче проявляется в русском языке: *навязать / навязаць, навязаться / навязацца* (кому-либо, лишая выбора), *завязать в узел – устар.* – подчинять, заставлять кого-либо быть покорным; *развязывать язык, языки, язычок, язычки* – угрожая или причиняя боль, заставлять рассказать о том, что человек скрывает. В уголовном жаргоне *повязать* – арестовать, задержать, а *вязка* – грабеж и арест. В белорусском языке *вязень* – невольник, заключенный.

3. В семантической структуре русского и белорусского глагола *вязать / вязаць* содержится сема, репрезентирующая **ассоциацию с речью**: 5) ‘*перен. разг.-сниж.* Рассказывать что-либо (обычно складно, неторопливо)’. Наш фактический материал указывает на некоторые другие особенности, касающиеся этой семы, например, наличие *противопоставлений*: 1. говорить внятно, связно: *связная речь, говорить связно, звязна* – говорить невнятно: *двух слов не мочь (не уметь) связать / двух слоў не звяжа*; 2. быть болтливым, сообщать то, о чём следовало бы помолчать, часто с повышением голоса: *развязать язык / развязаць язык; развязать горло* – молчать: *держат язык на привязи; лыка не вязать / лыка не вяжа* – об очень пьяном человеке, не способном связно говорить. Кроме того, в русском фразеологизме *петли вязать* действие, обозначенное глаголом, ассоциируется с умением ‘хитрить, изворачиваться’, очевидно связанное с речью.

Мы рассмотрели коннотации, зафиксированные в словарном значении глагола *вязать / вязаць*, подкрепляя другими данными нашего фактического материала, однако последний сохраняет и другие ассоциации:

1. Русский глагол *вязать* и некоторые его дериваты – *связать, развязать, увязать*, значительно реже белорусские (*увязаць, развязаць, знайсці сувязь* и др.), заимствованные, скорее всего, из русского языка, можно назвать *ментальными*, так как они описывают **мыслительный процесс** решения обычно сложной проблемы, содержащий в своей семантике элементы этого решения и указывающий на национальную специфику познания окружающей действительности: *факты не вяжутся с показаниями; найти подвязки, привязки; увязаць тэорыю з практыкай; знайсці сувязь паміж фактамі; дурак завяжет, и умный не развяжет* – от человека, которого считают глупым, можно ожидать неожиданной смысленности и прозорливости (русская пословица). То же значение имеют русские фразеологизмы: *связать концы с концами* – обнаружить связь между событиями; *развязать узел; развязать дело* – решить сложное, запутанное дело, спор, рассудить; *завязать на память узелок* – постараться что-то хорошо запомнить; *завязать глаза* (на что) – сознательно не видеть чего-либо, не обращать внимания на что-либо и др.

2. В русском языке и значительно реже в белорусском глагольное значение действия вызывает ассоциации, связанные с началом и концом: *завязка* и *развязка* (например, истории и др.), *развязать войну / развязаць вайну*; *развязать язык / развязаць язык* – начинать говорить после упорного молчания; *развязать мошну, кошель* – начать тратиться; *развязаться* – жарг. – возобновлять употребление алкоголя после сравнительного долгого перерыва; *завязать – прост.* – прекратить делать что-либо и в уголовном жаргоне – прекратить совершать преступления, *вязало* – провал дела, конец дела; *вязать концы* – готовиться к побегу.

3. Некоторые фразеологизмы содержат значение ‘много, полный’, репрезентированное лексемой *завязка*, а в белорусском еще и глаголами *завязаць, развязаць*: *Под завязку* – разг. полностью, до предела; *Па самую завязку*; *Хоць пуп развяжы* – сколько хочешь, вволю есть; *Як завязаць* – а) полно, очень много, сколько влезло; б) сколько возможно, вволю (например, *набрацца страху як завязаць* ‘сильно испугаться’).

4. В немногочисленных примерах просматриваются ассоциации с оппозицией рождение – смерть: рус. и бел. *завязь* – образование, возникновение плода у растения; завязавшийся плод; *вязка* (бел. *злучка*) – процедура спаривания собак или котов, имеющих племенную ценность; *развязаться – диал. прост.* – родить. В. И. Даль приводит пример: *бог душу его развязал* и толкует его так: он помер, испустил дыханье [5, с. 227]. Подобная семантика проявлена и в жаргоне: *завязать звонок* – уничтожить, убить сторожевую собаку. С этим значением, на наш взгляд, ассоциируется семантика русского фразеологизма *пупок развяжется* – не под силу, слабый.

Наш материал показал, что действие ‘вязать’ вызывает в сознании русского и белоруса многочисленные ассоциации в экзистенциональном, ментальном и социальном планах, они отражены в языковом материале и сохраняют некоторую специфичность. Причинами межъязыковой асимметрии является специфика механизма языкового сознания, вычленяющего признаки и ассоциации, которые кладутся в основу наименования, и соотношение примарной, производной и заимствованной лексики в словарном составе языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1984. 816 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск : БСЭ, 1977-1984. Т. 1-5.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-15147.htm> (дата обращения: 14.02.2022).
4. Ластоўскі В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Мінск : Навука і тэхніка. 1990. 832 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М. : Эксмо-Пресс, 2002. 736 с.
6. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М. : Азбуковник. 1999. 320 с.

УДК 811.111'373

Фоменко Виктория Васильевна

Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь

электронная почта: *fomenko_1988@mail.ru*

Victoria Fomenko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *fomenko_1988@mail.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ МИРА
(на материале английского и русского языков)

Аннотация. В статье рассматривается вербальное оформление концепта здравый смысл средствами фразеологии в сравнительно-сопоставительном аспекте в английском и русском языках. Фразеологический фонд следует считать частью языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; языковая картина мира; фразеология; фразеологическая картина мира.

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE CONTEXT
OF CONCEPTUAL DESCRIPTION OF THE WORLD
(based on the english and russian languages)

Summary. The article examines the verbal design of the concept of common sense by means of phraseology in English and Russian. The phraseological fund should be considered a part of the language picture of the world.

Keywords: concept; concept sphere; language picture of the world; phraseology; phraseological picture of the world.

Вопрос взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры остается актуальным в современной лингвистике. Язык все чаще рассматривается в качестве когнитивного инструмента приобретения, аккумуляции и использования знаний человека как об объективной реальности, так и о субъективном мире, порожденном человеческим сознанием.

Сфера интеллектуальных способностей человека немислима вне языка. Распространенные представления о разумности тех или иных явлений, действий, общественных событий проявляются в языке. Апелляция к здравому смыслу как морально значимому понятию в широком смысле обычно соединяет понятия *здоровье и мышление, мысль и смысл*. Здравый смысл означает мыслительную норму и границы нормального, здорового мышления, здравомыслие. *В контексте данной работы под здоровым*

смыслом следует понимать фундаментальную форму познания; практическую способность, используемую для решения гносеологических задач на основе повседневного опыта. Здравомыслие – ядро осмысленного поведения [1]. Так, здоровье характеризует нормальное состояние человеческого организма, а здравомыслие – нормальное состояние человеческого мышления.

Причина возможных сложностей предпринимаемого исследования в том, что *здравый смысл* формируется стихийно в процессе практического взаимодействия человека с миром, и, как правило, он всегда имплицитен, то есть представляет собой своего рода неявное знание о мире. Не существует известных критериев *здорового смысла*, подобных правилам формальной логики. В то же время *здравый смысл* есть проявление народного мышления, и неизбежно имеет национальную окраску. Таким образом, *здравый смысл* видится элементом концептосферы, то есть отражением человеческой реальности в языке и массовом сознании.

В лингвистических исследованиях выявляется множество дискуссионных вопросов, касающихся определения концепта. В настоящей работе концепт понимается как ментальное образование, хранящееся в памяти носителей языка в вербально обозначенном виде и обладающее национально-культурной спецификой. Концепт определяется набором языковых средств выражения, характерных для конкретной культуры, являясь, таким образом, национально специфичным. По своей сути концепт объединяет язык, культуру и сознание; представляет собой результат когнитивной деятельности индивида и хранит в себе информацию об окружающей его действительности. Совокупность таких представлений, зафиксированных посредством языковых знаков, образует языковую картину мира.

Под языковой картиной мира в настоящей работе понимается упорядоченная система человеческих знаний о мире и человеке, зафиксированных при помощи языковых средств. Основной объем содержания языковой картины мира закреплен в семантике языковых единиц, а полевая структура лексической семантики воплощает концептуальную организацию языковой картины мира в коллективном языковом сознании [2, с. 42].

Языковая картина мира имеет антропоцентрический характер, и концепты во многом универсальны вне зависимости от их национальной принадлежности, они предполагают наличие точек соприкосновения в осмыслении общечеловеческих проблем. Тем не менее концепты также национально-специфичны, что обеспечивает неповторимость мировидения каждого языкового сообщества, выраженного при помощи языковых средств.

Поскольку данное исследование направлено на изучение концепта *здравый смысл* в английском и русском языках, представляется целесообразным выявить языковые средства его актуализации в каждом национально-культурном социуме. На основе данных лексикографических источников можно сделать вывод о том, что рациональность *здорового смысла* в русском

языке основывается на психическом здоровье, на способности трезво и здраво рассуждать, воспринимать и адекватно оценивать окружающую действительность. В английском языке *common sense* подразумевает практическую, часто врожденную способность принимать верные решения.

Лексема *common* в контексте *common sense* означает 'общепринятый', 'разделяемый всеми, единый'. Таким образом, здравый смысл задает особые установки и ориентирует человека в языковом сообществе, членом которого он является. В русском языке первоначальное значение слова *здравый* 'здоровый' со временем было переосмыслено в 'разумный'.

В лексикографических источниках *common sense* входит в синонимический ряд слов, близких в смысловом отношении: *sapience* 'разум', *sense* 'разум'; *good sense* 'здравый смысл', *horse sense* 'здравый смысл', *rationality* 'разум', *reason* 'разум'; *reasonableness* 'разумность', *judgment* 'суждение'.

Sense 'смысл', *common sense* 'здравый смысл', *good sense* 'здравый смысл', *horse sense* 'здравый смысл', *gumption* 'сообразительность', *judgment* 'рассудительность', *wisdom* 'мудрость' могут означать качество ума или характера, которое позволяет человеку делать разумный выбор или делать разумные выводы. *Sense* нередко выступает как синоним *common sense*, *good sense* и *horse sense*. Все четыре понятия подразумевают способность (обычно врожденную) принимать практические решения, которые являются разумными, осмысленными, справедливыми и одобряемыми обществом [3]. Вербализация концепта *здравый смысл* в русском языке происходит при помощи синонимического ряда: реалистичность, трезвость, разум, ум, рассудок, рассудительность, здравомыслие, благоразумие.

В формировании языковой картины мира участвуют различные единицы языка, в частности фразеологические. Таким образом, представляется целесообразным провести отбор фразеологических единиц на основе приведенных выше лексем с целью выявления семантических особенностей и образности концепта *здравый смысл* в исследуемых языках. В связи с этим возможно говорить о существовании фразеологической картины мира как фрагменте языковой картины мира, описанной средствами фразеологии. Так, Ф. Г. Фаткуллина определяет фразеологическую картину мира как часть языковой картины мира, в которой «каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалии окружающей действительности» [4, с. 224].

Фразеологизм – это воспроизводимая языковая единица, состоящая из двух и более слов с цельным оформлением и значением, устойчивая по своему составу, характеризующаяся идиоматичностью и фиксированностью в языке. Фразеологические единицы выступают как воспроизводимые из памяти мыслительные конструкты, придающие тем или иным высказываниям образный характер. Фразеологизмы, как и лексические единицы, являются знаками языка.

Образ фразеологизма является своеобразным проводником культуры, благодаря которому осуществляется взаимопроникновение двух семиотических систем – культуры и языка. «Сквозь языковой материал высвечиваются культурные смыслы, а сам языковой материал» становится телом нового знака – знака культуры, в котором воплощены выделенные в культуре категории и смыслы» [5, с. 6].

Антропоцентрическая природа фразеологизмов выражается в ориентации картины мира на человека и раскрывается в способности данной языковой системы отражать воспринимаемый человеком мир во всем разнообразии его образов, символов, знаков и собственных черт характера. Очевидными примерами *здорового смысла* могут служить фразеологизмы, которые формировались веками и основываются на жизненном опыте. Этот пласт культуры, в сущности, дает готовые руководства к действию, описывает целые жизненные сценарии, передает культурные установки из поколения в поколение и относится к народной мудрости. Здравый смысл – это один из универсальных концептов человечества, поэтому вербальные выражения исследуемого концепта аналогичны в анализируемых языках.

Компоненты-соматизмы названий частей тела (голова, плечи, ноги), входящие в состав ряда фразеологических единиц, наделены символическими функциями, и выражают очевидные и наблюдаемые ассоциации человека с конкретной частью тела. Так, голова символизирует мыслительную деятельность, вместилище знаний и разума.

Приведем примеры из русской и английской фразеологии, характеризующиеся определенной тождественностью: в английском языке: *to have a good head on one's shoulders* (be intelligent and able to make good decisions; be a sensible person), *to have one's feet planted firmly on the ground* (be practical or realistic; have a sensible and realistic attitude to life); *to have one's head screwed on right/the right way/straight* (be sensible and able to deal with difficult situations), *to be in one's right mind* (be of sound mind), *keep a clear/cool head*; в русском языке: *иметь голову на плечах, голова на плечах, ясная голова, голова на месте. быть в здравом уме, быть в своем уме.*

В русском языке для выражения *здорового смысла*, используются синонимические фразеологизмы, основным компонентом которых является «ум», «голова», а второстепенный компонент может меняться: *ясный ум, ясная голова, цепкий ум, холодный ум, острый ум, трезвый ум, трезвая голова.*

Следует отметить некоторое расхождение в дефинициях фразеологизмов *прочно стоять на ногах* в русском языке и *to have one's feet planted firmly on the ground* в английском языке. Фразеологизм *to have one's feet planted firmly on the ground* означает быть практичным человеком, стоять на реальной почве, обладать здравым смыслом. *Прочно стоять на ногах* означает быть самостоятельным, независимым, жизнеспособным, не нуждаться в чьей-либо помощи или материальной поддержке. Образное осмысление

компонента «ноги» мотивировано древнейшим метонимическим отождествлением части и целого (ног и тела человека); содержит антропную пространственную метафору, в которой независимое, надежное положение человека в жизни уподобляется его физической устойчивости, опоры в пространстве [6].

Котелок варит означает сообразительность, быстроту мыслительной деятельности. Образ фразеологизма восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической (олицетворяющей неживое). В образе фразеологизма компоненты *голова*, *мозги* соотносятся с соматическим кодом культуры, компонент *варит* (*варят*) – с совокупностью антропного (собственно человеческого) и гастрономического кодов. Образ фразеологизма создается совокупностью метафор, при этом голова «верхняя часть тела человека, во внутреннем пространстве которой содержится мозг» уподобляется круглому сосуду (котлу), а процесс обдумывания, понимания – варению в данном сосуде пищи, символически замещает самого человека в осуществлении им интеллектуальной деятельности [6].

Ряд фразеологических единиц фиксирует факт наличия / отсутствия качества (*in one's(right) senses* ‘быть в здравом уме’ – *to be out of one's senses* ‘быть не в своем уме’; *to have all one's buttons* (= *have all one's marbles*) – *to be a button short*; *not in one's right mind* ‘не в своем уме’, *come to one's senses* ‘взяться за ум’ и другие), утрату качества (*выжить из ума*, *мешаться в уме* (или *в рассудке*) и *мешаться умом* (или *рассудком*), *go out of one's mind* ‘сойти с ума’, *to be gone in the upper storey* (= *to be a shingle short*) ‘потерять благоразумие’.

В языке отражается наивная картина мира, формирование которой обуславливается практическими потребностями человека. Концепт *здоровый смысл* актуализируется в языке средствами фразеологии, рассматривается человеком сквозь призму собственного восприятия. Метод анализа словарных дефиниций основан на представлении о том, что в слове и его толковании фиксируются результаты познавательной деятельности человека. Таким образом, обыденные понятия – элемент словаря и наивной картины мира.

Все вышесказанное позволяет предположить, что для целостного понимания культуры народа необходимо непосредственное обращение к его языку. Из приведенных примеров следует, что различное представление о *здоровом смысле* в английском и русском языках обусловлено национальной спецификой содержания исследуемого концепта. Несмотря на сходство русской и английской картин мира, их антропоцентрический характер, обусловленный общностью образа мыслей народов и представлений об универсальных реалиях, тем не менее они содержат определенные национально-культурные различия, которые объясняются субъективностью восприятия и осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов Л. Е. Занимательная философия : учеб. пособие. М. : Дашков и К, 2005. 128 с.
2. Гутовская М. С. Фразеологическая картина мира: ее свойства и принципы исследования // Веснік БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 3. С. 41–48.
3. New Roget's Thesaurus of the English Language in Dictionary Form / ed. by N. Lewis. New York : Berkley Publ. Corp., 1980. 496 p.
4. Фаткуллина Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Уфа, 2002. 343 л.
5. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ин-т языкознания РАН. М., 2009. 48 с.
6. Большой фразеологический словарь русского языка : значение, употребление, культуролог. коммент. / отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-Пресс, 2006. 784 с.

УДК 811.161.1'373.45

Маковский Антон Олегович

Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь

электронная почта: *mao-iroc@yandex.ru*

Makovsky Anton

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *mao-iroc@yandex.ru*

ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИТАЛЬЯНИЗМОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения характера и особенностей изменения семантической структуры итальянизмов, которые подвергаются эпидигматическим преобразованиям в процессе их адаптации в русском языке.

Ключевые слова: эпидигматика, специализация, расширение значения, полисемия, семантическая деривация, вторичное заимствование.

EPIDIGMATIC TRANSFORMATIONS
OF ITALIANISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. The article is devoted to the problem of identification of the peculiarities and the semantic changes of the Italianisms under the epidigmatic development in the process of adaptation to the Russian language.

Key words: epidigmatics, specialization, expansion of meaning, polysemy, semantic derivation, secondary borrowing

Язык представляет собой сложную систему, существование которой обеспечивается динамическим характером составляющих её подсистем. Наиболее подверженной изменениям является лексическая подсистема, которая постоянно пополняется благодаря внутриязыковым номинативным процессам первичной и вторичной номинации. Языковая система, не являясь замкнутой, способна компенсировать недостаток собственных элементов путём их заимствования из других систем. Наличие входа и выхода, согласно В. А. Карпову, сближает его с кибернетическими системами [1, с. 142-149]. Так русский язык в процессе своего развития обменивается лексическим материалом с другими европейскими языками, в том числе с итальянским. «Как развитие многозначности, так и иноязычное заимствование основаны на вторичном использовании готовой, уже существующей языковой формы. Это отличает данные способы номинации от фразообразования и словопроизводства, которые представляют собой способы “конструирования” – соединения имеющихся в языке компонентов (морфем или слов) в новые комплексы». При этом «взаимодействие заимствования с другими способами номинации влияет на номинативный потенциал единиц иноязычного происхождения» [2, с. 115]. Так иноязычные номинации в процессе освоения могут менять не только внешнюю, но и внутреннюю структуру, подвергаясь ряду эпидигматических трансформаций. Мы будем придерживаться концепции И. М. Кобозевой, которая рассматривает эпидигматические отношения как внутрилексемные семантические взаимодействия между узуальными значениями многозначного слова и называет соответствующий аспект лексико-семантической структуры языка эпидигматикой [3, с. 169]. Таким образом, к эпидигматическим отношениям будут относиться изменения семантики и объёма значения иноязычных слов. При этом нужно учитывать, что «изменения семантики иноязычных слов и приобретение ими новых значений происходят чаще всего не сразу, а лишь после полного усвоения слова лексической системой заимствующего языка, когда иноязычное слово уже не ощущается носителями языка как неологизм, бросающийся в глаза своей новизной и иностранным происхождением» [4, с. 40]. Сам механизм семантического развития представляет «множество различного рода преобразований, в том числе процесс приобретения словом дополнительных значений в результате переносов наименования (метафорического, метонимического, функционального), а также изменение семантического объёма слова» [5, с. 92]. Также нужно учитывать, что обычно заимствуется не целостная лексема, а отдельные лексико-семантические компоненты, необходимые для заполнения лакун в языке-реципиенте. Такая особенность является основой вторичного заимствования, в результате которого «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение» [6, с. 143].

Таким образом, заимствование иноязычных лексических элементов сопровождается комплексными семантическими преобразованиями, такими как расширение значения, сужение значения и развитие новых семантических вариантов. Определение количественных параметров таких преобразований и основных векторов изменения семантики итальянских заимствований в процессе их адаптации является важным для понимания степени участия русского языка в формировании значения заимствованных номинаций.

Материалом исследования послужили 456 итальянизмов, отобранных из «Беларуска-рускага тлумачальнага слоўніка новых слоў і новых значэнняў слоў» составителей В. И. Уласевич и Н. М. Дагулевич и «Словаря иностранных слов современного русского языка» составителя Т. В. Егоровой. Из выделенных единиц 293 заимствовано непосредственно из итальянского языка, 163 – через посредничество других европейских языков. Для большего количества номинаций, заимствованных непосредственно из итальянского языка характерна специализация значения (50%) и сохранение первоначального семантического объёма (48%). Определённое преобладание специализации объясняется особенностью языка заимствовать только необходимые семантические компоненты. Так многие терминологические единицы, заимствованные из итальянского языка, имеют дополнительные обобщённые значения, которые не заимствуются языком-реципиентом, по причине наличия собственных исконных синонимов. Так, наименование *ария* в итальянском языке имеет следующие значения: 1) ‘воздух’; ‘атмосфера’ (*aria condizionata* – ‘кондиционированный воздух’); 2) ‘прогулка’ (в тюрьме) 3) фразеологическое значение *aria!* – ‘прочь!, дорогу!, отвали!’ II 1) ‘вид’, ‘внешность’ (*all'aria* – ‘на вид’, ‘с виду’, ‘судя по внешности’) 2) ‘вид’, ‘подобие’; ‘сходство’ (*con aria di niente / da nulla* – ‘с безразличным видом’ (*guardare con aria assente* – ‘смотреть отсутствующим взглядом’) III 1) ‘ария’, 2) ‘мелодия, мотив’ (*sull'aria di* – ‘на мотив’, ‘на музыку’; *cantare / suonare ad aria* – ‘петь’ / ‘играть на слух’. Русским языком заимствован только музыкальный термин, обозначающий ‘вокальное произведение для одного голоса с аккомпанементом’. Номинация *ададжио* в итальянском языке помимо терминологического значения ‘медленный, протяжный темп’ имеет общие значения 1. 1) ‘тихо’, ‘медленно’ (*adagio adagio* – ‘тихонько’, ‘потихоньку’; ‘мало-помалу’ (*adagio avanti / indietro!*— ‘малый вперёд’ / ‘назад’!) 2) ‘тихо’, ‘негромко’ 3) ‘осторожно’ (*andare adagio con qc* – ‘обращаться с чем-либо осторожно’ / ‘осмотрительно’; (*adagio colle minacce!* – ‘потихише’!, ‘не пугай’! ; *andare adagio a fare qc* – ‘приступить к чему-либо с осторожностью’ / ‘с умом’. Наименование *каретка* (от итальянского *carretto* ‘тележка’), пройдя этап расширения значения в языке-доноре путём метафорического переноса по функции, получило дополнительное значение ‘деталь механизмов, которая передвигается или вращается’ (функция движения). В русский язык перешло только последнее значение, вновь сузив объём значения номинации по отношению к исходной номинации.

В ряде случаев эпидигматические преобразования могут происходить в процессе вторичного заимствования, образуя либо дополнительные семантические компоненты полисемантической лексемы, либо омонимичные лексические единицы. Примером развития омонимии являются номинация *фиаско*. В итальянском языке она имеет значения ‘оплетённая бутылка для вина’, переносное значение *фиаско*; ‘неудача’, сформировавшееся на основе метонимического переноса «предмет-знак», так как в старину на провалившегося актёра вешали бутылку (бутылка – знак провала). В русский язык номинация была заимствована частично с сохранением только переносного значения ‘сокрушительный провал’ [8]. Позже в результате вторичного заимствования появилась омонимичная номинация *фьяска* для обозначения самой бутылки как итальянской культурной реалии. Номинация *граффити* от ит. *graffito* ‘нацарапанный’ также при освоении в русском языке образовала две омонимических единицы. В итальянском языке *граффити* имеет значения: 1) ‘настенный’, 2) ‘особый способ декоративной отделки стен зданий’ 3) ‘роспись зданий (граффити)’. [8]. Освоена единица с традиционным изменением числа на множественное по матричному типу освоения (подобно *mafioso* – *мафиози*). При этом в РЯ позже вторично заимствуется значение ‘способ декоративной отделки стен зданий’ возникает омоним *сграффито* для компенсации недостающего терминологического элемента.

Наряду с расщеплением номинации на омонимические лексемы в процессе освоения итальянизмов может возникать и обратный процесс: слияние итальянских омонимических единиц в русскую полисемантическую единицу.

В словаре Егоровой представлены следующие значения номинации *концерттино*: 1) ‘музыкальное произведение, отличающееся от концерта большей простотой’, которое соответствует итальянскому слову *concertino*; 2) ‘разновидность музыкального инструмента, небольшая шести- или восьмигранная гармонь’, соотносящееся с исходной номинацией *concertina*. Таким образом, в результате сближения омонимов в русском языке значение номинации *концерттино* расширилось за счёт инкорпорации значения омонимичной номинации. Следует также отметить, что в русском языке параллельно используется обе номинации, что подтверждается наличием в толковом словаре С. И. Ожегова лексемы *концерттина* в значении ‘род небольшой гармоник обычно шестиугольной формы’ [9]. Подобный пример представляет собой наименование *мета* (от ит. *metà*), имеющая в итальянском языке значения ‘половина’, ‘середина’, ‘половинка’, ‘половинная доля’. В русском путём метонимического переноса «предмет-свойство» у этой номинации развилось значение ‘условие сделки, согласно которому участники должны делить пополам как прибыли, так и убытки’ (специализация значения). Также в русском присутствуют устаревшие значения данной номинации: ‘цель, мишень (устар.)’, ‘метка, помета’, которые развились путём сближения с итальянским омонимом *meta*,

имеющим значения: 1) ‘предел’, ‘рубеж’ 2) ‘конечный пункт (напр. путешествия)’, 3) переносное значение ‘цель’, 4) ‘мета (начальный и конечный столбы в римском цирке)’. То есть можно утверждать, что номинация *мета* (от ит. *meta*) была частично заимствована русским языком со специализацией её значения до значений 3 и 4. Позже произошло вторичное заимствование омонимической номинации *meta*, её специализация в русском языке в значении ‘условие сделки, согласно которому участники должны делить пополам как прибыли, так и убытки’. В результате оба омонима слились в одно полисемантическое слово *мета*. Рассмотренные примеры подтверждают, что процесс слияния омонимов предполагает расширение значения одной из номинативных единиц.

Однако эпидигматические процессы расширения и сужения значения происходят не только при условии частичного заимствования, расщепления и сближения омонимов, но и под воздействием семантической деривации в языке-реципиенте. Около 2% выделенных нами единиц прошли процесс семантической деривации в русском языке. Большая их часть характеризуется специализацией значения. Так номинативная единица *облиго* со значениями ‘обязанность’, ‘обязательство’, ‘повинность’ преобразовавшись по метонимической гипо-гиперонимической модели сузила значение до ‘суммы общей задолженности по векселям или по операциям с банком’. Номинация *альт* подверглась расширению значения путём включения в её состав значения итальянской номинации *viola* ‘смычковый муз. инструмент несколько большего размера, чем скрипка’ [8]. Наблюдаются также случаи появления в процессе семантической деривации новых лексико-семантических вариантов. Примером может служить название вида лотереи *аллегри*, образованной от надписи *allegri* на проигрышных билетах, что значило ‘не огорчайтесь’. Возникли такие лотереи предположительно в России в середине XIX – начале XX вв. Таким образом семантическая деривация номинации *аллегри* произошла в русском языке по метонимической модели «часть-целое» (отсутствие выигрыша – название лотереи).

Таким образом, при адаптации итальянизмов специализация незначительно преобладает над сохранением объёма значения в соотношении 50 % / 48 %. Это связано с тем, что заимствованные лексические единицы призваны заполнить отдельные лакуны в языке, что не требует заимствования всей семантической структуры иноязычного слова, а лишь отдельных её составляющих. Поэтому в большинстве освоенных русским языком итальянских номинаций наблюдается частичное заимствование лексико-семантических компонентов. Расширения значения итальянизмов в русском языке, как и создание новых лексико-семантических вариантов практически не наблюдается (около 2%), что свидетельствует о незначительном участии русского языка в формировании новых компонентов значений итальянизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов В. А. Язык как система / предисл. Ю. А. Урманцева. Минск : Выш. шк. 1992. 301 с.
2. Казкенова А. К. Онтология заимствованного слова: монография. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2013. 248 с.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Горбов А. А. О некоторых проблемах интерпретации иноязычного материала при описании новых заимствований в русском языке // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 29–40.
5. Калинина М. А. Эпидигматическое освоение галлицизмов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Волгоград, 2006. 271 л.
6. Крысин Л. П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня. 2004. № 3. С. 2–4.
7. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. 2-е изд. М. : Дрофа, 2000. 399 с.
8. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 800 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М. : Азъ, 1994. 907 с.
10. Уласевіч В. І., Даўгулевіч Н. М. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў. Мінск : Аверсэв, 2013. 253 с.

Секция 2
ДОМИНАНТНЫЕ КОНЦЕПТЫ В НОМИНАТИВНОМ
И ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА

УДК 811.124'373.23

Додыченко Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
электронная почта: *lina2006_73@mail.ru*

Dodychenko Elena Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate professor
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
e-mail: *lina2006_73@mail.ru*

ЛИЧНОЕ ИМЯ ДРЕВНЕРИМСКОГО ГРАЖДАНИНА
КАК СВЕРНУТЫЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Аннотация. Имена собственные как объект изучения ономастики всегда играли важную роль в аспекте межкультурной коммуникации. В работе рассматриваются латинские антропонимы, описывается структура имен древнеримских граждан, характеризуются особенности их трансформации в историческом дискурсе других культур. Основное внимание уделяется исследованию приемов перевода имен собственных с точки зрения сохранения и аккумуляции в них культурно-исторического контекста.

Ключевые слова: культурно значимые слова; имя собственное; латинские антропонимы; исторический дискурс; переводческие приемы; культурно-исторический контекст.

THE NAMES OF ANCIENT ROMAN CITIZENS
AS A COMPRESSED CULTURAL AND HISTORICAL TEXT

Summary. Personal names, as subjects of onomastics study, have always played an important role in intercultural communication. The work examines Latin anthroponyms and identifies the existing problem of accurate transmission of their inner form, describes the structure of the names of ancient Roman citizens, characterizes the features of their transformation in the historical discourse of other cultures. The main attention is focused on the techniques of translating proper names as means of preserving and accumulation of cultural and historical context in them.

Keywords: culture-specific items; proper name; Latin anthroponyms; historical discourse; translation techniques; cultural and historical context.

Имена собственные занимают большое место в лексике любого языка, поэтому их изучение привлекает внимание многих исследователей и выделилось в отдельную науку – ономастику. Проблема изучения взаимодействия культуры с функционирующим в ней именем собственным является актуальной на протяжении последних десятилетий. Система личных имен в любом языке имеет свою систему со свойственными ей особыми механизмами, закономерностями развития и функционирования. Эти лексические единицы представляют собой один из способов отражения образа мира, что и определяет их высокий коммуникативно-прагматический потенциал при реализации социокультурной функции языка.

Современные подходы к изучению имен собственных характеризуются особым интересом не столько к их лингвистическому статусу, сколько к экстралингвистическим факторам, влияющим на формирование их семантической структуры и функционирование в разных дискурсах. Во всех языках процесс создания имен собственных – разновидность кодирования культурно-исторической информации. Семантическая структура антропонимов включает в себя своеобразие того или иного этноса, его создавшего или употребляющего в результате заимствования в ходе исторического развития. Отсюда следует, что имена собственные являются элементом ментальности носителей языка, входят в его когнитивную базу и сохраняют в своем значении культурную память общества. Иными словами, каждое личное имя – это свернутый лингвокультурный текст, неразрывно связанный с другими текстами.

Согласно Р. Барту, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [1, с. 78].

Принадлежность человека к той или иной языковой среде или социально-культурному сообществу определяется по целому ряду признаков, в том числе и по тому, насколько он владеет лингвокультурной и межтекстовой компетенциями, т.е. умеет адекватно понимать и использовать имена собственные, связывать их с другими источниками или культурно-историческим контекстом в целом. Важно также «психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет» [2, с. 8].

Личные имена древних римлян, представляющие собой историко-культурный пласт любого европейского языка, – одно из средств создания интертекстуальных связей в любом дискурсе, и особенно в историческом. Являясь прецедентными, они не просто отсылают к другому тексту, а сами являются свернутым текстом, так как практически полностью «законсерви-

ровались» в разных языках, сохранив в себе традиции, религию, культуру и историю античного мира. Такие антропонимы не просто называют кого-то конкретного, а еще и передают содержащуюся в них имплицитную информацию (социальный статус и характеристика его носителя, связанные с ним события, исторический период и многое другое). «Антропонимы исторических личностей передают большое количество признаков, обозначая один объект, они наполняются безграничным значением, создавая типы исторических личностей, красной нитью проходящих через века» [3, с. 80].

Использование иноязычного имени собственного в речи (в нашем случае латинского) – акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, результатом которого является взаимодействие двух языковых и речевых систем, двух культурно-психологических традиций. В отличие от многих заимствованных иностранных слов, личные имена в основном сохраняют свой первоначальный звуковой облик, чтобы не утратить связь с языком-источником и не исказить своей семантической структуры.

Система личных имен граждан Древнего Рима является важной культурно-исторической характеристикой античного мира. Её знание позволяет понять устройство древнего общества, его социальную иерархию, традиции и обычаи как отдельной семьи, так и всего государства. Благодаря широкому использованию сокращений и общепринятых знаков римлянам удавалось кодировать вместе со своим именем сразу несколько сведений о его носителе: род и семья, к которым он принадлежал, статус внутри них и даже его политические, военные, личные и другие достижения. Поэтому способы номинации человека – это тот ресурс, который в свернутом виде дает современному обществу представление о культуре прошлого и в то же время осознание его наследия в настоящем. Даже тот факт, что имя давалось новорожденным не в день рождения, а на восьмой день для девочек и девятый для мальчиков, говорит о почитании римлянами богини Нундины, которая ведала обрядом очищения младенцев и их именованию. Ритуал почитания богини Нундины многое значил в римском обществе и практиковался представителями всех социальных классов.

Известно, что римский гражданин имел два (в некоторых плебейских родах) или три имени (в патрицианских родах): 1) *praenomen* (личное), 2) *nomen* (родовое), *cognomen* (прозвище, которое могло передаваться по наследству и стать названием семьи): *Gajus Julius Caesar*. Поскольку первые четыре сына наследовали имя отца, зачастую становилось необходимым к трем первым добавлять и четвертое – *agnomen* (личное прозвище): *Publius Cornelius Scipio Africanus* [4, 5].

У некоторых личных имен можно выделить семантику. К примеру, *Postumus* ('рожденный после смерти отца'), *Lucius* ('рожденный днем, т.е. при дневном свете'), *Manius* ('рожденный утром'). Можно добавить также употребляемые в качестве личного имени числительные, которые

давались последующим после четвертого сыновьям: *Quintus* ('пятый'), *Sextus* ('шестой'), *Septimus* ('седьмой'), *Octavus* ('восьмой') и т.д. Изначально они использовались в своем прямом значении, а впоследствии утратили жесткую привязку к числительному.

Cognomen (и реже *agnomen*) появился позднее личного и родового имен у патрициев. Эта структура, называемая *tria nomina*, отличала представителей высшего сословия от других субъектов права. Официально *tria nomina* начинают появляться в письменных источниках и юридических текстах во времена Римской Республики. С точки зрения семантики *cognomen* и *agnomen* могут представлять гораздо больший интерес, чем *praenomen* и *nomen*, так как сохранили в себе сведения о конкретном человеке, его внешних и внутренних качествах, роде занятий или его роде, к которому он принадлежал: *Marcus Tullius Cicero* ('турецкий горох'), *Lucius Annaeus Seneca* ('старик, старец'), *Marcus Caelius Rufus* ('рыжий'), *Quintus Horatius Flaccus* ('вислоухий'), *Publius Mucius Scaevola* ('левша'), *Marcus Terentius Varro* ('кривоногий' или 'прыщавый'), *Fabius Maximus Cunctator* ('медлительный, осмотрительный, осторожный, нерешительный'), *Gnaeus Domitius Ahenobarbus* ('рыжебородый'), *Gaius Atejus Capito* ('голован, большеголовый'), *Gaius Cassius Longinus* ('высокий'), *Lucius Papirius Cursor* ('скороход, гонец; бегун'), *Gnaeus Pompeius Magnus* ('великий'), *Gaius Julius Caesar* ('кудрявый, с густыми волосами') *Caligula* ('сапожок'), *Flavius Claudius Julianus Apostatus* ('(веро)отступник') и т.д. [6]

В республиканский и имперский периоды римляне с тремя именами, как правило, относились только к патрицианской аристократии или высшему обществу. К примеру, Гай Марий и Гней Помпей были влиятельными и могущественными людьми, однако из-за своего скромного происхождения они имели только *praenomen* и *nomen*. Однако после выдающихся военных достижений Помпей получил *cognomen Magnus* и остался в истории как *Гней Помпей Великий*.

Римский гражданин, у которого не было потомка мужского пола, в республиканские времена мог усыновить кого-то и передать ему свое имя. Как правило, усыновленный человек получал *nomen* и *cognomen* своего приемного отца и, в свою очередь, добавлял второй *cognomen* с окончанием *-anus*, которое указывало на его первоначальный род. Так, первоначальное имя императора Августа было *Gaius Octavius Thurinus*. Когда он был усыновлен Юлием Цезарем, он принял *praenomen*, *nomen* и *cognomen* последнего и сохранил старый *nomen*, преобразованный в прилагательное на *-anus*. И его имя приняло следующий вид: *Gaius Julius Caesar Octavianus*.

Еще один элемент, аккумулирующий в себе важную культурно-историческую информацию, – всевозможные сокращения и дополнительные сведения, которые писались до и после имени. Как правило, их использовали в письменных документах, на мемориальных досках, колоннах, стелах или

саркофагах с целью указать на происхождение человека, его должность, право голосования и даже отнесенность к месту голосования (говоря современным языком, участок голосования), достижения, заслуги перед отечеством, военные успехи, пожертвования на разные цели, оставленное наследство, день и месяц и мн. др.

Первыми подвергаются сокращению *praenomena*, так как их было мало и они были известны всем. Восемнадцать наиболее употребляемых из них, согласно общепринятому стандарту, использовались только в виде одной, двух и реже трех букв: *Aulus* – *A*, *Appius* – *Ap*, *Gaius / Caius* – *C*, *Lucius* – *L*, *Mamercus* – *Mam*, *Servius* – *Ser*, *Sextus* – *Sex*, *Titus* – *T*, *Tiberius* – *Ti* и др.

На происхождение человека, его статус в семье указывали от одной до трех букв, располагавшихся за именем. Они представляли собой сокращение от *praenomen* отца (или *pater familias* ‘отца семейства’) и слов, определяющих, кем ему приходится носитель имени: *F* (*filius* ‘сын’), *N* (*nepos* ‘внук’), *PR* (*pronepos* ‘правнук’), *LIB* (*libertus* ‘вольноотпущенник’), *CON* (*coniux* ‘супруг’), *SER* (*servus* ‘раб’). В качестве примера можно рассмотреть полное имя Юлия Цезаря, использовавшееся в официальных документах: *C. IVLIVS CAESAR C. F. C. N.* Это можно перевести на русский язык следующим образом: *Кай / Гай Юлий Цезарь, сын Кая / Гая, внук Кая / Гая. Отсюда можно понять также, что и Юлий Цезарь, и его отец были первенцами, так первый сын носил praenomen своего отца.*

Кроме происхождения и семейного статуса добавлялись еще обязанности лица и его *cursus honorum* (‘карьера’). Обычно это были трехбуквенные сокращениями, стоящие перед именем. Например, *COS* (*consul* ‘консул’) или *COS II*, *COS III*, где римские цифры указывали на то, сколько раз человек был избираем на эту должность.

Также с точки зрения культурно-исторической не менее информативны имена римских женщин, так как они показывают, как на протяжении веков менялся социальный статус римлянок в зависимости от того, какое положение в обществе они начинают занимать. Стоит отметить при этом, что у специалистов нет полной картины этого явления, так как в письменном виде сохранились сведения в основном только о представительницах патрицианских родов.

Во время Римской Республики женщины, будучи рожденными первыми, наследовали *nomen* своего отца в женском роде: *Юлия*, *Туллия*, *Корнелия* и т.д. Вторые, третьи и последующие дочери к *nomen* своего отца получали еще и прилагательные и порядковые числительные согласно очередности по рождению: *Mayor* (‘старшая’), *Minor* (‘младшая’), *Segunda* (‘вторая’), *Tertia* (‘третья’) и т.д. Эта традиция свидетельствует о достаточно низком статусе женщины, при котором важно было «привязать» ее к какому-то роду или семье.

Значительные изменения женское имя претерпело в период Империи, когда, подобно сыновьям, дочери начали получать еще и *cognomen* своего отца в женском роде. В письменных источниках можно найти женские *tria nomina*: *Aelia Domitia Paulina* (сестра императора Адриана) или *Annia Aurelia Faustina* (жена Гелиогабала). Это очень важная культурно-историческая характеристика, поскольку трехчленная структура имени указывала на родословную человека и приравнивала женщину мужчине. В последующие времена патрицианки, выходя замуж, не меняли свои *nomen* и *cognomen* и даже могли передавать их своим дочерям. К примеру, дочь императора Цезаря Августа, будучи женой Марка Випсания Агриппы, назвала свою первую дочь *Випсанией Юлией*, сохранив за ней принадлежность к роду Юлиев.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что имена римских граждан являют собой феномен прецедентности, связующий прошлое и настоящее. В силу своей емкости и информативности они играют важную роль в культурно-историческом пространстве. Приведенные в рамках статьи примеры подтверждают мысль о том, что эволюция латинских имен – результат изменений в жизни античного общества. По ряду причин на протяжении многих веков имена древних римлян напрямую из латыни либо с помощью языка-посредника проникали во многие европейские языки, сохранив за собой огромный пласт сведений, который специалист может развернуть в полноценный текст. Кроме того, приобретая своеобразную устойчивую форму, в большей или меньшей степени отличающуюся от оригинала, что обусловлено целым рядом факторов, в том числе и нормами каждого отдельного языка, имена древних римлян до сих пор широко используются и пользуются популярностью в разных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М. : Прогресс, 1978. 616 с.
2. Гарагуля С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. М., 2009. 418 л.
3. Миньяр-Белоручева А. П., Княжинская Е. В. Перевод антропонимов исторических личностей // Вестник Московского университета. Сер. 22, Теория перевода. 2019. № 2. С. 79–93.
4. Федорова Е. В. Имена в античных латинских надписях [Электронный ресурс] // Введение в латинскую эпиграфику / Е. В. Федорова. М., 1982. С. 85–101. URL: <http://ancientrome.ru/publik/fedorova/imena01f.htm> (дата обращения: 01.05.2022).
5. Los nombres romanos, cómo se estructuraban y eran utilizados [Electronic resource]. URL: <https://www.imperivm.org/los-nombres-romanos/> (accessed: 01.05.2022).
6. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 11-е изд., стер. М. : Рус. яз. Медиа, 2008. 843 с.

УДК 81'373

Богова Майя Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Республика Беларусь
электронная почта: *bomaya@gmail.com*

Жилинская Анна Викторовна, студент
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Республика Беларусь
электронная почта: *choco.choco.pie@mail.ru*

Bogova Maya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: bomaya@gmail.com

Zhilinskaya Anna, student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: choco.choco.pie@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ЭРГОУРБОНИМОВ г. МИНСКА

Аннотация. В статье дан анализ наименований внутригородских деловых объектов столицы Беларуси. Собранный фактический материал позволил выделить способы номинации эргоурбонимов, сгруппировать их по способу словообразования, описать применяемые модели частотных одно- и двухсловных наименований.

Ключевые слова: топонимы; урбонимы; эргоурбонимы; названия городских объектов; коммерческие наименования.

SPECIFIC FEATURES OF ERGOURBONYMS IN MINSK

Summary. The article analyzes the names of business objects in the capital of Belarus. The collected factual material made it possible to determine the ways of nominating Minsk ergourbonyms, split them out in groups by word formation types, and describe the models of frequently used one- and two-word names.

Keywords: toponyms; urbonyms; ergourbonyms; names of city objects; commercial objects' names.

Географические названия всесторонне изучает такой раздел ономастики как топонимика. В их состав входят урбонимы – имена собственные любого внутригородского топографического объекта. Образно говоря, городские названия являются языком, на котором разговаривают города. Предметом нашего исследования стали названия локализованных деловых предприятий, расположенных в г. Минске, – эргоурбонимы. Рассмотрим способы их номинации и образования, проведем морфолого-синтаксический анализ.

Под способом номинации традиционно понимают механизм создания наименований, это определенный этап выявления внеязыкового содержания и представления его в языке и речи посредством конкретных языковых форм [1, с. 43]. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «по существу, каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносят свой вклад в образование новых наименований» [2 с. 222], поэтому, как правило, исследователи выделяют способы номинации в соответствии с уровнями языковой системы, а именно: лексический (создание новой лексической единицы; переосмысление; заимствование); синтаксический и словообразовательный способы.

Классификации способов образования наименований многочисленны. Так, В. Г. Гак выделяет в акте наименования следующие параметры номинации: источник, внешнюю форму, семантический тип и внутреннюю форму номинации. В отношении источника наименования различаются: а) использование готовой лексической единицы данного языка; б) создание новой лексической единицы; в) заимствование из другого языка. В отношении внешней формы наименования различаются: а) простое слово; б) производное слово; в) сложное слово; г) словосочетание» [3, с. 46]. По семантическому типу В. Г. Гак различает широкое и узкое (по объему), прямое и косвенное наименование; внутреннюю форму слова определяет конкретный признак, связывающий название с его источником [3].

Е. А. Трифонова, анализируя названия деловых объектов в русском и английском языках, в качестве основных способов номинации, практически равномерно представленных в русской и английской эргонимии, называет следующие: «лексико-синтаксический, лексико-семантический (трансонимизация и апеллятивация), словообразовательный (аббревиация, словосложение и аффиксация), фонетический и комплексный» [4, с. 8].

Е. А. Косых описывает три основных способа номинации, выделяя их в соответствии с уровнями языковой системы: 1) лексический (создание единицы номинации, переосмысление и заимствование); 2) синтаксический (образование составных наименований и предложений); 3) словообразовательный (или деривационный) [5, с. 48].

Все указанные способы могут быть задействованы при создании коммерческих наименований. Проведенный анализ наименования городских объектов в г. Минске позволяет выделить следующие способы номинации эргонимов.

1) Лексическое заимствование: а) с транслитерацией (ресторан «*Хмели-сунели*», магазин детских товаров «*Беби-мир*»); б) с сохранением графического облика (турфирма «*Laguna*»); в) с сочетанием исконного и заимствованного слова (свадебный салон «*Белая Леди*»); г) со смешанным графическим оформлением (Магазин детских товаров «*Алиса kids*»).

2) Словообразовательный способ: а) аффиксация (ресторан «*Грильница*»); б) словосложение (кафе «*Шаурмадел*»); в) словосложение с использованием дефиса (кафе «*Мама-дома*»); г) универбация (супермаркет «*Быстроном*»); д) аббревиация, в том числе с образованием сложносокращенных слов (турагентство «*МинскМоскТур*»); е) усечение (магазин канцтоваров «*Профи*»).

3) Лексико-семантический способ: а) онимизация апеллятивной лексики (сеть магазин обуви «*Башимак*»); б) трансонимизация с использованием антропонимов (банкетный зал «*Анна*»).

4) Субстантивация (транспозиция частей речи): а) от прилагательного (супермаркет «*Хлебный*»); б) от звукоподражания (ресторан «*Му-Му*»); в) от наречия (супермаркет «*Дешевле*»); г) от местоимения (сеть магазинов одежды «*Твое*»); д) от глагола образованы особые лексические единицы, которые называют предикативами (служба заказа такси «*Вези*»).

5) Лексико-синтаксический способ: а) существительное + прилагательное (кафе «*Домашняя еда*»); б) именное словосочетание с родительным падежом (кафе «*Время обеда*»); в) сочинительная конструкция (магазин «*Сад и огород*»); г) предложно-падежная конструкция (столовая «*На Вокзальной*»); д) словосочетание местоимение + существительное (супермаркет «*Весь Вкус*»).

б) Образная номинация (лексико-семантическая трансформация): кафе «*Золотой гребешок*».

7) Языковая игра: магазин «*Три лося*».

8) В сфере эргонимической номинации встречаются следующие прецедентные феномены: а) прецедентные имена (кафе русско-узбекской кухни «*Алибаба*»; туристическая компания «*Робинзон*»); б) прецедентные тексты (туристическое агентство «*1001 тур*»); в) прецедентные высказывания (кафе «*Душистый хмель*»).

Частотным способом образования эргоурбонимов в нашем корпусе номинаций предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг (магазины, бутики, супер-, гипермаркеты, кафе, бары, рестораны, салоны красоты и парикмахерские, фитнес-клубы, тренажерные залы и гостиницы и т.п.) является семантическая деривация от названий существующих топообъектов. Можно достаточно четко выделить следующие группы названий:

1. Эргоурбонимы, образованные от названий районов, – одна из самых активно развивающихся групп. Названия такого типа есть практически в каждом районе города.

2. Эргоурбонимы, образованные от названий административных районов (рынок «*Первомайский*», магазин «*Советский*», рынок «*Московский*», магазин «*Ленинский*»).

3. Эргоурбонимы, образованные от названий жилых районов (магазин «*Вивальди*», кафе «*Минск Мир*», столовая «*Военный городок*», магазин «*Центральный*»).

4. Эргоурбонимы, образованные от названий улиц. Количественно эта группа менее многочисленна, значительно ниже и ее формальное разнообразие. Данные эргоурбонимы представляют собой названия по способу соотносительности с названиями улиц, на которых или на пересечении которых расположены: магазин «*На Заводской*» (улица *Заводская*), кафе «*Восточное*» (улица *Восточная*).

5. Эргоурбонимы, образованные от названий конкретных мест в городе, когда в качестве ориентира выбирается известный объект городского пространства: ресторан «*Старый Город*» (улица *Максима Богдановича*

в историческом центре города), рекламное агентство «Стадион» (улица Кирова, рядом со стадионом «Динамо»), кафе «Пассаж» (возле торгового центра «Пассаж» на улице Веры Хоружей).

Словообразовательная ценность формантов для каждой конкретной территории иная, на различных территориях функционируют свои продуктивные модели образования. Среди параметров «локализованной топонимической системы» Е. Л. Березович выделяет: экстралингвистическую заданность границ системы, ограниченную сферу функционирования, определенную исторически сложившуюся территориально и хозяйственно общность номинируемых объектов; дифференциацию элементов системы, однозначность каждого названия; конкретность номинативной разработки представления об окружающих географических объектах; иерархичность строения, проявляющуюся в наличии ядра и периферии; заданность позиции номинатора; тенденция к связи наименований между собой [6, с. 24].

В центре г. Минска частотны языковые заимствования: «Tefal», «Ives Rocher», «Levi's», «Lacoste» – торговые марки используются в качестве названий локализованных коммерческих предприятий, употребляются иностранные модели и лексемы, например: «S&M Studio». Наиболее продуктивной моделью здесь является когеренция, реальная и символическая связь с ассортиментом значимы в равной мере. Например, в названии салонов посуды, сантехники, плитки «Сквирел» важно было не указать на вывеске товар, а отметить его своеобразие, отличительную черту представляемого ассортимента. Внешние свойства объекта играют незначительную роль («Чердак», «Центральная аптека») по сравнению с его расположением (ТЦ «Пассаж»).

Морфолого-синтаксический анализ названий внутригородских объектов г. Минска выявил, что во всех трех языках наблюдаются преобладание одно- и двухсловных наименований следующих моделей:

1. Номинативная модель. Частотно использование существительного: магазины «Хлеб», «Продукты», «Цветы», «Книги», «Кокетка», кафе «Васильки», гостиницы «Европа», «Минск», салоны красоты «Чародей» и др. У данного типа эргонимов первым компонентом служит номенклатурный термин, вторым – имя существительное, имеющее номинативную форму. Характер связи – неполное согласование.

2. Атрибутивная модель. Использование в качестве номинации атрибутивных словосочетаний – характерная черта Минских эргоурбонимов: парикмахерская «Новый завиток», ресторан «Золотой гребешок», салон-магазин «Mother Care», солярии «Sunlight», «Sun city» и др. В качестве самостоятельных названий могут использоваться прилагательные: магазин «Рублевский», универсам «Первомайский», торговый дом «Московско-Венский». Здесь можно говорить о субстантивации прилагательного, однако часто прилагательные не субстантивируются, находясь в тесной связи с номенклатурным термином, они согласуются с ним: гостиница «Юбилейная». В данном случае границу между именем собственным и нарицательным определить невозможно.

3. Предложно-падежная модель: словосочетание в конструкциях «что где», «что откуда», «что у кого», «что для кого/чего» из двух существительных, одно из которых употребляется в косвенном падеже («Товары для дома», «Товары для детей», «Дешевая одежда из Европы»). Существительное в именительном падеже может быть опущено «For you», «Все для дома». Продуктивен генитивный тип данной модели из сочетания двух слов: первое – в номинативной форме, второе – в генитивной форме. Позиция номенкла-турного термина строго фиксирована, он всегда находится в препозиции, характер связи – управление: «Магия цвета», «Еда Востока», «Мир моды». Встречается генитивно-атрибутивный тип, который соответствует «чистому» генитивному виду, он отличается только наличием в его составе имени прилагательного: «Парк высоких технологий», «Магазин детских товаров», «Магазин женской одежды», «Магазин бытовой химии» и др.

4. Сложная номинативная модель представляет собой словосочетания, состоящие из двух имен существительных («Красное и Белое», «Кот и пес», «Сад и огород» и др.).

5. Нумеративный тип – словосочетание имени существительного и имени числительного («Три лося», «1000 мелочей» и др.).

6. Сложение, слияние, сложносокращенные слова, аббревиатуры. Данные модели не отмечены высокой популярностью, большинство наименований – названия торговых объектов, возникших еще в советское время (ГУМ, ЦУМ). Среди недавно появившихся номинаций аббревиатуры не встречаются вовсе, сложносокращенные слова чаще всего имеют компоненты торг-, евро-, бел-, спец-, мед-, канц-, тех-: «Евроопт», «Белнефть», «Канцтовары» и др.

7. Ранее не известная императивная модель приобрела популярность в последнее десятилетие: «Суши весла», «Будь здоров» и др.

8. Коммуникативная модель. В качестве номинации используются различного рода коммуникемы, например: «Pinky-Bandinsky». На выбор структурной схемы названия оказывают влияние профиль объекта, политико-экономический этап жизни общества (советский и постсоветский) и связанные с ним языковые тенденции, а также характер собственника (коммерческий или государственный торговый объект).

Анализ эргоурбонимии г. Минска с позиций структуры и семантики продемонстрировал изоморфность эргоурбонимической системы в целом. Способами образования этих эргоурбонимов являются семантическая деривация от названий административных районов, жилых районов, улиц и конкретных мест в городе. В наименованиях внутригородских деловых объектов преобладают одно- и двухсловные названия. Продуктивные модели образования: атрибутивная; предложно-падежная – словосочетание из двух существительных, одно из которых употребляется в косвенном падеже; сложная номинативная; отмечены нумеративная, коммуникативная и модель, включающая сложение, слияние, сложносокращенные слова. Культурно мотивированные эргоурбонимы основаны на культурно значимых устойчивых ассоциациях информантов и не всегда отражают непосредственную связь наименований со сферой деятельности предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб. : Алетея, 2003. 720 с.
2. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977. С. 222–303.
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М. : Междунар. отношения, 1977. 264 с.
4. Трифонова Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2006. 20 с.
5. Косых Е. А. Русская ономастиология [Электронный ресурс] : учеб. пособие. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).
6. Березович Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Екатеринбург, 1992. 461 л.

УДК 811.161.1'373.23

Каминская Ирина Сергеевна, кандидат педагогических наук
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: rkiteacher80@gmail.com

Kaminskaya Irina Sergeevna, Candidate of Pedagogical Sciences
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: rkiteacher80@gmail.com

ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ
В СОСТАВЕ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ К АНТРОПОНИМАМ

Аннотация. В статье рассматриваются пейоративные и мелиоративные номинации в составе ассоциативных полей к антропонимам, представленным в качестве стимулов в «Русском ассоциативном словаре»; проводится их структурная и семантическая классификация.

Ключевые слова: ассоциативный словарь; антропонимы; оценочные номинации; структурно-семантическая классификация.

EVALUATION NOMINATIONS
IN ASSOCIATION FIELDS TO ANTHROPONYMS

Summary: The article deals with pejorative and meliorative nominations as part of associative fields to anthroponyms presented as stimuli in the Russian Associative Dictionary; their structural and semantic classification is carried out.

Key words: associative dictionary; anthroponyms; evaluation nominations; structural and semantic classification.

Материалом исследования послужили 83 антропонима, отобранных из корпуса стимулов «Русского ассоциативного словаря» (под ред. Ю. Н. Караулова и др.) [1]. Среди них представлены:

- 1) личные имена в полной (*Петр, Маргарита, Максим, Андрей, Александр*) и краткой формах (*Ваня, Вася, Федя, Степа*);
- 2) отчества (*Максими́ч*);
- 3) фамилии (*Ленин, Эйнштейн, Чайковский*);
- 4) прозвища (*Мономах*);
- 5) имена литературных героев, в том числе антропоморфных существ (*Айболит, Буратино*).

Имена собственные, как известно, называют объект, не называя его свойств, не обладают семантической полнотой, свойственной имени нарицательному, то есть не имеют конкретного денотата. Однако, оказываясь в центре ассоциативного поля, они подвергаются сигнификации. Так, например, наиболее частотными на имя *Маргарита* оказываются реакции *Мастер, и Мастер*; на имя *Александр* → *Невский, Македонский, Пушкин*; на фамилию *Брежнев* → *брови, Леонид Ильич* и т.п. При этом денотатом антропонима становится как общеизвестная личность – историческая персона (ученый, писатель, политик, духовный лидер, композитор), литературный персонаж, герой античного мифа, так и некто, знакомый исключительно испытуемому (например, *Максим* → *хороший мальчик, Федя* → *отличный парень, умница*).

Оценочные номинации, выполняющие функцию идентификаторов имен собственных, также участвуют в создании их интенционала. Оценочные реакции в исследуемых ассоциативных полях представлены:

- именами существительными (*Алладин* → *дурак, Каспаров* → *молодец, Дуся* → *деревенщина, Фемида* → *красавица, Ломоносов* → *умница*);
- именами прилагательными (*Фемида* → *страшная, Штирлиц* → *изворотливый, Эйнштейн* → *заумный, Хоттабыч* → *мудрый, Папа Карло* → *добрый*);
- междометиями (*Ленин* → *фу*);
- атрибутивными словосочетаниями (*Лермонтов* → *замечательный поэт, Вася* → *крутой парень, Ньютон* → *великий физик, Хрущев* → *хороший мужик*);
- объектными словосочетаниями (*Горбачев* → *пятно России, Плюшкин* → *прореха на человечестве*);
- предикативными конструкциями (*Пушкин* → *терпеть не могу, Достоевский* → *не люблю, надоел, надоел в школе, нравится*).

Среди оценочных номинаций к антропонимам присутствуют:

- непосредственные, то есть называющие человека, обладающего порицаемым или восхваляемым качеством (*Иисус* → *болтун, Лена* → *вредина, Маркс* → *фанатик, Толстой* → *гений, Дон Кихот* → *романтик*);
- называющее само порицаемое / восхваляемое качество (*Горбачев* → *словоблудие; Айболит* → *тупость, Александр* → *разврат, Дон Жуан* → *разгул*);
- называющие отрицательные / положительные эмоции, вызываемые стимулом (*Барби* → *раздражение, радость*). В данном случае оценочная реакция может демонстрировать более сложную, опосредованную, связь со стимулом, например: *Гете* → *скука, Чернышевский* → *чушь, Фаустус* → *белиберда*. Очевидно, что в указанных примерах реакция характеризует отношение респондента не к самой личности, соотносимой с именем собственным, а к ее деятельности или артефакту, с которым она связана.

Установлено, что среди прямых ассоциаций к антропонимам номинации с негативной оценкой преобладают над номинациями с оценкой положительной. Однако распределение положительных и отрицательных оценок неравномерно и зависит от самого стимула.

Наибольшее количество пейоративных оценок обнаружено в ассоциативных полях к следующим антропонимам:

– фамилиям, совпадающим с фамилиями политических деятелей (*Брежнев* → *дурак, пьяный, глупость, глупый, губошлёп, жаба, калека, маразматик, неумный человек; Горбачев* → *мудак, гад, дрянной политик, заср...ец, неудача, обманщик, пятно России, словоблудие, урод; Ельцин* → *дурак, козел, морда, 2-личный характер, алкоголизм, алкоголик, болтун, болван, кровопийца, недоделок, неудачник, свинья, старый, толстый*);

– именам литературных персонажей с ярко выраженными отрицательными качествами характера (*Плюшкин* → *скряга, жадина, жадный, скупой, глупый, жадная тварь, жадюга, жид, жмот, идиот, негодяй, крохобор, подбирашка, прореха на человечестве, крохобор, скупердяй, скупец, хламособиратель, чучело; Буратино* → *дурак, дурачок, идиот, дрянь мальчишка, дуратино, простофиля, чурбан; Дон Жуан* → *бабник, ловелас, альфонс, выпендрёж, зверь, изменник, импотент, кобель, козел, озабоченный, повеса, плут, плохой, развратник, разгул, сутенер, хулиган*);

– кратким личным именам (*Ваня* → *дурачок, дурак, дурень, дятел, клоп, козёл, колхозник, простофиля, тормоз; Вася* → *дурак, болван, бред, дубина, дурачок, идиот, лопух, мудак, оболтус, тормоз, урод, хулиган*).

Наибольшее количество мелиоративных оценок относятся к:

– фамилиям, совпадающим с фамилиями деятелей искусства и науки (*Эйнштейн* → *гений, великий, умный, великий физик, великий человек, круто, крутой, мыслитель; Пушкин* → *гений, великий, великий поэт, великий русский поэт, живой, умный, красота, талант*). Единственным случаем большого количества номинаций с положительной оценкой к имени, совпадающему с именем политика, являются реакции на антропоним *Пётр I*: *великий, великий государь, великий политический деятель, великий реформатор, личность, молодец*;

– кратким личным именам (*Лена* → *хорошая, краса, красивая, любовь моя, красивая девушка; Максим* → *красивый, любимый, умный, хорош, хороший, хороший мальчик, честный; Вася* → *крутой парень, молодец, орёл, первый парень, умный, хороший*).

Отмечены случаи, когда в ассоциативном поле присутствует и положительная, и отрицательная оценка, что, видимо, характеризует сложное, неоднозначное отношение к той личности / факту культуры, которые воспринимаются носителем языка как интенционал антропонима: *Барби* → *аляповатая, бл..дь, глупая, кукла-уродина, раздражение, фигня; красивая, кукла* – *воплощение вашей мечты, любимая, мечта, радость; Ленин* → *вождяра, демагог, дурак, злой гений, ничтожество, странный, фу; великий человек, совесть нашей эпохи, хороший; Наполеон* → *диктатор, дурак, самодовольный, трус; великий, красавчик, могущественный, умнейший; Штирлиц* → *дурак, мудак известный, прохиндей; герой, молодец, изворотливый, умен*).

Наиболее частотными реакциями с негативной оценкой являются *дурак* и другие производные от корня -дур-: *дура, дурачок, дуралей, придурок*, а также окказионализм *дуратино*. Наиболее частотными реакциями с положительной оценкой – *умный* и производные от корня -ум- (*умница, умник, умнейший, умненький*), *великий, гений*.

В заключение отметим, что ассоциативный словарь, как модель наивной картины мира носителя языка, отражает специфику мировосприятия как отдельной личности, так и социума в целом. Оценочные номинации в составе ассоциативных полей к антропонимам, и, в частности, к так называемым прецедентным именам, выявляют коннотативные компоненты их значения, не представленные в других словарях, например, энциклопедических. Распределение пейоративных и мелиоративных номинаций в составе ассоциативных полей к антропонимам отражает как субъективное восприятие имени носителем языка, так и формируемое под влиянием общества и культуры определенной исторической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 23.03.2022).

УДК 811.161.1'373.21

Пивень Анна Витальевна, аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», Горловка, ДНР
электронная почта: *ann.dzis@mail.ru*

Piven Ann, Post-graduate student of the Department of General Linguistics and Slavonic Languages

Gorlovka Institute of Foreign Languages, Gorlovka, DPR
e-mail: *ann.dzis@mail.ru*

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ТЕРМИН КАК СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ГОДОНИМА

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению понятия номенклатурного термина как идентификатора годонимов в топонимическом пространстве города. Предмет исследования – годонимы современной Горловки. Объектом исследования выступают номенклатурные термины как неотъемлемые компоненты годонимов Горловки.

Ключевые слова: годоним; Горловка; номенклатурный термин; номенклатура; термин-классификатор; номен.

LOCAL TERM AS A DISTINCTIVE COMPONENT OF GODONYM

Summary. The paper is devoted to the consideration of the local term concept as an identifier of godonyms in the toponymic town space. The subject of the research is the godonyms of present-day Gorlovka. The object of the study is the local terms as constitutional components of Gorlovka's godonyms.

Key words: godonym; Gorlovka; local term; nomenclature; counter word; nomen.

Неотъемлемой частью топонимического пространства любого географического объекта является совокупность номинаций линейных адресных объектов, которые хранят информацию о его лингвокультурных и исторических реалиях. Номенклатурные термины номинаций линейных адресных объектов являются их неотъемлемой частью. В данной работе мы предпринимаем попытку рассмотрения значимости номенклатурных терминов как смыслоразличительных компонентов годонимов г. Горловки.

Ю. А. Карпенко одним из первых учёных указал на существование понятия номенклатурного термина. Автор в работе «Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи)» обратил внимание на генетическую связь между топонимами и географическими терминами в связи с тем, что географические термины являются важнейшим источником местной топонимии [4, с. 36]. Учёный также описал различия между географическим термином и топонимом. Ю. А. Карпенко пишет, что, во-первых, «географический термин называет класс однородных географических предметов» [4, с. 36], а топонимы именуют отдельные предметы. Во-вторых, географические термины прямо выражают понятия, а топонимы их не выражают. В-третьих, географические термины обозначают географические объекты, а топонимы, в свою очередь, прямо их называют [4, с. 36]. Таким образом, «различие сводится к тому, что географические термины являются нарицательными названиями, а топонимы – собственными» [4, с. 36].

Как известно, сочетание *номенклатурный термин* восходит к лексеме *номенклатура*. По определению О. С. Ахмановой, имя существительное *номенклатура* обозначает 'совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названия типичных объектов данной науки (в отличие от Терминологии, включающей обозначения отвлеченных понятий и категорий)' [1, с. 261]. В свою очередь, Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» отмечает, что номенклатура – это '1) список, совокупность номенов; 2) список, совокупность названия объектов, регистрируемых и изучаемых в данной отрасли' [8, с. 91]. Исходя из определений, мы можем заключить, что *номенклатурный термин* – это специальный термин, называющий какой-либо однотипный объект, характерный для определённой области исследования. В этой связи А. М. Мезенко и Н. Ю. Забелин указывают на то, что годоним по своей природе является поликомпонентным в связи с тем, что всегда состоит из номенклатурного термина и проприального элемента.

Целесообразно отметить, что вместо сочетания *номенклатурный термин* лингвисты именуют лексему *номен*, которую Н. В. Подольская толкует как ‘слово или словосочетание, имеющее прямую связь с предметом как с видом, представляющим собой неопределённое множество идентичных единиц, являющихся объектом какой-либо отрасли науки, техники, производства, искусства и т. п.’ [8, с. 90]. Также, вслед за Ю. А. Карпенко, учёные для номинации однотипных объектов употребляют лексемы термин-классификатор и географический термин. Мы в своей работе используем сочетание *номенклатурный термин*, который является обязательным компонентом каждого урбанонима [5, с. 20].

Линейная номенклатура современной Горловки достаточно разнообразна. Для обозначения линейных адресных объектов используются такие номенклатурные термины, как *улица, переулок, площадь, шоссе, проспект, проезд, тупик, квартал, бульвар, дорога*.

Большую часть составляет номенклатурный термин *улица* (1461 единица, или 89,5% от 1633 анализируемых наименований). Например: *ул. Абраимова, ул. Академика Курчатова, ул. Бакшеева, ул. Вахтангова, ул. Галактическая, ул. Головка, ул. Дежнева, ул. Грибоедова* и др. Как справедливо заметил Н. Ю. Забелин, номенклатурный термин *улица* «является базовым определителем, точкой отсчёта для большинства номенклатурных единиц» [3, с. 15].

Вторым по частотности использования номенклатурным термином в топонимическом пространстве Горловки является лексема *переулок* (151 единица, или 9,2% от 1633 анализируемых наименований). Например: *пер. Дальневосточный, пер. Даля, пер. Днепровский, пер. Жемчужный, пер. Зайцевский, пер. Звёздный, пер. Золочевский* и др.

Третий по частотности номенклатурный термин – *площадь* (8 единиц, или 0,5% от 1633 анализируемых наименований). Например: *пл. Восстания, пл. Горлова, пл. Засядько, пл. Кирова, пл. Ленина, пл. Победы*.

Некоторые номенклатурные термины топонимического пространства Горловки не релевантны. Исходя из статистических данных, номенклатурные термины *проспект* и *шоссе* представлены спорадично (по 3 единицы соответственно, или 0,2% от 1633 анализируемых наименований). Например: *проспект Ленина, проспект Победы, проспект Школьный; Артёмовское шоссе, Никитовское шоссе, Углегорское шоссе*.

Спорадично также представлены номенклатурные термины *тупик* (2 единицы, или 0,1% от 1633 анализируемых наименований), *квартал, бульвар* и *дорога* (по 1 единице соответственно, или 0,06% от общего числа анализируемых наименований). Например: *Батмановский тупик, Очеретинский тупик; Кольцевой квартал, бульвар Димитрова, Технологическая дорога*.

Итак, мы можем говорить о том, что номенклатурный термин является неотъемлемым смыслоразличительным компонентом годонима. Исходя из статистических данных, в топонимическом пространстве города Горловки функционируют такие номенклатурные термины, как *улица, переулок, площадь, шоссе, проспект, тупик, проезд, квартал, бульвар, дорога*. Данное исследование не является исчерпывающим, что даёт нам основу для

последующего рассмотрения вопроса частотности употребления номенклатурных терминов с точки зрения структурно-грамматических типов топонимов современной Горловки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко Ю. А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) // Вопросы географии. Местные географические термины. М., 1970. Т. 81. С. 36–45.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Совет. энцикл., 1969. 606 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 187 с.
4. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Белорус. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. В. И. Ленина. Минск, 1991. 34 с.
5. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ин-т языкознания РАН. М., 2007. 24 с.
6. Пивень А. В. Структурно-грамматическая классификация топонимов современной Горловки [Электронный ресурс] // Язык и культура. 2020. URL: <http://donnasa.org/> (дата обращения 09.03.2022).

УДК 811.161.1'373'42

Дмитриева Юлия Леонидовна, кандидат филологических наук
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», Горловка, ДНР
электронная почта: Juls88Dmutrieva@yandex.ru

Dmitrieva Julia, Candidate of Philological Sciences
Gorlovka Institute for Foreign Languages, Gorlovka, DPR
e-mail: Juls88Dmutrieva@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ДОМА В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА

Аннотация. В статье рассматриваются различные дефиниционные модели понятия «языковой образ». Автор определяет образ как вербализованное зрительное восприятие основных признаков объектов окружающего мира. При анализе стихотворений С. Есенина были выявлены языковые единицы, эксплицирующие образ дома, описаны когнитивные признаки данного образа.

Ключевые слова: языковой образ; когнитивный признак; дефиниционная модель; метафорическая модель; категория «свой» и «чужой».

THE LINGUISTIC IMAGE OF THE HOUSE IN THE S. YESENIN'S LYRICS

Summary. The article deals with various definitional models of the concept of "linguistic image". author defines an image as a verbalized visual perception of the main features of objects of the surrounding world. When analyzing S. Yesenin's poems, linguistic units explicating the image of the house were identified, cognitive signs of this image were described.

Key words: language image; cognitive feature; definitional model; metaphorical model; category "own" and "alien".

Образ неоднократно становился объектом исследовательских интересов филологов. В языкознании он рассматривался по нескольким дефиниционным моделям. Так, в работах А.А. Потемни репрезентирована модель «образ – компонент семантики слова». Это исходная форма мысли, т. к. в рассматриваемом феномене, по мнению учёного, сосредоточены разнообразные признаки предмета, один из которых лежит в основе внутренней формы слова. Однако образ в отличие от внутренней формы слова присущ лишь тем языковым знакам, которые могут отображать феномены онтологического мира в тесной связи с другими реалиями действительности.

В современных лингвистических исследованиях функционирует дефиниционная модель «образ – базовая единица промежуточного языка». Эта единица, согласно исследованиям Ю. Н. Караулова, Е. Г. Беляевской, М. Я. Розенфельд и др., присуща тезаурусному уровню (уровню знаний о мире) языковой личности. Образ позволяет соразмерно отобразить объект онтологического мира и воссоздать его из коллективного опыта, закреплённого в единицах естественного языка. В число основных признаков образа учёные включают наглядность, синтетичность, недискретность, схематичность, целостность отображения объекта восприятия, способность объективироваться знаками языка.

Ещё одной продуктивной дефиниционной моделью является «образ – компонент единиц лингвокультурологии (лингвокультуремы и концепта)». Наряду с ним в состав данных единиц включены символ и понятие (см. работы В. В. Колесова, М. В. Пименовой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др.). Образ аккумулирует признаки объекта, способствует определению его существенных свойств и идентификации в ряду других феноменов онтологического мира. Он актуализирует факты об объекте действительности в сознании человека, выполняет функцию эталона, а также вносит в структуру слова основную культуруносную информацию. Отметим, что признаки образа объективируются в текстах носителей лингвокультуры.

Нами представлено комплексное исследование образа дерева с позиций лингвокультурологии в произведениях носителей русской лингвокультуры С. Есенина, М. Кузмина и Н. Клюева, разработана методика описания образа сквозь призму кодов культуры и метафорических моделей (см. [1]). Также нами были описаны языковые единицы, вербализирующие образ дома в произведениях С. Есенина «Микола» и «Марфа Посадница» (см. [2]). Однако данное описание не является исчерпывающим, что обусловило актуальность данной статьи.

Цель работы – описание средств экспликации языкового образа дома. Исследование проводилось на материале стихотворений С. Есенина, включённых в первый том Полного собрания сочинений в семи томах.

Вслед за Н. Ф. Алефиренко под языковым образом мы понимаем «вербализированное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве поименованного

предмета» [3, с. 192]. Согласно И. А. Стернину и З. Д. Поповой, когнитивные признаки значимые для языкового образа репрезентированы прежде всего в дефиниции слова-номинации образа.

Лексема *дом* в языковом опыте русского этноса функционирует в нескольких значениях. Во-первых, это ‘здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий’ [4]. В данной семеме эксплицирован когнитивный признак «здание, строение». Например, в строках *Не втащит неводом заря / Меня в твой тихий дом* [5, с. 141] выделенная лексема актуализирует приведённый когнитивный признак. Кроме того, имя существительное *дом* определяется именем прилагательным *тихий*, называющий непроцессуальный признак объекта. Ср.: «Тихий – такой, где нет шума, большого движения, суеты, не оживлённый» [4].

Во-вторых, словом *дом* называют ‘жилое помещение, квартиру; жильё’ [Там же]. Кроме того, в толковании языкового знака указано, что место жительства может быть как постоянным, так и временным. Ср.: «О помещении, служащем временным жильём на время выполнения человеком какой-либо работы. *Только ед.* О месте, где живут люди, объединённые общими условиями существования, общими интересами и т. п. О месте жительства, работы и т. п., ставшем для человека родным, своим» [Там же]. Также в данном определении зафиксированы результаты категоризации пространства, называемого вербальным знаком *дом*, на «своё» и «чужое». В произведениях С. Есенина образ дома отнесён к категории «своего». Это объективировано использованием возвратного местоимения *себя*, притяжательного местоимения *мой*, относительных имён прилагательных *отчий*, *родимый*. Ср.: *Смолкшим колоколом над прудом / Опрокинулся отчий дом* [5, с. 76]; *Где ты, где ты, отчий дом?* [Там же, с. 117]; *В тучах дом мой завертел* [Там же, с. 118]; *И вновь вернуся в отчий дом* [Там же, с. 139]; *Я покинул родимый дом* [Там же, с. 143]; *Приходил я к себе домой* [Там же, с. 155] и т.д.

В-третьих, лексема *дом* используется для номинирования ‘семьи, людей, живущих вместе, одним хозяйством’ [4], а также ‘царствующего рода, династии’ [Там же]. В данных толкованиях выражен когнитивный признак «род, семья», который также позволяет отнести образ дома к категории «своего». В произведениях С. Есенина данный когнитивный признак не репрезентирован.

Наконец, лексема *дом* используется ‘в составе названий различных учреждений, заведений’ [4], что также не отображено в стихотворениях С. Есенина.

Итак, при анализе словарной дефиниции вербального знака *дом* выявлены следующие когнитивные признаки образа дома: «здание, строение»; «место жительства»; «род, семья». Последний когнитивный признак не репрезентирован в лирике С. Есенина.

Однако языковой образ дома объективируется не только лексемой *дом*. В словаре синонимов зафиксированы следующие языковые единицы, которые также вербализируют анализируемый образ. Ср.: «Дом – здание, дворец, изба, хата, хижина, землянка, лачуга, мазанка, палата, хоромы, терем, чертог, усадьба, дача, вилла, загородный дом; барак, балаган, беседка, будка, караулка, кибитка, куща, намет, палатка, сторожка, шалаш, чум, шатер, юрта» [6].

У всех этих слов есть как обще-категориальная сема, так и дифференциальные семы. Так, все перечисленные лексемы называют место, где живёт или работает человек. Однако они рассматриваются как виды строений, которые различаются функциональным предназначением. В стихотворениях С. Есенина языковой образ дома эксплицирован словами *изба*, *хата* и их производными.

Так, лексема *хата*, т.е. ‘крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне’ [4], зафиксирована как в названии стихотворения «В хате» [5, с. 46], так и в лирических текстах. Наряду с когнитивными признаками «здание, строение», «место жительства» в словарной дефиниции данного вербального знака репрезентирован признак «локализация называемого места». В строках *Манит ночлег, недалёко до хаты* [5, с. 80]; *Показался ей месяц над хатой / Одним из её щенков* [Там же, с. 146] и *Иною кажется мне Русь, / Иными кладбища и хаты* [Там же, с. 192] актуализировано представление именно о деревенской Руси, т.е. о местности, противопоставленной городу своим языком, нравами, обычаями. Отметим, что при использовании данной лексемы автор выражает и отношение к описываемому объекту. При экспликации образа дома словом *хата* не объективировано категориальное отнесение к «своему». Данный тезис подтверждается также использованием вербального знака *иной*, т.е. «другой, отличающийся от этого или от прежнего» [4].

Частотны в лирике С. Есенина слово *изба* и его производные. *Избой* называют как ‘деревянный крестьянский дом’ [4], так и ‘внутреннее жилое помещение такого дома’ [Там же]. Итак, в словарной дефиниции языкового знака зафиксированы когнитивные признаки «материал строительства» и «внутренняя часть строения». Ср.: *Всё равно остался я поэтом / Золотой бревёнчатой избы* [5, с. 226]; *Твой глас незримый, как дым в избе* [Там же, с. 102]; *Знаю я, не приснилась судьбе / Песня новая в тихой избе* [Там же, с. 301] и др.

Отнесение образа дома к категории «своего» актуализировано в текстах *Грустно стою я, как странник гонимый, / Старый хозяин своей избы* [5, с. 287]; *Эту избу на крыльце с собакой / Словно я вижу в последний раз* [Там же, с. 288]; *Я проводил тебя до рожи, / К твоей родительской избе* [Там же, с. 97]. На принадлежность анализируемого образа к категории «своего» указывают местоимения *свой*, *этот* и относительное имя прилагательное *родительский*. Отметим, что в примере *Эту избу на крыльце*

с собакой / Словно я вижу в последний раз [Там же, с. 288] местоимение позволяет выделить объект из ряда подобных, т. е. указывает на особую значимость для лирического героя.

Кроме того, С. Есенин использует производные номинации *избушка* и *избёнка*. Они образованы с помощью суффиксов субъективной оценки. Так, формант *-ушк-* вносит словообразовательное значение 'ласкательности' [7, с. 116]. В «Словаре служебных морфем русского языка» Г.П. Цыганенко указано, что данный морф употребляется «в словах обиходно-разговорной речи» [Там же]. В тексте С. Есенина *Пусть струится над твоей **избушкой** / Тот вечерний несказанный свет* [5, с. 179] рассматриваемый аффикс не только вносит значение 'ласкательности', но и передаёт как отношение лирического героя к объекту, так и визуально воспринимаемые размеры строения. Следовательно, в примере объективирован когнитивный признак «размер объекта».

Суффикс *-ёнк-* «присоединяется к основам имён существительных женского рода (реже – мужского), обозначающих живые существа и предметы. Придаёт словам различные оттенки эмоциональной окраски: а) уменьшительно-ласкательный, б) уменьшительно-уничижительный, пренебрежительный» [7, с. 104-105]. В тексте *Покосившаяся **избёнка**, / Плач овцы, и вдали на ветру / Машет тощим хвостом лошадёнка* [5, с. 184] данный формант выступает в значении б), т. е. 'уменьшительно-пренебрежительном'. Лирический герой воспринимает строение как небольшое по размеру, а также такое, которое вызывает пренебрежение. Это актуализируется и использованием причастия *покосившийся*, т. е. 'слегка искривившийся, наклонившийся' [4]. Соответственно, в рассмотренном примере репрезентированы такие когнитивные признаки образа дома, как «размер объекта», «визуально воспринимаемое состояние объекта».

Отметим, что в произведениях С. Есенина языковой образ дома, эксплицированный словом *изба*, выражен и с помощью метафорической модели «человек → дом», где область цели – неодушевлённый объект, а область источника – свойства, качества, характерные черты поведения человека. Так, в строках ***Избы** забоченились, / А и всех-то пять* [5, с. 60] данная метафорическая модель репрезентирована субъектом (лексема *изба*) и номинацией действия *забочениться*, т. е. подбочениться с вызывающим или гордым видом (действие характерно для человека). В примере ***Изба-старуха** челюстью порога / Жуёт пахучий мякиш тишины* [Там же, с. 74] метафорическая модель объективирована приложением *изба-старуха*, в котором выражено как соотнесение строения с человеком, так и «возраст» здания.

Наконец, в произведениях С. Есенина образ дома соотносится не только с материальным объектом, но и с духовными ценностями. Так, в примере *Ты сердце выпеснил **избе**, / Но в сердце **дома** не построил* [5, с. 149] лексема *изба* объективирует представление о месте, в котором человек живёт, которое является для него родным, знакомым, где он чувствует себя максимально комфортно. Слово *дом* указывает на духовную сферу, что

подтверждается сочетаемостью данного вербального знака с номинацией *сердце*, объективирующей представления о средоточии, центре внутреннего мира человека. Образ дома в данном примере может квалифицироваться как «психологическое пространство, которое трудно отделимо от мира этических оценок» [8, с. 93].

Следовательно, языковой образ дома в лирике С. Есенина объективирован лексемами *дом, изба, избышка, избёнка, хата*, местоимениями *этом, себя, свой*, относительными прилагательными *родительский, отчий, родимый*. В число основных когнитивных признаков рассматриваемого образа входят «здание, строение»; «место жительства»; «род, семья»; «локализация называемого места»; «материал строительства»; «внутренняя часть строения»; «размер объекта» и «визуально воспринимаемое состояние объекта». Кроме того, в произведениях поэта образ дома относится к категории «своего». В категорию «чужого» данный образ входит при объективации с помощью лексемы *хата*. Также в стихотворениях С. Есенина образ дома репрезентирован метафорической моделью «человек → дом». Наконец, образ дома в творчестве поэта соотносится как с объектом материальной культуры, так и с духовными ценностями. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева Ю. Л. Образ дерева в русской лингвокультуре (на материале произведений С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Донец. нац. ун-т. Горловка, 2017. 20 с.
2. Герасименко И. А., Дмитриева Ю. Л. Образ дома в произведениях «Марфа Посадница» и «Микола» С. Есенина // Языки и культуры в эпоху перемен : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2 дек. 2021 г. / сост.: Ариас А.-М, Ткачева И. А. ; С.-Петерб. ун-т технологий упр. и экономики. СПб., 2021. С. 33–39.
3. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010. 224 с.
4. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 03.03.2022).
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 1 : Стихотворения / подгот. текста и коммент. А. А. Козловского. М. : Наука : Голос, 1995. 672 с.
6. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс]. М. : Рус. слов., 1999. URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (дата обращения: 04.03.2022).
7. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев : Рад. шк., 1982. 240 с.
8. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер, И. В. Тубалова, Ю. В. Королева, Л. П. Дронова, С. А. Толстик, Д. А. Катунин, Л. И. Ермоленкина, З. И. Резанова ; отв. ред. З. И. Резанова. Томск : UFO-Plus, 2007. 384 с.

УДК 811.161.1'37'42

Мельникова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент

Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *melnikovatn@rambler.ru*

Хоронек Светлана Станиславовна, кандидат филологических наук,
доцент

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
электронная почта: *khорoneko_s@mail.ru*

Melnikova Tatyana Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor

Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus
e-mail: *melnikovatn@rambler.ru*

Horoneko Svetlana Stanislavovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
e-mail: *khорoneko_s@mail.ru*

КОНЦЕПТ «ЗНАНИЕ / НЕЗНАНИЕ» В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ: ОБРАЗНОСТЬ И СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Рассматривается концепт «знание / незнание» в медийном тексте, лексико-грамматическая структура синтагм, отражающих ментальные процессы в современном русском языке, их образность и способы интерпретации.

Ключевые слова: концепт «знание»; медийный текст; материал исследования; вербализация концепта; синтагмы; образность; аллегория.

THE CONCEPT "KNOWLEDGE / IGNORANCE" IN A MEDIA TEXT: IMAGE AND METHODS OF INTERPRETATION

Annotation. The concept of "knowledge / ignorance" in the media text, the lexical and grammatical structure of syntagmas, reflecting mental processes in the modern Russian language, their imagery and ways of interpretation are considered.

Keywords: the concept of "knowledge"; media text; research material; verbalization of the concept; syntagmas; figurativeness; allegory.

Цель работы – рассмотреть концепт «знание / незнание» в медийном тексте, показать лексико-грамматическую структуру синтагм, отражающих ментальные процессы в современном русском языке, их образность и способы интерпретации.

Актуальность исследования. Вопрос о концепте «знание / незнание» в медийном тексте можно рассматривать с различных точек зрения, что и является залогом актуальности работы.

Во-первых, дефиниции концепта, его терминосистема и подходы к рассмотрению в настоящее время являются одним из приоритетных направлений исследования в современной лингвистике, психолингвистике, культурологии, философии и др. Если в логике под концептом понимается содержание понятия, то в культурологии – это национально-маркированный образ культуры, имеющий языковое выражение в виде слова, словосочетания, предложения и передающий некоторое лингвокультурологическое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителей языка [1, с. 113].

Во-вторых, концепт «знание» является базовым во всех науках и имеет аксиологическую составляющую во всех сферах человеческой деятельности. Знания отражают совокупность результатов познания окружающей реальности и выражаются в речемыслительной деятельности человека в виде высказываний либо действий. Как представляется, отсутствие знаний эксплицируется незнанием, вследствие чего семантическая оппозиция «знание / незнание» может входить в состав одного концепта и включать в себя синонимические ряды существительных. Глаголы, репрезентирующие рассматриваемый концепт, могут входить в различные лексико-семантические группы (далее – ЛСГ).

В-третьих, поскольку знания – это продукт речемыслительной деятельности, то способы вербализации указанного концепта, отражающие ментальные процессы в русском языке, представляют особый интерес в лингвистике, психолингвистике, культурологии, межкультурной коммуникации, риторике, аксиологии и др.

В-четвертых, медийные тексты настолько прочно вошли в нашу жизнь, что, очевидно, именно они формируют сегодня наше мышление и мировосприятие. Сегодня медиа – это текстопорождающая система со своими особенностями, а медиатекст – обобщающее понятие для системы текстов СМИ в самом широком смысле. Именно СМИ сегодня претендуют на формирование социокультурных установок, а не классическая литература. Именно СМИ устанавливают языковую моду, проводят либерализацию языка, вводят новые стилистические стандарты и клише. Следовательно, возникает не только «новая нэп», но и новая языковая политика, вербализованная, например, в таких синтагмах как *санкционная спираль*, *пружина*, *мозаика*; *санкционное давление* и даже *санкционная беременность*.

Характеристика материала исследования. Поскольку именно медиатексты сегодня формируют социокультурные установки, наше мышление и мировосприятие, то материалом исследования послужила телевизионная интеллектуальная игра «Слабое звено», активно актуализирующая и популяризирующая концепт «знание / незнание» и имеющая высокие рейтинги просмотра. Способ выборки материала исследования – случайный (7 передач 2020 года и 10 передач 2022 года), чтобы не концентрироваться на каком-то конкретном периоде времени выхода передачи.

Для выводов системного характера и обоснованности заключения важен и количественный, и качественный показатели единиц исследования материала. Критерии количественного показателя – не менее 100 единиц.

Качественный показатель выражен в качественном отборе однородного материала, представляющего собой комментарии ведущей Марии Киселевой после каждого раунда, дающие команде установку на выявление игрока под статусом «самое слабое звено». Комментарии стали объектом исследования, поскольку недвусмысленно и образно вербализуют концепт, отличаются яркой экспрессией и, соответственно, коннотацией, имеют очень сильный прагматический эффект, направленный на репрезентацию концепта «знание / незнание». Как представляется, комментарии ведущей – это результат коллективного текстопорождения творческой группы, создающей прагматический эффект в системе русского языка за счет лексико-семантических возможностей.

Поскольку в каждой передаче таких установок всего 6, то понадобилось 17 телепередач. Таким образом, всего получено 102 комментария ($17 \times 6 = 102$). Количественный показатель 102 хорош тем, что сразу может отражать процентное соотношение использования лексем для вербализации концепта.

Репрезентация материала исследования. Рассмотрены 17 выпусков: 1 – Выпуск 21 от 21.08.2020, 2 – 22 от 28.08.2020, 3 – 23 от 04.09.2020, 4 – 24 от 11.09.2020, 5 – 25 от 18.09.2020, 6 – 26 от 25.09.2020, 7 – 27 от 2.10.2020, 8 – 87 от 4.02.2022, 9 – 88 от 11.02.2022, 10 – 89 от 18.02.2022, 11 – 90 от 25.02.2022, 12 – выпуск 91 от 4.03 от 2022, 13 – 92 от 11.03.2022, 14 – 93 от 18.03.2022, 15 – 94 от 25.03.2022, 16 – повтор 1 от 21 марта, 17 – повтор 2 от 21 марта.

Материал исследования систематизирован вручную и зафиксирован на карточках, каждый комментарий пронумерован, например: *Чья игра похожа на Тришкин кафтан? Кому пора штопать дыры в интеллекте?* 5.11 (5 – номер комментария, 11 – номер выпуска).

Лексико-грамматическая структура комментариев однотипна, что, как представляется, задается системой языка. Каждый комментарий состоит из 2 вопросительных предложений, где в подавляющем большинстве вопросительным словом является местоимение *кто* в позиции субъекта. Второе вопросительное слово практически всегда зависит от глагольного управления или двойного глагольного управления. Например: *Кто оставил мозги в гримерке? С кем команде не терпится распрощаться? 1.9 (распрощаться кому? с кем?); Кто же все-таки из вас забыл мозги дома? Кому выпишут сейчас обратный билет? 1.13 (выпишут что? кому?).*

Вербализация концепта: синонимы, синтагмы и их интерпретация. Лексема *мозг* присутствует в 14 комментариях, что дает ей возможность быть самой высокочастотной лексемой (приблизительно 14 %) среди синонимичных: *Чей мозг превратился в чугунный шар? 5.1; Чей мозг не проявил даже следов эрудиции? 2.2; Чей мозг оказался деревянным? 2.4; Чьи куриные мозги сейчас команда оценит по достоинству? 4.6; Кто оставил мозги в гримерке? 1.9; Чей мозг остался дома? 3.12; Кто же все-таки из вас забыл мозги дома? 1.13. У кого вместо мозгов студень? 5.13; Чей мозговой штурм оказался жалким приступом паники? 2.14; Кого сейчас отправят подзарядить мозги? 4.15; Чей мозг заморожен и покрыт слоем льда? 2.16; Кто взорвал вам мозг неверными ответами? 5.17.*

Лексико-грамматическая структура высказываний с лексемой *мозг* также представляется интересной, например, определения на уровне словосочетания: *мозг* это – *чугунный шар* (3 раза), *студень*, *следы эрудиции*, *мозг деревянный*, *мозги куриные*. Имеется синтагма *мозговой штурм*, представляющая собой термин со значением ментального действия, использующийся в различных науках. Использование научной терминологии как пример смешения стилей – одна из важнейших особенностей медийных текстов.

Интерпретация ментальных действий в процессе вербализации концепта «знание / незнание» осуществляется при помощи выражения субъектно-предикатных отношений, а также при помощи предикатно-объектных отношений. Например, лексема *мозг* и в позиции субъекта, и в позиции объекта также вербализирует концепт «знание / незнание» и обозначает ментальные действия, например, в позиции субъекта: *мозг превратился в чугунный шар* (*превратиться* – ЛСГ со значением изменения состояния), *не проявил даже следов эрудиции* (*проявить* – ЛСГ со значением активного / пассивного действия); *остался дома* (*остаться* – ЛСГ существования и пребывания), *мозг заморожен и покрыт слоем льда* (*заморозить* – ЛСГ изменения агрегатного состояния). В выражении предикатно-объектных отношений также задействованы глаголы различных ЛСГ: *Кто оставил мозги в гримерке?* (*оставить* – ЛСГ со значением покоя); *Кто забыл мозги дома?* (*забыть* – ЛСГ ментальных действий); *Кого сейчас отправят подзарядить мозги?* (*подзарядить* – ЛСГ трудовой деятельности); *Кто взорвал вам мозг?* (*взорвать* – ЛСГ разрушения).

Интересен тот факт, что при случайной выборке из 17 передач комментариев *Чей мозг превратился в чугунный шар?* встречается 3 раза (5.1, 2.10, 2.11). Следовательно, интерпретация превращения в чугунный шар является самым популярным образом мозга при вербализации концепта «знание / незнание».

Лексема *интеллект* и ее дериваты используется 7 раз, т.е. имеет частотность около 7%. ЛСГ глаголов, репрезентирующих концепт «знание / незнание» в составе синтагм с лексемой *интеллект*, также отличаются разнообразием: *Кому пора штопать дыры в интеллекте?* 5.11; *Кого отправят повышать интеллектуальный уровень?* 6.11; *Кого сейчас отправят пополнить интеллектуальный багаж?* 2.12; *Кто мнил себя акулой интеллекта?* 4.14; *Чьи ответы звучат как реквием по интеллекту?* 3.13; *У кого интеллект садовой улитки?* 3.14; *Кого объявят интеллектуальными недорослями?* 1.15.

Атрибутивные синтагмы (Adj+N) имеют как прямое значение (*интеллектуальный уровень*), так и переносное, чем создают яркую образность: *интеллектуальный багаж*, *интеллектуальные недоросли*.

Генетив принадлежности также создает яркую образность, интерпретируя размер: *интеллект садовой улитки* – маленький, *акулой интеллекта* – большой. Датив спецификации создает образ скорби, траура: *реквием по интеллекту*.

Анализируя арсенал синонимов, репрезентирующих концепт «знание / незнание», необходимо указать лексемы *эрудиция* – 6 словоупотреблений, *голова* – 5 словоупотреблений, *ум* – 4 деривата, *разум* – 2 словоупотребления, *серое вещество* и *серые клеточки* по 1 употреблению.

Средства художественной выразительности как способы создания образности и интерпретации. При вербализации концепта «знание / незнание» образность создается при помощи средств художественной выразительности. Активно используются метафоры, сравнения, но самыми яркими способами создания образности являются аллегории в сочетании с прецедентными текстами либо без них.

Как представляется, аллегория – художественное представление идей и понятий посредством конкретного образа. Позволяет иносказательно изобразить сложные, абстрактные понятия, которые являются труднообразными, поскольку отвлеченные понятия передаются при помощи конкретных образов. Использование в комментариях 2 предложений, связанных между собой и семантически, и грамматически, позволяет создать целостное образно-словесное сооружение, четко дающее представление ментального процесса, репрезентирующего концепт «знание / незнание».

Таким образом, именно аллегория с привлечением других средств художественной выразительности способна наиболее точно создать номинацию ментального процесса в медийном тексте, при этом выразить коннотацию и закрепить прагматический эффект. Укажем лишь 3 ярких примера.

Чья игра похожа на Тришкин кафтан? Кому пора штопать дыры в интеллекте? 5.11. «Тришкин кафтан» – басня И.А. Крылова, являющаяся прецедентным текстом, а также основой для соответствующего фразеологизма. Как представляется, соединение трех образов – *Тришкин кафтан* – *штопать дыры* – *дыры в интеллекте* – создает эффект аллегории.

Кто мнил себя капитаном лайнера «Эрудит», но на самом деле управлял ржавым баркасом «Глупость» 5.5. В данном случае аллегория достигается соединением образов при помощи антонимии: *лайнер* – *ржавый баркас*, *эрудит* – *глупость*; текстуальной синонимии: *мнил себя капитаном* – *управлял*.

У кого вместо головы дырявый таз? Кого не жаль выплеснуть вместе с водой? 1.16. Аллегория построена на соединении образов, созданных при помощи метонимии (*голова* – *дырявый таз*), ассоциативного ряда (*таз* – *вода* – *выплеснуть*), части прецедентного текста (из фразеологизма *выплеснуть вместе с водой кого /что?*).

Таким образом, концепт «знание / незнание» ярко выражен в медийном тексте через лексико-грамматическую структуру синтагм. Последние отражают ментальные процессы в современном русском языке с помощью особых способов интерпретации – средств художественной выразительности: метафоры, сравнения, аллегории в сочетании с прецедентными текстами либо без них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.

УДК 811.161.1'42

Лагутова Анастасия Сергеевна, магистрант
Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
Москва, Россия
электронная почта: *lagutovaas@gmail.com*

Lagutova Anastasia, magister student
Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia
e-mail: *lagutovaas@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье анализируются концепты в пространстве религиозного текста. На примере концепта «блаженный» показана трансформация внутренних значений концепта, а также смена оценочного знака в определенном виде дискурса.

Ключевые слова: религиозный дискурс; концепт; блаженный; богословское значение; теологический компонент.

PECULIARITIES OF CONCEPT ANALYSIS IN THE SPACE OF A RELIGIOUS TEXT

Summary. The article deals with the analysis of concepts in the space of a religious text. On the example of the concept "blessed" is shown the transformation of the inner meanings of the concept and change of the evaluation sign in a particular kind of discourse.

Key words: religious discourse; concept; blessed; theological meaning; theological component.

На сегодняшний день изучение концептов как ментальных единиц языковой картины мира является одним из ведущих направлений когнитивной лингвистики. Особый интерес для исследования представляет анализ концептов в рамках определенного дискурса.

Модель концепта не является устойчивой и определённой, её границы размыты, так как структура концепта представляет собой сложное многослойное образование. С течением времени наполнение концепта может претерпевать существенные изменения, и компоненты, находящиеся в одном его понятийном слое, могут перейти в другой. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин описывают концепт как комплексную единицу, которая «в процессе мыслительной деятельности <...> поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои» [1, с. 24].

Пространство религиозного дискурса представляет собой интересную область для исследования концептов, поскольку вне религиозного текста внутренняя форма лексемы может подвергаться семантическому сдвигу вплоть до изменения изначального коннотативного значения на прямо противоположное. В рамках данной работы, рассмотрим это на примере концепта «блаженный».

Слово *блаженный* в русских евангельских текстах появилось в результате перевода с древнегреческого на церковнославянский имён *макар/мака́ριος* [2, с. 894; 3, с. 1046-1047]. Этимологически *блаженный* является страдательным причастием от старославянского *блажити* ‘восхвалять’, ‘почитать’. Глагол *блажити* образован от *благо* (‘добро’, ‘счастье’) [4, с. 47-48]. Первое значение данного слова в частеречных словарях имеет сходное толкование. Так, в словаре современного русского литературного языка (ССРЛЯ), словаре русского языка (СРЯ) и словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даётся пояснение ‘в высшей степени счастливый’ [5, с. 622; 6, с. 96; 7], в словаре Д. Н. Ушакова – ‘счастливый, невозмутимо радостный’ [8, с. 151]. Прочие значения данного прилагательного указывают на его энантиосемию. Так, появляются толкования, реализующиеся в разговорной речи, ‘глуповатый, чудаковатый’ [8, с. 151; 6, с. 91]. Кроме этого, указывается и атрибуция к религиозному дискурсу: ‘название святых’ [8, с. 151], ‘юродивый, почитаемый святым’ [9, с. 119], ‘ведущий аскетический, праведный образ жизни и обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания; юродивый’ [5, с. 622].

В православных источниках лексическая единица «блаженный» выступает, в первую очередь, как субстантивированное прилагательное, указывающее на чин святости и употребляется с именем прославленного святого, например: *святая блаженная Ксения Петербургская, святой блаженный Иоанн Русский, святой блаженный Максим Московский* и др. В католицизме «блаженными» называют подвижников, прославленных в ходе беатификации, по отношению к которым не устанавливается общецерковное почитание.

В гимнографических текстах можно встретить слова с усилительными префиксами: «преблаженный», «всеблаженный», «богоблаженный», которые будут указывать на особый вид духовного подвижничества, стремление к Богу. По определению и сам Бог является блаженным (высший источник благодати и счастья): «блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих» (1 Тим. 6: 14–15).

В языковом сознании православного человека ядро концепта «блаженный» семантически связано с его первоначальным значением (‘счастливый’) и во всей полноте раскрывается с позиции теоцентрического представления бытия. Блаженный – получивший от Бога благодать, преисполнившийся божественным счастьем. Иными словами, блаженный – пребывающий в состоянии счастья, потому что приблизился высотой внутреннего звучания ко Всевышнему. Здесь уместно затронуть этимологический разбор слова «счастье». Счастье буквально означает ‘хорошая часть, доля’, хотя может пониматься и в значении ‘совместное участие’, что является важным компонентом позднецерковнославянского «*причастный*» [10, с. 816]. Опираясь на всё вышесказанное, можно выстроить семантическую цепочку: *блаженный – счастливый – с частью Бога – причастный к Богу*.

Характеристики причастности к Богу, определяющие состояние блаженства, были явлены Христом в Нагорной проповеди: блаженны нищие духом, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые и т.д. Однако,

как замечает С. Г. Воркачев, «блаженство как состояние святости складывается из целого ряда активных нравственных поступков и воздержаний от греха и зла» [11, с. 38] и в данном случае предикат «блажен» будет отсылать лишь к разовому пребыванию в статусе праведника, который характеризуется исполнением конкретной заповеди.

Подвиг блаженства или юродства воплощается шире, находится за гранью земного понимания и состоит в отказе от мирских благ, крайней аскезе, самоуничтожении и мнимом безумии для отречения от физической стороны жизни с целью приближения к истинам Божиим. На это нам указывают буквальное толкование Евангельских строк: «ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16: 24–26) и строк первого послания к Коринфянам апостола Павла: «если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3: 18).

Из словарных толкований видим, что в качестве синонима «блаженного» выступает «юродивый». Однако в евангельских текстах «юродивый» соответствует древнегреческому *μωρός*, что означает ‘глупый, неразумный’ [3, с. 845]. Данный факт указывает на то, что в пространстве религиозного текста происходит слияние смыслов, общие значения пересекаются в одном полисемантическом слове. Таким образом, блаженный, как счастливец, причастный к Богу, достигает этого состояния путём *не подвластным разуму*, глупым, чуждым для земного осмысления. Как пишет А. М. Панченко, «мудрая глупость» юродивого всегда одерживала победу, осмеивая «глупую мудрость» филистерского мира [12, с. 343]. Об этих не подвластных разуму подвигах «глупой мудрости» свидетельствуют агиографические источники, в которых часто описываются случаи обретения святыми божественного дара – прорицания или исцеления.

Функционирование концепта «блаженный» в различных видах дискурса неоднородно и характеризуется различной модальностью. Так, в религиозном дискурсе обращение к святому «блаженный» имеет положительное значение и вызывает теплые эмоции в сердцах верующих, отражая в их сознании сам факт приближения святого к Богу. Однако вне религиозного контекста концепт демонстрирует уже совершенно иной понятийный слой. Например, в обыденном дискурсе фраза «Да он блаженный!» имеет отрицательную коннотацию и звучит пренебрежительно, как насмешка.

Поскольку концепт динамичен и изменчив, его постоянное развитие способствует нарастанию новых смыслов и расширению периферийной области. Изначально ядро концепта «блаженный» составляли такие значимые ассоциации как *счастливый, радостный, святой*, а на периферии находились вторичные – *глупый, чудаковатый*, однако, как замечает И. В. Бугаева «при изменении сферы общения, основное и периферийное значения могут поменяться местами» [13, с. 250]. Изменение экстралингвистических факторов (таких, как активизация атеизма) привело к расширению смыслов и стало причиной существенного семантического сдвига внутри концепта.

Содержание концепта «блаженный» амбивалентно, его оценочность дискурсивно обусловлена. Так, в рамках религиозного дискурса доминирует положительная оценочность, за его пределами – отрицательная. Развитие концепта предопределено мотивирующими концептуальными признаками, содержание которых зафиксировано в этимоне.

В плоскости религиозной картины мира раскрываются глубокие сакральные смыслы концепта, обусловленные аксиологическими и философско-богословскими основами православия. В бытийной плоскости, лишенной сакрального базиса, основное значение концепта размывается и уходит на второй план, тем самым актуализируя периферийные и уже полярные значения. Так, в представлении человека, не живущего в христианской традиции и не знакомого с православным вероучением, блаженный будет представлять именно чудаковатого, ненормального, помешанного человека, но никак не святого, совершающего особый духовный подвиг, счастливец, приблизившегося ко Христу.

Таким образом, при анализе концептов в пространстве религиозного текста важно учитывать богословские значения многих понятий, погружаясь в их сакральную сферу. Поскольку значение слова дополняется новыми семами, в определенные периоды времени образная и понятийная составляющие концепта могут меняться. Так, на примере концепта «блаженный» мы увидели, как трансформируются смыслы и как меняется оценочный знак в определенном виде дискурса. Без восстановления теологического компонента концептов невозможно глубинное изучение религиозного дискурса, поскольку работа с позиции обыденного восприятия приведёт к искажению истинных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира. изд. 4-е. стер. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 101 с.
2. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь [Электронный ресурс]. 2000. URL: http://slavdict.ru/_0894.htm (дата обращения: 7.04.2022).
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М., 1958. Т. 2. 1904 с.
4. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1971. 542 с.
5. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1991. Т. 1. 864 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1985-1988. Т. 1. 696 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] 1992. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 7.04.2022).
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935-1940. Т. 1. 1567 с.
9. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд. доп. ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им В. В. Виноградова. М : Азбуковник, 2000. Т. 1. 975 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986. Т. 3. 832 с.
11. Воркачев С. Г. «Блаженство» или «счастье»: макаризмы в русских переводах // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 34–45.
12. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб. : Азбука, 2000. 464 с.
13. Бугаева И. В. Подвиг в современном языковом сознании русских // Жизнь языка в культуре и социуме : материалы конф., Москва, 26-27 мая 2017 г. М., 2017. С. 249–250.

УДК 811.161.1'37:070(476)

Балуш Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь

электронная почта: *t.balush@mail.ru*

Чуханова Анжела Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка, Минск, Беларусь

электронная почта: *chuhanova@mail.ru*

Balush Tatyana, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *t.balush@mail.ru*

Chukhanova Anzhela, Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor

Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus

e-mail: *chuhanova@mail.ru*

КОНЦЕПТ «ПАНДЕМИЯ» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ БЕЛАРУСИ

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей концептуализации пандемии в русскоязычных СМИ Беларуси. Анализ текстов интернет-изданий позволил выявить семантические и коннотативные наращения исследуемого концепта и представить его профиль.

Ключевые слова: концепт; концептуализация; вербализация; СМИ; пандемия.

CONCEPT “PANDEMIC” IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA IN BELARUS

Summary. The article is devoted to the study of the features of the conceptualization of the pandemic in russian-language media in Belarus. Analysis of the texts of online publications made it possible to identify semantic and connotative extensions of the concept under study and present its profile.

Key words: concept; conceptualization; verbalization; media; pandemic.

В современной научной литературе не существует единого, общепринятого определения термина «концепт». Анализ существующих дефиниций позволил ученым выделить три основных направления к определению концепта: лингвистический, когнитивный и культурологический.

Сторонники лингвистического подхода (С. А. Аскольдов, Д. С. Лихачев, В. В. Колесов и др.) рассматривают концепт как потенциал значения слова, включая его коннотативный компонент.

Когнитивный подход, представленный в трудах В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, И. С. Стернина и др., определяет концепт как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона [1].

Представители культурологического направления (А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов и др.) под концептом понимают ментальное образование, наделенное этносемантической спецификой; это основной элемент культуры в ментальном мире человека (по Ю. С. Степанову).

Анализ различных подходов к определению термина «концепт» позволяет рассматривать его как лингвоментальную единицу, состоящую из ядра и периферии. Ядро концепта включает в себе основные значения языкового знака, зафиксированные в словарных дефинициях, периферия концепта – ментальные составляющие (коннотативные и ассоциативные наращения), культурно обусловленные и вербализованные посредством определенных слов-репрезентантов.

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей концептуализации языковых знаков «пандемия», «сovid-19», «ковид», «коронавирус», «вирусная инфекция», «вирус» и др. в текстах русскоязычных интернет-изданий Беларуси. Материалом для исследования послужили статьи, размещенные на информационном портале БелТА: Новости Беларуси (<https://www.belta.by/>), официальных сайтах изданий «СБ. Беларусь сегодня» (<https://www.sb.by/feed/>), «Аргументы и факты в Беларуси» (<https://aif.by/>). Декодирование заключенной в исследуемых лексемах информации позволит выявить особенности концептуализации пандемии в белорусских СМИ и представить его профиль.

Актуальность исследования обусловлена тем, что пандемия коронавируса как серьезное испытание для всего человечества XXI века стала объектом изучения ученых разных областей знаний, в том числе и лингвистики. Обращение к белорусским средствам массовой информации не случайно, т.к. они являются источником информации о мире, формируют особенности мировоззрения человека и оказывают влияние на его поведение и мышление.

Традиционно лексикографические источники определяют пандемию как эпидемию, охватывающую целую область, страну или ряд стран [2; 3]. Репрезентированная в словарной статье сема исследуемого концепта широко представлена в белорусских СМИ и выделяется в составе прямых номинаций пандемии, которые формируют ядро анализируемого концепта и включают как лексические единицы, зафиксированные в лексикографических источниках, так и неолексемы и неосочетания (*пандемия, эпидемия, пандемия*

COVID-19, пандемия коронавирусной инфекции, твиндемия, новая инфекционная угроза, первая волна и т. д.): Термин «пандемия» означает масштабное распространение инфекции по всему земному шару, когда эпидемия распространилась на несколько континентов. Об окончании пандемии можно будет говорить, когда эпидемическая ситуация станет стабильной в большинстве стран [belta.by, 07 февраля 2022]; Общее количество инфицированных с начала пандемии COVID-19 составляет 339 315 человек [belta.by, 25 мая 2021]; Задача приложения – обеспечить свободное и безопасное перемещение граждан между странами в условиях пандемии коронавирусной инфекции [belta.by, 21 февраля 2022]; Твиндемия – это двойная эпидемия, которую гарвардские ученые уже назвали «новой инфекционной угрозой». С одной стороны – острые респираторные вирусные инфекции (ОРВИ, грипп), с другой – коронавирус [aif.by, 21 февраля 2022]; Она рассказала, что, когда схлынула первая волна, прогнозировали, что, возможно, придет вторая и на том пандемия закончится. «К сожалению, коронавирус оказался другим. Сейчас мы переживаем пятую волну, вызванную омикроном, который очень летучий, поражает большое количество людей...» [belta.by, 23 февраля 2022].

Анализ русскоязычных средств массовой информации Беларуси позволил установить, что номинативное поле концепта пандемия представлено следующим образом: 1) пандемия и ее «маркеры»; 2) способы борьбы с пандемией; 3) ограничительные мероприятия; 4) преимущества вакцинации.

Первая группа включает лексемы и словосочетания, именующие инфекционное заболевание и его штаммы (*коронавирус, коронавирусная инфекция, новые рекомбинации штаммов коронавируса, омикрон, дельта, уханьский штамм, новые варианты вируса, дельтакрон, омикрон-штамм, субвариант, новые мутации* и т.д.): *Непривитым туристам нужно будет предъявить отрицательный ПЦР-тест, сделанный не позднее чем за 48 часов до прибытия, или показать справку о выздоровлении от коронавируса, полученную не позже чем за 30 дней до поездки [belta.by, 22 февраля 2022]; За весь период распространения инфекции на территории страны умерли 6392 пациента с выявленной коронавирусной инфекцией [belta.by, 22 февраля 2022]; Ученые сообщили об обнаружении новых рекомбинаций штаммов коронавируса омикрон и дельта [belta.by, 21 февраля 2022]; «Если уханьский штамм практически не затрагивал детей, то сейчас у нас было достаточно много больных детей», – отметила председатель комитета по здравоохранению Мингорисполкома [belta.by, 22 февраля 2022]; Стало известно, представляют ли опасность новые варианты вируса для человечества и способны ли они получить широкое распространение в мире. Речь идет о трех вариантах дельтакрона [belta.by, 21 февраля 2022]; У омикрон-штамма коронавируса имеются три значительно отличающихся мутациями субварианта [belta.by, 21 февраля 2022]; Эволюция омикрона продолжается, он накапливает новые мутации [belta.by, 20 февраля 2022].*

Ядерными компонентами второй группы являются лексемы *вакцина*, *вакцинация*, *ревакцинация*, а также уже ставшие устойчивыми сочетания *бустерная вакцинация* и *полная вакцинация / полный курс вакцинации*: По ее словам, **вакцинация** должна подкрепляться **бустерной вакцинацией, ревакцинацией** через 5–6 месяцев после **полной вакцинации** [belta.by, 23 февраля 2022]; Более 5,04 миллиона белорусов прошли **полный курс вакцинации** против COVID-19 [sb.by, 28 февраля 2022].

Самыми частотными номинациями ограничительных мероприятий, которые входят в состав третьей группы языковых репрезентаций концепта *пандемия*, являются *карантин*, *локдаун*, *изоляция / социальная изоляция*, *самоизоляция*: И потом пациент уходит **на карантин** на 7–10 дней, и его наблюдают на дому, созваниваясь по телефону... **После карантина** при улучшении пациента приглашают в поликлинику [sb.by, 21 февраля 2022]; Мы столкнулись с пандемией. Белорусский опыт без локдауна себя полностью оправдал [belta.by, 24 февраля 2022]; На сегодняшний день мы работаем с 300 контактными лицами, они все находятся **в изоляции** под медицинским наблюдением [belta.by, 21 декабря 2021]; В период пандемии COVID-19 **социальная изоляция** стала нормой, а количество контактов сводится к минимуму [belta.by, 28 декабря 2021]; Жизнь стала размеренной, мы добровольно ушли **на самоизоляцию**, сидели дома, минимизировали контакты с окружающими, учились онлайн [belta.by, 10 февраля 2022].

Четвертая группа языковых средств, объективирующих концепт *пандемия*, включает номинации сертификатов, «иммунных» барьеров (*отрицательный ПЦР-тест на коронавирус, сертификат о вакцинации / сертификат о полной вакцинации, свидетельство о вакцинации против COVID-19, зеленый паспорт / зеленый сертификат, ковид-паспорт, коллективный иммунитет*): Путешественники должны загрузить на официальный сайт аэропорта Нью-Дели **отрицательный ПЦР-тест на коронавирус**, сделанный не ранее чем за 72 часа до вылета, или **сертификат о полной вакцинации**. Между Беларусью и Индией заключено соглашение о взаимном признании **свидетельств о вакцинации против COVID-19** [belta.by, 22 февраля 2022]; В Грузии начали действовать «**зеленые паспорта**» при посещении общественных мест [belta.by, 01 декабря 2021]; Массовая акция протеста против **зеленых сертификатов** проходит в болгарской столице Софии [belta.by, 23 февраля 2022]; Проверка **ковид-паспортов** будет осуществляться через специальное мобильное приложение Check App [belta.by, 27 сентября 2021]; «И если говорить о **коллективном иммунитете**, мы должны думать о 80%, включая детей», – сказала Елена Богдан [belta.by, 23 февраля 2022].

Оценочный компонент концепта *пандемия* представлен двумя полярными группами – отрицательно и положительно маркированные признаки.

Отрицательно маркированные актуализируются в тех случаях, когда речь идет: а) о здоровье нации (группы пациентов из «зоны риска», психические проблемы как следствие пандемии); б) об экономическом базисе страны (сфера экономики отдельного государства или область международных экономических отношений); в) о возможности свободного передвижения (туризм, посещение родственников, друзей):

- опасность для возрастных пациентов, связанная с тяжестью протекания заболевания и обострением хронических заболеваний: *На сегодняшний день много возрастных пациентов, у которых коронавирусная инфекция протекает в принципе тяжело, а также у которых значительно обостряются хронические заболевания. Поэтому сказать, что вирус безобидный, абсолютно нельзя...* [belta.by, 23 февраля 2022];

- расширение «возрастной зоны» заражения: *Твиндемия главным образом грозит детям, у которых еще не сформирован в достаточной мере иммунитет, людям пожилого возраста...* [aif.by, 21 февраля 2022];

- причина психических расстройств у населения: *В пандемию происходит изменение поведения. Мы постоянно прислушиваемся к тому, что говорят вокруг, в СМИ, что видно на улице. Причем многие в этом состоянии слышат то, что им хочется услышать. И это часто вызывает повышение тревоги* [aif.by, 25 ноября 2020];

- нарушение межрегионального взаимодействия в экономической сфере: *Пандемия прервала динамичное развитие контактов на уровне регионов* [belta.by, 22 февраля 2022];

- рост цен: *Рост цен препятствует более решительному восстановлению мировой экономики, по которой пандемия нанесла тяжелые удары* [aif.by, 10 февраля 2022];

- ограничения на передвижение: *Государственные наземные границы Беларуси будут закрыты на выезд из-за распространения COVID-19, об этом говорится в постановлении правительства № 705 от 7 декабря 2020 года, опубликованном на национальном правовом интернет-портале страны в четверг* [aif.by, 10 декабря 2020].

Таким образом, можно утверждать, что *пандемия* – это не только высшая степень развития эпидемического процесса, но и опасность осложнений, в том числе психического плана, нарушение взаимодействия в сфере экономике, обуславливающее рост цен и снижение динамики в области межрегионального сотрудничества, ограничения, связанные с передвижением и организацией отдыха.

Положительно маркированные признаки концепта доминируют, когда акцент переносится на отсутствие ограничительных мер в сфере производства, развитие онлайн-торговли, изменениях в сфере межличностных отношений и процессе получения новых знаний:

• отсутствие локдауна в Беларуси: *Мы не ушли в локдаун, не останавливали производства. Это помогло нам сделать экспорт порядка 150 % и получить рекордное для нас внешнеторговое сальдо...* [aif.by, 22 февраля 2022];

• развитие альтернативных способов торговли: *По словам министра ЕЭК, одна из самых обсуждаемых тем в связи с этим – развитие интернет-торговли, чему в немалой степени способствовали ограничения, вызванные пандемией COVID-19* [belta.by, 22 февраля 2022];

• расширение межличностных контактов: *Ситуация с пандемией – повод нам всем научиться общаться друг с другом. Чем больше мы общаемся – необязательно визуально, но и по телефону, интернету, – тем легче нам вместе переносить трудности* [aif.by, 25 ноября 2020];

• возможность саморазвития в ковидный период: *Пандемия когда-то придет к своему завершению. А вот навыки, приобретенные за «ковидные» годы, могут пригодиться в дальнейшем* [aif.by, 18 февраля 2022].

Анализ контекстов с положительно маркированными признаками анализируемого концепта показал, что *пандемия* – это ситуация, обуславливающая увеличение экспорта и повышение внешнеторгового сальдо отдельно взятой страны, развитие интернет-торговли, расширение границ межличностного общения, возможность саморазвития.

Таким образом, 1) *пандемия* представлена в русскоязычных СМИ Беларуси в виде прямых номинаций, которые формируют ядро концепта; 2) номинативное поле концепта *пандемия* представлено такими языковыми репрезентациями, как: пандемия и ее «маркеры», способы борьбы с пандемией, ограничительные мероприятия, преимущества вакцинации; 3) оценочный компонент концепта *пандемия* представлен отрицательно и положительно маркированными признаками; 4) *пандемия* – это не только высшая степень развития эпидемического процесса, но и опасность осложнений, в том числе психического плана; нарушение взаимодействия в сфере экономике, обуславливающее рост цен и снижение динамики в области межрегионального сотрудничества; ограничения, связанные с передвижением и организацией отдыха; ситуация, связанная с увеличением экспорта и повышением внешнеторгового сальдо отдельно взятой страны; создание условий для развития интернет-торговли; расширение границ межличностного общения; возможность саморазвития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : МГУ, 1996. 245 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 3 : П-Р. 749 с.

УДК 811.161.1'36'42

Лешкова Наталия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», Горловка, ДНР
электронная почта: *nataleshkova@yandex.ru*

Leshkova Nataliya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka
Institute for Foreign Languages», Gorlovka. DPR
e-mail: *nataleshkova@yandex.ru*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Аннотация. В статье анализируются морфологические особенности православной проповеди на примерах, взятых из последних проповедей Святейшего Патриарха Кирилла. Рассматриваются различные отклонения от норм, а также даются пояснения таким изменениям.

Ключевые слова: проповедь; ошибки; православный дискурс; грамматика.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE ORTHODOX SERMON

Summary. The article analyzes the morphological features of the Orthodox sermon using examples taken from the last sermons of His Holiness Patriarch Kirill. Various deviations from the norms are considered, as well as explanations for such changes are given

Key words: sermon; mistakes; orthodox discourse; grammar.

Анализируя особенности грамматической организации примеров православного дискурса, стоит отметить, что язык любой проповеди сочетает в себе как черты языка прошлых эпох, так и современные языковые единицы. Такой конгломерат в данном случае не воспринимается как нечто необычное в силу специфики православного дискурса. Если бы мы рассматривали функционирование анализируемых единиц и особенностей в любом другом типе дискурса, мы могли бы говорить о наличии разного рода языковых ошибок или отклонений от нормы [1]. Но в языке религии эти отклонения воспринимаются как своеобразная данность, свойственная религиозным текстам. Грамматические нарушения или отклонения нередко представляют собой своеобразные отголоски прошлого, например, *приидет, отыми, помощниче, всякаго, даждь, верныя, во гресех, мене и др.: Будем верить в то, что Господь с нами, как Он сказал нам сегодня через замечательные слова: С нами Бог! Разумейте, языцы, и покарайтесь, яко с нами Бог* (Ис. 8:9-10) (Патриарх Кирилл).

Больше всего подвержена разным изменениям в проповедях глагольная лексика. Изучив фактический материал и проанализировав этот пласт, обращаем внимание на подмену грамматических форм настоящего времени,

единственного числа в повелительном наклонении, которые, как правило, оканчиваются на «согласный + мягкий знак» (*сядь, будь, оставь, избавь*), где мягкий знак чередуется с *и* (*буди, остави, избави*): *Только одна сила может открыть перед нами двери в жизнь вечную и Божественное Царство – это искреннее, сердечное, глубинное покаяние. Не на словах, не через автоматическое произношение «Буди мя грешного», а через осознание своих грехов* (Патриарх Кирилл).

Мы считаем, такие формы обусловлены особенностями порождения речевых образцов православного дискурса, а именно, тем, что некоторые жанровые образцы православного дискурса имеют преимущественно устную форму презентации – молитва, акафист, исповедь, проповедь. Возможно, что и остальные жанровые формы первоначально возникли и существовали лишь в устной форме, а затем оказались зафиксированы на письме. Указанные выше грамматические формы до определенной степени сохраняют некоторую мелодичность устной речи [2].

Кроме того, с психологической точки зрения глагольные формы *будь, оставь, творить/твори, направь, сподобь* звучат в повелительной форме, что недопустимо при обращении человека-грешника, т.е. адресанта, к Богу, Всевышнему – адресату.

Итак, наличие перечисленных глагольных форм в современном православном дискурсе может быть объяснено двумя главными причинами: влиянием архаичных устных разговорных форм и консервативностью образцов православного дискурса, что объясняется причинами как лингвистического, так и экстралингвистического порядка; требованием соблюдения статусных норм и психологическим настроением адресанта речи – в нашем случае молящегося, человека, собравшегося на исповедь, испытывающего страх, благоговение перед лицом Всевышнего.

В православной проповеди частым бывает удвоение гласного в корне глагольной единицы при построении форм повелительного и изъявительного наклонений. Часто это гласный «и»: *Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова – эти слова мы сегодня услышали, когда был прочитан отрывок из Послания апостола Павла к Ефесянам (Еф. 6:10-17). В этом же послании находим и другие слова: Благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился (Еф. 2:8-9) (Патриарх Кирилл). Будем верить в то, что Господь с нами, как Он сказал нам сегодня через замечательные слова: С нами Бог! Разумейте, языцы, и покарайтесь, яко с нами Бог (Ис. 8:9-10) (Патриарх Кирилл).* В таких случаях употребление гласных может свидетельствовать об особом молитвенном настроении речевых образцов. Адресант, обращаясь в своей молитве с просьбой, акцентирует внимание на просьбе: *разумейте, покарайтесь, сие* или просит о том, чтобы люди жили по Божьим законам.

В православных текстах можно наблюдать употребление комбинаций *ждь, гл* в глагольных формах настоящего и прошедшего времени. При рассмотрении многих образцов православного дискурса обращает на

себя внимание наличие в конце ряда глагольных форм буквенного комплекса «гл»: *Характерно, что, чувствуя царя (после покорения им Ингерманландии, Карелии, Эстонии и Ливонии), его апологеты не забывали указывать: «Се, идеже Александр святой посея малое семя, тебе превеликая угобзися нива. Где он трудился, да бы не безвестна была граница российская, ты престол российский тамо воздвигл еси»* (Патриарх Кирилл); *В течение Великого поста мы будем многожды читать и слышать слова молитвы святого Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего». Вот первая часть этой молитвы – та, о которой каждому из нас следует особенно подумать: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми»* (Патриарх Кирилл). Возможно, наличие этих форм является показателем функционирования принципа экономии в языке. В процессе устной коммуникации использование довольно длинных лексических единиц, в частности, глагольной единицы *воздвигать / воздвигнуть* может замедлить темп речи или спровоцировать ошибку в произношении и отвлечь внимание адресата от общего значения сказанного. В рассматриваемом случае наблюдается некоторое сокращение грамматической формы и, кроме того, здесь срабатывает принцип уподобления. Комбинация *ждь* в конце глагольных лексических единиц (*даждь, созижди, воздаждь, подаждь*) является, на наш взгляд, показателем наличия несколько архаичных речевых образцов в православном дискурсе: *Как говорит Священное Писание: из камней сих созижду детей Авраама – так собрал Господь те души, которые откликнулись. Каждого вел Своим путем, неосознанно порой, и вся наша братия – люди с интересной судьбой. Наверное, так в любом монастыре в России; В час скорби и печали – а таковых не избежать – вспомни наставление апостола Павла, который сам проходил через тяжелейшие печали и глубочайшую скорбь, и из глубины своего духовного опыта призывает христиан в усердии не ослабевать, духом пламенеть, Господу служить, утешаться надеждою, в скорби быть терпеливыми, в молитве постоянными (Рим. 12, 11-12). Вспомни и успокойся, если будешь волноваться, иди и твори такожде (Лк. 10, 37)* (Патриарх Кирилл).

Часто в текстах проповеди православного дискурса наблюдаются интересные случаи чередования одного согласного звука с другим. Причем такие случаи носят не хаотичный и разрозненный, а вполне закономерный характер. Чаще всего встречаются случаи чередования согласного *з* в окончаниях глаголов – *отверзи, помози*: *После сугубой ектении Святейший Владыка прочитал молитву об учащих и учащихся: «Господи, Боже и Создателю наш, образом Своим почтый нас человеки, научивый избранныя Твоя, яко дивитися внемлющим учению Твоему, открывый премудрость младенцем; иже Соломона и всех взыскующих премудрости Твоей научивый, отверзи сердца, умы и уста рабов Твоих сих, во еже прияти силу закона Твоего, и со успехом познати преподаваемые им полезная учения, в славу Пресвятаго имене Твоего, в пользу и созидание Святей Твоей Церкви,*

и разумети благую и совершенную волю Твою» (Патриарх Кирилл). Подобные случаи могут объясняться по-разному – в большей степени это наличие устаревших форм, фиксация когда-то допущенной орфографической ошибки в качестве нормы и т.д. Но в этом случае мы можем предположить, что согласный *з* звучит в таких лексических единицах выразительнее, чем *г*.

Используемые в различных текстах православного дискурса некоторые глагольные формы действительно являются грамматически неправильными. Такие случаи не единичные и поэтому мы не можем утверждать, что была случайно допущена ошибка. Мы предполагаем, что все молитвы, к которым обращается в своих проповедях священнослужитель, были составлены малограмотными монахами и они преследовали другую цель – написать текст понятный и доступный каждому молящемуся. Использование форм *-ся*, *-ися* вместо *-сь* в конце глагольных форм типичное для устной простонародной речи, речи малообразованных людей: *И об этом говорится в утренних молитвах: «...отверзи моя уста поучатися словесем Твоим»* (Патриарх Кирилл). *Поучатися* вместо *поучайтесь* представляет собой явное нарушение языковой нормы и восприятие такой формы позволяет сделать вывод о том, что молитва была составлена для всех людей, независимо от образования: человек должен был быть уверен, что молитвы даже самых простых людей доходят до Бога.

То же наблюдается и в нижеприведенных образцах: *Памятуя об этом, храня верность архиерейской присяге и пребывая в братском взаимодействии с главой Белгородской митрополии, стремись следовать наставлению апостола Павла, некогда обращенному к его ученику Тимофею: Подвизайтесь добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями (1 Тим. 6, 12)* (Патриарх Кирилл).

Некорректные слова иногда оказываются настолько явными, что усиливают контраст с грамматически правильной речью: *Сила духа, которую наш народ проявил во время Великой Отечественной войны, помогла не только выстоять, но и победить: «Проидохом сквозь огонь и воду; и извел еси ны в покой» (Пс. 65:12)* (Патриарх Кирилл). В данном случае неправильная форма глагола *проидохом* образована, очевидно, по аналогии с рядом других форм этой же глагольной единицы: *пройти, пройдя*.

Часто в молитвах, которые цитируют в своих проповедях священники на литургии, можно услышать глагольные формы, которые не употребляются в современном мире. К таким формам относим формы *победиши* вместо *победив*: *Слова о Честном и Животворящем Кресте «Сим победиши!», обращенные некогда к святому Константину, обращены ныне и ко всем христианам, которые обитают по всей вселенной, ко всей Православной Церкви, уверен Святейший Владыка: «Мы сегодня живем в эпоху воинствующего безбожия (Патриарх Кирилл); Но в уничиженном, распятом Спасителе разбойник, что был справа, увидел Сына Божиего и сказал Ему: «Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое»* (Патриарх Кирилл).

Интересно отметить, что с помощью окончания «шь» («ши») образуется целый ряд (и весьма многочисленный ряд) деепричастных конструкций: *«...Ступати право мя настави, путем Христовых заповедей. Бдети к песни укрепи, уныния сон отгоняючи. Связана пленицами грехопадений, мольбами Твоими разреши, Богоневесто. В ноци мя и во дни сохраняй, борющихся враг избавляючи мя...»* (Православный молитвослов, Молитва 7-я, ко Пресвятой Богородице).

На сегодняшний момент закреплением ошибки в речи можно считать и формы, в которых утвердилось окончание с заменой гласной или согласной. Зафиксированная форма противоречит принятым правилам орфографии и в любом другом контексте была бы воспринята как грамматическая ошибка: *«Спаси, Господи, и помилуй ихже аз безумием моим соблазних, и от пути спасительнаго отврати, к делом злым и неподобным приведох...»* (Молитвослов, Молитва о живых).

То же явление, но в рамках другой частеречной категории (именной) мы находим в случаях «неправильного склонения» имен существительных: *«...помилуй по множеству щедрот Твоих вся священноиноки, иноки же и инокини ...»*; *«Испытай человеков...»* и прилагательных: *«...не прогневался еси на мя, лениваго и грешнаго ...»* *«...во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век ...»*.

Анализируемые формы и конструкции должны были приблизить язык православного дискурса к просторечному, который был бы понятен всем людям, безоговорочно верующим в Бога. Такие особенности речи создают у верующих ощущение того, что Всевышний снисходит до человека, его нужд и потребностей, его невзгод и трудностей, Всевышний говорит на языке обычного человека.

Однако в настоящее время язык Священного Писания воспринимается как устаревший, и таким образом создается дополнительный эмоциональный эффект, а именно, эффект того, что Слово Божие – есть закон, неизменный вовеки, дошедший до человека из глубины веков и потому еще более значимый и непоколебимый. Именно такую значимость, твердость, нерушимость и долговечность ищет человек в религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2007. 42 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/religiozny-diskurs-tsennosti-zhanry-strategii-na-materiale-pravoslavnogo-veroucheniya> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 477 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 262 с.

УДК 811.161.3'37'42

Хальпукова Екатерина Леонидовна, кандидат филологических наук
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *Ekaterina.L.X@yandex.ru*

Khalpukova Katsiaryna, Candidate of Philological Sciences
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *Ekaterina.L.X@yandex.ru*

КОНЦЕПТ ПУТИ В КНИГЕ ПОЭЗИИ Я. КУПАЛЫ «ШЛЯХАМ ЖЫЦЦЯ»

Аннотация. В статье представлен комплекс микроконцептов, составляющих ядро концепта пути; выявлены положительные и отрицательные коннотации авторского концепта пути в книге поэзии Я. Купалы «Шляхам жыцця».

Ключевые слова: концепт; картина мира; белорусская литература; художественный контекст; хронотоп.

CONCEPT OF PATH IN Y. KUPALA'S BOOK OF POETRY «ALONG THE PATH OF LIFE»

Summary. The article deals with microconcepts in the core of path concept. Positive and negative connotations of the author's concept of the path are identified in Y. Kupala's book of poetry «Along the Path of Life».

Key words: concept; picture of the world; Belarusian literature; art context; chronotope.

Концепт пути представляет собой комплекс микроконцептов, которые считаются базовыми для каждой картины мира и наиболее значимыми в мировой культуре. Система образов, символов, понятий, составляющих поле данного концепта, требует художественной интерпретации в творчестве Я. Купалы.

Слово «путь», восходящее к санскритскому *rānthāh*, «включает в себя труд, неуверенность и опасность» [1, с. 339], поэтому представляет собой дорогу «куда-то, куда не ходят просто, средство преодолеть опасное, полное непредвиденных случайностей пространство» [1, с. 339]. В. В. Колесов выделяет в слове «путь», с одной стороны, единое общеславянское значение 'дорога морем (водой)' без определенного направления, которое необходимо найти, а с другой – широкий спектр значений в древнерусских текстах: 'намерения, дела' 'дорога', 'поездка, путешествие', 'благоприятное условие, возможность', 'поход', 'право (возможность) беспрепятственного проезда', 'порядок, правило', 'отрасль хозяйства, выданная на кормление', 'польза', 'жизненный путь, поприще', 'доходы (имущественный ранг)', 'документ на владение землей', 'надлежащим образом' [2, с. 1202].

Путь является одним из основных архетипов культуры: «Своим универсализмом архаическая семантика пути обязана широким смысловым связям с топологией жизненного пространства, его ценностным иерархиям и всей системе социального символизма с его образами и индексами ориентации, маркировкой выбора, моделями поведения и ритуальной практикой» [3, с. 146].

В художественном контексте книги поэзии Я. Купалы «Шляхам жыцця» реализуются такие значения концептуального поля «путь», как жизнь, судьба, странствие, прожитое время, инициация, экзистенциальные испытания, свое (родное) и чужое пространство, творчество, память и др.

Принято различать концептуальные значения лексем 'дорога' и 'путь' (в белорусском языке – 'дарога' и 'шлях'). Так, Р. Ковалева отмечает: «Жыццёвая дарога і жыццёвы шлях суадносяцца як знешняя і ўнутраная біяграфія чалавека» [4, с. 109]. В лирическом сборнике Я. Купалы «Шляхам жыцця» концепт пути имеет семантику духовной инициации и реализуется в семи разделах, которые объединяет тема жизненного пути: «Бацькаўшчыне», «Па межах родных», «Для Яе», «Наша вёска», «Сваім і чужым», «Байкі і Аповесці», «Перэклады с польскаго». Содержание произведений раскрывается в художественном контексте связанных концептов движения, судьбы, выбора, истины и актуализируется в значении дороги как текста: «дорога предстает ... как текст, в рамках которого в определенном порядке разворачиваются вписанные тексты разных жанров» [5, с. 13].

Первый раздел «Бацькаўшчыне» соединяет горизонтальный и вертикальный векторы пути в концепте творчества:

*Песьні маеі не патрэбны сьвятліцы
Ў княжэскіх хорамах слухаць музык;
Коціца, ўеца свабоднай крыніцай
К сонцу і зорам, прастор дзе вялік* [6, с. 2].

Устремленность к метафизическому бытию, не ограниченному пространством и временем, определяет индивидуальный выбор субъекта пути, его мироощущение и нравственный императив. Так, в стихотворении «Шлях мой» прослеживается четкая оппозиция двух миров: «Шлях мой ня сьцеліца сонцем і кветкамі» – «Даль-жэ нязбытаю казкай туманіца, // Казкай, негаданым сном» [6, с. 24]. Положительные коннотации авторского концепта пути в лирике Я. Купалы отражены не в реальном мире, а в мифологическом пространстве [7, с. 89], центром которого может выступать лес как сакральный образ родного дома:

*Як я лесам іду, зважна думкі сную,
Аглядаю сьвятую дубоў грамаду;
Там, як дома, сабе с пушчай песьні пяю* [6, с. 20].

Во втором разделе «Па межах родных» путь представлен весьма конкретно в определенных локациях – «Вёска» [6, с. 60], «Над Нёманам» [6, с. 56], «Над Свіслочай» [6, с. 58], «Сельскія магілкі» [6, с. 62], «Ў вечным боры» [6, с. 70], «Палац» [6, с. 73] – и темпорально через годовой круг смены сезонов и традиционных праздников («З песень аб вясьне» [6, с. 75], «З летніх маляў» [6, с. 76], «З асенніх напеваў» [6, с. 81], «Зіма» [6, с. 85], «Сёмуха» [6, с. 75], «На Купальле» [6, с. 79]).

Мотив странничества, связанный с концептом пути, характерен также для поэтического цикла «Для Яе»:

*Я хацеў-бы душу атишукаці такую
І такое хацеў-бы я сэрыэ найці,
Што са мной праз жыццёвую сыцежку блудную
Захацела-бы спольна і згодна ісьці [6, с. 92].*

В этом разделе ключевой является солярная символика при переходе в мифологическую реальность [7, с. 114]:

*Абняліся мы з ёй,
Божым сном паплылі
Ў даль да сонца ў дваіх
Па зялёнай зямлі,
Па квяцістым пуці
Паласой залатой
Ў даль да сонца ў дваіх
За адно з яснатой... [6, с. 97].*

Четвертый раздел «Наша вёска», отражающий реалистическую модель мира, для лирического героя отождествляется с координатами небытия – беспутья / бездорожья:

*Сам – з бядой, ні жыцця, ні пуця!
Знай, гаруй ды магільку хвалі [6, с. 138].*

Однако и в чужих краях пути не истинные, а ложные, что особо подчеркивается в пятом разделе «Сваім і чужым», где приходит понимание своего пути:

*Прайшло засьляпенне, мінае трывога;
На небе ўжо новая відна зара.
Шырок прада мною гасьцінец-дарога.
Ўжо днее! ўжо днее! – к сваім мне пара! [6, с. 140].*

Языческие празднества составляют основу раздела «Байкі і Аповесці». Как отмечает И. Науменко, «паэзія Янкі Купалы – і гэта асабліва адчуваецца на творах, якія ўвайшлі ў зборнік «Шляхам жыцця», – быццам прасякнута старадаўнім, «язычніцкім» схіленнем перад сіламі прыроды» [8, с. 8]. В мифопоэтическом хронотопе время сгущается и определяет сакральность календарных периодов, отраженных в названиях лирических произведений: «У Купальскую ночь» [6, с. 182], «У Піліпоўку» [6, с. 206], «На Дзяды» [6, с. 187], «На Куцьцю» [6, с. 192].

В заключительном разделе «Перэклады с польскаго» поэт выбирает для перевода произведения, моделирующие художественные образы с ключевыми элементами пути: «Родны дом» [6, с. 253] – «Тры дарогі» [6, с. 251] – «Ў сьвет!» [6, с. 258].

Таким образом, положительные коннотации концепта пути в книге поэзии Я. Купалы «Шляхам жыцця» соотносятся с природным и мифологическим хронотопом, а также связаны с солярной символикой, присущей архетипическим представлениям о победе света над тьмой. В реальном мире посредством концепта пути актуализируется значение экзистенциальных испытаний, через которые необходимо пройти лирическому герою для обретения самости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
2. Колесов В. В. Путь-дорога // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 5. С. 1200–1213.
3. Исупов К. Г. Путь // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 146–147.
4. Кавалева Р. Канцэптуалізацыя дарогі ў фальклоры // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі : зб. арт. Мінск, 2008. Вып. 5. С. 108–121.
5. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
6. Купала Я. Шляхам жыцця. Факсімільнае выданне. Мінск : Маст. літ., 2012. 264 с.
7. Хальпукова Е. Мифопоэтика хронотопа в русской и белорусской поэзии начала XX века (на материале сборников лирики А. Блока, А. Белого, Я. Купалы, М. Богдановича). Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 2012. 160 с.
8. Навуменка І. Я. Элементы міфалогіі ў паэзіі Янкі Купалы і Якуба Коласа. Мінск : Навука і тэхніка, 1988. 40 с.

УДК 811.161.1'373'42

Гвоздович Галина Александровна, кандидат филологических наук,
доцент

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *hvazdovich@mail.ru*

Hvazdovich Halina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *hvazdovich@mail.ru*

О ЛЕКСЕМЕ ДОРОГА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы презентации лексемы дорога в поэтических текстах разных авторов, обращается внимание на внутреннее содержание лексемы дорога и его отражение в поэзии, обращается внимание при этом и на стихотворения для детей.

Ключевые слова: поэтический текст; значение лексемы; дорога.

ABOUT THE LEXEME ROAD IN THE POETIC WORLDVIEW

Summary. The article deals with the presentation of the lexeme road in the poetic texts of different authors, draws attention to the internal content of the lexeme road and its reflection in poetry, with special emphasis on poems for children.

Key words: poetic text, lexeme meaning, road.

Изучение художественного текста, в нашем случае – поэтического, является одним из приоритетных изысканий в сфере языкознания, что связано с общей тенденцией развития научной парадигмы: «Процессы, происходящие в современной лингвистике, представляют собой выражение некоторого общенаучного (и, шире, общекультурного) движения к переделу границ и сфер компетенции...» [1, с.115]. Не вызывает сомнений, что естественной стихией существования, формирования и раскрытия всей полноты внутреннего содержания для слова является текст. Будучи своего рода информационной системой, текст предоставляет слову неограниченные возможности для продуцирования и порождения различных смыслов; в поэтическом тексте слово особенно ярко и образно демонстрирует свои различные семантические грани и их оттенки. Пользуясь определением Андрея Белого, можно назвать художественный текст «памятью о памяти» [цит. 2, с. 242].

На сложность анализа поэтического текста в свое время указывал Ю. М. Лотман. Несмотря на то, что с тех пор прошло 50 лет, его мысли и рассуждения относительно того, что поэзия – это та сфера искусства, которая до конца не исследована, которая во многом находится на стадии накопления эмпирического материала [подр. см. 3, с. 3-31], являются актуальными и в настоящее время.

Образ *дороги*, вынесенный нами в заглавие статьи, с одной стороны, элементарно прозрачен, знаком практически каждому живущему на планете Земля (хотя уже немало говорится и о космических, и о межпланетных дорогах). Дороги сопровождают человека в течение всей его жизни. С другой стороны, эта лексема зачастую вбирает в себя достаточно глубокий, порой сакральный, мифический смысл, поскольку дорога соединяет и разлучает людские судьбы, на дорогах создается история человечества, в связи с чем для творческих личностей дорога становится своеобразным символом, и вряд ли можно найти поэта, который не обращался бы к мотивам дороги в своем творчестве. Одним из синонимов лексемы *дорога* является слово *путь*. Принято думать, что понятие пути обязательно включает две точки: начало и конец, причем конец понимается как цель жизненного пути. Путь, впрочем, как и дорога, может быть прямым и извилистым, кривым, широким или узким (*торная дорога, нехоженные тропы, широкими вратами* и т.д.). В культуре путь может быть представлен образом выбора поведенческой установки (*праведный – неправедный путь, непутевый, беспутный* и т.д.). В религии это может быть Иисус как персонифицированный путь: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоанн XIV: 5-6), как судьба, рок, предназначение.

В рамках данной статьи мы не сможем рассмотреть лексему *дорога* во всем потенциале вызываемых ею значений и образов в поэтических текстах различных авторов, не будем касаться и ее богатого синонимического

и словообразовательного ряда, а ограничимся теми моментами, которые показались нам семантически наиболее яркими, в том числе обратим внимание на поэтические тексты для детей.

Рассмотрим, как интерпретируется лексема *дорога* в кодифицированном языке. Итак, Н. М. Шанский: «**Дорога**. Общеслав. Образовано с помощью суф. *-z(a)* от той же основы, что и *дор* – «расчищенное место», *дърати* – «драть» [4, с. 129]. М. Фасмер: **Дорога**, укр. Дорога, блр. Дарога, сербск-цслав. драга «долина», сербохорв. драга, словен. draga «лощина, овраг», др.-чеш. draha «дорога», полльск. droga «дорога», в.-луж. droha «след, дорога, улица», н.-луж. droga «улица». || Из и.-е. *dorgh-; связано с *дёргать* (Бернекер 1, 212; Мейе, Et. 253; Торбьёрнссон 2, 21; Погодин, РФВ 35, 143; Брюкнер 97, KZ 48, 216) и означает «*продранное* в лесу пространство»; см. Забелин у Горяева, ЭС 95. Ср. также русск.-цслав. *подрагъ* «край». Менее вероятно родство со шв. Drag «длинная, узкая впадина в почве, низина, долина», др.-исл. Драга «тянуть» (Перссон 492; Траутман BSW 45; Торн 210 и сл.). [См.еще Мошинский, Zasiag, стр.159] [5, с. 530]. Таким образом, первоначально *дорога* – это общеславянское – расчищенный, хотя возможен и вариант из шведского – низина, долина, узкая длинная впадина в почве. С. И. Ожегов: **ДОРОГА**, -и, ж. 1. Узкая полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения. Проселочная Д., Большая Д., (грунтовая дорога между крупными населенными пунктами: устар.). Шоссейная дорога; Обочина дороги. При дороге (около дороги). 2. Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования. По дороге к дому. Сбиться с дороги. Идти дорогами побед (выс.) Открыть дорогу кому-н.куда-н. (перен.) Стоять на чьей-н.дороге или Стать поперек дороги кому-н. (перен. Мешать, препятствовать кому-н в чем-н.) Перебежать дорогу кому-н. (также перен.: помешать кому-н., опередить в каком-н.деле; разг.Дать дорогу кому-н. (дать пройти, проехать; 3. Путешествие, пребывание в пути. Устал с дороги. Взять еды на дорогу. В дороге.4. перен. Средства достижения какой-н. цели, жизненный путь. Труд – дорога к успеху. Быть на хорошей дороге. Идти своей дорогой. ФР,: железная дорога – рельсовый путь для движения поездов. По дороге 1) Во время путешествия; 2) с кем-чем. По одному и тому же направлению. Нам с ним не по дороге (также перен. : наши пути, цели различны). Уменьш. Дорожка, дороженька. Прилаг.: дорожный в 3-х значениях.) [6, с. 156].

Как показывает анализ словарной статьи С. И. Ожегова, лексема *дорога* в настоящее время является многозначной, у нее есть и переносные значения. Многие из значений раскрываются в поэтическом тексте. Лаконично и ёмко говорит о своей цели в жизни, о своей жизненной дороге А. Н. Радищев, о той дороге, которую он хочет проложить там, где еще никто не бывал, причем автору стихотворения важно не только самому идти по неизведанной дороге, но и повести за собой других: «*Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? Я тот же, что и был и буду весь мой век: Не скот, не дерево, не раб,*

но человек! Дорогу проложить, где не было следу, Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах...» [7, с. 390]. Здесь дорога – неизвестная активная духовная и общественная жизнь, которая найдет отражение и в «прозе и в стихах...». Философия дороги жизни, одиночества раскрывается в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Написано оно за несколько дней до дуэли, приведшей к смерти поэта. Дорога озаряется сиянием звезд, всё кругом тихо и спокойно, но ... «*Что же мне так больно и так трудно?*» [8, с. 222]. Выйдя один на дорогу, он предчувствует беду?

Значение духовного роста через лексему *дорога* и в стихотворении Н. Гумилева «Вечное»: «*И странно знающим, спеши! Я душу обрету иную, Всё, что дразнило, уловя, Благословлю я золотую Дорогу к солнцу от червя*» [9, с.85]. Известно, что библейский образ Христа приравнивается к образу Солнца. Например, в праздничной песне «Рождеству Христову» встречается выражение: *Тебе кланяемся Солнцу правды...* В святоотеческой традиции принято считать, что «праведники, возрожденные словом Божиим, воссияют некогда, как солнце в царствии Отца их». Образ червя по специфике своих ассоциаций сложнее, чем образ Солнца, мог быть заимствован автором из книг Ветхого Завета... В Псалтири есть Псалом [Пс. 21:7], где скорбно описываются крестные страдания Христа: «*Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей*» [10, с. 30].

Волею судеб много времени в своей жизни А. С. Пушкин проводил в странствиях: побывал он и в псковских землях, и у средней Волги, и в Крыму, и на Кавказе, и в Молдавии, и в Грузии, и в Армении, и у высокогорного Эрзерума (в настоящее время – территория Турции). Как отмечает В. А. Рождественский [подр. см. 11], железных дорог тогда не было, поэтому приходилось трястись целые дни и недели по ужасным дорогам, глотать дорожную пыль, задыхаться под жгучим солнцем или мокнуть под осенними дождями. Но было и хорошее в таких долгих поездках: можно было спокойно всё обдумывать, наглядеться на пейзажи, увидеть жизнь простых людей, узнать свою Родину. В поэзии А. С. Пушкина находим топографические зарисовки, связанные с дорогой: «*От большой дороги справа, Между полем и селом, Вам представится дубрава, Слева сад и барский дом...*» («Если ехать вам случится...») [12, с. 579]; «*Где в гору подымается дорога, Изрытая дождями, три сосны Стоят – одна поодаль, две другие Друг к дружке близко...*» («... Вновь я посетил») [12, с. 573]. Дорога – это еще грусть и тоска: «*Сквозь волнистые туманы Пробирается луна, На печальные поляны Льет печальный свет она. По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит...*» («Зимняя дорога») [12, с.387]; а иногда дорога – это и страх, и тревога, когда возникает неожиданная ситуация. Только что тройка мчалась по столбовой дороге, и вдруг разыгралась метель, дорогу эту невозможно увидеть, разглядеть из-за разбушевавшейся стихии: «– *Эй, пошел, ямщик!.. – Нет мочи: Коням, барин, тяжело: Вьюга мне слипает очи: Все дороги занесло; Хоть убей, следа не видно; Сбились мы*» («Бесы») [12, с. 475]. И что еще тяжелее, дорога, ее построение – это символ

потерь, смерти: *«Прямо дороженька: насыпи узкие, Столбики, рельсы, мосты. А по бокам-то всё косточки русские... Сколько их! ...»* (А. Н. Некрасов «Железная дорога») [13, с. 208].

Горечью и страданием от того, что приходится покидать родные места под напором фашистских полчищ, но и надеждой на возвращение с победой пронизаны строки К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» [14]. Дорога – место встречи: *«Нам разный путь судьбой назначен строгой; Ступая в жизнь, мы быстро разошлись: Но невзначай проселочной дорогой Мы встретились и братски обнялись»* («19 октября») [12, с.355]. Дорога – символ свободы: *«Подобно птичке беззаботной И он, изгнанник перелетный, Гнезда надежного не знал И ни к чему не привыкал. Ему везде была дорога...»* [15, с. 65]; *«Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум»* [15 с. 474].

Любовная лирика у многих поэтов также часто связана с образом дороги, нередко она предстает символом несбывшейся мечты: у Н. А. Некрасова в «Тройке» бедная крестьянка с тоской загляделась на корвета в нарядной тройке, и дорога тут только подчеркивает невозможность соединения судеб: *«Не гляди же с тоской на дорогу, И за тройкой вослед не спеши, И тоскливую в сердце тревогу Поскорей навсегда заглуши!»* [13, с. 10]; у А. С. Пушкина в «Тавриде» юноша спешит за любимой по неизвестной дороге, омывает слезами следы любимой, но ее саму так и не встречает: *«За нею по наклону гор Я шел дорогой неизвестной ... Зачем не смел ее следов Коснуться жаркими устами»* [16, с. 277]; в известной песне на слова Ф. Лаубе двое попытались соединить судьбы возле дороги – не получилось: *«Вот и встретились два одиночества, Развели у дороги костер, А костру разгораться не хочется, Вот и весь разговор...»* [17].

В стихотворениях для детей лексема дорога употребляется достаточно часто. Стихи в принципе укрепляют память, их интересно заучивать детям и затем декламировать, а стихи о дороге еще и развивают фантазию, заставляют задуматься о жизненном пути, о своей жизненной дороге. Особенно много стихов о правилах дорожного движения, что связано с безопасностью поведения на дороге. В игровой стихотворной форме ПДД усваиваются детьми легче, например: *«Утка крикнула: – Кря-кря! Свет зелёный вижу я! Ну-ка, дети, дружно в ногу Перейдём через дорогу!»* (М. Дружинина «Утка») [18]. Дети хотят знать ответ на вопрос, куда ведут дороги, и ответить на него достаточно сложно, но главное, по мнению автора, что в дороге мы находим друзей: *«Я не знаю, что ответить, Хоть и лет мне много. Мы живем на белом свете, Жизнь – и есть дорога ... Мы друзей в пути находим, Не на печке сидя... А куда ведут дороги – Поживем, увидим»* (Н. Байкина «Дороги») [19]. Похожие мотивы и у К. Литвиновой, которая говорит о дороге длиною в жизнь, где можно встретить и приключения, и буераки, по дороге придется и бежать, и спотыкаться: *«По дороге, по дороге, Словно – ручкою в тетрадь, Пишем жизненные строки, И не можем*

исправлять... Делаем свои ошибки, Учим правила, но все ж, То – мосток ужасно гибкий, То – топорщится, как еж» (К. Литвинова «По дороге...») [19]. О том, что пройденную жизненную дорогу нельзя переписать набело, и стихи А. Тарбаевой: *«У каждого своя нелегкая дорога И странствий наших путь неведом и тернист. ...Нельзя переиграть проваленную роль»* (А. Тарбаева «Маршрутный лист») [19]. В отдельных текстах присутствует назидательность: *«В час, когда чаши весов перевесит беда, Может, тогда ты уже не захочешь идти... Но повторит тебе время – наставник нестрогий: – Делай добро и бросай его в пыль на дороге, Чтобы идущие следом не сбились с пути...»* (Н. Юрьева «Дорога»). Дорога – это и Родина: *«Путь-дорога стелешься Лентой бесконечно... С перекрестков, тропочек Начиналась Родина...»* (Е. Чмут «Дорога») [19]. Дорогу – жизненный путь, каждый выбирает сам: *«Дороги будут разные в Пути, Решай же сам, какой тебе идти!»* (Е. Гурова «Дороги разные в пути») [19].

Таким образом, дорога во всей полноте своих значений и смыслов в русской поэзии – это актуальный образ, с дорогой связаны переживания и размышления практически каждого человека, она будоражила и будет будоражить умы не одного поколения как читателей, творческих личностей, так и исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 118–143.
2. Смирнов И. П. Смысл как таковой. СПб. : Акад. проект, 2001. 352 с.
3. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л. : Просвещение, 1972. 271 с.
4. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / под ред. С. Г. Бархударова. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Просвещение, 1971. 542 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. (А-Д) / пер. с нем. и доп. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Изд-е 2-е, стер. М. : Прогресс, 1986. 573 с.
6. Ожегов С. И. Словарь Русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 15-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1984. 815 с.
7. Радищев А. Н. Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?... // Русская литература XI-XVIII вв. / редкол.: Г. Беленький, П. Николаев, А. Овчаренко [и др.] ; сост., вступ. ст., примеч. Л. Дмитриева, Н. Кочетковой. М. : Худож. лит., 1988. 493 с.
8. Лермонтов М. Ю. Выхожу один я на дорогу // Сочинения : в 2 т. Т. 1 / сост. и коммент. И. С. Чистовой ; вступ. ст. И. Л. Андронина. М. : Правда, 1988. 720 с.
9. Гумилев Н. Вечное // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. М. : Воскресенье, 1998. 344 с.
10. Пороль О. А. Библейский мотив пути в лирике акмеистов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11 (147). С. 29–32.
11. Рождественский Вс. Читая Пушкина. Л. : Дет. лит., 1962. 201 с.
12. Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. Т. 1. Минск : Маст. літ., 1986. 735 с.
13. Некрасов Н. А. Избранное. М. : Худож. лит., 1975. 512 с.

14. Симонов К. Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины... [Электронный ресурс]. URL: <https://pishi-stihi.ru/ty-pomnish-alesha-dorogi-smolenshhiny-simonov.html> (дата обращения: 25.04.22).
15. Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. Т. 2. Минск : Маст. літ., 1986. 527 с.
16. Пушкин А. С. Таврида [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/4631/tavrida> (дата обращения: 20.03.22).
17. Лаубе Феликс [Электронный ресурс]. URL: https://45parallel.net/feliks_laube/stihi/ (дата обращения: 25.04.22).
18. 100 лучших стихов про ПДД для детей: изучаем правила [Электронный ресурс]. URL: <https://multi-mama.ru/stihi-pro-pdd> (дата обращения 14.02.22).
19. Стихи про дорогу – вдохновляющая поэзия для детей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hobobo.ru> (дата обращения: 12.03.22).

Секция 3

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
И СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

УДК (811.161.1+811.111)'42

Аникеева Татьяна Владимировна, аспирант кафедры славянских языков
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Республика Беларусь

электронная почта: *tatsiana.anikeyeva@gmail.com*

Tatsiana Vladimirovna Anikeyeva, postgraduate student of Department
of Slavic Languages

Minsk State Linguistic University, Minsk, the Republic of Belarus

e-mail: *tatsiana.anikeyeva@gmail.com*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
РУССКОЯЗЫЧНОГО И АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА «КУЛЬТУРА»

Аннотация. В статье рассматриваются тематические, референциальные и семантико-структурные особенности реализации прецедентных явлений современного художественного текста сферы-источника «Культура». Устанавливаются семантико-структурные параметры сопоставления прецедентов, отражающих актуальные для пространства современного художественного текста реалии и явления внеязыковой действительности.

Ключевые слова: прецедентный феномен; сфера-источник «Культура»; культурный артефакт; метонимический перенос.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PRECEDENT PHENOMENA
OF THE THEMATIC SOURCE «CULTURE»
OF ENGLISH AND RUSSIAN LITERARY TEXT

Annotation. The article deals with the thematic, referential, semantic and structural peculiarities of modern literary text precedent phenomena realization that represent the source «Culture». It states the criteria and semantic and structural parameters of precedent phenomena comparative research that reflect the realities and processes of extra-linguistic reality.

Key words: precedent phenomenon; referential source «Culture»; cultural artefact; metonymic transposition.

Современный художественный текст представляет поле значимых реализаций явлений языка и инотекста. Одним из типов отражения инотекстового знания в пространстве художественного текста на русском и английском

языках выступают прецедентные феномены, которые представляют собой значимые явления, актуальные для представителей лингвокультурного сообщества и рекуррентные для ее представителей [1, с. 216]. Прецедентный феномен, который репрезентирует релевантные для культуры тексты как хранители культурной информации, выступает, наряду с фразеологизмами, одним из наиболее типичных репрезентантов языковой картины мира. Прецедентные явления современного художественного текста выступают в качестве одного из типов реализации средств выражения межтекстовых связей, что позволяет осуществить многоаспектное сравнение и сопоставление исследуемых единиц.

Исследование явлений инотекстового заимствования требует установления критериев сравнительно-сопоставительного анализа, с опорой на которые осуществляется анализ языковых средств репрезентации прецедентных средств современного художественного текста. Реализация прецедентов опирается на комплексное представление нескольких аспектов его реализации, что предполагает многоаспектное исследование как онтологических, так и функциональных особенностей реализации прецедента.

Одним из ведущих параметров сравнительно-сопоставительного исследования прецедентных явлений выступает тематическая реализация прецедентных феноменов. Тематические принципы установления и разграничения прецедентов направлены на выявление актуальных параметров организации прецедента с учетом общности и повторяемости явления в рамках одной сферы-источника. Тематическое разграничение прецедентов требует соотнесения феномена с определенной сферой при помощи особенностей вертикального воспроизведения средств выражения межтекстовых связей. Лингвопрагматический критерий референциального соотнесения явления и сферы-источника опирается на тезис о том, что язык и культура теснейшим образом связаны друг с другом, язык прорастает, развивается и выражает культуру [2, с. 41]. Данный тезис о взаимосвязи культурных и языковых представлений также способствует учету принципа историзма как объединяющего культуру и язык антиномического восприятия динамики-статики [3, с. 225–226]. Тем не менее, в настоящем исследовании явления, отражающие культурные и исторические представления разграничиваются в отдельные сферы-источники с учетом различного типа сегментации и отражения внеязыковых реалий, различной кумулятивности и особенностей представления инотекста в рамках данных сфер.

В культурологическом аспекте актуальность прецедентных феноменов отражена в репрезентации прецедента как вечного или векового образа. Значимость прецедента в данном случае состоит не только в демонстрации диахронической связи, но и в определении эпохальности отдельного факта или события. Выход из спектра актуальных и их сохранение определяется для данных образов их литературоцентричностью, но и также предполагает сохранение их в бесклассовом обществе в силу

трансляции значимых образов и характеристик высокого уровня, которые традиционно будут актуальны для всех представителей лингвокультурного сообщества в силу актуальности их ценностных положений и ориентиров [4].

К числу актуальных репрезентаций явлений сферы-источника «Культура» в русскоязычном тексте относятся тематические реализации имен музыкантов, композиторов, художников Западной Европы и ближнего зарубежья (*Людвиг ван Бетховен, Григорий Сковорода, Антонио Вивальди*), писателей и поэтов (*Лев Толстой, Александр Пушкин*), западных художников (*Фернан Леже*), танцоров и танцовщиц (*Айседора Дункан*); названий праздников (*Пасха, Новый год*), а также широкого спектра артефактов, приобретающих статус внутрикультурных значимых реалий и соотносимых с определенной исторической эпохой (*котурны, инфанта, пионер с горном*). Англоязычный художественный текст широко репрезентирован именами актеров и актрис эпохи раннего Голливуда (*Clark Gable, Paul Newman, Audrey Hepburn*), в том числе сопровождаемых визуальными способами репрезентации прецедентного знания. Артефакт может пониматься как элемент поля дискурсов, который выделяется и определяется в зависимости от целей изучения и вариативно представляется как «старый или новый, неизвестный или повторенный, традиционный или оригинальный, соответствующий общему типу или уклоняющийся от него» [5, с. 262]. Универсальной чертой репрезентации именных и иных номинативных компонентов служит актуализация связи «прецедентный феномен» – «артефакт», в качестве которого понимается черта внешности или иные характеристики прецедентной единицы как имени. Иные актуальные фрагменты не демонстрируют единообразия в способах своего тематического представления, но обладают несколькими основными семантико-структурными особенностями репрезентации, характерными как для англоязычного, так и для русскоязычного художественного текста. Универсальной особенностью воспроизведения семантико-структурной стороны прецедента как в русскоязычном, так и в англоязычном художественном тексте является воспроизведение одной или нескольких черт визуального облика персонажа, которые являются атрибутами понятийного облика прецедентного феномена. Семантизация визуальной составляющей прецедентного образа включает апелляцию к визуальному инварианту, представленному на портретах исторических личностей соответствующей эпохи: «*Да Антонио Вивальди в ужасе заткнул бы уши завитушками своего парика, если бы услышал пару тактов той музыки, которая гремела в “Imagine”*» [10, с. 126–127]. Апелляция к прецеденту осуществляется путем задействования визуального представления о внешности композитора и особенностях портретного искусства данного периода. В данном случае апелляция осуществляется к полотну французского портретиста Франсуа Морелона де ля Кавэ, представляющего известного композитора в белом парике, что являлось типичным способом представления образа известного человека в указанную эпоху [6].

Периферийные представления, актуализируемые в современном художественном тексте представлены широким спектром реализаций сем, связанных с жизнью деятеля, его культурным или творческим наследием, способам его взаимодействия с иными лицами и персонажами, а также представлениями о способах осуществления действий, свойственных персонажу. Последняя категория осуществления персонажами действий представлена метатекстовыми описаниями, позволяющими вербализовать способ осуществления действия определенным персонажем: «Я смотрю на Валентину Ивановну и сам улыбаюсь и радуюсь за нее – счастливы люди, которые умеют так смеяться, так хохотать, как Пушкин, по свидетельству современников, хохотал» [11]. Особенностью репрезентации данных структур является компаративный тип его текстовой реализации, подчеркивающий образность осуществления определенного действия, свойственного деятелю.

Значимыми особенностями реализации средств выражения межтекстовых связей является возможность их репрезентации с опорой на кодовость заимствования инотекста. Трансляция опыта человеческого бытия в соответствии с основными формами реализации прецедентного знания приводит к возможности отражения картины мира, подразделяющейся на научную, философскую, мировоззренческую, религиозную и образную трансляцию знания [7], что отражается в широком спектре кодовых заимствований. Широкий спектр кодовых реализаций свидетельствует о возможности актуализации нескольких типов кодовых соответствий, к числу которых относятся предметный, научный, профессиональный, спортивный и антропонимический код. Реализация предметного кода возможна в свете идеи воображаемого музея, предполагающего, что современный человек сопоставляет между собой элементы и фрагменты различных семиотических рядов, имея возможность как для сопоставления предметов между собой, так и различным образом апеллировать к ним [8, с. 36]. Реализация научного кода осуществляется путем апелляций к научным открытиям и явлениям научной картины мира (*St. Elmo's fire, Heisenberg principle, white noise, лента Мебиуса*). Значимость предметного кода в реализации прецедентного явления состоит в актуализации непосредственной реалии, занимающий объектный слот пропозициональной конструкции в структуре компаратива или простой пропозиции. К числу актуальных оснований предметного кода относятся реализации актуальных наименований, принадлежащих различным сферам (*мементо мори, film stills, girl next door/prison window, Chinese doll, Peruvian flute*), традиционные и новые для культурно-семиотического пространства определенной лингвокультурной общности (*печка, подвода, кастрюля, автоответчик*). Концептуальный план наиболее базисных единиц реализации констант отражен в концептах, принадлежащих к числу обще-

человеческих, и репрезентированных в реалиях и номинациях антропоцентрического кода, реализующих профессиональную, гендерную, возрастную и иные типы реализации представлений об антропоцентрических языковых единицах.

Значимым типом репрезентации прецедентного феномена в пространстве современного художественного текста является реализация стереотипа как языковой единицы, отражающей фиксированные, стереотипные представления о признаках, свойствах и характеристиках, приписываемых представителям определенной нации, культурной и религиозной группы. Данный тип реализации представляет собой сложный национально и культурно-детерминированный тип реализации прецедентного знания, который составляет максимально детерминированный с национальной и культурной точки зрения концепт. В русскоязычном художественном тексте в качестве культурных стереотипов функционирует национально-детерминированное представление о красоте, чести, доблести, символически интерпретирующее значимые типы реализации прецедента [9]: француженка – символ красоты, викинг – символ воинственности и кровожадности. Значимой особенностью англоязычного культурного кода выступает использование стереотипных представлений о рыцарстве и рыцарях как символе благородства и воинской доблести, что отражено в именных компонентах, отражающих легенды о рыцарях Круглого стола.

Проанализированные примеры позволяют сделать несколько выводов относительно особенностей сравнительно-сопоставительных реализаций разноязычных прецедентных феноменов современного художественного текста. Спектр значимых реализаций сферы-источника «Культура» русскоязычного и англоязычного художественного текста демонстрирует общность структурных и структурно-семантических, но не тематических реализаций соответствующих сфер. Унифицирующим критерием сферы-источника «Культура» является использование общих кодовых реализаций, универсальных как для англоязычного, так и для русскоязычного художественного текста. Значимым параметром реализации данных средств является реализация общекультурного кода, опирающегося на представления о визуальном, антропонимическом, научном, спортивном и иных типах кодовых реализаций. Унифицирующим структурным критерием реализации прецедентных феноменов является экспликация компаратива, отражающего образ реализации определенного действия или критерия вне однозначности его репрезентации. Особенностью текстовых реализаций прецедентов русскоязычного художественного текста выступают структурно-семантические характеристики стереотипных прецедентных явлений или действий, выступающих как национально-детерминированные представления о явлении или событии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Леонтьев А. А. Язык не должен быть чужим // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41–47.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. и культура, 1996. 288 с.
4. Нусинов И. М. Вековые образы [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/n/nusinow_i_m/text_1929_vekovye_obrazu.shtml (дата обращения: 30.03.2022).
5. Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманитар. акад., 2004. 416 с.
6. Антонио Вивальди (биография) [Электронный ресурс]. URL: <https://soundtimes.ru/muzыkalnaya-shkatulka/velikie-kompozitory/antonio-vivaldi> (дата обращения: 30.03.2022).
7. Водясова Л. П., Марынова Е. А. Национально-культурные константы и их лингвистическая репрезентация [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/btkli> (дата обращения: 10.04.2022).
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М. : Акад. проект, 2004. 992 с.
9. Романовская А. А. Классические античные символы и их семантико-прагматические функции в современном художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Минск, 2015. 337 л.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИМЕРОВ

10. Служитель Г. М. Дни Савелия. М. : АСТ, 2018. 380 с.
11. Залотуха В. Свечка. Т. 2. URL: <http://surl.li/brmga> (дата обращения: 04.04.2022).

УДК 811.161.1'37

Козлова Татьяна Александровна, преподаватель

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: kazlovatatsianalex@gmail.com

Kazlova Tatsiana, instructor

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: kazlovatatsianalex@gmail.com

РОЛЬ ОЦЕНКИ В СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕСТНОСТИ / НЕЧЕСТНОСТИ

Аннотация: В статье на материале наименований честности и нечестности рассматривается влияние оценки в семантике лексем на их группировку в системе языка, на изменение оценочной направленности лексем при их функционировании в художественном тексте, а также на развитие вторичных значений вследствие изменения типа оценки.

Ключевые слова: оценка, аксиологическая лексика, оценочная шкала, наименования честности / нечестности.

EVALUATION FUNCTION IN THE SYSTEM ORGANISATION OF HONESTY/DISHONESTY NOMINATION

Summary: The paper reveals the influence of evaluation in the semantics of the words denoting honesty and dishonesty on their grouping in the language system, on the shift in the evaluative orientation of lexemes while functioning in the literary text, as well as on the derivation of secondary meanings due to a change in the type of evaluation.

Key words: evaluation, axiological lexicon, evaluation scale, names of honesty / dishonesty.

Наименования честности / нечестности относятся к аксиологической лексике в силу наличия оценочного компонента в семантике единиц. Одним из способов его установления является анализ статей толкового словаря. В научной литературе отмечается два способа фиксации оценочного компонента в словарной дефиниции: вербализация с помощью оценочной лексемы (дискретно) или представленность в семантике других лексем (синкретично) [1, с. 55–57]. Языковые средства обозначения честности / нечестности характеризуются преимущественно последним способом: например, *чистосердечие* – «откровенность, искренность»; *лукавство* – «1. Хитрость, лицемерие». Случаи дискретного представления оценочного компонента в семантике наименований указанных моральных качеств единичны (например, *неподкупность* – «свойство по знач. прил. Неподкупный». *Неподкупный* – «такой, которого нельзя подкупить; *безукоризненно честный* (о человеке)»).

Оценочный компонент в семантике лексических единиц отличает языковую таксономию от природной, поскольку в основе оценки лежит не первичное (онтологическое), а вторичное (субъективное) членение мира [2, с. 12]. Особенность аксиологической классификации связана с группировкой объектов: объединение в группы осуществляется с учётом зафиксированных в семантике противоположных признаков [3, с. 6–7]. Наименования честности / нечестности характеризуются представленностью оценочного признака с противоположной направленностью – положительной или отрицательной. Так, на основании данных «Большого академического словаря русского языка» выявлено 24 обозначения честности (*честность, добросовестность, искренность, бесхитростность* и др.) и 35 обозначений нечестности (*лживость, криводушие, неискренность, двуличность* и др.) [4]. Большая вербализация отклонения от нормы, характеризующей семантику наименований нечестности, объясняется тем, что «повседневность не возбуждает коммуникативных центров» и не интересна для слушателя [5, с. 4].

Параметрический принцип, лежащий в основе оценки, позволяет выявить семы 'количество', 'интенсивность' в семантике соответствующих единиц. Вследствие этого оценочной шкале не свойственна чёткая градуированность, чёткое представление об увеличении или уменьшении оцениваемого признака [6, с. 50]. Данная особенность оценочной шкалы,

свойство нарастания, взаимосвязана со свойством недискретности, предполагающим плавный переход при движении от одного полюса шкалы оценок к другому. Такая поступательность определяет невозможность установления иерархических отношений по признаку интенсивности между единицами с оценочным значением на одном конце шкалы [7, с. 51–53]. Другими словами, сложно установить лексему, обозначающую качество более честного человека (*искренность, открытость, правдивость* или *честность*) или наименее честного (*двуликость, лукавство, фальшивость* или *хитрость*).

Существенную роль при исследовании оценки в семантике единицы играет полный, постоянный и точный анализ словоупотреблений [8, с. 194]. Контекстный анализ наименований честности / нечестности позволил установить количественную асимметрию в пользу большего количества примеров употребления наименований честности (соотношение 3:1).

Особенностью функционирования рассматриваемой лексики в художественном тексте второй половины XX века является способность оценочного компонента изменять направленность в сторону другого полюса шкалы оценок. Модификация оценочного компонента при функционировании лексем в тексте проявляется при сочетаемости с лексемами с противоположным оценочным компонентом в семантике. В указанных случаях проявление честности приводит к нежелательным или неблагоприятным последствиям. Так, в следующих примерах вызываемые отрицательные эмоции, негативные последствия или негативная оценка морального качества свидетельствуют о смещении направления оценки с положительной в сторону отрицательного полюса: *Кривицкий радовался случаю подтрунить над раздражавшей его добросовестностью Усольцева [...] (Д. Гранин. Искатели); – Человеку и так сегодня досталось зря... – А пусть не лезет со своей откровенностью! – отрезал Костя (Г. Полонский. Доживем до понедельника); Обвинению [...] он мог противопоставить только отрицание своей вины и свое убогое простодушие, которое могло лишь повредить ему (Г. Газданов. Эвелина и её друзья). Отмечаются и случаи обратного направления смещения оценки при функционировании лексемы в тексте. Так, одобрение или вызываемая положительная эмоция, сочетаемость с лексемой с положительным компонентом в семантике смещают фокус оценочной направленности с отрицательной в сторону положительного полюса шкалы оценок: *Он любил Ксану. [...] любил коварство в ней и нахальную самообличительность [...] (Н. Кожевникова. В легком жанре); Её лукавство мне по душе (П. Алешковский. Седьмой чемоданчик); Вокруг глаз у бабушки лучиками разбежались маленькие морщинки, а из глаз бежали струйки смеха, привета и чуть заметной умной хитрости (Г. Медынский. Честь). При этом смещение оценочной направленности с положительной на отрицательную более частотно по сравнению с обратным явлением. Таким**

образом, функциональный аспект рассмотрения семантики наименований честности / нечестности позволяет установить, что оценочный компонент влияет на несоблюдение в речи бинарного противопоставления «положительный – отрицательный», характерного для системы языка.

Контекстный анализ наименований честности / нечестности демонстрирует влияние оценочного компонента в семантике исходной единицы на возникновение производных значений вследствие изменения основания и типа оценки. В результате семантического переноса наименований честности / нечестности на свойства объектов других лексико-семантических областей семантика рассматриваемой единицы утрачивает способность именовать качество человека. В случае семантического переноса единицы на другие характеристики человека сема антропоморфности присутствует в качестве дескриптивного семантического компонента, однако характер оценочных сем подвергается изменениям ввиду изменения основания оценки. В случае переноса на другие лексико-семантические области изменению подвергается и дескриптивный (неоценочный) компонент [1, с. 83].

Анализ словоупотреблений честности / нечестности позволяет установить ряд направлений семантического переноса, свойственных рассматриваемой лексике. При этом, учитывая взгляд Ю. Д. Апресяна на то, что *оттенок значения* представляет собой несовпадающие части значения, то есть разницу в значении, оттенки значения отмечаются нами как отдельные направления семантического переноса [9, с. 90]. Наибольшее количество семантических переносов наименований честности / нечестности связано с употреблением данных единиц для обозначения других характеристик человека. Выявлено 15 таких характеристик:

1) семантический перенос на основе метонимической связи «свойство – обладатель свойства»: *Само чистосердечие смотрело чёрными точками зрачков* (Г. Николаева. Битва в пути);

2) характер и другие качества: *врождённую лживость моей уродской натуры* (А. Найман. Любовный интерес);

3) чувства, эмоции и их проявление: *спросил с той же наивностью молодого восторга* (Ю. Бондарев. Берег);

4) внешнее проявление:

• общее впечатление: *И мимика, жесты, где так же мешались правдивость и ложь [...]* (Н. Кожевникова. Внутренний двор);

• лицо: *Лицо Тишкино излучало озорство и лукавость [...]* (В. Астафьев. Последний поклон);

• глаза: *выражение глаз, фальшь в них и искренность [...]* – вот что притягивало (Н. Кожевникова. Внутренний двор);

• голос и характеристика речи: *тронутой искренностью её тона* (Г. Медынский. Честь);

5) поведение: *Вася пустился в напугавшую меня **откровенность*** (В. Астафьев. Последний поклон); *И вдарился я на **хитрость*** (М. Шолохов. Поднятая целина);

6) мышление и интеллектуальная деятельность: *Умозаключению такому нельзя было отказать в **прямотушии** [...]* (Н. Кожевникова. Ловушка);

7) речевая деятельность: *воспротивилась грубой **откровенности** простых слов* (В. Личутин. Любостай); *подтвердил **правдивость** признания* (О. Новикова. Женский роман);

8) результат интеллектуально-творческой деятельности: *Меню восхитило **бесхитростностью** [...]* (Н. Климонтович. Дорога в Рим); *Ведь песенный жанр требовал **правдивости*** (Н. Кожевникова. В лёгком жанре);

9) нация: *Хозяин, скорей всего, удивился **наивности** этого русского* (Ю. Дружников. Виза в позавчера);

10) социальная группа: ***коварство** помешанного* (А. Алдан-Семенов. Красные и белые);

11) место проживания: *В варварских побрякушках этого здания отлично выразился весь дух старого Верного, [...], его **наивность**, его самостоятельность [...]* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей);

12) профессия: *Он не мог поверить, что эти крупные учёные, люди безупречной **честности**, научной **добросовестности**, могли оказаться вредителями, или проходимцами, или врагами народа* (Д. Гранин. Зубр);

13) возраст: *радостный, возвышенный зов совпадал с **чистосердечием** молодости* (П. Алешковский. Седьмой чемоданчик);

14) пол: *ему [режиссёру] нужно её притворство, её **лукавство**. Такова женщина!* (Г. Щербакова. Актриса и милиционер);

15) трудовая деятельность: *Я продолжал **громогласностью**, [...], прикрывать бездарность и даже **недобросовестность** своего исполнения* (Ф. Искандер. Мученики сцены);

Наряду с представленными характеристиками человека частотным является перенос наименований честности / нечестности на свойства представителей животного мира: *Севки Куприянова мерин шагал по земле с особенной **добросовестностью*** (С. Залыгин. Комиссия); *Если бы я писал научно-популярную книгу, я бы прежде всего воспел дрозофилу, сочинил бы нечто вроде оды этому насекомому [...]. Оду за её **откровенность*** (Д. Гранин. Зубр); *В переводе на собачий, Аркадий Максимович был пудель – седые кудри и глаз обморочный, а Сапожников – московская сторожевая – **наивности** побольше и злости тоже* (М. Анчаров. Самшитовый лес). Выявлена способность рассматриваемых единиц называть свойства материальных объектов: *Нечестность людей, превращённая в **нечестность** вещей* (Г. Николаева. Битва в пути), употребляться при апелляции к жизни: *нет черноморской **неправдивости** жизни* (А. Терехов. Каменный мост).

Определённые 18 направлений семантического переноса неравнозначны по степени частотности при доминировании следующих: «Поведение», «Речевая деятельность», «Результат интеллектуально-творческой деятельности», «Животный мир». Именно оценочный компонент в семантике исходной единицы влияет на перераспределение слов в лексических группировках и позволяет наименованиям честности / нечестности входить своими вторичными значениями в другие лексико-семантические области. В основе данного перехода лежит изменение типа оценки: если наименование честности / нечестности характеризуются наличием этической оценки, то производные значения – наличием *интеллектуальной* (при указании на мышление, интеллектуальную и речевую деятельность, результат интеллектуально-творческой деятельности), *эмоциональной* (при указании на чувства и эмоции человека, его внешность), *рационалистических оценок* (отмечаются при характеристике поведения человека, его профессий, трудовой деятельности, социальных групп, при характеристике животного мира, материальных объектов).

Таким образом, наличие оценки в семантике наименований честности / нечестности влияет на распределение единиц на положительные и отрицательные на основании дефиниций толковых словарей. Кроме того, оценка влияет на перераспределение по оценочной шкале данных единиц при их функционировании в художественном тексте вследствие модификации оценочного компонента, а также на переструктурирование лексико-семантических группировок в силу развития вторичных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.
2. Сергеева Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук 10.02.01 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2004. 45 с.
3. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984. С. 5–23.
4. Большой академический словарь русского языка : [в 23 т.]. СПб. : Наука, 2004-2014. 23 т.
5. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки = *Semântica funcional da valorizaçã*o. 2-е изд., доп. М. : УРСС, 2002. 280 с.
8. Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. М., 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 183–195.
9. Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 75–91.

УДК (811.161.1+811.111) '37

Захилько Елена Алексеевна, студент

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *zaxilko@inbox.ru*

Zahilko Elena, student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *zaxilko@inbox.ru*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты семантического анализа имен существительных и имен прилагательных, синонимичных и антонимичных средствам выражения понятия интеллигенция в русском и английском языках.

Ключевые слова: интеллигенция; понятие; значение; лексическая единица; семантический анализ; сходство; различие.

LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT INTELLIGENTSIA

Summary. The results of the semantic analysis of the nouns and the adjectives synonymous and antonymous to the means of expression of concept intelligentsia in the Russian and the English languages are represented in the article.

Keywords: intelligentsia; concept; meaning; lexical unit; semantic analysis; similarity; difference.

Понятие – логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений; идея чего-нибудь, значение – смысл, то, что данное явление, понятие, предмет значит, обозначает [1].

По данным Кембриджского толкового словаря английского языка, слово «понятие» (concept) “an idea or principle”, значение (meaning): “the meaning of words, signs, or actions is what they express or represent” [2].

Значение слова отражается в словаре, а понятие формируется в сознании человека. Одно и то же понятие в сознании разных народов чаще всего формируется по-разному. В связи с этим в разных языках для выражения одного понятия используются разные средства, то есть те лексические единицы, с помощью которых отражается значение определенного понятия в словаре.

Слово интеллигенция как в русском, так и в английском имеет схожее написание. Но при использовании указанного слова русскими и англичанами можно заметить существенное различие, которое нашло отражение и в значении данной лексической единицы.

С целью более детального изучения понятия интеллигенция были проанализированы определяющие понятие *интеллигенция* дефиниции слов, отраженные в русской и английской лексикографической практике. Источниками лексических единиц, используемых в русском и английском языках для выражения понятия *интеллигенция*, послужили авторитетные толковые словари русского и английского языков.

Для достижения цели был применен лексикографический подход к изучению структуры лексико-семантического объединения «Интеллигенция». Лексико-семантическая группа – объединение слов одной части речи с общим основным компонентом значения. Устанавливается такое объединение на основании интегральной семы, входящей в структуру значения определенных лексических единиц [3, с. 18].

На основании анализа структуры указанного объединения были установлены следующие семантические объединения: «Человек», «Общество», «Статус», «Образование», «Интеллект», «Поведение», «Приличие», «Норма», «Богатство», «Бедность» в русском языке, а также «Education», «Intelligence», «Society», «Character», «Ability», «Stupidity» в английском языке.

Для исследования были отобраны имена существительные и прилагательные, синонимичные и антонимичные слову интеллигенция, посредством изучения данных различных словарей двух языков: английского и русского (175 лексических единиц и 223 лексические единицы соответственно).

Для выявления лексических единиц, используемых в указанных языках для обозначения данного понятия, потребовалось провести семантический анализ отобранного материала. С учетом необходимости проведения данного исследования в сопоставительном аспекте был применен сопоставительный метод семантического анализа, который позволил определить семы понятия интеллигенция, являющиеся общими в обоих языках, а также различающиеся. Чтобы установить происхождение вышеуказанного понятия, нами был проведен анализ данных этимологических словарей английского [4] и русского языков [5], по результатам которого выяснилось, что слово интеллигенция заимствовано в английский язык из русского: интеллигенция – в современном значении – возникло в середине XIX в. на базе заимствованного из польского языка сущ. *intelligentia* «сообразительность, понятливость, ум». В других языках – из русского.

В значениях данного слова в обоих языках обнаружены определенные сходства. Это подтверждают также результаты семантического анализа отобранного языкового материала. Общими являются лексико-семантические группы «Общество»/«Society», «Образование»/Education, «Интеллект»/«Intelligence».

Как показали результаты исследования, в обоих языках значение данного понятия включает сему 'образованность'. В связи с этим понятие интеллигенция частично совпадает с понятием *intelligent* в английском языке, что в русском означает 'образованный'.

В ходе более детального анализа имен существительных и имен прилагательных, соотносящихся с понятием интеллигенция в русском языке, было установлено, что с точки зрения русского языка, для того, чтобы называться интеллигентом и относиться к классу интеллигенции, недостаточно быть просто образованным человеком. Согласно данным русской лексикографии, к интеллигенции принадлежат люди, занимающиеся преимущественно умственным трудом. Анализ идентичного материала английского языка показал, что английские лексикографы согласны с мнением русских (как в русском, так и английском языках установлено семантическое поле «Интеллект»/«Intelligence»).

Сопоставление значений понятия интеллигенция в английском и русском языках дало основание для выявления общих сем: ‘образованность’ и ‘занятие умственным трудом’. Следовательно, можно говорить о том, что в понимании как носителей русского, так и носителей английского языков интеллигенция – это люди, имеющие образование и занимающиеся преимущественно умственным трудом (в обоих языках установлены семантические поля «Образование»/«Education» и «Интеллект»/«Intelligence»).

Несмотря на все сходства в значении данного понятия в обоих языках, их носители трактуют значение слова интеллигенция неодинаково. Главное различие в его понимании заложено в нравственно-поведенческом компоненте его значения. Это подтверждает установление таких семантических объединений, как «Поведение», «Приличие», «Норма» в русском языке, тогда как в английском языке указанные объединения установлены не были.

Англичане считают интеллигентным всякого образованного человека (intelligent), занимающегося умственным трудом (семантические объединения «Education» и «Intelligence» включают 49 и 50 лексических единиц соответственно).

Не всякого образованного человека русские назовут интеллигентом. Интеллигенция – люди умственного труда, имеющие образование и специальные знания в различных областях науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом [1]. В статье В. В. Виноградова, посвященной интеллигенции, в качестве примера можно встретить выражение *сельская интеллигенция* [6].

В русском языке понятие интеллигенция прошло несколько этапов в своем становлении. Ю. С. Степанов в своем словаре «Константы русской культуры» отмечает, что слово интеллигенция происходит от латинского слова *intellegentia* и означает самосознание. По словам Ю. С. Степанова, «русская интеллигенция – уникальный случай» [7, с. 688].

С этим мнением нельзя не согласиться, поскольку *интеллигентными* можно назвать людей, обладающих определенными качествами.

Так, В. И. Даль в словаре живого великорусского языка дает такое определение данному понятию: «Интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [8]. Как видно, существует сходство с понятием интеллигенция в сознании носителей английского языка, которые называют интеллигентами образованных людей. *Intelligentsia – very educated people in a society, especially those interested in the arts and in politics* [4].

С. И. Ожегов отмечает, что для того чтобы называться интеллигентным, человек должен заниматься умственным трудом. Однако на современном этапе русские лингвисты выделяют высокие нравственные качества как неотъемлемый фактор, дающий человеку право называться интеллигентом. В частности семантическое объединение «Приличие» включает такие лексические единицы как вежливый, благородный, учтивый, уважительный, почтительный и другие.

Об этом рассуждает Д. С. Лихачев в своей статье «Человек должен быть интеллигентен» [9]. Среди основных качеств интеллигента автор выделяет умение человека услышать и понять другого, готовность прийти на помощь в любой ситуации, способность решить любой спор мирным путем и многое другое. С этой точки зрения, не каждого образованного человека можно назвать интеллигентным. Основание для этого также дают семантические объединения «Поведение», «Приличие», «Норма», установленные в русском языке в ходе анализа отобранного языкового материала.

Сегодня не теряет своей актуальности вопрос об интеллигенции. Эта проблема привлекает внимание исследователей. В работе была предпринята попытка разобраться в данном вопросе посредством семантического анализа лексических единиц, входящих в структуру семантического поля понятия интеллигенция в русском и английском языках. В английской и русской лексикографии это понятие имеет сходства и различия. Разные семантические объединения лексических единиц, синонимичных и антонимичных понятию интеллигенция, были установлены в английском и русском языках, что дает основания говорить о том, что англичане и русские понимают интеллигенцию по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 сл., терминов и фразеолог. выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс, 2009. 1359 с.
2. Cambridge International. Cambridge : Univ. Press, 2008. 1799 p.
3. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.
4. Barnhart R. K. The Barnhart Concise Dictionary of Etymology. New York : Harper Resource, 1995. 916 p.
5. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прозерпина : Школа, 1994. 400 с.
6. Виноградов В. В. История слов : ок.1500 сл. и выражений и более 5000 сл., с ними связанных / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. 1138 с.
7. Степанов Ю. С. Константы : слов. рус. культуры. 2 изд., испр. и доп. М. : Акад. проект, 2001. 989 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.
9. Лихачев Д. С. Человек должен быть интеллигентен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 03.04.22).

УДК (811.161.1+811.111)'37'42

Данилюк Дарья Андреевна, студент
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь
электронная почта: *ekuriga@mail.ru*

Daniliuk Daria, student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *ekuriga@mail.ru*

МИФОНИМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Исследование посвящено выявлению особенностей семантики, системной организации и функционирования мифонимов в английском и русском языках в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: миф, мифоним, античный символ, системная организация единиц языка, лексико-семантическая группа.

MYTHONYMS IN ENGLISH AND RUSSIAN POETIC TEXTS

Summary. The study is devoted to identifying the features of semantics, systemic organization and functioning of mythonyms in English and Russian languages in a comparative aspect.

Key words: myth, mythonym, ancient symbol, systemic organization of language units, lexico-semantic group.

Культура национального сообщества неизбежно связана с его языком. Развиваясь на протяжении столетий, общество формирует свои ценности и мировоззрение, которые проходят через призму языка. Мифология является одной из форм отражения истории и культуры. Мифы как источники мифологических имен представляют собой сложное явление. Будучи народным сказанием о героях и богах, о явлениях природы и причинах этих явлений, мифы выполняют важную функцию элемента культуры: они передаются из поколения в поколение, обеспечивая преемственность культуры, передачу информации об античном творчестве, а также о понимании мира той эпохи, при которой миф был создан. В содержание мифов входят мифонимы. По определению А. В. Суперанской, мифонимы обозначают «именования людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т.п., в действительности никогда не существовавших» [1, с.180]. Как языковые знаки, имеющие

двойственную природу, мифонимы актуализируются в текстах разных жанров, выступая в роли метафор и аллегорий, имеющих эстетическую ценность.

Слово «миф» буквально означает предание, сказание. Под ним в широком смысле понимаются «сказания о богах, духах, обожествленных или связанных с богами своим происхождением героях, о первопредках, действовавших в начале времени и участвовавших прямо или косвенно в создании самого мира, его элементов как природных, так и культурных» [2, с. 634–635]. Миф находит свое выражение через систему символов. Символ рассматривается исследователями как наиболее заметная частица культуры, подобная молекуле физического мира. Он позволяет связать внешнее и внутреннее, соотнести невидимую идею с предметностью видимого мира. В процессе развития культуры и науки понятие «символ» переосмысливается и дополняется, приобретает все новые трактовки: символ как архетип, как знак, как образ. В работе будет использоваться определение символа, установленное А. А. Романовской: античный символ рассматривается как особый языковой знак, план содержания которого имеет двойственную природу (с одной стороны, символ отражает и конструирует миф/мифологическое содержание, а с другой – образ его иконы/иконическое содержание) [3, с. 4].

Для мифа, как указывает Е. М. Мелетинский, характерна замена причинно-следственных связей прецедентом. В мифе имеет место совпадение описание модели мира и повествование о возникновении его отдельных элементов, природных и культурных объектов, о деяниях богов и героев, определивших его нынешнее состояние. Мифологические тексты, являясь источниками мифонимов и информации о них, представляют собой прецедентные тексты. Под этим явлением мы понимаем «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современность, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». Для проведения исследования главным понятием выступает прецедентное имя, подразумевающее широко известное имя собственное, которое используется в тексте не для обозначения определенного человека, города или иного наименования, а в качестве культурного знака или символа конкретных свойств, качеств, событий. Имя собственное в свою очередь является особым лингвистическим знаком, план содержания которого формируется несколькими взаимосвязанными элементами значения. Эти компоненты семантической структуры являются определяющими в формировании потенциала имени собственного на разных уровнях, в том числе на уровне текста. При этом стоит отметить, что многие имена собственные могут переходить в категорию имен

нарицательных. Данное явление обогащает словарный состав языка. Однако стоит учитывать, что имя нарицательное соотносит объект или группу объектов с конкретным классом, а имя собственное связано с индивидуальным предметом или несколькими одноименными предметами, но не соотносит их с классом предметов. При переходе из одной категории в другую имя собственное приобретает новое для себя значение. Для перехода имени собственного в имя нарицательное, необходимы два условия. Во-первых, явление, предмет или реалья, составляющая план содержания онима, приобретает достаточную известность у всех представителей определенного лингвокультурного сообщества; во-вторых, конкретное имя собственное перестает ассоциироваться с одним определенным объектом, становясь, таким образом, типичным для многих похожих друг на друга людей, объектов, реалий.

По мнению Л. В. Валеевой, миф как многомерное и диалектически сложное явление может быть рассмотрен и как «форма, мотивированная смыслом, и как сущность, трансформируемая означаемым» [4, с. 222]. Семиотическая природа мифа при таком подходе соотносится с особенностями и закономерностями его вербальной репрезентации, анализ которых требует устойчивой терминологической базы. В семиотическую структуру мифа Л. В. Валеева включает следующие понятия: мифологема, мифема, мифос, мифоним.

Наиболее широкий диапазон значений у мифологема. Мифологема выполняют роль культурных констант и определяют стабильность существования общества путем стабилизации его культурной системы. Мифологема определяют логику возникновения отдельных текстов культуры, имеющих мировоззренческое значение и направленных на формирование у членов сообщества целостного представления о себе, окружающем мире, цели и назначении своего коллективного существования. В архаичной культуре мифологема в составе мифа выполняли адаптационную, коммуникативную, познавательную, регуляционную функции, которые частично сохранились и современной культуре. Таким образом, при рассмотрении мифологема как устойчивого культурного паттерна представляется возможным определить ее как содержательное основание мифа.

Мифема трактуется в литературе и как знак мифа, и как смысловое целое мифа, номинирующего ядерные элементы содержания [4, с. 222-223].

Под мифосом принято понимать базис сознания, первичный и недифференцируемый опыт переживания мифа в его целостности. Эта первичная целостность, нерасчлененность и непротиворечивость выступает фундаментом культурного смыслополагания [5, с. 154].

Мифоним представляет в языке имя мифического персонажа и фантастического существа. Значение термина может быть более широким: явления природы или культуры в персонифицированной, вымышленной

форме. Теория мифонима основывается на вербализации мифологемы, оформленной в текст (миф, сказку, легенду) и отражающей первичное, иррациональное мировосприятие человека. Традиционные мифы помогают онтологически освоить мир, поэтому они требуют связного и художественно организованного текста.

Мифологическая лексика отличается большим набором единиц в русском и английском языках, при их изучении и сопоставлении важно помнить о рассмотрении системной и функциональной составляющих значения единиц. Словарная номинация неразрывно связана с употреблением и функционированием лексической единицы. Тем не менее, данные аспекты не следует соединять в одно целое, поскольку при изучении слова в словаре каждая из сем и элементов значения играет роль, в то время как при рассмотрении функциональной стороны лексической единицы – или же слова в контексте, что, в частности, одно и то же – во внимание будет приниматься главная сема, которая устанавливает общее значение слова. Мифонимы, являясь знаками вторичной системы, в большинстве представляют полисемантические единицы. Парадигматический и синтагматический аспекты характеризуют отношения между значениями полисемантического слова, одновременно дополняя друг друга, иллюстрируя включенность слова в систему языка. В словарях русского и английского языков отражены 27 мифонимов, которые выражают имена древнегреческих богов и мифических существ (*Цербер*, *Сцилла*). При сопоставлении сем мифонимов было обнаружено, что наименования 13 мифонимов имеют одинаковую образную сему, которая конденсирует содержание и мифа и включает в себе не прямую отсылку к мифу, а лишь «намек» на него, который необходимо расшифровать в контексте, чтобы корректно интерпретировать символ. Например, *Адонис* «прекрасный юноша», *Аполлон* «хорошо сложенный, красивый юноша, молодой мужчина», *Аргус* «бдительный человек», *Цербер* «опасность», *Геракл* «человек выдающейся силы». В контексте данное значение может уточняться дополнительными лексическими средствами (например, *Арес* в произведении «Психея» В. Я. Брюсова употребляется в строках с лексическими сочетаниями «дерзкий взор», «злой вздох».) или же приобретать положительную или отрицательную коннотацию (в произведении Д. С. Мережковского «Смех богов» *Одиссей* предстает символом страдания, который подтверждается употреблением эпитета «скиталец бедный», сравнения «как обломок корабля», метафор «ужасом томим», «покрытый черной тinouй», однако *Одиссей* известен так же и своей коварностью и хитростью).

В современном русскоязычном и англоязычном текстах мифонимы выступают как античные символы – особые языковые знаки, план содержания которых имеет двойственную природу (с одной стороны, символ отражает и конструирует миф/мифологическое содержание, а с другой – образ его иконы/иконическое содержание) [3, с. 4]. Называя имена реальных

мифов, эти символы подразумевают новое значение, которое уже стало привычным для носителей русского и английского языков. Новое образное значение базируется на тексте мифа, впитывая в себя основные черты персоны мифа, чтобы затем оно использовалось в метафоричном значении [6, с. 23–26]. Свернутое содержание мифа в мифониме как знаке демонстрирует функцию конденсационности содержания: архивный материал остается в значении слова, при необходимости его можно восстановить [6, с. 31]. Так, *Морфей* трактуется как «бог сновидений, сын бога *Гипноса*, изображается молодым крылатым юношей», источником значения является текст мифа; основанное на нем образное, символическое значение – «о сне со сновидениями». Как и у любого языкового знака, план содержания символа отражает содержание мифа и иконическое содержание, в связи с чем он имеет определенные лингвистические характеристики, реализующих единство природы символа, например, метафоричность и образность. В связи с этим многие мифонимы в русскоязычной лексикографии имеют помету «поэт.», которое указывает на выразительный потенциал данных единиц. В поэтическом тексте мифонимы могут выступать в роли тропов, придавая тексту метафоричность. Еще одной отличительной функцией мифонимов является их способность знака находиться в сознании представителей народа на протяжении столетий, передаваясь из поколения в поколение, и при этом быть готовым к употреблению и пониманию в необходимый момент [6, с. 27]. Примечательно, что данная функция реализуется в обоих исследуемых языках.

Таким образом, мифонимы в поэтическом тексте являются античными символами – особые языковые знаки, план содержания которых имеет двойственную природу [3, с. 4]. Символ, выступая в роли метафоры, реализуется в поэтическом тексте и приобретает новые элементы значения на основании образности, которая лежит в основе мифологического значения символа. В поэтическом тексте символическая семантика мифонимов определяется на основании семного анализа их значений, а также на основании семантического анализа поэтического контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : ЛКИ, 2007. 368 с.
2. Мелетинский Е. М. Мифологический словарь. М. : Совет. энцикл., 1990. 690 с.
3. Романовская А. А. Классические античные символы и их семантико-прагматические функции в современном художественном : автореф. ... дис. д-ра филол. наук : 10.02.19 / Мин. гос. лингвист. ун-т. Минск, 2016. 48 с.
4. Валеева Л. В. Семиотическая модель мифа в языке // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 1-1. С. 220–224.
5. Раздьяконова Е. В. Онтологическая функция мифа: миф как бытийная связь между «Мифосом» и «Логосом» // Известия ТПУ. 2010. № 6. С. 153–156.
6. Романовская А. А. Античная символика и ее семантико-прагматические функции в современном художественном тексте. Минск : МГЛУ, 2013. 308 с.

УДК 811.111'37'42

Шестакова Евгения Владимировна, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *yeshestakova7@gmail.com*

Shestakova Evgeniya, Postgraduate Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *yeshestakova7@gmail.com*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале английского языка)

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства выражения оценки в английском языке. Исследуются особенности реализации оценочных значений в дипломатическом дискурсе на материале выступлений официальных представителей Великобритании в ООН.

Ключевые слова: оценка; оценочность; дискурс; институциональный дискурс; дипломатический дискурс; языковые средства

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING EVALUATION
IN DIPLOMATIC DISCOURSE
(based on the material of the english language)

Summary. The article describes the lexical means of expressing evaluation in English. It analyses the features of the means of expressing evaluation in diplomatic discourse on the material of the speeches of the official representatives of Great Britain at the UN.

Key words: evaluation; discourse; institutional discourse; diplomatic discourse; language means.

Взаимодействие человека и окружающего мира находит отражение в языке в различных аспектах, среди которых особое место занимает оценочный аспект. Оценка – это ценностное отношение субъекта к объекту, в основе которого лежат признаки ‘хорошо’/‘плохо’. Оценочность представляется как особый компонент значения языковых выражений и, как отмечает Е. М. Вольф, в том или ином виде прослеживается в любых видах текстов, даже если выражается имплицитно [1, с. 207].

Отметим, что оценочность рассматривается не как неустойчивое проявление субъективного фактора языка, а в ее зависимости от дескриптивной составляющей семантики слова [2, с. 5]. А. А. Романовская отмечает, что оценочная семантика не закрепляется за определенной лексикой, а пронизывает широкое пространство лексико-семантической сферы языка. В связи с этим представляется важным рассматривать оценку (оценочность) как

ценностное отношение субъекта к окружающей действительности, выраженное прежде всего в словесной форме, и как компонент значения широкого круга языковых единиц [2, с. 109–110].

Н. Д. Арутюнова подчеркивает контекстуальную обусловленность оценки. Так, для правильной интерпретации оценочных значений необходимо идентифицировать, какую категорию предметов они характеризуют, к какому времени относятся, кто является адресатом текста [3, с. 6]. Изучение оценки в дипломатическом дискурсе позволяет выявить весь спектр средств ее выражения и особенности реализации оценочных значений в данном типе дискурса.

Дискурс в рамках лингвистической науки представляется комплексным понятием. Дискурс приравнивается к речи и к тексту, противопоставляется им или рассматривается как объединяющее их понятие. В нашей работе мы придерживаемся подхода, который нашел широкое описание в литературе, согласно которому дискурс рассматривается как текст или набор текстов, погруженных в общение. Такого подхода придерживается Н. Д. Арутюнова, которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [4, с. 136].

Социолингвистический подход к исследованию дискурса (работы В. И. Карасика, М. Л. Макарова, Е. И. Шейгал и др.) имеет в своей основе выделение институционального и личностно-ориентированного типов. Институциональный дискурс понимается как взаимодействие представителей определенного социального института и предполагает использование определенной системы профессионально-ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком (специальной лексикой) [5, с. 24]. Дипломатический дискурс рассматривается нами как вид институционального дискурса, так как дипломатическая коммуникация ограничена коммуникативным пространством института дипломатии. В рамках дипломатического дискурса выделяется особая система терминов и клишированных фраз, объединенных понятием ‘дипломатический язык’, что также позволяет рассматривать дипломатическую коммуникацию как отдельный тип институционального дискурса.

Цели дипломатического дискурса, среди которых выделяются стремление к сотрудничеству, мирное разрешение конфликтов, интеграция, многостороннее взаимодействие, определяют характер дипломатических языковых единиц. Несмотря на то, что для дипломатического языка характерна клишированность и дипломаты стремятся к нейтральной интерпретации событий, дипломатические тексты не лишены единиц с оценочной семантикой. Целью данной статьи является выявление и описание лексических и синтаксических средств выражения оценки на материале 30 текстов выступлений официальных представителей Великобритании на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН за период с 2019 по 2021 годы, представленных в Системе официальной документации ООН (<https://documents.un.org/>).

Средства, которые используются в дипломатическом дискурсе для выражения оценки, прослеживаются преимущественно на лексическом уровне языка. Большое разнообразие оценочной семантики обнаруживают в первую очередь имена прилагательные. В текстах выступлений выявлены как общеоценочные прилагательные (*good* ‘хороший’, *bad* ‘плохой’, а также их синонимы с экспрессивными оттенками *amazing* ‘замечательный’, *excellent* ‘отличный’), так и прилагательные частной оценки, согласно классификации Н. Д. Арутюновой [3, с. 75–76]. Особенностью дипломатического дискурса является стремление использовать прилагательные общей оценки с положительным значением и не прибегать к экспликации общей отрицательной оценки: *May I begin by joining you, Mr. President, in warmly thanking our co-facilitators [...] for their excellent work on this text (A/75/PV.55)*. ‘Г-н Председатель, прежде всего позвольте мне присоединиться к Вам и тепло поблагодарить наших кураторов [...] за **отличную** работу над этим текстом’ (здесь и далее перевод официальный (ООН)).

Среди частнооценочных значений в дипломатическом дискурсе преобладают рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека, а именно:

1) телеологические оценки (*effective* ‘эффективный’, *efficient* ‘действенный’, *successful* ‘успешный’, *ineffective* ‘неэффективный’, *inefficient* ‘недейственный’ и др.): *The United Kingdom therefore continues to work towards a more efficient and effective humanitarian system (A/74/PV.49)*. ‘Поэтому Соединенное Королевство продолжает работать над созданием более **эффективной** и **действенной** гуманитарной системы’;

2) нормативные оценки (*right* ‘правильный’, *transparent* ‘ясный’, *acceptable* ‘приемлемый’, *appropriate* ‘допустимый’, *wrong* ‘неправильный’, *unacceptable* ‘неприемлемый’, *controversial* ‘противоречивый’ и др.): *We should build trust in each other's actions, define acceptable and unacceptable behaviour (A/C.1/74/PV.17)*. ‘Мы должны укреплять взаимное доверие, определять **приемлемое** и **неприемлемое** поведение’;

3) утилитарные оценки (*useful* ‘полезный’, *favourable* ‘благоприятный’, *useless* ‘бесполезный’, *unfavourable* ‘неблагоприятный’ и др.): *I am very grateful to Ambassador Langeland for his extremely useful briefing and expert chairing of the process (A/C.1/74/PV.10)*. ‘Я весьма признателен послу Лангеланну за его крайне **полезный** брифинг и умелое руководство этим процессом’.

Данные примеры демонстрируют, что частнооценочные прилагательные широко используются в дипломатическом дискурсе при указании на эффективность или пользу объекта, а также на соответствие объекта определенному стандарту.

Особое место в дипломатических текстах занимают прилагательные, используемые для выражения оценки по параметру ‘важность’/‘неважность’ (*important* ‘важный’, *essential* ‘важный’, *fundamental* ‘основной’, *vital*

‘жизненно необходимый’, *invaluable* ‘неоценимый’ и др.). Употребление таких прилагательных объясняется стремлением дипломатов подчеркнуть значимость тех событий и действий, в поддержку которых они выступают: *Women’s involvement is essential to sustainable peace* (A/75/PV.40). ‘Женщинам принадлежит **главная** роль в построении устойчивого мира’. *Their voice is invaluable and irreplaceable* (A/75/PV.55). ‘Их голос **бесценен** и **незаменим**’.

В дипломатических текстах выявлены прилагательные, используемые для выражения эмоциональной оценки (*sincere* ‘искренний’, *sensitive* ‘деликатный’, *vulnerable* ‘уязвимый’, *tragic* ‘трагичный’, *horrifying* ‘ужасающий’, *dangerous* ‘опасный’ и др.), которые помогают сделать акцент на оцениваемом событии или более эффективно воздействовать на аудиторию: *We take this opportunity to express our sincere appreciation for the hard work of co-facilitators* (A/75/PV.74). ‘Пользуясь этой возможностью, мы хотели бы выразить нашу **искреннюю** признательность сокоординаторам за напряженную работу’. *The horrifying reports of attacks [...] are chilling examples of the devastating effects on civilians* (A/73/PV.94). ‘**Ужасающие** сообщения о нападениях [...] свидетельствуют о **пагубных** последствиях для гражданского населения’.

К языковым средствам выражения оценки относятся наречия, которые служат преимущественно для интенсификации и описания признаков, выраженных прилагательными и причастиями, или уточнения действий, выраженных глаголами (*effectively* ‘эффективно’, *actively* ‘активно’, *collectively* ‘коллективно’, *highly* ‘в высшей степени’, *simply* ‘просто’, *totally* ‘полностью’ и др.): *I totally reject this anti-scientific pessimism* (A/74/PV.4). ‘Я **полностью** отвергаю этот антинаучный пессимизм’. *Today, the world is increasingly reliant on space assets* (A/C.1/74/PV.20). ‘Сегодня мир **все больше** зависит от космических систем’.

Важное место среди языковых средств выражения оценки занимают имена существительные. В дипломатическом дискурсе обнаруживаются существительные с положительным оценочным значением (*progress* ‘прогресс’, *balance* ‘баланс’, *equality* ‘равенство’, *support* ‘поддержка’, *development* ‘развитие’, *peace* ‘мир’ и др.), которые используются при описании тех предложений, которые помогут разрешить конфликт: *We believe that the success [...] is contingent on equity and access to treatment, [...], as well as full equality for all under the law* (A/75/PV.74). ‘Мы считаем, что **успех** [...] зависит от обеспечения **равноправного доступа** к лечению [...], а также полного **равенства** всех перед законом’.

Существительные отрицательной оценки (*abuse* ‘насилие’, *violence* ‘жестокость’, *crime* ‘преступление’, *threat* ‘угроза’, *attack* ‘атака’ и др.) выявлены в описаниях происходящих конфликтов и сохраняющихся проблем, к которым стремятся привлечь внимание представители страны: *With the Syrian crisis in its eleventh year, there can be little doubt that the conflict is one of the most terrible human disasters of the twenty-first century*

(A/75/PV.60). ‘Сейчас, когда сирийский **кризис** вступил в свой одиннадцатый год, вряд ли можно **сомневаться** в том, что этот **конфликт** является одной из страшнейших человеческих **трагедий** двадцать первого века’.

В дипломатическом дискурсе оценочность характерна и для глаголов. Оценочный компонент присутствует прежде всего в глаголах, которые используются для указания на отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств объекта (*to support* ‘поддерживать’, *to condemn* ‘осуждать’, *to welcome* ‘приветствовать’, *to respect* ‘уважать’ и др.): *We condemn any use of both chemical and biological weapons* (A/C.1/74/PV.13). ‘Мы **осуждаем** любое применение как химического, так и биологического оружия’. *We welcomed France’s initiative in convening a first meeting [...]* (A/C.1/74/PV.3). ‘Мы **приветствуем** инициативу Франции по созыву первого совещания [...]’.

Субъективное отношение говорящего к объекту в английском языке выражается с помощью такой неличной формы глагола, как причастие. В дипломатическом дискурсе широко используются причастия *concerned* ‘обеспокоенный’, *determined* ‘решительно настроенный’, *unwavering* ‘непоколебимый’: *We remain deeply concerned about the political and human rights situations* (A/75/PV.87). ‘У нас вызывают глубокую **обеспокоенность** политическая ситуация и положение в области прав человека’. *The United Kingdom remains unwavering in its support [...]* (A/75/PV.87). ‘Соединенное Королевство **неизменно выступает** в поддержку [...]’.

Оценочные компоненты содержатся также в глаголах *to destroy* ‘разрушать’, *to violate* ‘нарушать’, *to combat* ‘бороться’, *to eliminate* ‘искоренять’, *to threaten* ‘угрожать’ и др.: *Its military and financial support to a range of actors violate Security Council resolutions and destabilize the Middle East and threaten the security of Europe* (A/C.1/74/PV.19). ‘Оказание военной и финансовой поддержки целому ряду субъектов **нарушают** резолюции Совета Безопасности, а также **дестабилизируют** Ближний Восток и **угрожают** безопасности Европы’. В рассмотренных примерах присутствует эмоциональная оценка, использование анализируемых глаголов продиктовано стремлением к интенсификации описываемых действий.

На основании анализа текстов выступлений официальных представителей ООН на английском языке установлено, что оценка в дипломатическом дискурсе находит выражение преимущественно на лексическом уровне языка. Средствами выражения оценки в текстах выступлений являются общеоценочные и частнооценочные прилагательные; среди частнооценочных прилагательных преобладают единицы, выражающие рационалистическую оценку. Оценка выражается наречиями, которые служат преимущественно для интенсификации признаков. Положительная и отрицательная оценка выражается именами существительными и глаголами. Оценочный компонент присутствует прежде всего в тех глаголах и причастиях, которые выражают отношение субъекта к объекту, а не указывают на свойства объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19. Волгоград, 2000. 431 л.

УДК 811.161.1'38'42

Урбанович Ия Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь
электронная почта: *urbanovich2@tut.by*

Urbanovich Iya, Candidate of Philological Sciences
Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *urbanovich2@tut.by*

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье представлен исторический обзор развития публицистического стиля, его современное состояние как одного из форм современного русского литературного языка.

Ключевые слова: публицистический стиль; история; стилистика; функции; подстили.

PUBLICISTIC STYLE: HISTORY AND MODERNITY

Summary. The article presents a historical overview of the development of journalistic style, its current state as one of the forms of the modern Russian literary language.

Key words: journalistic style; history; stylistics; functions; substyles.

Общеизвестно, что литературный язык обслуживает все сферы и ситуации официального и неофициального общения, делопроизводства, СМИ, художественной литературы и т.д. В связи с этим возникает вопрос выбора тех или иных лингвистических средств передачи мысли для определенной коммуникативной задачи, соответственно происходит расслоение лексики

в зависимости от определенных стилей. Основными стилями в современном русском языке являются научный, официально-деловой, газетно-публицистический, разговорный стили, а также язык художественной литературы.

Каковы предпосылки формирования будущего публицистического стиля в русском языке? Многие исследователи справедливо считаются источником зарождения и развития публицистического стиля появление и развитие древнерусской литературы, в которой изначально не существовало разграничения стилей («Поучения Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве» и др.). Безусловно, на развитие стиля оказывали влияние те или иные исторические события, которые в последующем находят свое отражение в письмах, очерках, документальных произведениях ряда общественных деятелей (М. М. Щербатов, А. Н. Радищев, А. П. Сумароков, Н. И. Новиков и др.).

Свое влияние на становление публицистического стиля оказывает появление первой русской газеты «Ведомости». В XIX веке появляются общественно-значимые журналы с различной направленностью (Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев и др.). Развитие публицистики XX века знаменуется событиями двух революций, Первой и Второй мировых войн. В дальнейшем на становление стиля оказывает влияние советская действительность, которая порождает такие знаковые личности, как А. Толстой, Н. Тихонов, Л. Леонов, И. Эренбург, В. Вишневский и др.

Исследуется природа стиля как языкового явления. Так, исследователи М. И. Иванова и Н. И. Клушина, анализируя лингвистическую природу публицистического стиля, выделяют три этапа становления публицистики: первый – «исторический» – формирование публицистики на стыке литературной и деловой речи как особой формы русского языка, <...> автор выражает в тексте авторскую позицию и авторскую оценку достоверных фактов, что и становится конституирующими признаками публицистики. Второй этап развития публицистики связан с формированием в отечественной науке функциональной стилистики, описавшей и узаконившей систему функциональных стилей русского языка <...>. Третий этап – новейшее время, когда под влиянием экстралингвистических факторов (особенно Интернета) публицистика трансформируется, приспособившись к новой медиаккультуре» [1, с. 51-52].

Начиная с середины XX века теория функциональных стилей разрабатывается советскими учеными-лингвистами (В. В. Виноградов, Р. А. Будагов, Д. Н. Шмелев и др.). В 60-е годы XX века формируется костяк концепции функциональной стилистики, когда наряду с выделением научного, официально-делового, литературно-художественного, разговорного стилей свое определение получает и публицистический стиль, который отличается от остальных воздействующей функцией языка.

С развитием литературного языка трансформировалось понятие публицистического стиля, который изначально подразумевался как газетно-публицистический – по ведущей роли газетной периодики. Далее понятие преобразуется в публицистический стиль, связанный с развитием теле- и радиовещания, а затем, с развитием и распространением интернета, – массмедийный стиль. С качественным развитием СМИ изменяются его стилевые особенности: переняв от литературно-художественного стиля образность и экспрессивность, он может сохранять и отсутствие образности, нейтральность, объективность, то есть, сочетает в себе как черты литературно-художественного стиля, так и черты информационно-делового подстиля.

По мнению Г. Я. Солганика, «если ранее, в XIX в., понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает газетно-публицистический стиль, шире – язык журналистики, массовой коммуникации. Актуальность МК определяется во многом глубоким общественным интересом к ее содержанию» [2, с. 11].

Развитие публицистического стиля продолжается, расширяются его жанровые границы, куда по праву включены различного рода аналитические отчеты, журналистские расследования, интервью, резюме, пресс-релизы, очерки, фельетоны и др. Деление публицистических жанров (более 400 разновидностей) происходит согласно доминирующей информации, в связи с этим выделяются такие жанры, как информационные, аналитические и художественно-публицистические.

Публицистический стиль вбирает в себя всю неоднородность стилистических средств, сочетающих в себе эмоционально окрашенную лексику и стандартизацию. Используя узуальную лексику, характерную для современного времени, авторы нередко прибегают к созданию языковых неологизмов: лексических, фразеологических, словообразовательных, синтаксических. Необходимость передачи актуальности информации заставляет порождать окказиональные формы его выражения, что в свою очередь оказывает влияние на развитие языковой нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова М. В., Клушина Н. И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 1. С. 50–62.
2. Солганик Г. Я. Место языка СМИ в литературном языке. Перспективы развития // Мир русского слова. 2008. № 2. С. 9–18.

УДК 81'27'42:070(476)

Солодовникова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук,
доцент

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

электронная почта: *tatianasolodovnikova2015@gmail.com*

Saladounikava Tatiana, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus

e-mail: *tatianasolodovnikova2015@gmail.com*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ БЕЛОРУССКОЙ РЕКЛАМНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются доминирующие ценностные ориентиры белорусской рекламной медиакоммуникации. Делается вывод о двоякой сущности рекламной медиакоммуникации: как отражения актуальных аксиологических приоритетов той или иной лингвокультуры и средой конструирования / деконструкции определенных нравственно-ценностных структур, инструментом формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: реклама; медиакоммуникация; аксиология; ценности; доминанты; национальная идентичность.

AXIOLOGICAL DOMINANTS OF BELARUSIAN ADVERTISING MEDIA COMMUNICATION

Summary. The article examines the dominant value orientations of the Belarusian advertising media communication. The conclusion is made about the twofold essence of advertising media communication: as a reflection of the actual axiological priorities of a particular linguistic culture and the environment for the construction / deconstruction of certain moral and value structures, a tool for the formation of national identity.

Key words: advertising; media communication; axiology; values; dominants; national identity.

Как показывает исторический опыт, именно в переходные эпохи обостряется интерес и к аксиологической проблематике – философскому учению о бытии истинных ценностей, фундирующему целеполагающую и оценочную деятельность человека и позволяющему ему эффективно функционировать в обществе. Ценностное сознание при этом рассматривается как глобальная этика эпохи мировой интеграции. В условиях постоянно меняющихся тенденций общественного развития становится очевидной приоритетная роль рекламной коммуникации в решении одной из важнейших задач – формирования ценностного сознания и позитивной государственной идеологии.

Очевидно, что культурно-цивилизационная динамика, обусловленная процессами глобализации, постмодернизации и информатизации, находящая отражение и в рекламных нарративах, привела к переосмыслению многообразия нравственно-ценностных установок и их единства.

Для иллюстрации данного положения обратимся к анализу наиболее успешных «видимых» рекламных кампаний в Беларуси в период с января 2020 по июль 2021 гг., представленных на авторитетных профессиональных ресурсах о маркетинге и рекламе, объединяющих рекламную аналитику информационно-коммуникационного пространства Беларуси [0]. Для анализа выбрано несколько рубрик ресурсов – «Рекламные кампании», «Кейсы», «Социальная реклама», а также социальные рекламные кампании, представленные на сайтах Министерства внутренних дел Республики Беларусь [0], Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [0]. В результате составлен исследовательский корпус, включающий 128 единиц белорусских рекламных кампаний.

Согласно результатам нашего исследования, коррелирующего с итогами крайних социологических опросов, в белорусском обществе на фоне общей «макдональдизации», в качестве некой реакции на нарастающий тренд унификации нравственно-ценностных структур, имеется высокий запрос на самоопределение, потребность в консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях – 56 %. Специфика белорусской рекламной коммуникации проявляется в попытке «выстраивания» современного образа белоруса, национальной идентичности, посредством рекламных нарративов и невербальных кодов, актуализирующих такие ценности как «семья», «традиции», «качество», «уважение», «дом», однако подобный аксиологический подход прослеживается преимущественно на примере деятельности пивоваренных компаний и единичных брендов («Лидское пиво», AIDA Pioneer Branding&Creative и ЗАО «Бобруйский бровар», «Рэчыцкае»). Четко прослеживается тенденция к увеличению рекламного контента на белорусском языке: в мае 2019 г. МВД РБ выпустило имиджевый ролик на белорусском языке, бренд «Бязрозка» в июле 2021 г. объявил о полном переходе на белорусский язык, а бренд Kia Russia & CIS в Беларуси 1 июля 2021 г. перевел новый глобальный слоган на белорусский «Рух, які натхняе», и объявил о начале трансформации бренда на рынке СНГ. Острота вопроса поиска национальной идентичности белорусов прослеживается и в наружной социальной рекламе, размещенной по всей стране: «Вечна жыві і Квітней, Беларусь!», «За Беларусь!», «Вместе мы – Беларусь», «Беларусь – гэта мы!», «Я люблю Беларусь!», «Беларускае – самае маё!», «Купляйце беларускае», «Служишь Отчечество – служи чэстна!», «Люби отчизну!», «Знамя наших побед» [0].

Активную рекламно-информационную кампанию, апеллирующую к базовым для белорусского общества ценностям, таким, как «патриотизм» / «традиции» («Настоящие ценности из поколения в поколение»), «честь

и преданность Родине» [0], «любовь и забота о детях» (серия билбордов МЧС «С родителями я в безопасности», «Цена мгновенья» [0]), «безопасность жизнедеятельности» (на дороге, в Интернете; серия билбордов МЧС «Жизнь – это не кино» [0]), «экологическая безопасность / забота об окружающей среде» (серия билбордов МЧС «В мире животных») проводят МВД, МЧС, администрации областных и городских исполнительных комитетов (10 % от общего количества проанализированных рекламных кампаний). Отметим, что апелляция к экологическим ценностям является одной из доминирующих установок в современном медийном пространстве Беларуси (22 %), однако эта тема представляется в большей мере спекулятивной, чем направленной на решение конкретных экологических проблем.

Культурная обусловленность рекламной коммуникации в Беларуси проявляется и на примере использования женских образов: белорусские бренды иллюстрируют идеальное представление о красоте, стремясь «преобразовать девушек» (напр., *Mark Formelle* в своем *Instagram* «преображает девушек», *Relouis* призывает *‘подкрась свою жизнь, разбуди свою душу’*), в отличии, напр., от западных, продвигающих идею «честной» красоты, призывая «любить свои несовершенства» (напр., *Veet, Meetic, Dove*).

Вместе с тем, очевидно, что аксиологическое поле Беларуси претерпевает определенные трансформации под влиянием западных идей. Ценность семьи и брака, занимавшая уверенное доминирующее положение, постепенно смещается в конфликтогенную периферию, уступая место жизни человека, свободе как наивысшим ценностям. На фоне либерализации ценностей как формы социокультурной трансформации общества белорусам активно навязываются ценности ЛГБТ-сообществ, причем с позиций толерантности и недискриминации.

Важным результатом исследования представляется вывод о крайне низком проценте использования аксиологически ориентированной рекламной коммуникации в белорусском медийном пространстве (по сравнению, напр., с французской рекламной коммуникацией). Крупные белорусские бренды, экономикообразующие предприятия на практике лишь минимально задействуют данный инструмент с целью формирования позитивного имиджа страны и поддержания социально-ориентированной государственной идеологии, в то время как для большинства всемирно известных компаний (напр., *Danone, Auchan, Carrefour, L’Oréal, Club Med* и др.) характерно активное использование утопического дискурса, ориентированного на формирование ценностных структур. Соответственно, целью рекламы выступает отныне не просто продажа продукта; продуктом становится сама деятельность человека, его стиль жизни, моральные установки и ценности.

Стремление к индивидуализации, ориентация на личный успех, профессиональный и личностный рост, стремление к гедонизму, получению удовольствия, продвижение ценностей нетрадиционных отношений, осознание потребностей человека, его жизни в качестве наивысшей ценности –

ценностно-нравственные структуры, доминирующие в обществах западного типа, постепенно перемещаются и в белорусское информационно-коммуникативное пространство. Подобный процесс замещения одних ценностей другими, зачастую трактуемыми как истинно правильными экономически более развитыми культурами, по справедливому на наш взгляд замечанию крупного российского геополитика, основателя цивилизационного подхода к истории, Н. Я. Данилевского был четко назван «пересадкой посредством колонизации» [0], в то время как А.В. Костина, современный российский эксперт в области теории и методологии культуры, говорит о «латентном пути символической экспансии, где противостояние двух систем будет всегда завершаться поражением той, где ценность человеческой жизни выше» [0, с. 2–3].

Таким образом, можно утверждать, что современная рекламная коммуникация со всеми свойственными ей медиатическими атрибутами является одновременно и «зеркалом общества» (по Дж. Расселу [0]), отражающим актуальное аксиологическое поле той или иной лингвокультуры, и, одновременно, средой конструирования / деконструкции определенных нравственно-ценностных структур, одним из инструментов формирования национальной идентичности, на что, впрочем, указывал еще Ф. Фукуяма, отмечая, что «культурные различия будут парадоксальным образом осознаваться все более глубоко благодаря тем коммуникационным технологиям, которые привели к появлению “мировой деревни”» [0, с. 574].

Полагаем, что в свете описанных нами трансформаций нравственно-ценностных структур исследование рекламной коммуникации как одного из механизмов, которые могут и должны быть использованы государственными органами управления для формирования позитивной государственной идеологии, сплочения белорусского народа и противостояния негативным тенденциям, обусловленным динамикой внедрения цифровых информационных медиатехнологий и беспрецедентным влиянием западных идеологий, приобретает особую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Marketing.by [Electronic resource]. URL: <https://marketing.by> (accessed: 01.07.2021).
2. МВД Беларуси [Электронный ресурс] // YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/channel/UCwYsH2kO_N5KVp5mNsAIPbQ (дата обращения: 01.07.2021).
3. Рекламные [Электронный ресурс] // Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. URL: <https://mchs.gov.by/multimediyne-materialy-obzh/video/sotsialnaya-reklama-videoroliki-mchs-belarusi> (дата обращения: 01.07.2021).
4. Плакат из серии «Знамя наших побед» [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/posters/view/plakat-iz-serii-znamja-nashih-pobed-25889> (дата обращения: 01.07.2021).
5. Социальные видеоролики [Электронный ресурс] // YouTube.com. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLlRf1t5TiLzsLBMxRtUs_XRAB2YaHW-xt (дата обращения: 02.03.2021).

6. Цена мгновения [Электронный ресурс] // Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. URL: <https://mchs.gov.by/multimediynye-materialy-obzh/brend-rakety/sotsialnaya-reklama-mchs-belarusi-tsena-mgnoveniya> (дата обращения: 18.03.2021).
7. Жизнь – это не кино [Электронный ресурс] // Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. URL: <https://mchs.gov.by/multimediynye-materialy-obzh/naglyadno-izobrazitelnaya-produktsiya/bigbordy/sotsialnaya-reklama-mchs-belarusi-zhizn-eto-ne-kino> (дата обращения: 18.03.2021).
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 577 с.
9. Костина А. В. Реклама как фактор формирования аксиологического пространства // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 1–17.
10. Рассел Дж. Т. Рекламные процедуры Клепшнера. 15-е междунар. изд. СПб. : Питер, 2003. 928 с.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ ; Ермак, 2004. 730 с.

УДК 811.161'373"15"/16"

Дерунова Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: derunovaa@gmail.com

Derunova Anastasia, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: derunovaa@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ О ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ В СТАТУТЕ ВКЛ 1588 г. И СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 г.

Аннотация. В статье на материале отобранных из Статута ВКЛ 1588 г. и Уложения 1649 г. устойчивых выражений о жизни и здоровье человека доказывается, что фразеологические составы старорусского и старобелорусского языков характеризовались развитостью, совершенством, а также значительным своеобразием.

Ключевые слова: старобелорусский язык, старорусский язык, Статут ВКЛ 1588 г., Уложение 1649 г., древнерусская основа, устойчивые выражения, жизнь, здоровье.

SET EXPRESSIONS ABOUT LIFE AND HEALTH IN THE STATUTE ON 1588 AND THE CODE OF 1649

Annotation. In the article, based on the material selected from the Statute of the GDL of 1588 and the Code of 1649, set expressions about human life and health, it is proved that the phraseological compositions of the Old Russian and Old Belarusian languages were characterized by development, perfection, as well as significant originality.

Key words: Old Belarusian language, Old Russian language, Statute of the GDL of 1588, Code of 1649, Old Russian basis, set expressions.

Как известно, старорусский и старобелорусский языки, функционирование которых исследователи относят к XV–XVI/XVII вв., являются наследниками древнерусского языка. Имея общий лексико-фразеологический состав, каждый из языков в период своего самостоятельного существования развивал и свой собственный лексико-фразеологический состав. Развитие словарного состава каждого из языков происходит как за счет образования новых слов, так и за счет развития новых значений на основе слов древнерусского языка.

В формирование лексико-фразеологических составов указанных языков внес вклад деловой язык. Как деловой язык Древней и Московской Руси сыграл заметную роль в процессе формирования русского литературного языка, так и старобелорусский деловой язык внес свой вклад в формирование белорусского литературного языка. Деловой язык обслуживал разные стороны жизни: государственную переписку, судопроизводство, торговлю, юридическую практику, что находило письменную фиксацию. Памятники старобелорусского и старорусского права дают богатый материал для лингвистических исследований.

Для нашего исследования материалом послужили своды законов: Статут 1588 г. Великого княжества Литовского и Уложение 1649 г. Эти своды законов появились в результате переработки предыдущих кодексов с учетом новых социально-экономических, политических отношений, юридических норм, особенностей развития судопроизводства. Каждый из этих кодексов можно назвать вершиной систематизации права в своем государстве. Они отразили государственно-правовые идеи того времени и имели большое влияние на становление и развитие юридических норм соседних государств. Поэтому и язык этих законодательных актов имеет большое значение для определения наличия самобытных черт каждого из языков.

Для анализа мы отобрали устойчивые выражения о жизни и здоровье человека. Жизнь и здоровье представляют ценность для конкретного человека, их обеспечение для граждан является важным для государства. Именно право на жизнь является неотчуждаемым и абсолютным правом человека, высшей ценностью общества. Это право обеспечивается законом и им же охраняется. Право на жизнь имеет и социально-экономическое измерение, то есть каждый человек имеет право на достойную жизнь, которое поддерживается комплексом юридических, социальных, экономических и культурных гарантий. Именно такое понимание права на жизнь существует в современном обществе. Что же касается средневекового права, то ни в тексте Статута, ни в тексте Уложения мы не находим статей о том, что государство обеспечивает равные права всем своим гражданам, то есть жизнь и здоровье каждого гражданина одинаково важно для государства. Однако в статьях Статута, например, уже есть разграничение физического и психического здоровья. Физическое здоровье гражданина государства

важно в связи с несением службы на пользу этого государства. Земская служба – это единственная повинность и в то же время привилегия феодалов. Отказаться от нее можно только если ты немощен, т.е. факт здоровья/нездоровья гражданина оказывается важным для государства в связи с несением службы. Однако описание «нездоровья» не конкретизируется. Психическое здоровье оказывается важным при составлении завещаний, разделе имущества.

В данных памятниках отразилось и представление о жизни и здоровье человека как ценности, которой люди расплачиваются за совершенные преступления. За самые страшные преступления карали лишением жизни, за драку, воровство – отрезали уши, отсекали руки, карали огнем и др.

Мы выделили такие устойчивые выражения в тексте Статута и Уложения, относящиеся к категории “жизнь и здоровье”. В Статуте 1588 г. использованы следующие выражения: *каран огнем, каран горлом, горла за собой тягнуть, шею тратить, горло тратить, голову тратить, руку тратить, втятье руки, уши обрезать, на горле огнём каран, на горло маеть сказати, въ обороне живота, за живота своего в держанье кому пустиль, на теле каранье чинити, на горло седель, на горло сказанный, на горло всказати, о горло судити и сказовати, приправиль о горло, утяль уха, ноги, руки, утятый палець, палець охроменный*. В данных выражениях речь идет о способах покарания за преступления, в Статуте выделяются также выражения, которые указывают на физическое или психическое состояние лица: *леть зупольных дорослых, з глупьства або шаленства, хоромых людемь, поветрее моровое, лежыть в хоробе, хоробою закрываешь, хоробою заложылься, обложное хворобы, люди шаленые, которые от розуму отходили, при добрей памети и здоровый на розуме былъ, хороба припадетъ*.

В Уложении 1649 г. также указывается на способы покарания за преступления, характерные для этого периода: *казнити смертью без всякия пощады, убить до смерти, увечье, обезчестить словом, а не ударить, за безчиние бити батоги, сжечь без милосердия, животы изменничьи, животов и вотчин не отымати, бить кнутом не щадно, ударит до крови, казнити, отсець рука; доправить увечье против окладу вдовое, казнити смертью, залити горло; бить кнутом, бить батоги; казнити смертью, повесити против неприятельских полков; учинить увечье, изувечить, обезчестит дочь девку или сына неверстанного; бить кнутом на козле, бити кнутом нещадно при многих людех, отрезать ухо, отсець руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрезать, или глаз выколоть; живу окопати в землю*.

Просмотрев список устойчивых выражений, которые используются для указания на вид наказаний и его способ, можно обнаружить, что и в Статуте, и в Уложении используются разные выражения. Попробуем проследить, что же в этих выражениях унаследовано из древнерусского языка, а что развилось в собственных языках.

Как можно заметить, самый распространенный компонент в устойчивых выражениях Статута – слово *горло*. Слово *гърло* в Словаре древнерусского языка фиксируется со значением ‘горло, гортань’, ‘место образования голоса; голос’ [СДЯ, Т. 2, с. 411]. Устойчивых выражений со словом *горло* словарь не фиксирует. В старорусском языке слово *горло* (*гърло*, *грьло*) употреблялось для обозначения 1) горла, 2) меха с шеи зверя, 3) места стока воды, устья; стока, узкой горловины у сосуда [СРЯ, В. 4, с. 86–87]. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует всего 6 фразеологизмов со словом *горло*: *возопити горломъ великимъ* ‘закричать на все горло’, *битися до горла* ‘биться насмерть’, *горло (горла) дати*, *горло тратити* ‘отдавать жизнь’, *карати горломъ* ‘наказывать смертью’, *оть горла* ‘от смерти, от наказания смертью’. Но фразеологизмы *горло дати*, *горло тратити*, *карати горломъ* употреблены в документах, которые иллюстрируют события, связанные с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Этот факт дает основания говорить о них как о заимствованиях из старобелорусского языка.

В “Гістарычным слоўніку беларускай мовы” лексема *горло* имеет значения 1) ‘передняя часть шеи, хрящевой канал, который является началом пищевода и дыхательных путей’, 2) ‘шея’, 3) ‘мех с шеи зверя’ [ГСБМ, В. 7, с. 79–82]. В Словаре приводится большое количество фразеологизмов со словом *горло*: *горло дати* ‘отдать жизнь’, *горла не литовати* ‘не жалеть жизни’, *горла тягнути* ‘приводить к смертной казни’, *горла упросити* ‘вымолить жизнь’, *горло класти* ‘отдать жизнь’, *горло тратити* ‘лишаться жизни’, *на горло всказати (сказати)* ‘приговорить к смертной казни’, *горломъ скарати* ‘наказать смертью’, *горломъ поплатити* ‘поплатиться жизнью’, *досведчить деспекту на кгардле* ‘наказать оскорбителя смертью’, *сь горлы своими поутекати* ‘скрыться от наказания смертью’, *скаранный на горле* ‘которого наказали смертью’, *сказанный на горло* ‘осужденный смертью’, *на горле четвертованный* ‘наказанный четвертованием’, *подъ горломъ* ‘под страхом смерти’, *до горла* ‘до конца жизни’ и др.

В Уложении мы встретили выражение *залити горло*. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» оно относится к устойчивым выражениям, дается с пометой, толкуется как: ‘умертвить, влив в горло расплавленный металл’ [СРЯ, В. 5, с. 233].

Большое количество фразеологизмов со словом *горло* в старобелорусском языке и небольшое количество в старорусском, а также появившиеся новые значения в составе фразеологизмов говорят о том, данные фразеологизмы в отношении древнерусского языка являются новообразованиями.

Еще одно слово, которое встречаем в составе устойчивых выражений первого и второго памятника – лексема *живот*. «Словарь древнерусского языка» указывает на такие значения: ‘жизнь, существование’, ‘животное’, ‘имущество, нажитое’ [СДЯ, Т. 3, с. 297–298]. Со словом *живот* в значении

‘жизнь, существование’ фиксируется большое количество фразеологизмов: *время живота, вечный животъ, древо живота, съдоровьмъ животъмъ, отъдати животъ, отълоучитися живота, отъходити живота сего, положити животъ* и др. В старорусском языке слово *животъ* употреблялось для обозначения 1) ‘жизни’, 2) ‘всякого живого существа’, 3) ‘домашнего скота’, 4) ‘всего, что нажито, имущества’, 5) ‘живота’ [СРЯ, В. 5, с. 103-104]. Устойчивые выражения, связанные с первым значением слова: *въ животе, по животе, до живота, отчаятися живота* и др. Как видим, количество устойчивых выражений в старорусском языке по сравнению с древнерусским уменьшилось. В Уложении слово *живот* в составе выражения *животов и вотчин не отымати*, употребляется в значении ‘имущество, все, что нажито’. В “Гістарычным слоўніку беларускай мовы” слово *животъ* фиксируется с такими значениями: 1) ‘жыццё’, 2) ‘жыццяпіс’, 3) ‘вобраз жыцця’, 4) ‘усё жывое’, 5) ‘жывот, частка цела ў чалавека і жывёл’, 6) ‘маёмасць, рэчы’, 7) ‘жывёліна’ [ГСБМ, В. 10, с. 20–23] с такими же устойчивыми выражениями: *до живота, животъ даровати, животъ дати, животъ заховати* и др.

В Статуте мы встречаем два устойчивых выражения *въ обороне живота, за живота своего в держанье кому пустиль*. Таким образом, лексема *животъ* в старорусском и старобелорусском языках употреблялась в таких же значениях, что и в древнерусском языке, не развив новых значений в составе устойчивых выражений.

Что касается других выражений, встреченных нами в Статуте и Уложении, то словарями они не фиксируются как устойчивые (кроме *обложная хороба*). На основе проведенного анализа можем сделать вывод, что в области называния наказаний за преступления старобелорусский язык обладал большей образностью, чем язык старорусский.

Таким образом, проведенный анализ собранных лексем позволяет сделать вывод, что фразеологические составы старорусского и старобелорусского языков характеризовались развитостью, совершенством, а также значительным своеобразием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; гал. рэд. А. І. Жураўскі. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2013. 37 вып.
2. Памятники русского права : в 8 вып. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1952–1961. Вып. 6 : Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / сост. К.А. Софроненко [и др.]. 1957. 503 с.
3. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. : в 10 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Р. И. Аванесова. М. : Рус. яз., 1988–2013. 8 т.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 28 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред) [и др.]. М. : Наука, 1975–2008. 28 вып.
5. Статут ВКЛ 1588г. / пер.на бел. мову А. С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2005. 207 с.

УДК 811.161.3(091)''1900/1920''

Любецкая Кацярына Пятроўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
электронная пошта: *katerina_lingvo@mail.ru*

Liubetskaya Katsiaryna, Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *katerina_lingvo@mail.ru*

СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ НАВУКОВАЙ МОВЫ Ў ПАЧАТКУ XX ст. (1900-1920 гг.): ЗНЕШНІ КАНТЭКСТ

Анатацыя. Вывучэнне т.зв. знешніх фактараў станаўлення беларускай літаратурнай мовы ў 1900-1920 гг. дазваляе атрымаць у цэлым аб'ектыўны малюнак гістарычных стымуляў развіцця нацыянальнай мовы і ўзнікнення мовы беларускай навукі.

Ключавыя словы: навуковая мова; знешні кантэкст; нацыянальны перыядычны друк; школьніцтва; беларуская культура.

ESTABLISHMENT OF THE BELARUSIAN SCIENTIFIC LANGUAGE IN THE EARLY XX century (1900-1920): EXTERNAL CONTEXT

Abstract. The study of so-called external factors of the formation of the Belarusian literary language in 1900-1920 allows to obtain an objective picture of the historical stimuli of the national language and the emergence of the language of Belarusian science.

Keywords: scientific language; external context; national periodicals; schooling; Belarusian culture.

Беларуская навуковая мова, знаходзячыся ў агульным рэчышчы літаратурнай мовы, усё ж мае свае асаблівасці і, дзякуючы наяўнасці вызначальных прымет, можа вылучацца ў асобны код нацыянальнай мовы. З'яўляючыся катэгорыяй гістарычнай, мова беларускай навукі праходзіць шлях свайго станаўлення ў межах спрыяльных для яе развіцця адрэзкаў часу, паступова назапашваючы комплекс характэрных прымет. Асаблівую цікавасць пры гэтым выклікае т.зв. зыходны перыяд, калі пачынае закладвацца фундамент стылістычнай дыферэнцыяцыі беларускай мовы. Уяўляецца, што прыцягненне дадзеных гістарычнага характару, а таксама далучэнне інфармацыі пра т.зв. знешнія фактары станаўлення беларускай літаратурнай мовы ў Усходняй і Заходняй Беларусі дазволіць атрымаць у цэлым аб'ектыўны малюнак гістарычных стымуляў развіцця нацыянальнай мовы і ўзнікнення мовы беларускай навукі ў 1900-1920 гг.

Можна меркаваць, што т.зв. гістарычныя ўмовы: пашырэнне нацыянальнага перыядычнага друку, станаўленне школьніцтва на нацыянальнай мове, адкрыццё культурных устаноў у цэлым стала значным штуршком для развіц-

ця беларускай культуры, нацыянальнай мовы і закладвання асноў навуковага выкладу. У сувязі з адзначаным вышэй прадметам даследавання ў артыкуле з'яўляецца знешні кантэкст ў Беларусі ў 1900-1920 гг.

«Пачатак ХХ ст. як асобны перыяд у гісторыі беларускага мовазнаўства ахоплівае не такі ўжо і вялікі прамежак часу – нейкіх няпоўных дваццаць гадоў, г.зн. да падзей Кастрычніцкай рэвалюцыі. Аднак ён надзвычай змястоўны і ў параўнанні з папярэднімі перыядамі характарызуецца пэўнымі зрухамі як у самім падыходзе грамадскасці да беларускай мовы, так і ў яе навуковай распрацоўцы» [1, с. 76]. Менавіта ў гэты час адзначаецца рост грамадскай актыўнасці, разгортваецца культурна-асветная дзейнасць сярод беларусаў на роднай мове. Напрыклад, у 1902 г. у Пецярбургу прапануецца «канкрэтная праграма стварэння гэтай мовы і літаратуры, вывучэння роднай гісторыі і арганізацыі выдавецкай дзейнасці» [2, р. 159].

Пасля адмены абмежаванняў друку на беларускай мове (25.12.1904 г.) і выхаду «Закона аб свабодзе друку» (24.11.1905 г.) перадусім узнаўляецца кнігадрукаванне на нацыянальнай мове. Ажыўленне гэтай дзейнасці надало значны імпульс для станаўлення нацыянальнай культуры і самасвядомасці беларускага народа. З'яўленне беларускамоўных тэкстаў – сімвалаў духоўнага жыцця – узмацняе ролю літаратурнай мовы ў грамадска-культурным жыцці народа, пашырэнні асветы. Варта адзначыць, што «пасля паўстання 1863 г. аж да 90-х гадоў на Беларусі не было надрукавана ніводнай кнігі, ніводнага мастацкага твора на беларускай мове, калі не лічыць фальклорных зборнікаў, некалькі ананімных твораў, якія выдаваліся як фальклорныя, а таксама розных публікацый помнікаў старажытнабеларускай пісьменнасці» [3, с. 180].

У гэты час з'яўляецца легальная беларуская прэса, адкрываюцца друкаваныя органы: друкарні «Круг беларускай народнай прасветы і культуры» (1903-1904), «Загляне сонцэ и ў нашэ ваконцэ» (1906-1914, 1916?), «Наша ніва» (1906-1915), «Мінчук» (1906-1909), «Наша хата» (1908-1911), «Палачанін» (1910-1911), выдавецтва А. Грыневіча (1910-1913), «Беларускае выдавецкае таварыства» (1913-1915, 1919-1930), «Акцыйная суполка друкарскай штукі» (1914), «Люцыян Хвецька і суполка» (1917) і г.д.

Уяўляецца, што бяспрэчным стымулам распрацоўкі беларускай навуковай мовы і ў далейшым фармавання навуковага стылю могуць паслужыць асобныя артыкулы, надрукаваныя ў газетах «Голас Радзімы» (1897-1995), «Наша доля» (1906), «Наша Ніва» (1906–1915), “Litwa i Ruś” (1913), “Biełarus” (1913-1915), “Swietacz” (1916), «Дзяньніца» (1916), “Homan” (1916-1917), «Варта» (1918), «Вольная Беларусь» (1918), «Крывічанін» (1918), «Школа и культура Советской Белоруссии» (1919-1921), «Рунь» (1920), “Szkoła Polska” (1920), у літаратурна-грамадскім зборніку «Маладая Беларусь», штомесячніках «Саха» (1912-1915), «Лучынка» (1914), «Раніца» (1914), «Белорусская Рада» (1917-1918), «Беларускае жыццё» (1919-1920). Станаўленне нацыянальнага перыядычнага друку спрыяла ўмацаванню культуры кніжнай справы ў Беларусі. У гэты перыяд – сродак культурнага адраджэння – беларускі тэкст стаў масавай з'явай, адкрытай і арыентаванай на задавальненне пільных патрэб тагачаснага грамадства.

Друкаванне тэкстаў на беларускай мове – адметных знакаў культурнага жыцця народа, бясспрэчна, спрыяла развіццю нацыянальнай мовы ў гэты перыяд: пошуку моўных сродкаў, выпрацоўцы арфаграфічных, лексічных, граматычных нормаў. Падрыхтоўка тэкстаў рознай жанравай прыналежнасці, відавочна, стымулявала ўзбагачэнне мовы беларускага народа. «Беларускія кнігі, газеты і часопісы садзейнічалі пашырэнню беларускай літаратурнай мовы, яе стылістычнай дыферэнцыяцыі, спрыялі яе ўзбагачэнню і ўдасканаленню, выпрацоўцы адзіных норм правапісу і граматыкі» [3, с. 237].

«Увосень 1915 г. на частцы занятых паўночна-ўсходніх земляў быў створаны вайсковы адміністрацыйны абшар Обэр Ост» [4, с. 13]. На працягу больш чым двух гадоў (да 18.2.1918) нямецка-расійскі фронт, які праходзіў па лініі Дзвінск – Браслаў – Паставы – Смаргонь – Баранавічы – Пінск – Луцк, падзяліў Беларусь на дзве часткі. На акупаванай тэрыторыі забаранялася палітычная дзейнасць, але дазвалялася функцыянаванне камітэтаў ахвярам вайны, якія сталі «першымі народнымі арганізацыямі і цэнтрамі культурнага жыцця» [5, р. 24]. Выразнай прыметай нацыянальнага адраджэння стаў шэраг акцый на абшары Обэр Ост: арганізуюцца Беларускі клуб, аматарскі тэатр, настаўніцкія курсы, адчыняецца першая беларуская публічная школа, беларуская бібліятэка, кнігарня, Беларускае навуковае таварыства, кааперацыйнае таварыства «Раніца», дзіцячы прытулак «Золак» [6, с. 1].

На тэрыторыі Усходняй Беларусі пры сакратарыяце асветы пачало сваю дзейнасць бюро па справах распрацоўкі школьных падручнікаў, выданне якіх плануецца ў таварыстве «Асвета». 25-27 сакавіка 1917 г. праходзіць з'езд беларускіх нацыянальных арганізацый у Мінску, які ставіць сабе за мэту перадусім культурна-нацыянальнае адраджэнне Беларусі. 3 мая 1917 г. у Мінску пачынае сваю дзейнасць Таварыства Беларускай Культуры (орган: штогоднік «Вольная Беларусь» пад рэд. Я. Лёсіка), выходзіць таксама штогоднік «Грамада» пад рэд. А. Смоліча, штогоднік «Беларуская Рада» (орган Цэнтральнай Беларускай Вайсковай Рады). 3 1918 г. арганізуецца школьная інспекцыя, настаўніцкія курсы, пашыраецца сетка пачатковых і сярэдніх школ. У Мінску ў гэты час рыхтуецца адкрыццё ўніверсітэта, пачынае сваю дзейнасць Беларускі педагагічны інстытут, Беларускі тэатр, Таварыства драмы і камедыі, «выдаюцца 14 газет і часопісаў, а беларуская мова была дзяржаўнай» [7, с. 30 па: 3, р. 36].

У межах дзейнасці Беларускага таварыства Дапамогі Ахвярам Вайны дзейнічаюць таксама асяродкі беларускага народнага і культурна-асветніцкага руху ў Пецярбургу, Маскве, Адэсе і Кіеве.

Пастаўленыя перад неабходнасцю вырашэння моўнага пытання, акупацыйныя ўлады прынялі за прынцып аднолькавае стаўленне да ўсіх нацыянальнасцей. “Prykazam z dnia 7 czerwieca 1916 h. wydany instrukcii ab sposabi ўpraўleńnia zianiatymi ziemiemi. U instrukcijach asabliwa adznaczywajecca żadańnie, kab roznyje narody mieli-by roўnyje prawy. Usio, czym naruszajecca zhodliwaje żyćcio narodaў, zabaraniajecca. Za naruszeńnia hetaho karacimuc sztrafam hraszmi da 10.000 marak abo wastroham da 5 hadoў. Oficjalnaj mowaj liczycca miż ułaściami i nasialeńiem pazwolena ўżywać biełaruskaj, łatyszskaj,

litoŭskaj, polskaj i żydoŭskaj mowy” [8, p. 3]. «Бюро перакладаў адзела прэсы пры галоўным камандаванні Обэр Ост паміж іншымі штотдзённымі справамі (цэнзура іншамоўных нацыянальных газет)» [9, p. 147] павінна было перакладаць загады і абвесткі адміністрацыі на мовы мясцовага насельніцтва занятай тэрыторыі. У перыядычных выданнях паведамлялася: “аргусь ра піаміеску, publikujucca pierakłady prykasaj u biełaruskaj, żydoŭskaj, łatyszkaj, litoŭskaj i polskaj mowach” [8, s. 3]. У газеце «Гоман» за 16 студзеня 1916 г. быў апублікаваны загад фельдмаршала Гіндэнбурга «Аб неабмежаваным пашырэнні беларускай мовы нароўні з іншымі мовамі» [11, с. 98]. Паводле гэтага загаду, беларускай мове надаваліся фактычна правы дзяржаўнай мовы на тэрыторыі Обэр Ост. Варта адзначыць, што ў пачатку ХХ ст. «царскія ўлады і надалей не прызнавалі нацыянальнай адметнасці беларусаў (што, між іншым, выявілася ў забароне беларускіх школ)» [4, с. 11].

Асноўныя праблемы арганізацыі школьніцтва на беларускай мове бачыліся ў слабым фінансавым забеспячэнні, адсутнасці матэрыяльнай базы, спецыяльных памяшканняў, недахопе беларускіх настаўнікаў, а таксама адсутнасці падручнікаў. У час нямецкай акупацыі было прынята рашэнне перадусім займацца перакладам падручнікаў на беларускую мову. Выданне падручнікаў было ўскладзена на Беларускае Выдавецкае Таварыства. «У 1916 г. выйшла з друку 7 беларускіх кніжак, а ў 1918 г. – 28» [5, p. 37].

На акупаванай тэрыторыі Обэр Ост згодна з прынцыпам раўнапраўя «забаранялася весці ў пачатковых школах навучанне па-руску і ўводзілася абавязковае выкладанне на роднай мове» [4, с. 16]. У вырашэнні справы арганізацыі беларускага школьніцтва для падрыхтоўкі кадраў уладамі Обэр Ост было прынята рашэнне адкрыць месячныя курсы ў беларускай настаўніцкай семінарыі ў Свіслачы (Гродзеншчына), дзе выкладалі прафесар Р. Абіхт, Б. Пачобка, Б. Квяцінскі.

«Паводле звестак А. Луцкевіча, на канец 1918 г. агульная колькасць гэтых школ [беларускіх – К.Л.] на абшары «старой акупацыі» (г.зн. на тэрыторыях, занятых немцамі да 18.2.1918 г.) перавышала за 150» [4, с. 19].

У працэсе фармавання адметнасцей беларускай навуковай мовы істотную ролю адыгралі дапаможнікі для школ, чытанкі і граматыкі беларускай мовы: Першае чытанне для дзетак беларусаў / напісала Цйотка (Пецяярбург, 1906), К. Каганец «Беларускі лемантар, або першая навука чытання» (1906), Я. Колас «Другое чытанне дзяцей беларусаў» (1909), К. Кahanec. Druhoe czytanne dla dziacej belarusaŭ (St. Petersburg, 1910), Luckievič A. Bielaruskaja hramatyka pawodluh lekcij, čytanych na Bielaruskich Wučycielskich Kursach u Wilni ŭ 1915 – 1916 hh. Časć I. Fonetyka i etymologija (Wilnia, 1916), Jak prawilna pisać pa biełarusku / ułažyŭ Ant. Łuckievič (Wilnia, 1917. Č. 1), Niamiecki dla pačynajučych. Hutarki biełaruska-niamieckije, s prydačaj wymowy i dalej patrebnych sloŭ = Deutsche Sprache für Anfänger. Weißrussisch-deutsche Übungen mit Angabe der Aussprache und der notwendigsten Wörter. Apracawaŭ Wlast (1917). Hramatyka biełaruskaj mowy / apracawaŭ B. Pačobka, wučyciel biełaruskaj mowy ŭ Świsłockaj biełaruskaj wučycielskaj seminaryi, redaktar časopisi “Biełarus” (Wilnia, 1918), Bielaruskaja hramatyka dla škol / napisaŭ

kandidat filolohii Pietrahr. uniwer. В. Taraškiéwič (Wilnia, 1918), Biełaruski prawapis /А. Łuckiewič i J. Stankiewič (Wilnia, 1918), Pròsty spòsab stàcca ў karòtkim čàse hràmatnym / napisàli pr. dr. Rùdolf Àbiht i Iànka Stankèwič u Wilni (Breslaў, 1918), Зніч: Вайсковая стылістыка (Менск, 1919), Каманды па-беларуску (Браслаў, 1920). Школьныя падручнікі і граматыкі адразу ж сталі выкарыстоўвацца на практыцы, таму што прыхільнікамі нацыянальнага і культурнага адраджэння Беларусі ўдалося ў час першай сусветнай вайны арганізаваць каля 300 школ з беларускай мовай навучання.

У гэты час выходзяць з друку слоўнікі: Руска-беларускі слоўнік братоў М. і Г. Гарэцкіх (Смаленск, 1918), Sieben-Sprachen-Wörterbuch: Deutsch-Polnisch-Russisch-Weissruthenisch-Litauisch-Lettisch-Jiddisch (Leipzig, 1918), Невялічкі беларуска-маскоўскі слоўнік / М. Гарэцкі (Вільня, 1919); Маскоўска-беларускі слоўнік (Вільня, 1920). У адзначаных вышэй слоўніках была створана зыходная база, якая ў далейшым шмат у чым уплывала на развіццё лексічнага ўзроўню беларускай мовы. Можна выказаць меркаванне, што даведнікі апасродкавана праз удзел людзей, якія мелі дачыненне да іх ўкладання, а таксама рэцэнзентаў, роля якіх была вядучай у далейшай тэрмінаграфічнай практыцы, уплывалі на станаўленне айчыннай тэрміналогіі і навуковай мовы на пачатку ХХ ст., і ў іх, адных з самых першых, назіраецца працэс паступовага складвання некаторых раздзелаў беларускай тэрміналогіі, закладваюцца асновы фармавання беларускай тэрміналогіі. Слоўнікі не мелі на мэце нармалізацыю ў поўным яе аб'ёме, аднак спроба падбору тэрміналагічных эквівалентаў з'яўляецца сведчаннем пэўных нарматыўных тэндэнцый.

Істотнае значэнне для разумення адметнасцей фармавання мовы беларускай навукі мае тое, што на хвалі беларускага адраджэння ў пачатку ХХ ст. тэрміналагічная справа набывае дзяржаўны статус. Так, у 1919 г. ствараецца Беларускі школьны савет, які разглядае пытанні распрацоўкі тэрмінаў для забеспячэння патрэб пачатковай школы. Важнае значэнне для ажыццяўлення працы па фармаванні фонду навуковай мовы мае арганізацыя навукова-даследчай установы пры Наркамасветы БССР – Навукова-тэрміналагічнай камісіі (з мінскіх настаўнікаў) у складзе гуманітарнай (літаратурна-мастацкай), прыродазнаўчай і матэматычнай секцый (1919 г.), дзейнасць якой па распрацоўцы беларускай тэрміналогіі для пачатковай школы адлюстроўваецца ў «Праграме беларускай пачатковай школы» (1919-1920 гг.).

Бясспрэчна, у беларускамоўных працах пачатку ХХ ст. яшчэ не маглі быць узнятыя пытанні навуковага выкладу, аднак паступова для гэтага назіраўся адпаведны тэкставы матэрыял. У гэтых працах засведчаны свядомы вопыт распрацоўкі беларускай навуковай мовы, карысны для ўсведамлення эвалюцыі навуковага выкладу і навуковага стылю беларускай мовы ў далейшым. Можна выказаць меркаванне, што ў 1900-1920 гг. навуковы стыль фармуецца не столькі прамым шляхам (праз напісанне навуковых тэкстаў, распрацоўку тэрміналагічных слоўнікаў), але апасродкавана – праз беларускія агульнамоўныя працы (друкаваныя і рукапісныя), у межах іншых стыляў, у граматыках. Гэтаму перыяду (1900-1920 гг.) уласцівы дынамізм у

пошуку сродкаў прафесійнага маўлення, якое па аб'ектыўных прычынах яшчэ не магло быць строга акрэслена, паколькі ў маладой беларускай літаратурнай мове яшчэ не адбылася функцыянальна-стылістычныя дыферэнцыяцыя і ўвогуле адсутнічала разуменне агульналітаратурнай і стылістычнай нормы. Падрыхтоўка прац навуковага кірунка звязана найперш з практычнымі запатрабаваннямі – азнаёміць шырокія колы насельніцтва з навуковым матэрыялам, простым па змесце і форме, зразумелым па мове.

Падсумоўваючы сказанае вышэй, варта адзначыць, што істотныя сацыяльныя пераўтварэнні ў пачатку XX ст., звязаныя з развіццём духоўнай і матэрыяльнай культуры беларускага народа абумовілі значнае пашырэнне функцый беларускай мовы і рост грамадскай запатрабаванасці ў ёй. І хоць даследчыкамі адзначаецца, што беларуская мова ў пачатку XX ст. яшчэ «па-ранейшаму не мела магчымасцей пашырацца, акрамя мастацкай літаратуры і публіцыстыкі, у сферы грамадска-культурнага і палітычнага жыцця» [3, с. 234], усё ж менавіта ў гэты перыяд складаюцца аб'ектыўныя ўмовы для актыўнага развіцця нацыянальнай мовы і закладвання асноў навуковага выкладу ў беларускай мове. У гэты час рыхтуюцца тэксты, у якіх ставіцца за мэту выражэнне навуковага зместу, што, бясспрэчна, спрыяе выпрацоўцы парадку перадачы спецыяльнай інфармацыі і пошуку сродкаў яе выражэння. Станаўленню беларускай мовы ў гэты час спрыяюць такія важныя гістарычныя акалічнасці, як: правядзенне культурна-асветніцкай дзейнасці на тэрыторыі Обэр-Ост і Усходняй Беларусі, развіццё нацыянальнага перыядычнага друку, выкарыстанне беларускай мовы ў школьным выкладанні, стварэнне тэкстаў навуковай тэматыкі, распрацоўка тэрміналогіі, падрыхтоўка падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў і праграм.

ЛІТАРАТУРА

1. Шакун Л. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства. Мінск : Універсітэцкае, 1995. 271 с.
2. Reitlinger G. The house built on sand. The conflicts of German Policy in Russia 1939-1945. London : Weidenfeld and Nicolson, 1960. 459 p.
3. Шакун Л. М. Беларускае кнігадрукаванне ў пачатку XX ст. і граматычна-правапісныя асаблівасці тагачасных беларускіх выданняў // Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дапаможнік для філал. фак. в.н.у. 2-е выд., перапрац. Мінск : Універсітэцкае, 1984. 318 с.
4. Туронак Ю. Б. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск : Беларусь, 1993. 235 с.
5. Głogowska H. Białoruś 1914-1929. Kultura pod presją polityki. Białystok : Orthdruk, 1996. 238 p.
6. Луцкевич А. Литва, Белоруссия и поляки в районе старой оккупации // Чырвоны шлях (Петраград). 1918. № 7-8. С. 1.
7. Туронак Ю. Нежаданая рэспубліка // Кантакт. 1989. № 2. С. 30.
8. Ab uprąleńni ziemiemi Ober Ost 1916 // Homan. 1916. 11 lip. S. 3.
9. Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Białystok-Grodno / Hrsg. im Auftrage des Oberbefehlshabers Ost. Stuttgart : Berlin : Verlag der Presseabteilung Ober Ost, 1917. XI. 472 S.
10. Брэдэрлоў Н. Беларусь у лютэрку нямецкамоўных газетаў 1914-1918 гг. // Беларусіка=Albaruthenica. Мінск, 1995. Кн. 5. С. 97-99.

УДК 811.161.3'373.46:69

Бабровіч Таццяна Сяргееўна, старшы выкладчык
Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск,
Беларусь

электронная пошта: *tanyabobrovich@yandex.by*

Babrovich Tatiana, senior lecturer

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus

e-mail: *tanyabobrovich@yandex.by*

ТЫПЫ ПОЛІВЕРБАЛЬНЫХ ТЭРМІНАЛАГІЧНЫХ НАМІНАЦЫЙ БУДАЎНІЧАЙ СФЕРЫ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца полівербальныя найменні будаўнічай сферы з анамасіялагічных пазіцый, што дае магчымасць вылучыць у іх структуры анамасіялагічны базіс і анамасіялагічную прыкмету, а таксама вызначыць тыпы.

Ключавыя словы: тэорыя намінацыі, тэрміналагічныя найменні, тып намінацыі, полівербальныя адзінкі, анамасіялагічны базіс, анамасіялагічная прыкмета.

TYPES OF POLYVERBAL TERMINOLOGICAL NOMINATIONS OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY IN THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

Summary. The article considers the polyverbal names of the construction industry from onomasiological positions, which makes it possible to single out an onomasiological basis and an onomasiological feature in their structure, as well as to identify types.

Key words: nomination theory, terminological names, nomination type, polyverbal units, onomasiological basis, onomasiological sign.

Працэс называння, які з'яўляецца прадметам тэорыі намінацыі, уяўляе сабой комплексную мыслёвую і маўленчую з'яву, у якой вылучаюць некалькі этапаў: этап вычлянення свядомасцю аб'екта, які трэба назваць, асэнсаванне таго, што абазначаецца, і выбар адэкватных моўных сродкаў наймення. У сувязі з гэтым пэўную цікавасць уяўляюць вытворныя найменні, у якіх магчыма ўстанавіць анамасіялагічную структуру. Анамасіялагічны аналіз намінатыўных адзінак дазваляе зафіксаваць асаблівасці намінатыўнай дзейнасці чалавека. Як паказваюць назіранні, такі аналіз прымянімы да вытворных універбаў (аднаслоўных найменняў), якія ўтвораны рознымі спосабамі, бівербальных і полівербальных найменняў.

Традыцыйна пры анамасіялагічным падыходзе за аснову бярэцца паняцце і вызначаецца, па-першае, якія найменні існуюць у мове для гэтага паняцця і, па-другое, якія сувязі паміж паняццем, назвай і абазначаемым

прадметам. Названы анализ эфектыўна праводзіць з вызначэннем тыпаў найменняў. Вядома, што ў мовазнаўстве паняцці “тып” і “тыпалогія” ўжываюцца ў розных значэннях. Паводле меркавання У.Р. Гака, “тып” вызначаецца як “мадэль (узор), якому адпавядае акрэсленая група розных з’яў” [1, с.310]. Такімі з’явамі могуць выступаць моўныя адзінкі. Анализ уласцівасцей і асаблівасцей функцыянавання прыводзіць да магчымасці групоўкі, выдзялення катэгорый, класаў такіх адзінак, а значыць да ўстаўлення іх тыпаў.

Тэрмін “тыпалогія” можна вызначыць як “выяўленне і ўпарадкаванне розных тыпаў існавання аб’екта” [1, с.310]. На думку Т.Р. Трафімовіч, *тыпалогія* – гэта яшчэ і навуковы метады, які прымяняецца пры анализе моўных фактаў і з’яў, паколькі валодае значнай тлумачальнай здольнасцю. Даследчык падкрэслівае, што з яго дапамогай магчыма выявіць анталагічныя ўласцівасці аб’ектаў, якія вывучаюцца, на аснове пэўных крытэрыяў вызначыць іх групы (тыпы) і вылучыць заканамернасці сістэмнай арганізацыі той ці іншай часткі мовы [2, с.2].

Неабходна адзначыць, што разам з паняццем “тып намінацыі” ў сучаснай анамасіялогіі ўжываюцца тэрміны “прынцып намінацыі”, “тыпы матываваных прыкмет”. М. Д. Голеў у выніку аналізу даследаванняў па анамасіялогіі прыходзіць да высновы, што розныя тэрміны абазначаюць адну і тую ж лінгвістычную з’яву – своеасаблівая анамасіялагічныя мадэлі, з абагульненнем найбольш характэрных аспектаў і прыкметы, па якіх адбываецца намінацыя аднародных прадметаў [3, с. 17].

Пры выяўленні тыпаў найменняў важным з’яўляецца выдзяленне іх анамасіялагічнага базісу і анамасіялагічнай прыкметы. На думку У. Р. Гака, любы прадмет “характарызуецца мноствам прыкмет, уласцівасцей, адносін, іх немагчыма, ды практычна і не трэба выдзяляць усе ў працэсе намінацыі, і прадмет называецца па якой-небудзь адной або некалькіх яркавых прыкметах, якія рэпрэзентуюць увесь прадмет” [4, с. 20]. Калі анамасіялагічны базіс, які вызначае катэгарыяльную прыналежнасць наймення, заўсёды характарызуецца простаай структурай, то анамасіялагічная прыкмета мае розную ступень ускладненасці. Так, паводле даследаванняў Т.Р. Трафімовіч, пад увагай знаходзіцца семантычная структуралізацыя паняцця, якая дае магчымасць прасачыць ход узнікнення вытворнага наймення ад больш высокіх да больш нізкіх узроўняў абстракцыі [2]. У сувязі з гэтым у якасці тыпалагізаванага параметра для пабудовы класіфікацыі тыпаў найменняў можа выступаць характар анамасіялагічнай прыкметы. Прадуктыўнасць тыпаў намінацыі і іх іерархія дазваляюць зрабіць вывад аб тым, якія паняцці пры выяўленні анамасіялагічнай прыкметы з’явіліся найбольш значымі і прадуктыўнымі і як яны звязаны з універсальнымі канцэптuallyнымі ўяўленнямі чалавека.

Вылучыць аномасіялагічную прыкмету магчыма для кожнага вытворнага наймення шляхам узнáўлення намінатыўнага суджэння. Яго аналіз дазваляе вызначыць аномасіялагічную прыкмету і ацаніць яе сутнасць. Т. Р. Трафімовіч у працы, прысвечанай старарускай прадметнай намінацыі, выдзяляе як найбольш тыповыя *агентыўную, аб'ектную, лакатыўную, пасесіўную і нумеральна-тэмпаральную* прыкметы [2, с.50]. Н. А. Дзерунова вылучае ў сваім даследаванні яшчэ і *кваліфікацыйны тып* [5]. А. А. Кажэўнікава, аналізуючы кампазіты рускай мовы XI – XVII ст.ст. рознай часцінамоўнай прыналежнасці, выдзяляе 8 складаных намінатыўных тыпаў: *акцыянальна-аб'ектны, акцыянальна-суб'ектны, атрыбутыўна-субстанцыянальны, акцыянальна-дэтэрмінантны, нумеральны, кампаратыўны, атрыбутыўна-дэтэрмінантны і атрыбутыўна-аб'ектны* [6]. Дастаткова падрабязнай з'яўляецца тыпалагізацыя кампазітных прадметных найменняў М. М. Міхалевіч, у аснову якой закладзены аномасіялагічныя катэгорыі прадметнасці (субстанцыянальнасці), дзеяння (акцыянальнасці), прыкметы (атрыбутыўнасці), акалічнасці (прыкметы дзеяння, стану або атрыбута), а таксама колькасці. Даследчык выдзяляе *аб'ектную групу, акцыянальную групу, якасна-атрыбутыўную групу, дэтэрмінантную групу і нумеральную групу* [7, с.57].

З улікам распрацаваных тыпалогій у дадзенай працы робіцца спроба разгляду аномасіялагічнай структуры найменняў будаўнічай сферы і вычленення тыпаў паводле характару аномасіялагічнай прыкметы. Так, сярод субстантыўных тэрміналагічных адзінак былі вылучаны намінацыі, якія належаць да *акцыянальнага тыпу, аб'ектнага тыпу, лакатыўнага тыпу і кваліфікатыўнага тыпу*. Акрамя гэтага, у акцыянальным тыпе выдзяляюцца *акцыянальна-аб'ектны і ад'ектыўна-акцыянальны падтыпы*. Тыпы і падтыпы разглядаюцца ў сувязі са спосабамі намінацыі, дзе важную ролю адыгрываюць дэрывацыйныя сродкі. Т. Р. Трафімовіч падкрэслівае, што афіксы з'яўляюцца спосабам эксплікацыі аномасіялагічнага базіса і выражаюць катэгарызацыйную дзейнасць моўнай асобы пры намінацыі прадметаў навакольнай рэчаіснасці. Улік гэтых афіксаў дазваляе суаднесці іх з характрам аномасіялагічнай прыкметы і ўстанавіць, якія паводле значэння групы прадметных найменняў узніклі з дапамогай той ці іншай прыкметы і якія дэрывацыйныя сродкі выкарыстаны ў якасці базісаў пры гэтых прыкметах [2, с. 39]. У неаднаслоўных найменнях ролю аномасіялагічнай прыкметы выконваюць атрыбутыўныя кампаненты, прычым кожны новы атрыбутыўны кампанент называе новую прыкмету прадмета, які ўжо атрымаў назву пры дапамозе неаднаслоўнага наймення.

Аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што сярод неаднаслоўных найменняў пэўную групу складаюць трохслоўныя (полівербальныя) адзінкі. Як адзначае Л. М. Мінакова, “такія састаўныя найменні, блізкія па агульным значэнні да двухслоўных, дэталізуюць, удакладняюць пэўныя відавны пры-

меты па розных паказчыках – характары прывядзення ў рух, ступені складанасці функцый, спосабе ўспрымання, прызначэнні, месцазнаходжанні і інш. Тэрміны адзначанага тыпу прадстаўлены вялікай колькасцю ў навукова-тэхнічнай тэрміналогіі” [8, с.51]. У такіх выпадках можна гаварыць пра множную анамасіялагічную прыкмету. Спалучэнні анамасіялагічных прыкмет могуць быць розныя.

У ходзе даследавання было прааналізавана 2654 тэрміналагічных словазлучэнняў будаўнічай сферы, якія ўваходзяць у тэматычныя падгрупы “Будаўнічыя матэрыялы і рэчывы”, “Будынкі, памяшканні”, “Будаўнічыя канструкцыі, іх часткі і элементы”. Вызначыць дакладную колькасць полівербальных адзінак дастаткова складана у сувязі з высокай спалучальнасцю кампанентаў (у даследаванні вылучана такіх 67 адзінак).

Сярод будаўнічых тэрмінаў вылучаны наступныя групы полівербальных найменняў:

1) з кваліфікацыйнай і аб’ектнай прыкметай – *цэгла белая сілікатная; лак тлусты маслены; цеста рэдкае цэментавое; сумесь цвёрдая бетонная; вата грануляваная мінеральная; блок цыліндрычны анкерны; падлога бяскоўная пластмасавая; матэрыял азбеставы рулонны; матэрыял дахавы рулонны; матэрыял металакерамічны порысты; пліта драўняная шматслойная; плітка мазаічная шкляная; дэталі будаўнічыя тыпавыя; кардон ліставы будаўнічы;*

2) з аб’ектнай і лакатыўнай прыкметай – *абвязка дзвярная гарызантальная; нага вуглавая кроквенная; перакрыццё паддашкавае металічнае; болт анкерны скразны; панэль сцэнавая драўляная;*

3) з кваліфікацыйнай і акцыянальнай прыкметай – *профіль прэсаваны слаісты; памяшканне цёплае ізаляцыйнае; дом жылы вежавы; дом жылы секцыйны; жалеза ацынкаванае ліставое;*

4) з акцыянальнай і аб’ектнай прыкметай – *папера азбеставая электраізаляцыйная; валакно цеплаізаляцыйнае шкляное; сумесь літая бетонная; ракавіна усадачная металічная; бэлька распорная драўляная; маса шпаклёвочная гіпсавая; дошка гіпсавая арміраваная; цэгла гліняная абпаленая;*

5) з акцыянальнай і лакатыўнай прыкметай – *жолаб вільчыкавы водасцёкавы; дошка зліўная падаконная; дошка падлогавае струганая.*

Такім чынам, трохкампанентныя тэрміналагічныя адзінкі служаць вербальнымі сродкамі выражэння рода-відавых адносін паміж паняццямі, а паняцці могуць мець некалькі відавых характарыстык. Полівербальныя найменні фіксуюць большую колькасць прыкмет, утвараюцца на базе або бівербальных найменняў, або шляхам пераўтварэння аднаслоўнай адзінкі ў мнагаслоўную, утвараючы новыя назвы. Полівербальныя тэрміналагічныя найменні з’яўляюцца каштоўным матэрыялам для вывучэння спосабаў эксплікацыі прадметна-пазнавальнай дзейнасці чалавека, актаў другаснай намінацыі, прыёмаў выкарыстання ў іх камбінаторнай тэхнікі.

ЛІТАРАТУРА

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Яз. рус. культуры, 1998. 768 с.
2. Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской письменности. Минск : Изда-во БГПУ, 2003. 215 с.
3. Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири / Томск. гос. ун-т. Томск, 1981. С. 17–21.
4. Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Язык и действительность : сб. науч. тр. М., 2007. С. 16–26.
5. Дерунова А. А. Названия документов в русском деловом языке XI–XVII вв.: становление и развитие номинативной категории, типы наименований : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2015. 24 с.
6. Кожевникова А. А. Типология сложных слов в языке русской неделовой письменности XI–XVII вв. (ономасиологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2007. 125 л.
7. Михалевич М. М. Типы композитных предметных наименований в русском и английском языках: ономасиологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Белорус. гос. пед. ун-т. Минск, 2017. 25 с.
8. Мінакова Л. М. Беларуская навукова-тэхнічная тэрміналогія: фарміраванне, функцыянаванне, развіццё : манаграфія. Гомель, 2004. 146 с.

УДК 811.161.1'373

Полетаева Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь

электронная почта: *poliet.olga@gmail.com*

Poletaeva Olga Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *poliet.olga@gmail.com*

Иватович-Бабич Валентина Тадеушевна, кандидат филологических наук,
доцент

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

электронная почта: *viva1975@inbox.ru*

Ivatovich-Babich Valentina Tadeushevna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *viva1975@inbox.ru*

ОЦЕНКА СТАТУСА ВАРИАНТА ЛИЧНОГО ИМЕНИ В РАМКАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье рассмотрены виды экспертиз в соответствии с их объектом, требования к квалификации эксперта, категории заказчиков, а также основания для запросов на получение экспертной оценки. Выявлены причины вариативности в фиксации имен собственных в личных документах граждан.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, имя собственное, вариантность личного имени

ASSESSMENT OF THE STATUS OF A VARIANT OF A PERSONAL NAME WITHIN THE FRAMEWORK OF LINGUISTIC EXPERTISE

The article considers the types of expertises in accordance with their object, the requirements for the qualification of an expert, the categories of customers, as well as the grounds for requesting expert evaluation. The article reveals reasons of variability in fixation of proper names in personal documents.

Keywords: linguistic expertise, proper name, variation of a personal name.

Принимая во внимание неоднозначность в определении самого термина «лингвистическая экспертиза» и существование параллельно с ним термина «судебная лингвистическая экспертиза», на наш взгляд, следует остановиться на разграничении этих понятий. Однако необходимо отметить, что многие исследователи не вполне оправданно их отождествляют.

Лингвистическая экспертиза представляет собой исследование продуктов речевой деятельности, направленное на установление значимых фактов и получение ответов на поставленные перед экспертом вопросы. Осуществление лингвистической экспертизы основано на лингвистических теориях и уже разработанных в языкознании методиках исследования лингвистических объектов разных типов. Следовательно, можно говорить о специальном лингвистическом анализе языковых единиц различных уровней.

Практическая необходимость проведения лингвистической экспертизы, как правило, возникает для установления юридических фактов в ходе рассмотрения и разрешения судебных дел. В таком случае понятие «лингвистическая экспертиза» рассматривается как тождественное понятию «судебно-лингвистическая экспертиза».

Например, в пособии И. А. Ярошук и др. лингвистическая экспертиза определяется как «самостоятельный род судебных экспертиз, эффективная (а потому крайне ответственная) процессуальная деятельность по лингвистическому исследованию речевой информации (зафиксированной на любом материальном носителе), имеющей значение доказательства» [4, с.8] Исследователи отмечают, что лингвистическая экспертиза выполняется по вопросам, разрешение которых требует применения специальных

познаний в области языкознания, а результаты этой деятельности должны быть жёстко регламентированы рамками уголовного, гражданского или арбитражного процесса и оформлены в виде письменного заключения эксперта-лингвиста или комиссии. И. А. Ярошук и соавторы предлагают разграничивать лингвистическую экспертизу в широком и узком смысле. В узком смысле под ней понимают судебную экспертизу, назначаемую соответствующими инстанциями и используемую как доказательство в судебном процессе. Логично, что такая судебная экспертиза назначается следственными органами или судом» [1, с. 11].

Как указывает профессор А. Н. Баранов, подобный анализ может быть осуществлен по инициативе одной из сторон, например, адвоката, а не запрошен официально следственными органами. В таком случае его следует считать лингвистическим исследованием или заключением специалиста.

При широком понимании, лингвистическая экспертиза рассматривается как любой анализ текста с использованием лингвистических знаний о функционировании языка, адресованный специалистам различных отраслей знаний: археологам, историкам, социологам и др.

Таким образом, важным критерием для разграничения вышеуказанных понятий является наличие официального запроса из судебных или следственных органов, что позволяет квалифицировать исследование как «судебную лингвистическую экспертизу». Все иные запросы от частных лиц или иных государственных институтов и учреждений могут рассматриваться как «лингвистическая экспертиза».

Объекты лингвистической экспертизы – это единицы языка и речи, устные, письменные, электронные тексты, зафиксированные на любом материальном носителе, в том числе цифровом. По объекту лингвистических экспертиз разграничивают экспертизы звучащей речи, экспертизы письменного текста и вербально-визуальные экспертизы.

Экспертизы звучащей речи, предполагающие в том числе использование лабораторного инструментария для установления ее акустических параметров, могут быть проведены в специально оборудованных соответствующим инструментарием центрах экспертиз. Однако на практике специалисту часто приходится анализировать устные высказывания, зафиксированные в протоколах административных или уголовных дел. Но подчеркнем, что в таком случае изучается только лексический, морфолого-синтаксический, стилистический аспекты.

Экспертизы письменного текста проводятся с использованием методов семантического (например, исследование компонентного состава словарной дефиниции, изучение семного состава языковой единицы), морфологического, синтаксического, контекстуального и стилистического анализа.

Вербально-визуальные экспертизы в качестве объекта исследования предполагают сложно организованный феномен – сочетание вербальной и невербальной информации [2, с.14].

Субъектом лингвистической экспертизы выступает эксперт-лингвист, обладающий специальными познаниями в области лингвистики и речеведения, то есть имеющий высшее филологическое или лингвистическое образование и опыт работы. Однако, по мнению Т. И. Вепревой, по некоторым заключениям в качестве эксперта может выступать магистр филологии [3, с. 4]. Предпочтение, как правило, отдается практикующим ученым, поскольку в основе любой экспертизы лежит научное исследование.

При этом следует понимать, что эксперт работает исключительно с языковым материалом: словами, их значениями, не только зафиксированными в словарях, но и возникающими в речи за счет актуализации потенциальных сем. Коммуникативные интенции говорящего/пишущего, оценка его психологического состояния не могут выступать предметом экспертной оценки лингвиста.

Оценка лингвистического статуса единиц языка и речи может осуществляться на различных уровнях языка. Предметом исследования становятся разноуровневые единицы: отдельные лексемы и фразеологизмы (как правило, функционирующие в определенных контекстах и актуализирующие в них определенные лексико-семантические варианты), личные имена (имена собственные, отчества, названия учреждений и организаций), морфологические варианты слов, синтаксические конструкции и целые тексты.

На этом основании специалисты выделяют следующие виды лингвистической экспертизы:

- экспертиза спорных речевых произведений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации;
- экспертиза речевых произведений по обвинению в клевете;
- экспертиза речевых произведений по обвинению в публичном оскорблении;
- лингвистическая экспертиза рекламных текстов;
- лингвистическая экспертиза товарных знаков и доменных имен,
- лингвистическая экспертиза, устанавливающая авторство.

На наш взгляд, этот перечень должен быть дополнен лингвистической экспертизой, устанавливающей тождественность имен собственных.

В структуре Минского государственного лингвистического университета создан и функционирует Лингвапарк, который среди прочих других предлагает услуги по проведению лингвистических экспертиз. Подготовка заключения эксперта может быть инициирована компетентными органами либо частными лицами. Данный вид деятельности последовательно осуществляется специалистами университета, в том числе членами профессорско-преподавательского состава кафедры славянских языков начиная с 2015 года.

Причины, побуждающие заказчиков обратиться за лингвистической экспертизой или справкой, разнообразны, однако все они связаны с определенными юридическими последствиями, будь то варианты фиксации

имени собственного в личных документах, что напрямую детерминирует вопросы наследования или получения гражданства, с одной стороны, или вопросы о наличии оскорбления, унижения личности, умаления профессиональной квалификации гражданских или юридических лиц в том или ином тексте (контексте) – с другой.

Категории заказчиков лингвистических справок/экспертиз разнообразны и включают в себя частных лиц, отделы ЗАГС, районные управления внутренних дел, отделы по гражданству и миграции, предприятия различной формы собственности.

Значительную часть обращений по поводу экспертизы составляют запросы на лингвистическую оценку личных имен. Как уже указывалось выше, эти вопросы часто связаны со вполне определенными юридическими последствиями (наследование, получение гражданства и т.п.) и потому требуют безусловной достоверности.

Для определения возможных вариантов личных имен эксперт обращается к авторитетным нормативными и лексикографическим источникам (например, Суперанская, А.В. Словарь личных имен; Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен и др.), в которых содержится информация о происхождении антропонимов и их возможные варианты.

Следует учитывать, что в документах могут быть представлены варианты имени, один из которых не фиксируется словарем и возникает в результате проникновения фактов просторечия или диалекта в официальную сферу коммуникации. Например, в вопросе об эквивалентности имен *Лилия* и *Льилия* мы обратились к данным словарей, согласно которым была установлена этимология имени и его обиходные варианты. Женское собственное имя *Лилия* в русском и болгарском антропонимиконе восходит к наименованию цветка лилии, которое в свою очередь этимологически соотносится с латинским *Laelia*, восходящим к слову *Laelius*, представляющим собой римское родовое имя.

В качестве производных имени *Лилия* словари приводят следующие варианты: *Лиля (Лила)*; *Лилюня*; *Лилюся*; *Лилюха*; *Лилюша*; *Лия*. При этом в них не фиксируется *Льилия*. На основании этого нами было сделано заключение, что при оформлении свидетельства о рождении гражданки Л. была допущена ошибка, поскольку ни один из словарей русского языка не фиксирует имя *Льилия* ни в качестве самостоятельного официального антропонима, ни в качестве варианта имени *Лилия*.

Устанавливая по запросу тождество имен *Тамара* и *Томара*, следует указать, что согласно словарям, в русском языке существует лишь один вариант написания данного имени – *Тамара*. Производными являются *Тамарка*, *Тама*, *Тамуся*, *Тома*, *Томуля*, *Томуня*, *Томуся*, *Муся*, *Тата*, *Татуся*, *Мара*. Следовательно, написание имени через букву «о» (*Томара*) является ошибочным. Вероятно, ошибка в написании допущена под влиянием сокращенного варианта *Тома*, на которое ориентировались при написании имени.

Для оценки статуса патронимов (отчеств) анализируются как словообразующие аффиксы, так и производящие основы. Часто экспертиза связана с установлением идентичности лингвистических единиц типа *Геннадьевна* и *Геннадиевна*, которые образуются в современном русском языке от основы мужского имени собственного при помощи суффиксальных формантов *-евич(-ьевич)*, *-евна (-ьевна)*. Составители грамматических справочников указывают, что от значительной группы русских имен, оканчивающихся на *-ий*, отчества могут быть образованы как по общему правилу, так и с редуцированной заменой *-ий* на *-j* (графически *-ь*) в форманте. Таким образом, орфографически корректными будут варианты *Геннадиевич* и *Геннадьевич*, *Иннокентиевич* и *Иннокентьевич*, *Виталиевич* и *Витальевич* и т.п. Однако с юридической точки зрения важно, чтобы у конкретного носителя отчества во всех документах написание было единообразным: либо только формы с *-иевич*, либо только формы с *-евич*.

Варианты патронимов могут возникать и вследствие вариативности в производящих основах. Так, отчества *Мартинович* и *Мартынович* следует считать эквивалентными в силу признания в словарях идентичности имен *Мартин* и *Мартын*. Имя *Мартын* является вариантной (разговорной) формой имени *Мартин*. Данный вариант возник в результате ассимилятивных процессов, характерных для вводимых в оборот христианских имен, которые сразу после вхождения в русский антропонимикон стали подвергаться народной адаптации через устную речь. Исследователи отмечают, что «исходные имена, нередко многосложные, с удвоенными гласными, торжественно звучащие, хорошо ложились в канву православного богослужения с произнесением молебствий нараспев. Однако эти имена не всегда были удобны для повседневного употребления в быту. Поэтому процесс ассимиляции христианских имён в русском языке в основном шёл по пути образования кратких форм, с твёрдым, энергичным звучанием» [4, с. 255]. Усвоение новых имён древнерусским языком происходило посредством различных фонетических и деривационных процессов (метатеза, ассимиляция, диссимиляция, редукция, нормы образования кратких, уменьшительных и ласкательных форм).

Дальнейшая судьба возникавших вариантов христианских имен была разной и приводила либо к обособлению имени, либо к сохранению статуса варианта. Таким образом, современный статус подобного личного имени определяется по словарю.

Вместе с тем разночтения могут быть обусловлены и действующими в определенный период нормативными документами. Так, устанавливая тождественность имен *Федор* и *Фёдор*, следует принимать во внимание ряд факторов.

Прежде всего, необходимо отметить, что в церковнославянской традиции данное имя представлено формой *Феодор*, а в современном русском языке имеет сокращенный вариант *Федя*, что в свою очередь указывает на идентичность имен *Федор* и *Фёдор*. Кроме того, следует учитывать, что

статус буквы *ё*, включенной в графическую систему русского языка в 18 веке, до настоящего времени определяется неоднозначно. Новая редакция «Правил русской орфографии и пунктуации», действующих с 1956 года, была одобрена и опубликована Орфографической комиссией РАН в 2006 году. Согласно параграфу 5 данных «Правил» употребление буквы *ё* не является строго обязательным, а может быть последовательным и выборочным. В соответствии с письмом Министерства образования и науки РФ от 03.05.2007 АФ-159/03 «О решениях Межведомственной комиссии по русскому языку» органам власти, выдающим гражданам официальные документы государственного образца, предписывается использовать букву *ё* в именах собственных. Следовательно, важно подчеркнуть, что в документах, выданных до 2007 года, использование буквы *ё* носило не обязательный, а рекомендательный характер, и это в свою очередь обуславливает написание имен собственных в двух вариантах (с буквой *е* и с буквой *ё*) в официальных документах этого периода на всем постсоветском пространстве.

Особую сложность представляет собой проверка иноязычных имен, необходимость в которой часто связана с переводом и апостилированием документов. Эксперт в данном случае не только анализирует словари, но и учитывает особенности графики языка-источника, а также правила транскрипции (либо транслитерации) при передаче собственных наименований средствами русского языка. В частности, при определении тождественности имен *Мухаммед* и *Мухамед* (в русском переводе документов) и *Mohamad*, *Mohammad* (в английском) и признании их эквивалентными вариантами в заключении констатируются определенные трудности передачи собственных имён и названий арабского происхождения _ графемами кириллического или латинского алфавита в силу ряда причин. Во-первых, многие звуки арабского языка не имеют аналогов в русском или английском, и потому передать точно их произношение часто затруднительно, а во-вторых, арабское письмо является консонантным, и в диалектах возможно различное наполнение гласными звуками. В настоящее время говорить о какой-либо системности в вопросе транскрипции арабских имен собственных очень сложно. Вследствие этого функционируют разные варианты одних и тех же имен, например, рус. *Мухаммед*, *Мухамед*, *Мухаммад*, англ. *Mohamad*, *Mohammad* и под. Признавая эквивалентность данных онимов, считаем необходимым унифицировать перевод данных единиц во всех документах (и на русском, и на белорусском, и на английском языках) во избежание разночтений при идентификации личности.

Выбор онима при имянаречении иногда мотивирован субъективными факторами, а не антропонимическими традициями. Это может привести к ситуации, когда малознакомое, а иногда и просто уникальное имя в ежедневной коммуникации замещается более кратким и простым, частично созвучным вариантом иного имени. Например, устанавливая эквивалентность имен *Реингольда* и *Римма* (к слову, удостоверенных нотариусом как

идентичные варианты одного имени) в свидетельствах о рождении разных детей одной матери, можно с полной уверенностью констатировать ошибку, совершенную работником органов ЗАГС в силу вышеуказанных причин, поскольку ни один словарь русских имен не фиксирует подобного женского личного имени. Представлено только мужское имя *Рейнгольд*, являющееся результатом ассимиляции германского имени *Рейнольд* (нем. *Reinhold*).

Обобщая вышесказанное, считаем возможным констатировать, что значительная часть экспертных заключений по личным именам демонстрирует блок проблемных узлов в передаче имен собственных в личных документах, а именно:

1) разночтения в фиксации личного имени в документах вследствие орфографических ошибок или описок, возникающих в результате влияния просторечия или диалекта на корректную запись онима;

2) разночтения в фиксации имени собственного в результате фонетических явлений, сопровождающих процесс морфемной деривации, например, при образовании патронимов;

3) разночтения в фиксации антропонимов вследствие вариантов адаптации имен, заимствованных из других языков, а чаще наследованных из греко-латинского антропонимикона;

4) разночтения в фиксации заимствованного имени собственного, связанные с некорректной передачей его фонетико-графического облика средствами переводящего языка;

5) разночтения в фиксации личного заимствованного имени вследствие влияния онима, используемого в быту и не зафиксированного словарями в качестве варианта заимствованного имени в силу сложности исходного.

Решение подобных вопросов связано с необходимостью высокой профессиональной квалификации лиц, производящих лингвистическую экспертизу, что предполагает не только наличие профильного образования, но и опыт работы в сфере лингвистики.

В заключение следует особо подчеркнуть, что лицо, осуществляющее экспертную оценку, несет высокую ответственность, часто сопрягаемую с необходимостью сохранения в тайне предмета экспертизы, если речь идет об уголовном или административном правопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза : учеб. пособие. Белгород : БелГУ, 2020. 96 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М. : Флинта, 2020. 592 с.
3. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Экспертный лингвистический анализ спорного текста : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 148 с.
4. Суперанская А. В., Сулова А. В. Условные правила соотнесения вариантов имён // О русских именах. М., 2010. С. 254–256.

УДК 378.147:811.161.1'243

Лучкина Наталья Владимировна, кандидат филологических наук
Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону,
Россия
электронная почта: *luchkina7@mail.ru*

Мирзоева Сусанна Амбарцумовна
Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону,
Россия
электронная почта: *samirzoeva@yandex.ru*

Проценко Ирина Юрьевна
Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону,
Россия
электронная почта: *ir.protsenko@yandex.ru*

Luchkina Natalya, Candidate of Philological Sciences
Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: *luchkina7@mail.ru*

Mirzoeva Susanna
Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: *samirzoeva@yandex.ru*

Protsenko Irina
Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: *ir.protsenko@yandex.ru*

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Аксиологию можно рассматривать как прикладную науку в преподавании русского языка как иностранного, так как она помогает определению ценностей носителей языка. Содержание обучения должно обеспечивать обучающимся знание культурных доминант в российской ценностной картине мира.

Ключевые слова: аксиология; содержание обучения; русский язык как иностранный.

AXIOLOGICAL IN DETERMINING THE CONTENT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary. Axiology can be considered as an applied science in teaching Russian as a foreign language, as it helps to determine the values of native speakers. The content of training should provide students with knowledge of cultural dominants in the Russian value picture of the world.

Key words: axiology; learning content; Russian as a foreign language.

На определение содержания обучения русскому языку как иностранному (РКИ) влияют как объективные, так и субъективные факторы. К объективным факторам относятся изменения, происходящие в обществе; научно-технический прогресс, во многом влияющий на наш образ жизни, способы общения и формы обучения. К объективным факторам можно также отнести взаимодействие России с другими странами на международной арене. К субъективным факторам определения содержания обучения РКИ следует отнести методологические позиции ученых, причем здесь следует говорить о влиянии на методiku преподавания РКИ разных наук, связанных с языком: когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, эмотивной лингвоэкологии, аксиологии и др.

Мы будем говорить об аксиологичности обучения как об одном из важнейших факторов определения содержания обучения РКИ. В последнее время появляется все больше публикаций о необходимости аксиологического подхода в преподавании иностранных языков как одной из важных методологических составляющих [1, 2, 3, 4, 5].

Л. А. Микешина подчеркивает, что «овладение системой ценностей изучающими иностранный язык происходит не только и не столько при помощи овладения словарем, синтаксисом и грамматикой, сколько через неосознаваемое приобщение к фонду культуры и исторического бытия данного языка» [6, с. 327]. Это верная точка зрения, однако сбрасывать со счетов важность выявления вербальных номинаций ценностных категорий не стоит.

Аксиологический подход в преподавании иностранных языков, и РКИ в частности, требует поиска ответа на вопрос: что носители языка считают ценностно-значимым для себя? Здесь будет уместно сослаться на существенное, на наш взгляд, замечание А. Д. Шмелева: «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» [7, с. 296]. Безусловно, это утверждение справедливо в отношении людей, принадлежащих к русской культуре. Что касается иностранцев, изучающих русский язык, то их внимание как раз и должно быть сконцентрировано на тех явлениях и фактах, значимость которых для русского человека аксиоматична.

В настоящее время актуальность приобрела проблема разработки аксиологических моделей, позволяющих у изучающих иностранный язык формировать аксиосферу, приближенную к той, которой носители языка овладевают с детства при помощи всего арсенала средств обучения и воспитания на разных стадиях социализации.

Для практического решения этой задачи следует использовать результаты исследований в области лингвоаксиологии, опирающейся на данные системы языка и корпуса текстов, в которых представлены интерпретации

универсальных и национально-специфических ценностных категорий, а также лингвокультурологии, оперирующей в целях лингвокультурного моделирования мира таким понятием, как лингвокультурный концепт. Определяющая роль при аксиологическом подходе будет принадлежать ценностно-концептуальной базе, в структуре которой обязательно содержится когнитивное ядро, во многом объясняющее особенности этнокультурного мировосприятия и накладывающее отпечаток на склад ума носителей языка, манеру поведения, проявления чувств и пр.

Люди за рубежом часто воспринимают искаженно образ России, что сказывается и на ее популярности в глазах молодых людей, выбирающих страну для получения высшего образования. Мы разделяем мнение Е. В. Ардовой о том, что учебник русского языка для иностранцев должен служить средством формирования позитивного образа страны изучаемого языка. Более того, служить продвижению позитивного имиджа России на международной арене, что должно стать для авторов учебников важной государственной задачей [8]. В сложившихся геополитических условиях особую значимость приобретает аксиологический подход в преподавании РКИ.

Известно, что совокупность культурных доминант образует определенный тип культуры, сохраняемый в языке. Наша задача – ввести иностранных учащихся в процессе овладения русским языком в его аксиосферу, что требует знания культурных доминант в российской ценностной картине мира. Учебные тексты как языковые репрезентанты ценностных категорий должны обеспечить учебное дискурсивное пространство смыслами, важными для человека, принадлежащего к русской культуре.

Специалистам в области преподавания РКИ необходимо ориентироваться в типах ценностей, различая, какие из них могут квалифицироваться как общечеловеческие, а какие свойственны именно русскому сообществу. Нам представляется правильным искать этнокультурное своеобразие ценностей того или иного народа в особенностях его национального характера. Что касается русского народа, то с высокой степенью доверия, на наш взгляд, можно отнести к перечню особенностей современного русского характера, приведенному В. В. Владимировым в его монографии «Смысл русской жизни» [9]. Им названы следующие особенности характера русских, относительно более развитые, чем у народов, принадлежащих к другим культурам:

- идеализм, то есть превалирование духовного над материальным;
- стремление «быть, а не иметь»;
- понимание подчиненной роли труда в «правильной» жизни;
- терпение и смирение;
- важность мнения окружающих;
- высокое значение авторитетов;
- умение сотрудничать, соборность;

- коллективизм как солидарность и взаимопомощь;
- способность уживаться с другими народами, неагрессивность;
- совесть;
- обостренное чувство справедливости;
- неравнодушие;
- чувство долга и сила воли;
- свободолюбие [9, с. 428].

Особенности национального характера определяют систему ценностей народа, а последние в свою очередь оказывают влияние на то, каким быть новым поколениям россиян. Ценности выполняют функцию социальных регуляторов в жизни человека, обладая большим социокультурным потенциалом и обеспечивая интеграцию общества на основе выбора его членами социально одобряемой манеры поведения. Содержание учебных материалов по РКИ призвано обеспечить обучающимся понимание того, что наиболее ценно для россиян.

Аксиология, таким образом, приобретает огромную прикладную значимость при разработке учебных материалов по РКИ, так как от понимания ценностей русского народа и воспитания уважения к ним во многом зависит наше общее будущее.

Иностранные выпускники российских вузов едут на родину и рассказывают правду о том, насколько миролюбивы и дружелюбны россияне, как чтят свою историю и гордятся своими учеными и космонавтами, писателями и композиторами.

В этом году наши выпускники стараются поддержать Россию и выразить свою солидарность с российским народом. Так, в Ливане организуются акции, которые будут проходить под лозунгами «За Россию», «За Победу», направленные против русофобии. На площадях Бейрута и Тира в вечернее время зажгутся свечи, из которых будут выложены эти слова, пройдут митинги. Этого не покажут в Америке и во многих странах Европы, но 30 000 ливанских специалистов, получивших высшее образование в России, помнят, чему их здесь учили: правде, добру, справедливости.

Понятно, почему в странах Запада под запрет попали Пушкин и Достоевский, Чайковский и Шостакович. Гуманизм русской культуры ненавистен Западу. Слово порой сильнее всякого оружия проникает в сердца и души, превращая в сторонников тех, кто был безразличен к России или даже враждебен по отношению к ней. А для понимания музыки даже слова не нужны. Почему мужской австралийский хор разучивает русские песни, не зная русского языка? Энергетика и мелодика русских песен понятны без перевода. Создатели этих песен не только талантливые люди, но и большие патриоты России. Грандиозная и грозная «Священная война» А. В. Александрова и лирическая мелодия песни Н. В. Богословского «Темная ночь» понятны иностранцам без слов.

Правительства недружественных государств не могут позволить широкой публике познакомиться со словами А. Пушкина, прозвучавшими более 190 лет назад, но остающимися актуальными и в наше время в связи с событиями в Украине?!

О чем шумите вы, народные витии?

Зачем анафемой грозите вы России?

Что возмутило вас? Волнения Литвы?

Оставьте: это спор славян между собою,

Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,

Вопрос, которого не разрешите вы.

Комплексное осмысление культурообразующих ценностей, по мнению В. И. Карасика, позволяет выстроить модель ценностной картины мира в языке [10], что обеспечит надежные ориентиры в понимании аксиосферы иностранными учащимися, постигающими русский язык и русскую культуру. Таким образом, аксиологичность является одним из решающих факторов при определении содержания обучения РКИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов : коллектив. моногр. / М. : ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
2. Вепрева И. Т. Принципы отбора вербальных знаков ценностей в процессе аксиологического строительства в современной речевой практике [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10995/36481> (дата обращения: 25.03.2022).
3. Лучкина Н. В. Аксиологический подход в обучении русскому языку как иностранному // Современные проблемы развития фундаментальных и прикладных наук. Прага, 2016. Т. 3. С. 110–114.
4. Лучкина Н. В., Проценко И. Ю. Аксиологическое «строительство» на занятиях по русскому языку как иностранному // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике : сб. ст. / отв. ред. Д. Н. Новиков. М., 2017. Т. 1. С. 625–632.
5. Рубцова А. В. Аксиологический подход как методологическая основа продуктивного обучения иностранному языку на переходном этапе российского образования [Электронный ресурс]. URL: http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/83/rubtsova_83_179_184.pdf (дата обращения: 25.03.2022).
6. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М. : Рос. полит. энцикл., 2007. 439 с.
7. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Яз. славян. культуры, 2002. 496 с.
8. Ардова Е. В. Образ России в современных учебниках по русскому языку как иностранному [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-rossii-v-sovremennyh-uchebnikah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 25.03.2022).
9. Владимиров В. В. Смысл русской жизни. М. : Алгоритм ; Эксмо, 2006. 544 с.
10. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. С. 28–32.

УДК 81'27'37

Григорьева Ирина Максимовна

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Hryhoryeva Iryna

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *irynahryhoryeva@yandex.by*

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ГЕНДЕРА

Аннотация. Данная статья посвящена проблематике третьего гендера в русском языке. Сопоставляются варианты языковых средств отражения третьего гендера в английском, немецком и русском языках. Рассматриваются грамматические категории, имеющие семантику гендера в данных языках, в синхроническом и диахроническом аспектах.

Ключевые слова: гендер, третий гендер, гендерно-нейтральная грамматическая форма, лингвистическая инклюзивность, гендерная толерантность, гендерквиризмы.

LEXICOGRAMMATICAL TRANSFORMATIONS OF LANGUAGE UNITS POSSESSING GENDER SEMANTICS

Summary. The article is devoted to the problem of the third gender in the Russian language. The English, German and Russian languages are contrasted in terms of possessing language units, which allow people of the third gender to express themselves. Grammatical categories possessing semantic features of gender in their both synchronic and diachronic aspects are examined.

Key words: Gender, third gender, gender-neutral grammatical form, linguistic inclusiveness, gender tolerance, genderqueer-specific words.

Феномен небинарности в культуре существовал уже давно, со времен античности, но проблема по-прежнему остается актуальной, так как, например, в современном русском языке система грамматических форм лица не имеет адекватных грамматических средств для выражения гендерной нейтральности и гендерной инклюзивности. Третий гендер не включен в систему грамматических форм русского языка.

В настоящем исследовании ставится цель выявить потенциальные адекватные лексико-грамматические средства для того, чтобы люди третьего гендера смогли в полной мере выразить свои коммуникативные потребности на русском языке.

Под третьим гендером понимается термин, используемый для описания людей, которые не идентифицируют себя ни как женщину, ни как мужчину; то есть, причисляют себя к иному гендеру, не укладывающемуся в тради-

ционную двоичную систему понимания гендера [1]. Таким образом, сформировался конфликт между тем, что диктует жизнь, и тем, какова реальная языковая практика.

Кроме того, требует уточнения объем и содержания понятия «гендер». С этой целью мы провели компонентно-контрастивный анализ лексикографических статей термина «гендер» в 12 академических словарях: 6 англоязычных, 6 русскоязычных, для каждого языка 3 из которых представлены толковыми и 3 – специализированными (1 словарь гендерных исследований, 1 психологический словарь и 1 социологический словарь) [2 – 13] и пришли к выводу, что существуют разночтения в определении понятия «гендер».

В англо- и русскоязычных лексикографических источниках в подавляющем большинстве отсутствует явная дифференциация между гендером и полом; зачастую гендер рассматривается с точки зрения социального конструкта без учета психологической грани феномена. Более того, третий гендер и различные его вариации либо отсутствуют в объеме понятий, либо включены непоследовательно, что позволяет говорить о недостаточной разработанности проблемы гендера.

Специфика англоязычных источников заключается в том, что термин "gender" обозначает в английском языке грамматическую категорию рода. Также в английском языке для трех пар русскоязычных лексем существование женского/мужского пола, самка/самец и человек женского/мужского пола существует лишь 1 пара лексем *female/male*, что может существенно отражаться и на понимании гендера (*female, male* встречаются в 5 из 6 словарях). В то же время в русскоязычных источниках аналогами выступают лексемы *мужчина* и *женщина*, которые включают в объем значения как биологические характеристики, так и спектр гендерных особенностей. В целом англоязычные словари более подробно описывают термин «гендер», но, на наш взгляд, объясняют его биологической детерминацией.

Что касается термина в русскоязычных лексикографических источниках, то следует отметить социальную детерминацию гендера, однако в качестве видов гендера рассматривают лишь женщину и мужчину. При этом в русскоязычных словарях гендер, на наш взгляд, недостаточно или неадекватно описан, в 3 из 6 рассмотренных словарей этот термин отсутствует, что может быть обусловлено рядом причин: характерной консервативностью и гендерной политикой пропаганды бинарной парадигмы женского и мужского в русскоязычной культуре; более длительным периодом развития в сфере осознания и принятия многообразия Другого, в том числе гендера и сексуальности (все изученные словари изданы в конце 20 – начале 21 веков, когда был пик феминистского направления в русскоязычной лингвистике, поэтому тема рассматривалась с точки зрения того, чтобы заметить женщину рядом с мужчиной, о третьем гендере речи еще не шло; до этого, можно сказать,

гендерная проблема была в принципе не разработана); «лексикографическим застоем», или отсутствием финансирования на создание обновленных академических словарей в онлайн и/или печатном формате, в связи с чем новые культурные и языковые феномены не регистрируются.

Исследование понятие «гендер» в различных лексикографических источниках подтвердило недостаточную разработанность данного термина. В связи с чем предлагаем следующее уточненное определение гендера:

Гендер – это спектр семантических характеристик, отражающих категории феминности, маскулинности или андрогинности и реализованных в языковых единицах разных уровней. В зависимости от контекста, под такими характеристиками могут подразумеваться социальные структуры (в частности, гендерные и другие социальные роли) или гендерная идентичность.

В 1987 году Д. Циммерман и К. Вест в работе «Создавая гендер» предлагали рассматривать участников коммуникации как «создающих гендер», а не «принадлежащих к какому-либо гендеру».

Гендер репрезентируется в языке, в частности, в грамматике. В первую очередь следует обратить внимание на классификацию языков по типу парадигмы грамматического рода. На данный момент, в мире количественно доминируют языки без грамматической категории рода [14].

Стоит отметить, что если в английском языке в силу системно-структурных особенностей достаточно легко учитывать гендерную вариативность, то в строгих синтетических языках, таких как русский, с этим возникает проблема.

Проблема грамматической категории рода, сопряженная с проблемой вариативности гендера, ставит проблему языковой толерантности, которая по-разному решается в языках. Ниже представлены варианты языковых средств отражения третьего гендера в немецком [15 – 16], английском [17] и русском [18 – 20] языках с точки зрения синхронии и диахронии.

В немецком языке на уровне грамматики: *mein_e beste_r Freund_in Freundx/Freundiks/Freund*/;* *Liebej Alex, ...; Er arbeitet als Programmiererin;* местоимения: *Hän ist so ein coolej; Es ist ein wunderbares Enby; Sier holt das Fahrrad. Xier liebt Katzen; man;* причастия: *Sehr geehrte Mitarbeitende der Firma ...* и др. На уровне лексики с обобщенным значением: *Person, Mensch, Individuum;* на уровне специальной лексики: *Arzthelfer (m/w/d), Neutrois, Nichtbinär, Genderqueer, Frann, Enby, bigender u др.*

В английском языке на уровне грамматики: *policeman (-woman) => police officer;* местоимения: *they, their, one,* местоимения Спивака [21]. На уровне лексики с обобщенным значением: *person, individual, human, human being;* на уровне специальной лексики: *Mx Smith, genderqueer, nonbinary, enby u др.*

В русском языке на уровне грамматики: *поэт, поэтка – поэт*ка; я пришла; я открыл дверь и понял; я открыл*a; я открыло; я открыли; причастия: учителя, учительницы – обучающие*. На уровне лексики с обобщенным значением: *человек, лицо, персона, личность, индивид*; на уровне специальной лексики: *гендерквир, агендер, гендерфлюид, господамы и др.*

Анализируя грамматические категории лица, рода и числа диахронически в поиске исторической оправданности представленных выше лексико-грамматических единиц, мы пришли к следующим выводам.

Прежде всего следует отметить роль феминизма: через замечание женщины общество начало замечать и другие гендеры, что в языке нашло отражение в феминитивах (феминизмах), породивших то, что можно назвать **гендерквиризмами** – номинативными лексико-грамматическими единицами, отражающими человека третьего гендера (или гендерквира) в языке.

В рассматриваемых языках местоимения 3 лица единственного числа *it, es, оно* могут и употребляются по отношению к человеку, при этом имеется семантический компонент «неизвестности гендера», но единицы обладают негативной (уничижительной) коннотацией.

В английском языке в активный словарный запас вернулась форма местоимения *they* в значении употребления по отношению к одному лицу неизвестного гендера, которая сегодня широко используется представителями третьего гендера. Неопределенно-личное местоимение *one* может обозначать как человека без гендерной маркированности, так и предмет, однако нами не выявлены случаи употребления данного местоимения людьми третьего гендера.

В русском языке местоимение 3 л. мн. ч. *они* применительно к одному лицу имело значение подобострастного отношения к нему. Сегодня это наиболее употребительное местоимение представителями третьего гендера в русскоязычной культуре, однако *они* при таком использовании является одновременно местоимением 3 лица по форме и 1 лица по значению.

В немецком, как и в английском, существовало неопределенно-личное местоимение *man*. В английском языке оно выпало из системы, его место сегодня занимает местоимение *one*, в то время как *man* осталось в немецком языке с аналогичным значением. Хотя *man* и обладает потенциалом для становления гендерно-нейтральной формой третьего гендера, оно созвучно с немецким существительным *der Mann*, в современном языке обозначающим мужчину, однако исторически изначально обозначавшем человека.

В остальном не обнаружено исторической обоснованности грамматических единиц. Оставшиеся единицы являются или искусственно, технически, креативно созданными, или заимствованиями. При этом кодифицированной единицей грамматики, обозначающей человека третьего гендера, является только местоимение *they* в английском языке.

В целом можно наблюдать различные примеры асимметрии категорий лица, рода, числа как нормальное языковое явление. Например, в русском языке при официальном обращении употребляется гендерно-нейтральная конструкция «местоимение мн. ч. Вы + глагол мн. ч. прош. вр.» по отношению к одному лицу.

Все вышесказанное указывает на возможность изменений грамматических категорий, в том числе и категории рода с учетом третьего гендера. На наш взгляд, это можно сделать двумя способами: посредством **лингвистической инклюзивности** – «включенности в язык и культуру всех гендерных идентичностей и групп» [18] или посредством **нейтрализации гендера** в структуре языковых единиц как такового.

Таким образом, язык – динамическая система, количество и значение лексем, граммем которой может изменяться, а коннотации значений – утрачиваться. Соответственно, на наш взгляд, нельзя однозначно утверждать, что в русском языке невозможно изменение грамматической категории рода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савина А. От дисфории до бендинга : словарь важных гендерных терминов [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/217975-gender> (дата обращения: 12.09.2019).
2. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. 2021. URL: <https://www.oed.com/view/Entry/77468> (accessed: 10.11.2021).
3. Lexico.com Dictionary [Electronic resource]. 2021. URL: <https://www.lexico.com/definition/gender> (accessed: 10.11.2021).
4. Merriam-Webster.com Dictionary [Electronic resource]. 2021. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gender> (accessed: 10.11.2021).
5. Griffin G. A Dictionary of Gender Studies [Electronic resource]. 2017. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780191834837.001.0001/acref-9780191834837-e-148?rskey=gMnJEF&result=149> (accessed: 20.01.2022).
6. APA Dictionary of Psychology. Gender [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.apa.org/gender> (accessed: 15.01.2021).
7. Bell K. Open Education Sociology Dictionary [Electronic resource]. 2013. URL: <https://sociologydictionary.org/gender/> (accessed: 10.11.2021).
8. Горбачевич К. С. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. Т. 4. М., 2006. 400 с.
9. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 3 т. Т. 1 : А-Л. 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-195-4.htm#zag-17834> (дата обращения: 10.11.2021).
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. 1998. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-krysin/index.htm#195> (дата обращения: 10.11.2021).
11. Воронина О. А. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (дата обращения: 21.11.2020).
12. Ребер А. Оксфордский толковый словарь по психологии [Электронный ресурс]. 2002. URL: <https://vocabulary.ru/slovari/oksfordskii-tolkovyi-slovar-po-psihologii.html> (дата обращения: 10.11.2021).

13. Джери Д. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. 1999. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/big-sociological/fc/slovar-195-1.htm#zag-292> (дата обращения: 10.11.2021).
14. Corbett G. G. Number of Genders [Electronic resource] // The World Atlas of Language Structures Online. 2013. URL: <https://wals.info/feature/30A#2/26.7/149.2> (accessed: 11.05.2020).
15. Nichtbinär-Wiki. Geschlechtsneutrale Sprache [Electronic resource]. URL: https://nibi.space/geschlechtsneutrale_sprache (accessed: 10.05.2020).
16. Queer Lexikon [Electronic resource]. URL: <https://queer-lexikon.net/2017/06/08/nichtbinaer/> (accessed: 17.01.2022).
17. Nonbinary Wiki [Electronic resource]. URL: <https://nonbinary.wiki/wiki/Nonbinary> (accessed: 13.04.2020).
18. Першай А. Гендерно-нейтральный язык и небинарные идентичности: как реформировать язык? [Электронный ресурс] // MAKEOUT. 2017. URL: <https://makeout.by/2017/02/27/genderno-neutralnyy-yazyk.html> (дата обращения: 08.12.2019).
19. Ковальски А. Гид по местоимению «они»: как его используют небинарные люди [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/251493-them-they-theirs> (дата обращения: 09.02.2022).
20. Сперанских Ж. Оно/его и основы небинарной вежливости [Электронный ресурс] // Мы – человек (небинарность). 2021. URL: https://vk.com/wall-186167164_1222?ysclid=11ebznmkds (дата обращения: 03.02.2022).
21. Spivak pronouns [Electronic resource] // Pinterest. URL: <https://tr.pinterest.com/pin/535717318153081257/> (accessed: 01.05.2020).

Секция 4

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 378.147:811.161.1'243

Пустошило Елена Петровна, кандидат филологических наук, доцент
Гродненский государственный медицинский университет, Гродно, Беларусь
электронная почта: elenapustoshilo@mail.ru

Pustoshilo Elena, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Grodno State Medical University, Grodno, Belarus
e-mail: elenapustoshilo@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ
ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕНИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье проанализированы наиболее частые ошибки, которые делают иностранные студенты, когда пишут интернет-сообщения на русском языке. Сформулированы основные правила написания интернет-сообщений.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, речевой этикет, интернет-сообщения, иностранные студенты.

TEACHING FOREIGN STUDENTS THE SPEECH ETIQUETTE
OF INTERNET MESSAGES IN RUSSIAN

Summary. The article analyzes the most common mistakes that foreign students make when writing Internet messages in Russian. The basic rules of writing Internet messages are formulated.

Key words: Russian as a foreign language, speech etiquette, internet messages, foreign students.

Сегодня невозможно представить нашу жизнь без интернета. О его распространении и проникновении во все сферы нашей жизни свидетельствует и его орфографический облик, а именно преобладание написания со строчной буквы как имени нарицательного [1; 2].

В период пандемии COVID-19 роль интернета возросла еще больше. Онлайн-обучение, онлайн-конференции и семинары, онлайн-совещания, онлайн-олимпиады, онлайн-тестирование, онлайн-экзамены стали обыденным делом. Именно в период пандемии групповые мессенджеры в чатах стали незаменимыми помощниками для преподавателей и продемонстрировали удобство в использовании. Даже вернувшись в аудитории, преподаватели, как правило, используют подобные чаты для быстрой связи со студентами. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении иностранных студентов при преподавании дисциплины «Русский язык как иностран-

ный». Однако при написании интернет-сообщений иностранцы допускают много ошибок, поэтому возникает необходимость обучать их речевому этикету интернет-сообщений.

Необходимо сразу договориться со студентами, что сообщения преподавателю русского языка необходимо писать по-русски даже студентам с английским языком обучения. Безусловно, многие студенты особенно на первых порах будут обращаться к онлайн-переводчику, но их надо предупредить, что перевод необходимо проверять, так как там могут быть грамматические ошибки, связанные с использованием местоимений и глаголов. Английскому слову *you* в русском языке соответствуют местоимения *ты* и *вы*. Так, «Яндекс Переводчик» английскую фразу «*How do you feel?*» переводит по-русски «*Как ты себя чувствуешь?*» Если этот вопрос адресован преподавателю, он будет некорректным. Надо исправить местоимение и форму глагола 2-ого лица множественного числа («*Как вы себя чувствуете?*»). Это в состоянии сделать студент уже на начальном этапе обучения.

Подобные ошибки возможны также при использовании глаголов в форме единственного числа прошедшего времени. Фразу «*I went to the doctor yesterday*» «Яндекс Переводчик» переводит по-русски «*Вчера я ходил к врачу*». Если сообщение пишет лицо женского пола, это ошибка, которую студент также может исправить уже на начальном этапе обучения («*Вчера я ходила к врачу*»).

Кроме того, студенты должны помнить о том, что, начиная сообщение, следует поприветствовать адресата / адресатов. При этом слово «*здравствуйте*» является нейтральным и официальным, его можно использовать, если пишешь преподавателю, а слово «*привет*» возможно использовать, если адресат – твой друг, одноклассник, равный тебе по статусу человек.

Еще одна распространенная среди иностранных студентов ошибка – использование привычных для них обращений к преподавателю: *мадам, сэр, мэм* или *преподаватель*. Говоря о русском речевом этикете, студентам следует объяснить, что по-русски вежливым считается использование имени-отчества преподавателя. Не «*Преподаватель, вы будете сегодня в университете в 14 часов*», а «*Анна Николаевна, вы будете сегодня в университете в 14 часов?*».

Англоязычным студентам следует также напомнить, что местоимение «*я*» в русском языке пишется со строчной буквы, а имена, отчества, фамилии, названия городов, стран и под. – с прописной.

Кроме того, стоит обсудить со студентами и общепринятые в мировом сообществе правила общения посредством интернет-сообщений, к которым можно отнести следующие:

- 1) сообщение, написанное прописными буквами, приравнивается к крику;
- 2) использование «смайлов» для выражения эмоций возможно, однако нет необходимости перегружать ими текст официального общения в формате *преподаватель – студент*;
- 3) нельзя делить сообщение на много коротких, так как это затрудняет общение;
- 4) нельзя писать сообщения в очень позднее или раннее время (например, можно условиться, что не позже 20.00 и не ранее 08.00);

5) нельзя распространять информацию о фашизме и терроризме, писать в негативном ключе о вопросах религии и национальностей.

Итак, основные правила, которые необходимо усвоить студенту в отношении интернет-сообщений на русском языке:

1. Если используешь онлайн-переводчик, читай и проверяй текст, исправляй ошибки.

2. Не забывай здороваться, когда пишешь онлайн-сообщение.

3. Помни, что в русском языке вежливо обращаться к преподавателю по имени и отчеству.

4. Правильно используй прописные и строчные буквы.

5. Следуй общепринятым правилам написания интернет-сообщений.

Из общения со студентами посредством интернет-сообщений, возникшего как необходимость, преподаватель русского языка как иностранного должен использовать все плюсы. Эта форма общения позволяет студентам упражняться в русском языке, даже если они используют переводчик, но при этом проверяют текст сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 03.02.2022).

2. Павлоцки Е. Интернет с большой или маленькой буквы – как правильно? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/society/education/internet_s_bolshoy_ili_malenkoj_bukvy_kak_pravilno (дата обращения: 03.02.2022).

УДК 371.3:811.161.3'243

Грибченко Ирина Васильевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ «Марфинская СОШ», Мытищи, МО, РФ

электронная почта: lunarlynx@mail.ru

Gribchenko Irina Vasilevna, teacher of Russian language and literature
MBEI «Marfino`s secondary school», Mytishchi, Russia Federation

e-mail: lunarlynx@mail.ru

ФОРМЫ РАБОТЫ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ РФ В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Методика обучения русскому языку как неродному в новых геополитических условиях только формируется, базируясь на работах теории обучения (и воспитания) русскому языку как иностранному, русскому языку в национальной школе. Опыт должен показать в ближайшее время преемственность и взаимодополняемость этих теорий и методик. Базовый принцип обучения русскому языку как неродному остается: учет особенностей родного языка и родной культуры в учебном процессе необходим так же, как и сохранение базовых ментальных исторических связей личности с истоками своей нации через национальный (родной) язык и культуру.

Ключевые слова: многонациональность, билингвизм, обучение детей-инофонов, межкультурная коммуникация.

FORMS OF WORK IN A GENERAL EDUCATIONAL SCHOOL OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF A MULTINATIONAL ENVIRONMENT

Summary. The methodology for teaching Russian as a non-native language in the new geopolitical conditions is only being formed, based on the developments in the theory of teaching (and educating) Russian as a foreign language, the Russian language in the national school. Experience should show in the near future the continuity and complementarity of these theories and methods. The basic principle of teaching Russian as a non-native language remains: taking into account the peculiarities of the native language and native culture in the educational process is necessary in the same way as maintaining the basic mental historical connections of the individual with the origins of his nation through the national (native) language and culture.

Key words: multinationality, bilingualism, teaching children – foreigners, intercultural communication.

По сравнению с тем периодом в истории российского образования, когда произошел развал СССР, и школы в Москве и Санкт-Петербурге столкнулись с проблемой перестройки процесса образования с учетом многоязычия, процесс обучения русскому языку детей мигрантов сейчас довольно прозрачен, т.к. выделилось отдельное направление – русский как иностранный. Если в 90-е годы обучение в московских школах велось на русском языке, но дети разных национальностей могли заниматься и своим родным языком, а те, у которых родной язык русский, – выучить тот язык, который преподавался в школе, то после создания школьных комплексов, все дети оказались в одинаковой образовательной среде. Однако специальных программ обучения детей-инофонов, подготовки учителей, готовых использовать инновационные технологии в работе с такими учащимися, к сожалению, не предусматривается, в чем и состоит актуальность рассматриваемой проблемы.

Общая задача изучения русского языка детьми мигрантов формируется следующим образом: «сформировать первоначальное представление о системе русского языка, обеспечить практическими умениями и навыками, способствовать усвоению норм русского литературного языка» [1].

На плечи учителей московских и подмосковных школ ложится задача по разработке, внедрению и применению в работе системы обучения детей мигрантов русскому языку и русской культуре в поликультурной школе, т.к. в педагогической среде отмечается, что в некоторых школах Московской области имеются классы, в которых половина учащихся – инофоны. Есть масса научной литературы, монографий и статей об организационных формах занятий по русскому языку для таких учащихся, но нет специальных утвержденных методических разработок. Как следствие, в современной поликультурной школе предпочтение отдается уроку русского языка, на котором сочетаются традиционные и инновационные приемы обучения, а также внеурочным и внешкольным занятиям.

Довольно часто на уроках русского языка от русскоговорящих детей приходится слышать фразу о том, что русский язык очень сложный для изучения. В числе трудностей, которые учащиеся испытывают при изучении русского языка, они называют: сложности выражения мысли, чрезмерное количество правил и исключений из правил, наличие «пограничных» частей речи (причастий и деепричастий), пунктуация и синтаксис, употребление сложносокращенных слов, проблемы с постановкой правильного ударения. В связи с этим мы можем представить, насколько усложнен процесс обучения для детей мигрантов. Часто встречаемой ошибкой таких школьников является замена, производимая ими в конце слова: прочитывая начало, они дочитывают/додумывают свой конец, например, вместо поднялся – появился, вместо двенадцать – девятнадцать. У учащихся, родной язык которых не содержит категории рода, например, в языках тюркской группы эта ошибка в чтении приобретает специфический характер: особенно частотными для таких детей являются ошибки на несогласование слов по признаку рода в словосочетании и предложении: птичка улетел, соседка удивился, мама сказал, мой сумка.

Важно отметить, что в нынешнее время учитель воспринимается не как передатчик необходимой информации, а как организатор осмысленного процесса обучения, задачей которого является воспитание самостоятельной, поликультурной личности, приспособленной к проживанию в постоянно меняющемся и совершенствующемся обществе, подверженном активному процессу мировой глобализации, навязывающей новые условия учебного процесса.

Межкультурная коммуникация – важный культурно обусловленный процесс, ценностью которого является возможность представителей различных культур обмениваться опытом и формировать межкультурные и международные сообщества. Но самое главное в этом процессе – научиться легко и быстро понимать друг друга.

Из собственной практики учителя-словесника могу предложить следующие мероприятия для решения возникающих в учебном процессе в условиях поликультурной среды проблем:

1. Предоставить возможность детям-инофонам первыми высказаться на уроке, а в случае, если они испытывают трудности в речевой деятельности во время урока, то организовать «пятиминутку» общения после урока, куда можно включить рефлексию, когда учащиеся самостоятельно оценивают уровень своих знаний, своей работы, делают анализ допущенных ошибок при помощи учителя. У детей повышается интерес к изучаемой теме, когда центральное место отводится ученику, его эмоциям, деятельности, качествам личности, что помогает его развитию. Для детей мигрантов эмоции, полученные на уроке, являются, пожалуй, главным фактором, мотивирующим к процессу обучения. Создается благоприятная психологическая атмосфера, повышается мотивация к обучению, развивается самостоятельность в освоении неизвестного материала, формируется адекватная самооценка, что очень важно для детей с другим менталитетом, воспитанным

в иной культурной среде, отличной от большинства обучающихся в классе. Через взаимодействие у детей развиваются такие качества, как коммуникативность, инициативность, самостоятельность, независимость суждений.

2. Учебная деятельность невозможна без внеаудиторной работы. Это могут быть конкурсы на русском языке, обсуждение литературы, участие в конференциях, различные клубы, кружки, открытые лекции. Внеаудиторная работа – эффективное средство расширения и углубления знаний, умений и навыков, приобретенных учащимися на занятиях по русскому языку.

Активное привлечение детей мигрантов к участию в конкурсах разной направленности, например, в творческих конкурсах на лучшее сочинение о своей родной стране, ее природе, достопримечательностях, народе, культуре, помогло мне познакомиться с ними поближе и настроить доверительное общение учащихся в классе.

3. О проблеме развития речи, формирования коммуникативной компетенции учащихся сказано в принятом правительством документе – «Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации», в котором подчеркивается роль русского языка как важного учебного предмета, направленного на развитие коммуникативных умений, на развитие связной речи учащихся. Одним из важных приемов развития связной речи на уроках русского языка является работа с текстами художественного стиля. В методике преподавания русского языка текст рассматривается как средство получения информации, средство речевого, интеллектуального развития и нравственного воспитания учащихся. Такие виды заданий, как лингвистический анализ текста, творческий диктант, изложение, сочинение играют важную роль в формировании связной речи.

Наш коллектив учителей-словесников открыл на базе школы кружок «Любителей русской словесности», где мы с учащимися читаем, обсуждаем и анализируем прочитанные тексты. При изучении в курсе русского языка глагола и глагольных форм мы используем тексты повествовательного характера, в которых наглядно представлены сменяющие друг друга действия, протекание событий во времени и пространстве. Например: «Мы приехали на пристань Каменку ночью. Утром, когда я проснулся, ласковое апрельское солнце весело глядело во все окна моей комнаты. Где-то любовно ворковали голуби, и задорно чирикали воробьи. С улицы доносился тот неопределенный шум, какой врывается в комнату с первой выставленной рамой...» [2].

При изучении прилагательного используем тексты – описания, требующие значительно большей наблюдательности, чем повествование, умения отбирать существенные признаки предмета. Темы текстов заранее выбираем с детьми, и, как правило, на занятии обсуждаем описания достопримечательностей, животных и птиц, рек и озер, гор и степей, небольших селений, воспоминания о которых дети привезли с собой, перебравшись на постоянное проживание в РФ. Тем самым происходит развитие чувства толерантности к представителям другой культуры, их традициям, обычаям, взглядам и умение видеть особенности своей культуры в контексте Российской культуры в целом.

На занятиях в кружке мы работаем с небольшими текстами, которые состоят из 2-5 предложений, но несут немалую смысловую нагрузку. В своей работе предлагаю анализ отрывка из произведения В.П. Астафьева «Царь-рыба». На мой взгляд, лингвистическая работа с этим текстом окажется успешной для развития связной речи учащихся. Методика работы с небольшим текстом выстраивается в соответствии с системно-деятельностным подходом (реализация принципов универсальных учебных действий (УУД)) и может быть представлена следующим образом:

Весна на Боганиде

Весна в изломе. Вот-вот перейти ей в короткое быстротечное заполярное лето, да отчего-то медлила, тянулась весна, и когда истаяла, утекла в озера и реки, людей шатало от голода. (В.П. Астафьев) [3]

Т а б л и ц а 1

Использование разных принципов УУД при обучении детей-инофонов в общеобразовательной школе

<i>Принципы УУД</i>	<i>Виды заданий</i>
Принцип деятельности	<p><i>Как можно комментировать заглавие текста?</i> Боганида – это географическое наименование, это одноименное название реки и поселка в Сибири, в Красноярском крае. В тексте рассказывается о северной весне. <i>Какова тема текста?</i> Тема – весна в Сибири долгая и голодная, а лето быстротечное. <i>Сформулируйте основную мысль текста.</i> Боганида для автора – родной дом, описанная с такой любовью весна и следующий за ней голод знакомы ему не понаслышке.</p>
Принцип непрерывности	<p><i>Покажите смысловые части.</i> Текст можно разделить на следующие структурные части, где одно время года сменяется другим, где затяжная весна приводит к голоду. 1) Весна в изломе – «да отчего-то медлила, тянулась весна». 2) А когда истаяла – «людей шатало от голода».</p>
Принцип системности	<p><i>Как в тексте представлена языковая система? Произведите лингвистический анализ на всех уровнях языка.</i> Фонетика – в тексте шипящие звуки (<i>шатало</i>) и звонкие согласные (<i>весна, быстротечное</i>), метафора, как средство художественной выразительности (<i>весна истаяла, утекла в озера и реки</i>) позволяют читателю представить медлительность весны, понять ее нежелание уходить, как будто она живая. Орфография – в тексте встречаются слова с разными видами орфограмм: Е-И в окончаниях существительных (<i>изломе</i>), окончания глаголов I спряжения с безударным личным окончанием (<i>тянулась</i>), дефисное написание наречий (<i>вот-вот, отчего-то</i>), безударные гласные в корне слова (<i>истаяла</i>) и т. д. Морфология – в тексте представлены слова разных частей речи. Учащиеся определяют, к какой части речи относится каждое слово и какую функцию выполняют эти слова. Синтаксис – данный текст кажется наиболее удачным для синтаксического анализа, так как в нем представлены разные случаи постановки знаков препинания.</p>
Принцип творчества	<p><i>Как у вас на родине происходит смена времен года? Напишите сочинение-миниатюру о своем любимом времени года.</i></p>

Подводя итог своему докладу, хочется сказать, что одним из необходимых условий организации эффективной работы учащихся, в особенности детей мигрантов, на уроке является наличие между учителем и учеником постоянной обратной связи. Любая квалифицированная учительская работа сегодня немыслима без исследования, тем более обновленная система образования, стратегии, используемые на уроках, способствуют исследовательской деятельности учащихся. Оно необходимо, чтобы видеть реальный педагогический процесс, его проблемы, перспективы, чтобы искать эффективные способы обучения и воспитания, объективно оценивать результаты своей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) : учеб. пособие для преподавателей и студентов. М. : Изд-во РУДН, 2007. 185 с.
2. Громов С. А. Сборник упражнений и диктантов по русскому языку. М. : Моск. Лицей, 2004. 156 с.
3. Астафьев В. П. Повести и рассказы. М. : Совет. писатель, 1984. 688 с.
4. Концепция преподавания русского языка и литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/pdf>.
5. Методические рекомендации по организации внеаудиторных мероприятий, направленных на повышение мотивации к изучению иностранных языков, привлечение внимания к культуре разных стран, развитие межнациональных отношений : для учеб. заведений г. Москвы. М. : МИСиС, 2013. 34 с.
6. Бакланова Т. И. Московские школы с русским этнокультурным компонентом // Русская национальная школа. 2008. № 1. С. 37–50.

УДК 811.161.3'25

Палавінскі Віталій Аляксандравіч, магістрант

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь
электронная пошта: pvamsuby@gmail.com

Polovinsky Vitaliy Alexandrovich, master student

Mogilev State University named after A. A. Kuleshov, Mogilev, Belarus
e-mail: pvamsuby@gmail.com

ТЭАРЭТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ ВЫВУЧЭННЯ ГРАМАТЫЧНЫХ ТРАНСФАРМАЦЫЙ ПРЫ ПЕРАКЛАДЗЕ

Анатацыя. У артыкуле ідзе гаворка аб вывучэнні граматычных трансфармацый у навуковай літаратуры. Указваецца значэнне тэорыі лінгвістычных трансфармацый для перакладчыцкай дзейнасці з рускай мовы на беларускую.

Ключавыя словы: тэорыя перакладу, пераклад, прыёмы перакладу, трансфармацыі, граматычныя трансфармацыі, пераўтварэнні, тыпы трансфармацый.

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF GRAMMAR TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION

Summary. The article is devoted to the study of grammatical transformations in scientific literature. The significance of the theory of language transformations for translation activities from Russian into Belarusian is indicated.

Keywords: translation theory; translation; translation techniques; transformations; grammatical transformations; transformations; types of transformations.

У сістэме навучання беларускай мове пераклад з'яўляецца адным з відаў практыкаванняў па развіцці звязнага маўлення побач з пераказам і сачыненнем. Несумненна, што заняткі па перакладзе з адной мовы на другую пашыраюць лексічны запас вучняў, удасканалюць веды па граматыцы, садзейнічаюць больш глыбокаму разуменню структуры роднай мовы, забяспечваюць сістэматызацыю атрыманых ведаў на функцыянальнай аснове, садзейнічаюць развіццю навыкаў у розных відах маўленчай дзейнасці (аўдзіраванне, гаварэнне, чытанне, пісьмо) і іх удасканаленню.

У сітуацыі білінгвізму асабліва выразна праяўляецца паслядоўнасць засваення адной мовы праз прызму другой, г. зн., што працэсы авалодвання маўленчай дзейнасцю на абедзвюх мовах накладваюцца адзін на другі. У працэсе навучання другой мове вучні ўсё роўна робяць «стыхійны» пераклад, самастойна ўстанаўліваючы адпаведнікі паміж фактамі адной і другой мовы. У выніку адсутнасці неабходнай падрыхтоўкі такія адпаведнікі, як правіла, не зусім дакладныя або проста няправільныя. Умела выкананы пераклад дазволіць ператварыць стыхійны, несвядомы перанос у свядомы, метадычна накіраваны.

Менавіта пераклад можа быць дзейным сродкам прафілактыкі інтэрферэнцыйных памылак, вельмі частых у сітуацыі двухмоўя. Метадычна правільна арганізаваная праца па перакладзе праз супастаўленне моў, праз акцэнтаванне ўвагі на тым своеасаблівым, што адрознівае адну мову ад другой, будзе садзейнічаць размежаванню дзвюх моўных сістэм у свядомасці іх носбітаў, што асабліва актуальна для школьнай практыкі, калі ідзе працэс засваення блізкароднасных моў, а таксама будзе спрыяць фарміраванню аўтаномнага двухмоўя (паралельнае ўжыванне дзвюх моў).

У сістэме навучання беларускай мове пераклад з'яўляецца адным з відаў практыкаванняў па развіцці звязнага маўлення побач з пераказам і сачыненнем. Несумненна, што заняткі па перакладзе з адной мовы на другую пашыраюць лексічны запас вучняў, удасканалюць веды па граматыцы, садзейнічаюць больш глыбокаму разуменню структуры роднай мовы, забяспечваюць сістэматызацыю атрыманых ведаў на функцыянальнай аснове, садзейнічаюць развіццю навыкаў у розных відах маўленчай дзейнасці (аўдзіраванне, гаварэнне, чытанне, пісьмо) і іх удасканаленню.

Сярод прыёмаў перакладу найчасцей выдзяляюць два віды – падстаноўкі і трансфармацыі. Лінгвістычныя трансфармацыі, на думку Г. М. Валочкі – гэта прыёмы перакладу, якія дапускаюць пэўныя разыходжанні ў сэнсава-структурнай арганізацыі тэксту арыгінала і перакладу [2, с. 19]

На думку А. Паршына, лінгвістычнымі трансфармацыямі з’яўляюцца пераўтварэнні, з дапамогай якіх можна ажыццявіць пераход ад адзінак арыгінала да адзінак перакладу ў названым сэнсе. Паколькі перакладчыцкія трансфармацыі ажыццяўляюцца з моўнымі адзінкамі, якія маюць як план зместу, так і план выказвання, яны носяць фармальна-семантычны характар, пераўтвараючы як форму, так і значэнне зыходных адзінак. У межах апісання працэсу перакладу «перакладчыцкія трансфармацыі разглядаюцца не ў статычным плане як сродак аналізу адносін паміж адзінкамі зыходнай мовы і іх слоўнікавымі адпаведнікамі, а ў плане дынамічным як сродкі перакладу, якія можа выкарыстоўваць перакладчык пры перакладзе розных арыгіналаў у тых выпадках, калі слоўнікавая адпаведнасць адсутнічае або не можа быць выкарыстана ў кантэксце» [6, с. 141].

У залежнасці ад характару адзінак зыходнай мовы, якія разглядаюцца як зыходныя ў аперацыі пераўтварэння, перакладчыцкія трансфармацыі падзяляюцца на лексічныя і граматычныя. Акрамя таго, існуюць таксама комплексныя лексіка-граматычныя трансфармацыі, дзе пераўтварэнні або закранаюць адначасова лексічныя і граматычныя адзінкі арыгінала, або з’яўляюцца міжузроўневымі, г. зн. ажыццяўляюць пераход ад лексічных адзінак да граматычных і наадварот. Асаблівай увагі патрабуюць граматычныя трансфармацыі. Без іх пераклад з адной мовы на другую наогул немагчымы, паколькі яны забяспечваюць перабудову структуры сказа, прадугледжваючы разнастайныя замены як марфалагічнага, так і лексічнага характару.

Падабенства сінтаксічных канструкцый беларускай і рускай моў часцей за ўсё дае магчымасць перакладаць слова ў слова, не змяняючы структуры сказа і парадку слоў у ім. Аднак нярэдка, перакладаючы, даводзіцца выкарыстоўваць разнастайныя граматычныя трансфармацыі, г. зн. Перабудоўваць сказ, замяняць адну часціну мовы ці член сказа на іншыя. Такія змены часам неабходныя, нават пры наяўнасці ў мове, на якую перакладаюць, аналагічнай структуры. У залежнасці ад таго, як змяняецца структура сказа, трансфармацыя можа быць поўнай або частковай. Напрыклад, калі замяняюцца галоўныя члены сказа, адбываецца яго поўная трансфармацыя, замена толькі дадзеных членаў падразумявае яго частковую трансфармацыю.

М. Ю. Ілюшкіна адзначае, што «пры перакладзе змена канструкцыі сказа звычайна абумоўлена лексічнымі прычынамі, аднак камунікатыўная нагрузка часцей за ўсё патрабуе ўважлівага выбару не толькі слова, але і яго граматычнай формы» [3, с. 68–69]. Пры выкарыстанні граматычных трансфармацый даследчыца прапануе засяроджваць увагу на сінтаксічнай функцыі сказа, яго лексічным напаўненні, яго сэнсавай структуры, на кантэксце сказа, на яго экспрэсіўна-стылістычнай функцыі.

Па меркаванні Л. С. Бархударова, у межах адной і той жа мовы аднолькавае значэнне можа ў шэрагу выпадкаў быць выражана як лексічнымі, так і граматычнымі сродкамі. У выніку адсутнасць тых ці іншых граматычных сродкаў у адной з моў зусім не стварае непераадольных перашкод пры перакладзе. Аднак аўтар заўважае, што «не варта і недаацэньваць тыя аб'ектыўныя цяжкасці, якія ўзнікаюць перад перакладчыкам у выніку разыходжанняў у граматычным ладзе моў. Як і ў галіне слоўнікавага складу, у адносінах паміж граматычнымі сістэмамі дзвюх моў мы толькі ў рэдкіх выпадках назіраем поўнае супадзенне. У прыватнасці, нягледзячы на тое, што паміж рускай і беларускай мовамі існуе значнае граматычнае падабенства, гэта падабенства з'яўляецца толькі частковым і не павінна хаваць ад перакладчыка істотных разыходжанняў паміж гэтымі дзвюма мовамі ў галіне іх граматычнага ладу. Нават граматычныя катэгорыі, здавалася б, ідэнтычныя ў абедзвюх мовах, насамрэч па аб'ёме сваіх значэнняў, функцый і ахопу лексічнага матэрыялу ніколі не супадаюць цалкам» [1, с. 143–144].

У працэсе перакладу Л. С. Бархудараў прывычнай лічыць сітуацыю, калі значэнні, выражаныя ў зыходнай мове граматычна, у перакладаемай мове выражаюцца лексічнымі сродкамі, і наадварот, тое, што выражана ў тэксце на зыходнай мове лексічным шляхам, у тэксце перакладу можа быць выражана граматычна. Уласна кажучы, гэты факт, які пацвярджаецца практыкай перакладу, і з'яўляецца найлепшым доказам таго, што розніца паміж граматычнымі і лексічнымі значэннямі заключаецца не ў іх «прыродзе», а ў спосабах іх выражэння, якія ў розных мовах могуць быць рознымі [1, с. 153].

Л. К. Латышаў называе граматычныя трансфармацыі катэгарыяльна-марфалагічнымі трансфармацыямі, паколькі часціны мовы – адна з асноўных катэгорый марфалогіі. Гэты тып трансфармацый шырока прымяняецца ў перакладзе. Іх асаблівасць у тым, што яны ў мінімальнай ступені адбіваюцца на перадаваным змесце – не цягнуць за сабой істотных змястоўных страт або мадыфікацый. Досыць нейтральнымі ў гэтых адносінах Л. К. Латышаў лічыць сінтаксічныя трансфармацыі, адзначаючы пры гэтым, што «ў чыстым выглядзе перакладчыцкія трансфармацыі сустракаюцца рэдка. Значна часцей тыпы перакладчыцкіх трансфармацый утвараюць камбінацыі» [5, с. 281].

В. М. Камісараў вылучае наступныя прыёмы граматычнай трансфармацыі: даслоўны пераклад, дзяленне сказаў, аб'яднанне сказаў і граматычныя замены [4, с. 162–164]. Даслоўным ён называе такі пераклад, пры якім «сінтаксічная структура зыходнай мовы замяняецца аналагічнай структурай перакладаемай мовы». Прыём дзялення сказа заключаецца ў разбіўцы аднаго сказа арыгінала на два-тры сказы ў перакладзе. Варта заўважыць, што ўжыванне гэтага прыёму можа быць выклікана семантычнымі або стылістычнымі прычынамі. Прыём аб'яднання сказаў прама супрацьлеглы папярэдняму, бо дзвюм ці тром сказам арыгінала адпавядае адзін сказ ў перакладзе. Граматычныя замены прадугледжваюць адмаўленне ад выка-

рыстання ў перакладзе аналагічных граматычных формаў. Замена можа падвяргацца граматычная катэгорыя, часціна мовы, член сказа, сказ пэўнага тыпу.

П. У. Рыбін дадае да класіфікацыі В. Н. Камісарава прыём перастаноўкі, якую тлумачыць як змену ў перакладзе размяшчэння (парадку прытрымлівання) моўных элементаў, якія адпавядаюць моўным элементам арыгінала. Перастаноўкам могуць падвяргацца словы, словазлучэнні, часткі складанага сказа, самастойныя сказы ў сістэме цэлага тэксту. Найбольш частотны перастаноўкі членаў сказа – змяненне парадку слоў. Перастаноўка можа быць абумоўлена рознымі прычынамі – разыходжанні ў граматычнай структуры дзвюх моў, асаблівасцямі камунікатыўнага дзялення выказванняў, а таксама патрабаванні стылю. Навуковец разглядае тры фактары, якія выклікаюць запатрабаванне ў перастанове: актуальнае дзяленне сказа; паслядоўнасць выражэння паведамлення і яго крыніцы; займеннікавае прадугадванне [7, с. 223–224].

Такім чынам, пры перакладзе з рускай мовы на беларускую, нярэдка даводзіцца цалкам ці часткова перабудоўваць сказ, замяняць адну часціну мовы ці член сказа на іншыя. Такія змены часам неабходныя, нават пры наяўнасці ў мове, на якую перакладаюць, аналагічнай структуры. У прыватнасці, нягледзячы на тое, што паміж рускай і беларускай мовамі існуе значнае граматычнае падабенства, гэта падабенства з’яўляецца толькі частковым і не павінна хаваць ад перакладчыка істотных разыходжанняў паміж гэтымі дзвюма мовамі ў галіне іх граматычнага ладу. Прычынамі перакладчыцкіх трансфармацый з’яўляюцца істотныя разыходжанні камунікатыўных кампетэнцый носьбітаў адной і іншай моў у тых ці іншых кампанентах і неабходнасць балансаваць іх дзеля дасягнення раўнаважнасці рэгулятыўнага ўздзеяння зыходнай і перакладаемай моў. Разнастайныя трансфармацыйныя прыёмы (даслоўны пераклад, дзяленне сказаў, аб’яднанне сказаў, граматычныя замены, перастаноўкі) дапамагаюць вучням якасна пераўтвараць канкрэтны тэкст. Настаўніку неабходна дапамагаць вучням у выпрацоўцы ўменняў перакладаць, пры дапамозе разнастайных практыкаванняў. Пераклад з’яўляецца таксама важным спосабам навучання беларускай мове, паколькі ў працэсе перакладчыцкай дзейнасці паляпшаецца якасць валодання такімі відамі маўленчай дзейнасці, як чытанне, пісьмо, гаварэнне і аўдзіраванне. Выкарыстанне перакладу пры навучанні беларускай мове спрыяе сістэматычнаму назапашванню ў вучняў ведаў і ўменняў, якія прывядуць да таго, што ў будучыні яны змогуць успрымаць змест тэксту адначасова з візуальным успрыманням. Пры навучанні перакладу важна звярнуць увагу вучняў на тэхніку працы са слоўнікамі, моўнымі і культурнымі рэаліямі, граматычнымі і стылістычнымі асаблівасцямі, а таксама прагматычнае ўздзеянне, якое тэкст можа аказаць на вучняў.

ЛІТАРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории переводов. М. : Междунар. отношения, 1975. 239 с.
2. Валочка Г. М. Навучанне перакладу ў школе : дапам. для настаўнікаў. Мінск : НМЦэнтр, 1999. 104 с.
3. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 84 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
5. Латышев Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студентов лингвист. вузов и фак. М. : Академия, 2005. 320 с.
6. Паршин А. Теория и практика перевода : учеб. пособие для студентов лингвист. фак. ВУЗов. Саратов. : Изд-во СГУ : Рус. яз., 2000. 205 с.
7. Рыбин П. В. Теория перевода : курс лекций для студентов IV курса дневного отделения. М. : Первый Моск. юрид. ин-т, 2007. 263 с.

УДК 378.147:881.161.1'243

Куклицкая Алина Марковна

Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь
электронная почта: alina347347@gmail.com

Kuklitskaya Alina

Belarusian State Academy of Arts, Minsk, Belarus
e-mail: alina347347@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРОЦЕССЕ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. В статье рассматривается метод контроля знаний у иностранных студентов, изучающих русский язык как первый иностранный, при помощи игровых технологий и с использованием лингвистического интернет-ресурса «Quizlet.com».

Ключевые слова: игровые технологии; интернет-сервис; лингвистический интернет-ресурс.

IMPLEMENTATION OF GAME TECHNOLOGIES IN THE PROCESS
OF CONTROL OF STUDENTS' KNOWLEDGE

Annotation. The article investigates the method of control for foreign students' knowledge who study Russian as the first foreign language with the usage of gaming technologies and the linguistic Internet resource Quizlet.com.

Key words: game technologies; Internet service; linguistic Internet resource.

Одной из составных частей процесса обучения является контроль знаний учащихся. Под контролем мы понимаем соотношение достигнутых результатов с запланированными целями обучения. Результаты напрямую зависят от правильной организации контроля.

В процессе проверки знаний должны быть получены сведения о правильности или неправильности конечного результата выполненной работы, а также соответствия формы подачи данному этапу усвоения материала.

Правильно организованный контроль учебной деятельности позволяет оценить получаемые учащимися знания, умения и навыки, а также вовремя оказать необходимую помощь для того, чтобы добиться поставленных целей обучения. Таким образом, правильно организованный контроль создает благоприятную среду для развития познавательных способностей студентов, активизации их самостоятельной работы и творческой деятельности.

Упомянутая благоприятная среда может быть достигнута при помощи приёма «контроль – без контроля», в процессе которого могут быть использованы традиционные виды, формы и методы контроля без явного их применения, что называется, «в лоб». В этом случае, поскольку студенты не подвергаются проверке знаний в традиционном варианте, они в значительно меньшей мере испытывают эмоциональное давление и, в результате, меньше подвергаются стрессу при выполнении заданий. Такого рода контроль может быть реализован при помощи игровых технологий: карточных игр, ролевых игр, настольных игр и так далее.

Отдельное внимание стоит уделить версии контроля в игровой форме с использованием «книги ошибок». В процессе выполнения заданий учащиеся реализуют исследовательский потенциал, демонстрируют внимательность, знание лексики и грамматики, используют навыки чтения, а также реализуют свои коммуникативные навыки. Данный контроль может быть осуществлён как в группе, так и индивидуально.

В качестве примера одной из таких «книг ошибок» хотелось бы упомянуть книгу немецкого автора С. Мортица «Маг Захария». Книга переведена на русский язык и подходит для студентов, обладающих знаниями языка на уровне В1. «Маг Захария» представляет собой небольшую весёлую историю о приключениях мага и сложностях, с которыми он должен успешно справиться. В книжке с красочными картинками много ошибок, путаниц и нелепостей. Основной задачей является найти и исправить эти ошибки. Для создания целостности картины каждая страница сопровождается текстом, описывающим приключения и суть проблемы каждого отдельного сценария.

На этапе подготовки преподаватель может адаптировать текст и придумать дополнительные грамматические задания, ловушки, вопросы. С одной стороны, это поможет проверить, насколько хорошо был усвоен грамматический материал, а с другой стороны, сделает задания ещё интереснее.

В качестве «шпаргалки» педагог может приготовить карточки со словами, которые потенциально могут вызвать сложности у студентов. Данные карточки могут быть использованы на разных этапах: на предтекстовом этапе в качестве снятия лексических трудностей; на этапе самостоятельной

подготовки целесообразно использовать лингвистический интернет-ресурс Quizlet, так как данное приложение позволяет создавать карточки с картинками, а также упражнения для отработки новой лексики; и, наконец, карточки могут быть использованы в качестве дополнительного источника информации, если уровень знаний учащихся является достаточным для выполнения данных заданий.

На занятиях при помощи книги «Маг Захария» представляется возможным проверить, насколько хорошо выработался у учащихся навык использования грамматических единиц в коммуникации. Каждый отдельный сценарий может проверять определённые грамматической конструкции.

В качестве иллюстрации материала задание может быть сформулировано следующим образом: внимательно посмотрите на картинку, найдите несоответствия картинки с реальностью, расскажите об ошибках, используя родительный падеж. Например: «мы видим, что у оленя есть рога. Но рога оленя неправильной формы. На рогах есть руки, а они должны быть без рук». Использование родительного падежа в указанном выше примере обусловлено функциями генитива. Исходя из этого, мы можем проверить знания учащихся о предлогах, требующих данного падежа, насколько правильно используются окончания в родительном падеже, а также, в целом определить, насколько хорошо студент усвоил функции генитива.

Преподаватель, в свою очередь, выполняет наставническую функцию, осуществляя при этом размеренный контроль и ненавязчивое исправление ошибок. Когда студент делает ошибку, не стоит исправлять ее напрямую. Например, если проблема в окончании слова, чтобы помочь студенту, преподаватель может подсказать, используя аналогичный пример с похожим окончанием, предоставляя возможность студенту найти и исправить ошибку самому. Также, при необходимости, можно повторить правило, чтобы студент смог проанализировать ошибки.

Из всего этого следует, что такого рода контроль даёт дополнительное визуальное подкрепление, тем самым выстраивая ассоциативные связи по использованию лексических и грамматических единиц. Кроме того, учащимся становится легче признать факт совершения ошибки, разобрать и исправить её, а не расценивать её как коммуникативную неудачу, выстраивая при этом психологический барьер. В процессе игры студентам легче сфокусироваться на задаче, так как они меньше подвержены стрессу.

Таким образом, использование игровых технологий в процессе контроля оказывает благоприятный эффект на результаты учащихся, так как студенты меньше заикливаются на оценке их работы, следовательно, меньше подвергаются стрессу в процессе выполнения заданий. Как показывают наблюдения, в целом учащиеся значительно легче вступают в коммуникацию, преодолевая при этом психологический барьер.

УДК 378.147:811.161.1'243'37

Жизневская Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *jiznev-ol@rambler.ru*

Olga Zhiznevskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *jiznev-ol@rambler.ru*

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. Статья посвящена работе с окказионализмами в иностранной аудитории, владеющей русским языком на уровне С1. Анализируются причины трудностей в понимании авторских слов, приводятся основные способы семантизации окказиональной лексики.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; окказионализм; семантизация окказиональной лексики; словообразовательный анализ; опора на контекст; опора на фоновые знания учащихся.

OCCASIONAL USAGE IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary. The article is devoted to working with occasionalisms in a foreign audience who speaks Russian at the C1 level. The causes of difficulties in understanding the author's words are analyzed, the main ways of semantization of occasional vocabulary are given.

Key words: russian as a foreign language; occasionalism; semantization of occasional vocabulary; word-formation analysis; reliance on context; reliance on the background knowledge of students.

Окказиональное словоупотребление является предметом изучения в работах многих лингвистов: Е. А. Земской, В. В. Лопатина, А. Г. Лыкова, Л. В. Рацибурской, Н. С. Улуханова, Н. И. Фельдман и др. В научной литературе по отношению к данному феномену употребляются различные терминологические обозначения: *окказионализмы, индивидуальные слова, авторские (индивидуальные) неологизмы, неологизмы контекста, одноразовые неологизмы, слова-экспромты, поэтические неологизмы, слова-самоделки* и др. [1, с. 64].

В «Словаре лингвистических терминов» приводятся три словарные статьи, определяющие суть изучаемого явления. Так, *окказионализмы* понимаются как «авторские, индивидуально-стилистические неологизмы, которые создаются для придания образности художественному тексту»; *окказионализмы авторские* – это «разновидность неологизмов, созданных по нестан-

дартным моделям»; *окказионализмы в словообразовании* – это «новообразования, связанные с нарушением законов словопроизводства, нарушением словообразовательных норм» [2, с. 321].

Окказионализмы чаще всего употребляются в текстах публицистического и художественного стилей, а также в разговорной речи. Исследователи отмечают, что в публицистических текстах окказионализмы используются для установления более тесной связи с аудиторией, поскольку их новизна способствует снижению формальности текста, что упрощает понимание содержания [3, р. 162]. Кроме того, использование окказионализмов в языке СМИ обусловлено потребностью в экономии слов; окказионализмы способствуют развитию смысловой емкости речи [4, с. 6]. По мнению Н. Г. Бабенко, к причинам употребления окказиональных единиц в художественной литературе можно отнести следующие: стремление автора точно и кратко выразить свою мысль; потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи и дать ему оценку; желание деавтоматизировать восприятие слов; необходимость избежать тавтологии, а также сохранить ритм стихотворения или создать желаемую рифму [5, с. 5]. Что касается разговорной речи, то окказионализмы используются, как правило, для создания комического эффекта, языковой игры.

Инофоны сталкиваются с русскоязычными окказионализмами уже на начальном этапе изучения языка. Чаще всего это происходит в бытовых ситуациях: в ресторанах быстрого питания типа Макдоналдс (*МакЗавтрак*) или Бургер Кинг (*Всем кревет!*), в торговых центрах (*ценопад*), на улицах города (*окухнись* – на рекламном баннере) и т.д. Встречаясь с подобными словами, иностранные учащиеся испытывают большие трудности по ряду причин: окказионализмы чаще относятся к явлениям речи и не имеют лексикографической фиксации; имеют контекстуальную обусловленность и связаны с определенной ситуацией общения. И если на начальном и среднем этапах изучения русского языка лексика окказионального характера не является актуальной для инофонов, то на продвинутом этапе умение семантизировать так называемые *авторские слова* необходимо для адекватного восприятия получаемой информации и верной интерпретации текстов. Отметим, что, начиная с уровня С1, согласно требованиям к компетенциям иностранных граждан, проходящих тестирование по русскому языку как иностранному, учащиеся должны понимать и уметь интерпретировать тексты, относящиеся к социально-культурной сфере, читать и понимать произведения художественной литературы; демонстрировать полное знание языковой системы и свободное владение средствами выразительности языка.

В Минском государственном лингвистическом университете знакомство иностранных учащихся с особенностями окказионального словоупотребления проводится в рамках учебной дисциплины «Интерпретация коммуникативного поведения» (4 курс). Приведем основные способы семантизации окказионализмов, которые мы используем на своих занятиях, и проиллюстрируем их возможности на конкретных примерах.

1. Словообразовательный анализ. Е. А. Земская выделила 3 вида окказионализмов: окказионализмы, образованные с нарушением законов системной продуктивности; окказионализмы, образованные по аналогии с непродуктивными моделями, и окказионализмы, созданные по конкретному образцу [6, с. 240]. Как справедливо отмечает В. З. Санников, при языковой игре не создаются какие-то новые словообразовательные модели или словообразовательные аффиксы, а обыгрываются старые [7, с. 134]. Важно акцентировать внимание учащихся на том, что большая часть окказионализмов с точки зрения структуры и семантики повторяет уже известные им словообразовательные формы (например, *подаркомания, скидкомания, пепсимания, шоколадомания* образованы по аналогии с *наркомания*). Учитывая сказанное выше, при семантизации авторского слова следует произвести словообразовательный анализ; сравнить его с узуальными словами, созданными по аналогичной модели; выявить семантические и прагматические особенности окказионализма. Так, в качестве примера можно привести стихотворение Марка Шварца «Если вы родители». Учащимся предлагается найти окказионализмы, дать им толкование, опираясь на значение составляющих их морфем, а также проанализировать, насколько уместно и оправдано употребление окказионализмов в поэтическом тексте:

*Если вы родители –
Ласкатели, хвалители.
Если вы родители –
Прощатели, любители.
Если разрешатели,
Купители, дарители.
Тогда вы не родители,
А просто восхитители!
А если вы родители –
Ворчатели, сердители.
А если вы родители –
Ругатели, стыдители.
Гулять не отпускатели,
Собакозапретители...
То знаете, родители,
Вы просто крокодители!*

Как известно, в русском языке с помощью продуктивного суффикса *-тель* от глагольной основы образуются существительные мужского рода, обозначающие лицо определенной профессии или человека, занимающегося каким-либо видом деятельности (*создать – создатель, воспитать – воспитатель* и т.д.), поэтому учащимся не составит труда семантизировать окказионализмы в стихотворении М. Шварца, исходя из значения известного им аффикса.

2. Опора на контекст. Приведем примеры, когда словообразовательный анализ не помогает семантизировать авторское слово и требуется обращение к контексту. Чаще всего это происходит в том случае, когда окказионализм содержится в заголовке текста СМИ:

COVIDарность. В условиях самоизоляции петербуржцы читают детям сказки по телефону, общаются в онлайн-барах и развозят старикам бесплатную еду (Новая газета, 27.03.2020).

Учащиеся без труда определяют, что значение окказионализма связано с коронавирусом, однако элемент *-арность* может быть интерпретирован по-разному, поскольку может ассоциироваться с такими словами, как *благодарность, бездарность, бинарность* и др. В данном случае студентам предлагается поразмышлять, что стоит за контекстом, какая идея в нем заложена (*единство, сочувствие; солидарность как активное сочувствие чьим-либо действиям или мнениям; общность интересов, единогодушие*), что позволит иностранцам (возможно, не без помощи преподавателя) выявить взаимосвязь слов *COVIDарность* и *солидарность* (*COVIDарность* как 'солидарность во время пандемии коронавируса').

В заголовке «*Как поделить кинопирог?*» (Рязанские ведомости, 05.03.2011), несмотря на очевидную связь окказионализма со словами *кино* и *пирог*, также требуется обращение к контексту для уточнения его значения. Анализ статьи позволяет сделать вывод, что *кинопирог* – доход, получаемый от проката, показа и других видов использования фильмов, имеющих прокатное удостоверение на территории страны, в качестве дополнительного источника финансирования развития кинематографа.

3. Опора на фоновые знания учащихся.

Особо следует остановиться на окказионализмах из текстов СМИ, связанных с ключевыми событиями в жизни общества. Отметим, что в современных медиатекстах подобные окказиональные новообразования выполняют экспрессивную функцию, выражая отношение к важным событиям и проблемам, а также явлениям, оказавшим влияние на ход истории: *бывшевики, спёрбанк, прихватизация* и др. Семантизация данных лексических единиц, образованных путем контаминации, невозможна без опоры на фоновые знания: знания реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, стоящих за обозначающими их языковыми знаками. Так, *бывшевики* – это *бывшие большевики* (последователи большевизма, коммунисты); *спёрбанк* – *спереть* + *Сбербанк* (крупнейший банк России); *прихватизация* – *прихватить* + *приватизация*. Интересно, что лексема *прихватизация* как огрубленное искажение слова *приватизация*, которое имеет резко негативный оттенок и обозначает приобретение государственной собственности в процессе приватизации незаконным путем или по заниженной цене, уже перешло из окказиональной лексики («Комсомольская правда», 1991 г.) в политсленг.

Таким образом, окказионализмы как явление речи представляют большую трудность для иностранцев, изучающих русский язык, поскольку они не зафиксированы в словарях, нередко контекстуально обусловлены и связаны с определенной ситуацией общения. Они довольно часто встречаются

в текстах СМИ, рекламе, художественных произведениях, в разговорной речи, поэтому на продвинутом этапе важно сформировать у инофонов умение семантизировать авторские слова с опорой на словообразовательный анализ, контекст и фоновые знания, что позволит учащимся адекватно понимать и интерпретировать разные типы текстов и успешно участвовать в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М. : Наука, 1973. 152 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
3. Mattiello E. Analogy in Word-formation: A study of English neologisms and occasionalisms. Berlin : Berlin&Boston, 2017. 247 p.
4. Радченко М. В. Причины и способы появления окказиональных слов в языке прессы [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека «Киберленинка». 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-sposoby-poyavleniya-okkazionalnyh-slov-v-yazyke-pressy> (дата обращения: 21.02.2022).
5. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград : Калинингр. ун-т, 1997. 84 с.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Наука, 2011. 324 с.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Яз. славян. культуры, 2002. 552 с.

УДК 81'362

Федорович Николай Николаевич, старший преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *nicolasfedorovich@mail.ru*

Fedorovich Nikolay, Senior Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus,
e-mail: *nicolasfedorovich@mail.ru*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ, АРАБСКОМ, МОНГОЛЬСКОМ, КИТАЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Цель исследования – провести анализ лексических и синтаксических средств выражения временных отношений в русском, монгольском, китайском, арабском и турецком языках. Объем анализируемых средств ограничен лексическим материалом, изучаемым студентами первого курса в рамках учебной темы «Выражение временных отношений». Сюда включены надежные словоформы с предлогами, а также наречия, деепричастия и союзы придаточных предложений времени. В статье приводятся примеры сходства и отличий этих средств, что позволяет прогнозировать возможные ошибки при изучении способов выражения времени в русском языке и опираться на полученные результаты анализа при составлении учебных материалов.

Ключевые слова: надежные формы, обозначающие время, предлог, наречие, деепричастие, союзы придаточных предложений времени.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MEANS OF EXPRESSING TEMPORARY RELATIONS IN THE RUSSIAN, ARABIC, MONGOLIAN, CHINESE AND TURKISH LANGUAGES

Summary. The purpose of the study is to analyze the lexical and syntactic means of expressing temporary relations in Russian, Mongolian, Chinese, Arabic and Turkish. The volume of the analyzed means is limited by the lexical material studied by first-year students within the framework of the educational topic "Expression of temporary relations". This includes case word forms with prepositions, as well as adverbs, participles and conjunctions of subordinate clauses of time. The article provides examples of the similarities and differences of these means, which makes it possible to predict possible errors in the study of ways of expressing time in the Russian language and rely on the results of the analysis when compiling educational materials.

Key words: case forms denoting time, preposition, adverb, adverbial participle, conjunctions of subordinate sentences of time.

Изучение любого иностранного языка, особенно на начальном этапе, сопряжено с влиянием языковой интерференции. Пытаясь сформулировать свои мысли на изучаемом языке, учащийся использует в качестве опоры средства родного языка. В некоторых случаях это помогает, но чаще всего приводит к ошибкам. В подобных ситуациях преподавателю может помочь знание особенностей языка, на котором говорит его ученик. Сопоставление языковых средств двух языков может способствовать профилактике возможных ошибок и более четкому представлению об отличиях изучаемого языка от родного.

Предметом нашего сравнительного анализа стали средства выражения временных отношений в русском, арабском, монгольском, китайском и турецком языках. Объем анализируемых средств был ограничен лексическим материалом, изучаемым студентами первого курса в рамках учебной темы «Выражение временных отношений». Сюда были включены падежные словоформы с предлогами, а также наречия, деепричастия и союзы придаточных предложений времени. Для удобства анализа лексические средства были распределены на группы:

- 1) слова без предлогов, отвечающие на вопрос *когда?*;
- 2) слова с предлогами, отвечающие на вопрос *когда?*;
- 3) слова с предлогами, отвечающие на вопросы *как долго?*, *на какое время?*, *за какое время?*;
- 4) слова без предлогов и с предлогами, выражающие повторяемость, периодичность, регулярность действия;
- 5) слова с предлогами, обозначающими время, предшествующее какому-либо действию или событию, одновременность с действием или событием и время, следующее после какого-либо действия или события;
- б) союзы придаточных предложений времени, обозначающих время, предшествующее какому-либо действию или событию, одновременность с действием или событием и время, следующее после какого-либо действия или события, а также деепричастия НСВ и СВ.

В результате сопоставления слов без предлога, отвечающих на вопрос *когда?*, выяснилось, что в монгольском и китайском языках их формы совпадают с начальными формами.

слово	форма	слово	форма	слово	форма
зима	зимой	өвөл	өвөл	冬天	冬天
весна	весной	хавар	хавар	春天	春天
лето	летом	зун	зун	夏天	夏天
осень	осенью	намар	намар	秋天	秋天
утро	утром	өглөө	өглөө	早上	早上
день	днем	үдийн хойн	үдийн хойн	下午	下午
вечер	вечером	орой/үдэш	орой/үдэш	晚上	晚上
ночь	ночью	шөнө	шөнө	半夜	半夜

В арабском языке начальная форма этих слов употребляется с предлогом *في*, который переводится на русский, как предлог *в*.

слово	форма	слово	форма
зима	зимой	الشتاء	في الشتاء
весна	весной	الربيع	في ربيع
лето	летом	صيف	في صيف
осень	осенью	الخريف	في الخريف
утро	утром	الصباح	في الصباح
день	днем	الظهر	في الظهر
вечер	вечером	المساء	في المساء
ночь	ночью	ليل	في الليل

В турецком языке слова *зимой, весной, летом, осенью, утром, днем, вечером, ночью* представлены соответствующими падежными формами.

слово	форма	слово	форма
зима	зимой	kış	kışın
весна	весной	bahar	baharda
лето	летом	yaz	yazın
осень	осенью	güz	güzün
утро	утром	sabah	sabahleyin
день	днем	gün	gündüz
вечер	вечером	akşam	akşamleyin
ночь	ночью	gece	geceleyin

Наречия *позавчера, вчера, сегодня, завтра, послезавтра, сейчас, потом* во всех анализируемых языках имеют свою неменяющуюся форму. Можно отметить, что в турецком языке русское наречие *послезавтра* представлено сочетанием склоняемой формой слова *завтра (yarın)* и предлогом *после – yarından sonra*. Наречие *потом – sonra* совпадает с предлогом *после – sonra*, который используется для образования наречия *послезавтра*.

Во второй группе были представлены словосочетания, отвечающие на вопрос *когда?*, с предлогами *в* и *на*: *в этот (прошлый, следующий) раз, на этой (прошлой, следующей) неделе, в этом (прошлом, следующем) месяце, в этом (прошлом, следующем) году, в час, в среду, в марте, в 2022 году*, т.е. словосочетания, отвечающие на вопрос *когда?* и обозначающие условную точку на шкале времени.

слово	форма	слово	форма	слово	форма
среда	в среду	Лхагва	Лхагва	星期三/週三	星期三/週三
март	в марте	гуравдугаар сар	гуравдугаар сард	三月	三月
день	в ЭТОТ день	өдөр	ЭНЭ өдөр	天/日	ЭТОТ 天/本日
час	в ЭТОТ час	цаг	ЭНЭ цагт	小時	ЭТОТ —小時
время	в ЭТО время	цаг	ЭНЭ цагт	時間	ЭТО 時
неделя	на ЭТОЙ неделе	гариг	ЭНЭ гаригт	星期/週	ЭТО 週/這星期
год	в следующем году	он/жил	дараа жил	年	ЭТОТ 年
час	в час	цаг	нэг цагт	小時	一點
рассвет	на рассвете	үүр	үүр	凌晨	凌晨
закат	на закате	бүрий	бүрий	傍晚	傍晚

Анализ представленных словосочетаний показывает, что в монгольском и китайском языках, в отличие от русского языка, предлог *в* и *на* не употребляется. Название дней недели и месяцев употребляются в начальной форме. В монгольском и китайском переводе словосочетаний на русском языке с предлогами *в*, *на* и указательным местоимением *этот* или прилагательными *прошлый*, *следующий* употребляется начальная форма с этим местоимением или прилагательным без предлога. Только словосочетание *в это время* не имеет аналога в китайском языке, оно переводится наречием *сейчас* – 此時. Словосочетания *на рассвете* и *на закате* в монгольском и китайском языках употребляются без предлога в начальной форме. Словосочетание *в час*, употребляются без предлога *в* в особой форме. Начальная форма слова *час* без предлога отвечает на вопрос *как долго?*

слово	форма	слово	форма
час	час	小時	小時
час	в час	小時	一點

В арабском языке в подобных словосочетаниях предлог *в* используется не во всех случаях. В словосочетаниях с названиями дней недели, месяцев и указанным годом (например, в 2022) предлог *в* употребляется. В словосочетаниях с прилагательными *следующий*, *прошлый* и указательным местоимением этого предлога нет.

слово	форма	слово	форма
месяц	в прошлом месяце	شهر	الشهر الماضي
год	в следующем году	عام	العام القادم
неделя	на этой неделе	أسبوع	هذا الاسبوع
раз	в этот раз	المرّة	في هذه المرّة
день	в этот день	يوم	في هذا اليوم
среда	в среду	الأربعاء	في الأربعاء
март	в марте	أذار	في آذار

В турецком языке в словосочетаниях из этой группы предлог *в* не употребляется вообще, а прилагательные *прошлый*, *следующий* и указательное местоимение *этот*, как и названия дней недели, названия месяцев, представлены в соответствующих падежных формах.

слово	форма	слово	форма
месяц	в прошлом месяце	ay	geçen ay
год	в следующем году	yıl	gelecek yıl
неделя	на этой неделе	hafta	bu hafta
раз	в этот раз	kez	bu kez
день	в этот день	gün	bu gün
среда	в среду	Çarşamba	Çarşambaları
март	в марте	mart	mart ayında

В третьей группе были представлены словосочетания, отвечающие на вопросы *как долго?*, *за какое время?*, *на какое время?*.

слово	форма	слово	форма	слово	форма
час	час	цаг	нэг цаг	小時	小時
час	за час	цаг	нэг цаг	小時	一小時
час	на час	цаг	нэг цаг	小時	一小時

В монгольском и китайском языках все слова и словосочетания этой группы употребляются в начальной форме без предлогов *за* и *на*. В словосочетаниях, отвечающих на вопрос *за какое время?* и *на какое время?* добавляется числительное.

слово	форма	слово	форма	слово	форма
час	час	ساعة	ساعة	saat	bir saat
час	за час	ساعة	خلال ساعة	saat	bir saat boyunca
час	на час	ساعة	لمدة ساعة	saat	bir saatliğine

В арабском и турецком языках слова, отвечающие на вопрос *как долго?* употребляются в начальной форме, а в турецком языке к начальной форме добавляется еще и числительное. Словосочетания с предлогом *за*, и *на*, отвечающие на вопрос *за какое время?* и *на какое время?*, переводятся в арабском языке с соответствующими предлогами, а в турецком языке – с числительным и склоняемой формой слова.

В очередную группу вошли способы выражения повторяемости, регулярности действия. Это были словосочетания с прилагательным *каждый*, с предлогами *по* и слова с префиксом *еже-*.

слово	форма	слово	форма	слово	форма
минута	ежеминутно	минут	минут тутам	分/分鐘	每分鐘
час	ежечасно	цаг	цаг тутам	小時	每小時
день	ежедневно	өдөр	өдөр тутам	天/日	每天/每日
неделя	еженедельно	гариг	гариг тутам	星期/週	每星期/每週
месяц	ежемесячно	сар	сар тутам	月	每月
год	ежегодно	он/жил	жил тутам	年	每年
день	каждый день	өдөр	өдөр бүр	天/日	每天/每日
среда	по средам	Лхагва	Лхагва бүр	星期三/週三	每星期三/每週三

Как видно из содержания таблицы, в отличие от русского языка, где повторяемость, регулярность действия выражается тремя способами, в монгольском языке их только два (*тутам* и *бүр*), а в китайском – один (*每*).

слово	форма	слово	форма
утро	по утрам	صباح	كل صباح
утро	каждое утро	صباح	كل صباح
вечер	по вечерам	المساء	كل مساء
вечер	каждый вечер	المساء	كل مساء
секунда	ежесекундно	ثانيا	كل ثانية
минута	ежеминутно	دقيقة	كل دقيقة
час	ежечасно	ساعة	كل ساعة
день	каждый день	يوم	كل يوم
среда	по средам	الأربعاء	كل اربعاء

В арабском для выражения повторяемости действия используется только одно слово – كل

слово	форма	слово	форма
утро	по утрам	saniye	her saniye
утро	каждое утро	dakika	her dakika
вечер	по вечерам	saat	her saat
вечер	каждый вечер	gün	her gün
секунда	ежесекундно	hafta	her hafta
минута	ежеминутно	ay	her ay
час	ежечасно	yıl	her yıl
день	каждый день	gün	her gün
среда	по средам	Çarşamba	her Çarşamba

В турецком регулярность и повторяемость действия выражается словом **her**.

В пятую группу вошли слова с предлогами, обозначающими время, предшествующее какому-либо действию или событию, одновременность с действием или событием и время, следующее после какого-либо действия или события, а также словосочетания, обозначающие временной период, интервал. В этой группе использовались предлоги *с, до, под, к, за-до, в течение, в ходе, во время, через-после, после, по*.

слово	форма	слово	форма	слово	форма	слово	форма	слово	форма
утро	под утро	صباح	بحلول الصباح	өглөө	өглөө гэхэд	早上	快早上的時候	sabah	sabaha karşı
утро	к утру	صباح	بحلول الصباح	өглөө	өглөө гэхэд	早上	快早上的時候	sabah	sabaha karşı
утро	до утра	صباح	حتى الصباح	өглөө	өглөө болтол	早上	早上之前/到早上	sabah	sabaha kadar
вечер	с вечера	المساء	من المساء	орой	оройноос	晚上	從晚上	akşam	aksamdan
среда	по среду	الأربعاء	الى الاربعاء	Лхагва	Лхагва хуртел	星期三/週三	到星期三/到週三	Çarşamba	Çarşamba dahil
час	за час до	ساعة	قبل الحصة ساعة	цаг	нэг цагийн өмнө	小時	上課前一小時	saat	bir saat kala
час	в течение часа	ساعة	في غضون ساعة	цаг	нэг цагийн доторд	小時	在一小時內	saat	bir saat boyunca
	через час	ساعة	بعد الساعة	цаг	нэг цагийн дотор	小時	過一小時	saat	bir saat sonra
час	через час после	ساعة	بعد ساعة بعد الدرس	цаг	дараа нэг цаг	小時	下課後一小時	saat	bir saat sonra

В каждом из анализируемых языков есть формы с предлогами, которые являются аналогами русских предлогов *с, до, под, к, за-до, в течение, в ходе, во время, через-после, после, по*. Однако нужно отметить, что синонимичные предлоги *под* и *к* во всех языках имеют только один вариант перевода. Из сочетаемых парных предлогов *за – до* переводится только предлог *до*, предлог *за* не используется. Точно так же в паре предлогов *через – после* используется только предлог *после*, первый предлог *через* не используется. В турецком языке русское словосочетание с предлогом *с* переводится склоняемой формой без предлога.

В каждом исследуемом языке есть средства выражения временных отношений в сложном предложении.

покупать - купить	до того как покупать	شراء	قبل الشراء	авах	авахаасаа омно	買	買之前	satın almak	satınalana kadar
----------------------	----------------------------	------	------------	------	--------------------------	---	-----	----------------	----------------------------

В русском языке можно использовать три синонимичных союза: *до того как, перед тем как, прежде чем*, но в арабском, монгольском, китайском и турецком языках в роли союза выступает только один предлог *до*.

покупать	когда я покупаю	شراء	عندما أشتري	авах	би авах үед	買	我買的時候	satın almak	satınalırken
	покупая		عند الشراء		аваад				

В русском языке одновременность нескольких действий можно выразить придаточным предложением с глаголом НСВ и союзом *когда*, а также деепричастием НСВ. Такие же возможности есть в арабском и монгольском языках. В китайском и турецком языках употребляется только одна форма – придаточное предложение с союзом *когда*. Отдельных глагольных форм, соответствующих русским деепричастиям в них нет.

купить	когда я купил	شراء	عندما أشترت	авах	би авсан үед	買	我買完之後	satın almak	satınalırken
	после того как я купил		بعد أن أشترت	авах	авсны дараа				satın aldıktan sonra
	купив		بعد الشراء	авах	аваад				satınalırken

Для выражения действия, имевшего место после другого действия, в русском языке используются придаточные предложения времени с союзами *когда, после того как* и деепричастие СВ. Аналогичные возможности есть в арабском и монгольском языках. В арабском языке вместо глагола можно использовать отглагольное существительное. Оно отличается от глагола только специальными надстрочными знаками. В китайском языке с глаголом используется предлог *после*. Нужно помнить, что китайский глагол не спрягается и не имеет категории времени, т.е. русский вариант придаточного предложения *после того, как я купил* в китайской версии будет звучать *после*

я купить. В турецком языке глаголы не имеют категории вида, поэтому одна и та же форма может выражать как параллельные, одновременные действия, так и действия, совершаемые одно за другим. Хотя возможно использование и предлога *после* с глаголами (*satinalırken/ satin aldıktan sonra*).

Проведенный сравнительный анализ средств выражения временных отношений в русском, арабском, монгольском, китайском и турецком языках позволяет узнать имеющиеся отличия в способах и средствах выражения времени в этих языках. Это может способствовать совершенствованию учебной работы по изучаемой теме. Кроме того, это поможет прогнозировать возможные ошибки и укажет способы составления эффективных тренировочных упражнений.

Анализ средств выражения временных отношений арабского, монгольского и китайского языков показал, что арсенал языковых средств русского языка значительно богаче. В русском языке значения предлогов точнее передают нюансы представления о времени, чаще, чем в изучаемых языках, встречается синонимия предлогов и союзов. Для выражения временных отношений большую роль играют и такие глагольные категории, как время и вид. Глагольные парадигмы во многих языках значительно беднее. Естественно, для многих иностранных студентов становится проблематичным понимание этих преимуществ русского языка и корректного их применения. Все это необходимо учитывать в процессе изучения темы «Выражение временных отношений в русском языке».

УДК 378.147:811.161.1'243

Нестерович Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск,
Беларусь

электронная почта: *olganestv@gmail.com*

Nesterovich Olga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus
e-mail: *olganestv@gmail.com*

МОДУЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается одна из актуальных проблем повышения качества и эффективности обучения русскому языку иностранных студентов творческих специальностей сферы культуры и искусств, развития у них способности к изучению русского языка как иностранного и совершенствования в языке для решения профессиональных задач.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; образовательные технологии; профессионально ориентированное обучение; модульное обучение; межкультурная коммуникация.

MODULAR RUSSIAN LANGUAGE TEACHING FOR FOREIGN STUDENTS

Summary. The article discusses one of the topical problems of improving the quality and effectiveness of teaching the Russian language of foreign students of the creative specialties of the sphere of culture and arts, the development of their ability to study the Russian language as foreign and improvement in it to solve professional tasks.

Key words: russian as a foreign language; educational technologies; professionally oriented teaching; modular training; intercultural communication.

На современном этапе развития высшего образования на первый план выходят максимальный учет индивидуальных особенностей личности и активность личности в процессе получения профессионального образования. Ориентация на формирование профессиональной личности означает перестройку учебного процесса из пассивного усвоения знаний в активный процесс формирования навыков применения знаний в профессиональной сфере. При решении данной задачи большую роль играют интенсивные технологии обучения, направленные на оптимизацию, актуализацию, систематизацию, гуманизацию и комплексность получения знаний.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного возрастает интерес к средствам совершенствования процесса обучения с использованием современных технологий в сфере языкового образования, повышения качества подготовки студентов. Об этом свидетельствуют научные разработки в области когнитивных теорий обучения с использованием новых технологий [1], психолингвистики [2, 3, 4], исследования гипертекстовой структуры электронного учебника [5], технологии проектных работ [6], модульного обучения [7, 8, 9].

В системе высшего образования в настоящее время большое внимание уделяется модульной технологии обучения. Понятие “модуль” достаточно интенсивно изучается в плане рассмотрения содержания самого понятия, в плане определения места модуля в системе обучения и в общей системе обеспечения качества и управления качеством образования. В современной высшей школе разрабатываются и внедряются комплексы электронных профессионально ориентированных учебных ресурсов для иностранных студентов творческих специальностей с целью формирования у иностранных граждан, обучающихся в белорусских вузах, коммуникативной и межкультурной компетенции. О значимости модульного построения процесса обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному с учетом профильной и уровневой дифференциации пишет И. А. Пугачев [10]. Эффективность использования современных информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения русскому языку как иностранному подтверждают новейшие исследования и методические разработки Л. А. Константиновой [11], С. А. Асановой [12]. Модульная технология делает образование гибким, комбинированным, гарантирующим развитие у студентов творческого мышления и направленным на активизацию и повышение качества обучения.

«К одной из основных тенденций развития образования в мире можно отнести ориентацию на личность обучающегося в целях наиболее полного раскрытия его способностей и удовлетворения его образовательных потребностей», отмечается в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2021 г. № 683 «О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года» [13]. Основой модульного обучения является подход, подразумевающий ориентацию на личность каждого обучающегося. Вариативная последовательность изучения учебного материала стимулирует личную познавательную активность студента. Технология модульного обучения совмещает объяснительно-иллюстративные способы обучения с отражательно-преобразующей деятельностью мышления студента.

Модульное обучение позволяет создать наиболее благоприятные условия развития личности обучающегося путем обеспечения гибкости содержания обучения, приспособления к индивидуальным потребностям и уровню подготовки обучающегося посредством организации учебно-познавательной деятельности с учетом индивидуальных особенностей.

Специфической особенностью модуля для иностранных студентов сферы культуры и искусств является ориентация на культурологический, искусствоведческий, музыкальный, художественный материал, направленная на облегчение процесса адаптации студентов в творческой языковой среде. К достоинствам модуля можно отнести разделение материала по русскому языку на уровни по сложности; наличие грамматического, лексического, коммуникативного и лингвокультуроведческого компонентов; закрепление, систематизацию и углубление знаний по ключевым грамматическим и лексическим темам в соответствии с уровнем; наличие теоретического материала и системы проверки правильности выполнения заданий и управления действиями студентов; структуру модуля и каждой темы с выделенными постоянными структурными частями, к которым можно возвращаться; разнотипность заданий, направленных на углубление грамматических знаний; пополнение лексического запаса; развитие навыков осмысленного чтения и грамотного письма; простой инструментарий; подсказки; систему повторения и итоговой проверки степени усвоения материала; увлекательность текстового материала, связанного с миром искусства, отражающего разнообразные актуальные речевые ситуации.

Модульное обучение можно сравнить с организационными формами программированного обучения, поэтому учебные модули и тесты могут быть легко перенесены в компьютерную среду обучения, представлены в виде интерактивных обучающих систем. Для выполнения одних заданий от студентов требуется включить абстрактное мышление, для других – владеть способами быстрого анализа.

Как известно, обучение языку – это прежде всего обучение правильному пониманию и употреблению его слов, лексики. Всё в языке начинается со слов, овладение словарным составом языка является основой обучения

иностранному языку. Изучение лексики – это не просто заучивание новых слов (заучивание слов вне предложения не дает никаких результатов), важно осознать и усвоить связи между словами (грамматические, семантические). Коммуникативность требует введения и закрепления нового слова в предложениях и ситуациях.

Обучение русскому языку как иностранному в модуле способствует увеличению лексического запаса обучающегося, расширению культурной осведомленности через информационные ресурсы сети, например, при изучении фонетики, а также лексики русского языка. Заложенная в модульное обучение иллюстративность позволяет визуализировать и озвучивать текстовый материал с целью наилучшего усвоения его каждым студентом через аудиовизуальное сопровождение в текстах. «С этой точки зрения модуль представляет для студентов особый интерес, ведь изучение коммуникативного аспекта русского языка без отрыва от реальной речевой действительности в сети модуля становится сегодня все более актуальным, так как отправным пунктом речевой деятельности служит определенный креативный триггер как пусковой момент, вызванный потребностями студента», – отмечает А. А. Залевская в книге «Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды» [14, с. 237].

Студенты творческих специальностей обладают способностями воспринимать, передавать звучание, осмысливать образное содержание речи, воспроизводить языковые и лексические единицы в различных тематических ситуациях с учётом характера коммуникации на материале культурологического, искусствоведческого, музыкального, художественного характера. Модульная технология позволяет студентам применять русский язык адекватно контексту и учебным заданиям, использовать ресурсы обучающего модуля для решения учебных проектных творческих задач, организовывать сетевой диалог в социально-культурном окружении для приобретения опыта совместного творчества через передачу знаний музыкально-художественной направленности на русском языке для овладения им. Характерной чертой такого обучения является ориентированность на студента, как творческую личность, определяемую А. А. Леонтьевым через своего рода триаду (речь – музыка – личностные смыслы) [3], что требует новых подходов к обучению студентов творческих специальностей.

Практика использования модулей в учебном процессе даёт возможность эффективно решать целый ряд задач: совершенствовать навыки чтения и письма, использовать материалы сети различной степени сложности, совершенствовать навыки аудирования на основе аутентичных аудио- и видеотекстов, совершенствовать навыки письменной речи, пополняя словарный запас активной и пассивной лексикой, знакомиться с культурными реалиями, включающими в себя речевой этикет, особенности речевого поведения в условиях общения.

Следует особо выделить возможности игровых технологий в модульном обучении, так как работа в модуле – это всегда ролевая игра, которая даёт возможность представить себя в различных жизненных ситуациях, смоделировать свое поведение в зависимости от взятой на себя роли. Студенты воспринимают, затем передают музыкально-слуховые образы как некоторые модели поведения, как артистические образы, пытаюсь понять, какие из вариантов наиболее приемлемы в реальной жизни. У них выстраивается триада: речь (интонация, язык) – музыка (звуковая ткань речи) – личностные смыслы, когда формируются умения вести разговоры по теме, выражать свои мысли. Особый интерес для развития таких умений представляют музыка, театр, живопись, архитектура и другие формы искусства, через которые развиваются поликультурные умения, обогащаются знания о культуре страны.

В современных условиях развития информационно-образовательной среды наблюдается интеграция новых технологий в систему традиционного обучения русскому языку как иностранному. Модульное обучение является наиболее рациональным при выборе оптимальных инновационных технологий обучения иностранных студентов в рамках формирования их профессионально значимых качеств.

Модульное обучение совмещает одновременно поисковую (инициативную), обучающую (активную) и контрольную (тестирующую) работу. Оно может осуществляться наиболее эффективно благодаря условиям, способствующим развитию профессионально-личностной направленности, ориентации на самостоятельность в профессиональном становлении, приобретению навыков самоконтроля, формированию устойчивой мотивации к обучению и профессиональным достижениям.

Для студентов сферы культуры и искусств, обучающихся русскому языку как средству профессионального общения, важен не только высокий уровень владения изучаемым языком, но и овладение другими составляющими их будущей творческой деятельности. Изучение русского языка – это не всегда единственная цель для китайских студентов, поэтому модуль, как междисциплинарный компонент оптимизации процесса обучения в вузе, будет важным звеном в обучении русскому языку как иностранному для обеспечения подготовки студентов к контакту с отечественной и мировой культурой и искусством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединский С. И. Стратегическая теория овладения русским языком как иностранным и стратегии обучения. Минск : БГУ, 2019. 423 с.
2. Лебединский С. И. Теория обучения русскому языку как иностранному: психолого-лингвистические и лингвометодические аспекты. Минск : БГУ, 2005. 380 с.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : Красанд, 1990. 316 с.
4. Марков В. Т. Методическая концепция обучения общению иностранных студентов гуманитарного профиля (на базе интегративно-когнитивного подхода). М. : МПГУ, 2003. 304 с.

5. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика. М. : URSS, 2002. 368 с.
6. Сысоева Ю. Ю. Проектная методика в контексте компетентного подхода при обучении иностранному языку студентов неязыкового вуза // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 3. С. 69–71.
7. Голованова Ю. В. Модульность в образовании: методики, сущность, технологии // Молодой учёный. 2013. № 12. С. 437–442.
8. Королева В. В. Модульное обучение как один из способов повышения качества подготовки специалиста // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 787–790.
9. Кудрявцева Т. В. Использование элементов модульной технологии при обучении иностранцев спрягаемым формам русского глагола // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер. Науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. Вып. 3. С. 137–140.
10. Пугачев И. А. Интегративная модель профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных бакалавров технического и естественнонаучного профилей : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. М., 2016. 453 л.
11. Константинова Л. А. Электронный учебник РКИ как современный учебник нового типа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 1. С. 27–30.
12. Асанова С. А. Лингвометодический тренажер в системе электронных средств обучения РКИ (этнометодический аспект) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2015. 22 с.
13. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2021 г. № 683 [Электронный ресурс]. URL: <http://adu.by/images/2021/12/konsep-razv-sist-obrazov.pdf> (дата обращения: 17.03.2022).
14. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. М. : Гнозис, 2005. 543 с.

УДК 811.161.1'243'27

Тихоненко Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь

электронная почта: *tikhonenko.helen@ya.ru*

Tikhonenko Elena V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *tikhonenko.helen@ya.ru*

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОШИБКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. В статье дается определение понятия «коммуникативная неудача», а также анализируются различные причины возникновения непонимания, сбоев в общении, обусловленные, как внешними, экстралингвистическими, так и собственно языковыми факторами.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативные неудачи, языковой барьер, культура, дискурсивные ошибки.

INTERCULTURAL COMMUNICATION FAILURES

Summsry. The article gives a definition of the concept of "communicative failure", and also analyzes the various causes of misunderstanding, failures in communication, due to both external, extra linguistic, and proper linguistic factors.

Key words: intercultural communication, communication failures, language barrier, culture, discursive errors.

Межкультурная коммуникация – это общение языковых личностей, которые относятся к разным лингвокультурным сообществам. Для успешной коммуникации с носителями других культур и языков необходимо владеть не только вербальным кодом, но и внекодовыми, фоновыми знаниями. Ряд проблем в межкультурной коммуникации существует из-за того, что ее участники игнорируют аспекты, несущие отпечаток представлений, коннотаций, ассоциаций, связанных с национальным культурным сознанием. Так, достаточно часты ситуации, когда коммуникация с носителями разных культур формально состоялась, однако смысл был понят коммуникантами по-разному. Коммуникативные неудачи, мешающие общению, могут быть обусловлены как недостаточным знанием языка, так и отсутствием фоновых знаний.

Коммуникативной неудачей называют полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, такой «сбой» в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, а их элементы не реализуются как инструкции по преобразованию окружения» [1, с. 53].

По мнению Б.Ю. Городецкого, коммуникативная неудача – это «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, т.е. имеет место неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего» [2, с. 69]. При классификации коммуникативных неудач по источникам автор разграничивает коммуникативные неудачи, причиной которых является сам участник коммуникативного акта, и коммуникативные неудачи, порождаемые обстоятельствами [2]. Автор подразделяет коммуникативные неудачи на глобальные и частичные. К глобальной коммуникативной неудаче относится тот случай, когда коммуникативная деятельность не реализуется, а цель не достигается. Частичной коммуникативной неудачей исследователь называет задержку, временный сбой в коммуникативном процессе.

Классифицируя коммуникативные неудачи по причинам, О. Н. Ермакова, Е.А. Земская выделяют следующие виды коммуникативных неудач: коммуникативные неудачи, обусловленные устройством языка; коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих; коммуникативные неудачи, вызванные прагматическими факторами [4].

Языковые барьеры для людей, говорящих на иностранном языке, связаны с недостаточной лингвистической компетенцией – недостаточным владением разными уровнями языка: фонетическим, лексическим, грамматическим, стилистическим. К сбоям в общении могут приводить ошибки или незнание в любой из этих сфер.

1. Фонетические ошибки – ошибочные постановки ударения, смешение слов в словосочетаниях и целых предложениях, что и создает сложность в понимании вербальной информации. Понимание звучащей иноязычной речи предполагает правильное распознавание звуков и слов. Сложность воспроизведения звуков чужого языка обусловлена исторически сложившимися различиями в строении речевого аппарата носителей разных языков. Неверное фонетическое оформление при порождении и восприятии речи может стать источником коммуникативных неудач (*турок – дурак, идёт – идиот, Игорь – Егор, девочка – девушка* и т.д.)

2. Лексические ошибки, вызванные слабым владением системой языковых значений различного уровня и способов их выражения. Интересный пример того, как недостаточное владение лексическим фондом языка общения приводит к коммуникативным сбоям и даже серьезным конфликтам, привел Д. Б. Гудков: «Русский предприниматель в беседе со своим американским коллегой обратился к тому со следующими словами: «Я был в одной фирме и *забросил* там *удочку* насчет твоего предложения». Американец совершенно не понял вторичную номинацию «забросить удочку», что привело к непониманию им приведенного высказывания» [3, с. 60].

3. Грамматические ошибки связаны с системными различиями языков. Например, предложение «*На улице холодно*» от англоговорящего коммуниканта в большинстве случаев мы услышим следующим образом: «Это холодно на улице». Часто встречаются ошибки, связанные с тем, что в русской синтаксической конструкции есть предлог, а в ее английском эквиваленте предлог отсутствует (и наоборот). Например, «Я знаю, что ты умеешь *играть теннис*», «Он *ждал для тебя* около метро». Большие трудности у изучающих русский язык вызывает конструкция двойного отрицания, когда даже при наличии в предложении отрицательного местоимения мы все равно используем глагол с частицей «не». В английском же языке двойного отрицания не существует.

4. Стилистические ошибки выражаются в несоответствии языковых стилей коммуникантов, которые при взаимодействии пользуются специфическими терминами, непонятными для партнера.

Очевидно, что языковой и культурный барьеры тесно связаны и находятся в непрерывном взаимодействии. Культурный барьер, обусловленный разницей культур, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, опаснее языкового [5, с. 66]. Культурные ошибки, сопровождающие и провоцирующие конфликт культур, воспринимаются гораздо болезненнее и вызывают более негативную реакцию, чем ошибки языковые, которые чаще прощаются иностранцам.

Ошибки, которые провоцируются невладением инофоном системой значений той культуры, на языке которой ведется общение, Д. Б. Гудков называет «дискурсивными» ошибками. Несмотря на то, что дискурсивные ошибки весьма разнообразны и не поддаются однозначной интерпретации, выделим основные группы подобного рода ошибок:

1. «Этикетные» ошибки обусловлены незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации, принятых в русскоязычном лингвокультурном сообществе. В качестве примера приведем следующие ошибки, замеченные в речи иностранных студентов:

- некорректное использование местоимений ты/Вы,
- неоднократные приветствия в течение дня,
- специфическое выражение приветствия, благодарности (*«спасибо много раз», «очень спасибо»*),
- нехарактерное русскому речевому этикету обращение (например, обращение студента к преподавателю по фамилии, по должности). Употребление двухимённой (имя + отчество) формы обращения в русском языке вызывает серьезные затруднения у иностранцев не только в силу несовпадения правил этикета, но и в связи с фонетическими трудностями произношения многослоговых слов. Если преподаватель не требует обращения по имени и отчеству, студенты привыкают к более легкой, но неправильной форме обращения – по имени, или «преподаватель». Более редкая ошибка – обращение по имени, отчеству и фамилии.

2. «Стереотипные» ошибки. Они могут быть разделены на две группы:

- а) ошибки, вызванные невладением русскими социокультурными стереотипами речевого общения, ведущие к неверному использованию стереотипных речевых формул;
- б) невладение ментальными стереотипами.

3. «Энциклопедические» ошибки, вызванные невладением иностранцами теми фоновыми знаниями, которые являются общими практически для всех носителей русской лингвокультуры. Так, ситуация, в которой студентка предлагает преподавателю встретиться вечером 6 января (в понедельник) для обсуждения дипломной работы и отказ преподавателя, кажется странной для обоих участников коммуникации. Преподаватель считает странным предложение студентки встретиться в сочельник. Для студентки же странным кажется факт переноса рабочего дня в понедельник, если Рождество Христово отмечают во вторник. Еще один пример энциклопедической ошибки – это ситуация, когда студенты называют Радуницу «праздником»: *«Завтра у вас [белорусов] праздник?»*.

4. «Идеологические» ошибки, вызванные различиями в мировоззрении коммуникантов. Некоторые идеологические ошибки являются результатом невладения иностранцами системой культурных норм и ценностей.

Например, иностранцы часто говорят, что «белорусы/ русские – холодные люди». Такой вывод иностранцы делают на основании того, что у белорусов достаточно скупая мимика и они сдержанно выражают свои эмоции на публике. Еще одним примером может служить некорректная интерпретация феномена улыбки при межкультурном общении с американскими студентами. Улыбка в англоязычных культурах является неотъемлемым атрибутом вежливого поведения, способом формальной демонстрации готовности вступить в социальное взаимодействие. При этом вежливость в английском сознании в большей степени ассоциируется с демонстративным, этикетным вниманием. В России и Беларуси, наоборот, улыбка символизирует искреннее расположение и симпатию по отношению к собеседнику. Вышесказанное объясняет тот факт, что русские неприязненно реагируют на чрезмерно улыбающихся, с их точки зрения, американцев, ссылаясь на неискренний характер и неуместность улыбки.

В целом причины коммуникативных неудач можно разделить на 3 группы: связанные с языковой формой сообщения, с культурными традициями и ситуационным контекстом: особенностями ситуации, эмоциональным состоянием. Недостаточное знание изучаемого языка может проявиться в неправильном выборе языковой единицы и дискурсивной стратегии, неправильной интерпретации ее значения.

Несформированность социокультурной компетенции – непонимание различий между культурами – следующая важная причина коммуникативных неудач, приводящая к неправильному выбору языковых форм, этикетных формул или неверной линии поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С. Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 282 с.
2. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний : сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 64–78.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
4. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функциональных разновидностях. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 30–65.
5. Касюк Н. С. Дискурсивная ошибка как источник неудач в межкультурной коммуникации // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 6 : в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2012. С. 150–155.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ. 2004. 352 с.

УДК 378.147:811.161.1'243

Мицкевич Евангелина Сергеевна

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *eva_minsk2011@mail.ru*

Рублевская Татьяна Витальевна

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *harunyan8@yandex.by*

Mitskevich Evangelina

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *eva_minsk2011@mail.ru*

Rublevskaya Tatsyana

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *harunyan8@yandex.by*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ФАКТОР ВЫБОРА МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается важность учета национальной принадлежности учащегося при обучении русскому языку как иностранному, а также связь системы обучения иностранному языку в стране учащегося и выбора методов при их обучении.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ; национально-культурная специфика; принцип обучения; метод обучения

STUDENTS' ETHNICITY AS A FACTOR IN CHOOSING A METHOD OF TEACHING

Summary. The article is devoted to the importance of taking into account student's nationality in teaching Russian as a foreign language, as well as interrelation between the system of teaching a foreign language in the student's country and the choice of methods in teaching.

Key words: methods of teaching Russian as a foreign language; national-cultural peculiarities; the principle of learning; teaching method.

Неоспоримым является тот факт, что русский язык вызывает интерес у людей по всему миру. Зачастую мы встречаем учащихся различных национальностей, опыт обучения и мировоззрение которых отличается от системы ценностей белорусского народа. В связи с этим преподавателю предстоит трудная задача в выборе необходимого метода и способа

обучения, который поможет не только успешно организовать процесс изучения русского языка, но и помочь учащемуся адаптироваться к новым условиям обучения. Для этого необходимо установить те культурно-национальные различия, которые могут повлиять на процесс изучения ИЯ (иностранного языка). В своём исследовании мы решили рассмотреть особенности обучения учащихся из Испании, Китая и США.

В настоящее время русский язык как иностранный изучает множество испанцев. Так, в Испании русский язык изучается в университетах, в общественных организациях и в детских центрах. Мотивацией для выбора русского языка чаще всего является получение образования в странах СНГ, поиск работы, а также интерес к культуре страны изучаемого языка.

Знание особенностей преподавания иностранного языка в стране инофона позволит понять, какая форма проведения занятий будет более комфортной и эффективной для учащегося.

Испанская и белорусская методика преподавания ИЯ имеют множество сходств. Например, это касается активной роли учащегося на занятиях, т.е. реализации принципа «ученик-субъект» [1, с. 245]. Согласно такому принципу на уроке поощряется высказывание учащимися своих мыслей, интерпретаций, преподаватель использует творческий подход для подачи материала и придерживается общедидактических принципов, активно используются упражнения, направленные на развитие речемыслительной деятельности учащихся. Занятия по иностранному языку в Испании и Беларуси проходят динамично и активно, также они характеризуются большим уровнем коммуникативности. Следовательно, сходства в методах и способах обучения иностранному языку в данных странах способствует скорейшей адаптации испанских студентов к условиям обучения РКИ (русский язык как иностранный) в Беларуси.

При обучении русскому языку инофонов из Испании рекомендуется учитывать следующие особенности менталитета и характера, которые могут повлиять на процесс изучения иностранного языка [2, с. 27-28].

1) Ведущим типом памяти у испанцев является зрительная. При введении лексических единиц и грамматических правил рекомендуется опираться на зрительную перцепцию учащихся, что позволит учащимся быстрее и эффективнее запомнить новый материал.

2) Испанцы отличаются экспрессивностью, эмоциональностью, непродолжительностью волевых усилий. В связи с этим рекомендуется чаще менять во время занятия методические приёмы, характер упражнений, чтобы сохранить интерес и внимание студентов.

3) Испаноязычные учащиеся характеризуются приоритетом коммуникативных форм изучения ИЯ, основной целью является овладение навыком общения. На занятиях рекомендуется использовать преимущественно речевые упражнения, моделировать ситуации естественного общения, не сводить урок лишь к обучению грамматике.

Мы провели опрос среди двадцати испанцев, изучающих иностранный язык, с целью определения наиболее комфортного способа изучения иностранного языка для испаноязычных студентов. Согласно этому опросу 70% испанцев выбрали вариант с активным участием учащегося и преобладающими коммуникативными методами обучения, 20 % предпочитают изучать язык самостоятельно без помощи учителя и всего лишь 10 % проголосовали вариант со спокойным течением урока без активного участия студентов. Как можно заметить, результаты опроса подтверждают тот факт, что испанские студенты предпочитают коммуникативные формы обучения.

В Китае русский язык достаточно популярен для изучения из-за большого количества различных компаний. Он изучается в русскоязычных школах, в университетах, общественных организациях, различных центрах.

По-иному выстраивается урок в китайской аудитории. Если испанская и белорусская методика изучения ИЯ имеет много сходств, то китайская сильно отличается. Отличие, главным образом, состоит в том, что традиционно в Китае реализуется принцип «ученик-объект», а субъектом выступает только преподаватель. Студент обязан пассивно, не анализируя, усваивать услышанный на лекции или прочитанный в учебнике материал. Самостоятельный поиск студента и осмысление им информации не стимулируется преподавателем [1, с. 245]. Если в Беларуси занятия в основном проходят активно и являются направленными на коммуникацию, то в Китае занятия выстроены таким образом, что учащийся линейно изучает учебник и творческие отступления преподавателя могут поставить учащегося из Китая в тупик.

Преподавателю следует учитывать особенности характера китайских учащихся при обучении русскому. Мы выделили следующие пункты.

1) Китайские учащиеся хорошо справляются с заучиванием наизусть, поэтому необходимо развивать умение анализировать, устанавливать причинно-следственные связи, совершенствовать логическую память и абстрактное мышление.

2) Они привыкли к обучению в больших группах (40–60) человек, к формам письменного контроля.

3) Китайские студенты характеризуются замкнутостью, интровертностью, мирной настроенностью, сдержанностью, спокойствием и усидчивостью, некоторой пассивностью.

4) Китайские студенты, как правило, неторопливы, неспешны, поэтому не следует их торопить или подгонять при выполнении какой-либо работы.

Учебно-педагогическое общение базируется на четырех принципах: 1) эмоциональная сдержанность, 2) соблюдение иерархии, 3) «сохранение лица» учащегося, 4) самостоятельность учащихся [3, с. 8].

При обучении русскому языку китайских учащихся рекомендуется использовать следующие методы: 1) использование преимущественно тренировочных упражнений; 2) систематический жёсткий контроль; 3) приоритет такого вида речевой деятельности, как чтение; 4) аккуратное обращение к учебным играм и коммуникативным заданиям; 5) обращение к концепции

«интегративного обучения русскому языку как неродному», где с помощью «языковых партнеров» студенты могут практиковать разговорную речь на свободные темы [3, с. 8].

Следует отметить, что по результатам эксперимента в Сычуаньском университете, метод «Перевернутого класса» имеет хороший потенциал для применения его аспектов в китайской аудитории. Модель «Перевернутый класс» интересна тем, что для передачи знаний интенсивно используются информационные технологии, способствующие активизации общения студентов и взаимодействия преподавателей и студентов в процессе освоения знаний. Суть эксперимента заключалась в том, что студенты заранее имеют доступ ко всем материалам лекций, видеоурокам и так далее, а на занятие приходят с уже изученным материалом. Эксперимент показал, что данная модель вызывает у студентов интерес к учебе, также воспитывает в студентах стремление к коллективной работе. Даже слабоактивные студенты постепенно начинают говорить и делиться своими мнениями, что очень важно в изучении языка [4, с. 452].

Мы провели опрос среди китайских студентов, которые изучают русский язык в Беларуси, России и Китае, средний возраст которых составляет 21,9 года. Все студенты написали, что при обучении в школе упор делался на самостоятельное обучение, решение тестов по грамматике. Сообщили, что уроки проходили пассивно, учащиеся просто слушали учителя и делали задания. Многие выразили сожаление о том, что для них представляется сложностью дать развернутый ответ на какой-либо вопрос или же составление диалогов.

К главным культурным сложностям студенты отнесли непонимание мышления людей из других стран (в частности России и Беларуси), различие в ежедневной рутине, сложности понимания каких-то слов, связанных с культурными понятиями, а также трудности с пониманием культурного контекста ситуации. Некоторые упомянули непохожесть характера белорусов на характер китайцев. В вопросе про активную или же пассивную позицию на уроке мнения китайских студентов разделились. 68% студентов выбрали вариант взаимодействия, когда можно активно участвовать в занятии, высказывать своё мнение, общаться на изучаемом языке. При этом 32% проголосовало за другой вариант, при котором урок проходит спокойно, без активного участия студента, студент просто выполняет упражнения и учит правила. Многие учащиеся, выбравшие первый вариант, позже прокомментировали, что им не нравилась система урока в Китае и поэтому им очень нравится активно участвовать в занятии и выполнять творческие задания, хотя зачастую это вызывает сложности. На вопрос о культурных особенностях китайцев студенты ответили, что считают, что студенты из Китая довольно застенчивы и спокойны, многие сдержаны и замкнуты в себе, им нравится некая стабильность и повторяемость, неспешность. Многие студенты написали, что им нравятся игры на занятии в качестве помощи в развитии речевых умений, а также, когда им дают «культурную справку», нравится коммуникация с другими студентами – носителями русского языка.

Русский язык изучает также большое количество студентов из США. Причины для изучения русского языка различны: интерес к культуре и к самому языку, русский язык необходим для работы, поступления в университет или для самой учёбы.

Американская и белорусская образовательная парадигма имеют ряд сходств и расхождений. Схожесть наблюдается в реализации принципа «ученик-субъект». Однако роль и авторитет учителя в Беларуси намного выше, чем в США [1, с. 248]. Также американская модель обучения предполагает использование различных методов и подходов при обучении иностранным языкам, в государственном стандарте отсутствует единый закреплённый метод обучения, в то время как в Беларуси основным методом является сознательно-деятельностный [5, с. 200].

Несмотря на приведённые различия в методике преподавания иностранного языка в Америке и Беларуси, американские студенты не испытывают значительных трудностей в адаптации к условиям изучения русского языка в Беларуси. Тем не менее, преподавателю следует учитывать особенности менталитета американских учащихся для эффективной организации процесса обучения. С. И. Лебединский выделяет следующие из них.

1) Американским учащимся свойственен чрезмерный индивидуализм. Все задания учащиеся предпочитают выполнять самостоятельно. Следует отметить, что у студентов из США не принято разговаривать об успехах друг друга, так что оценки рекомендуется объявлять лишь в индивидуальной беседе.

2) Для студентов из США является важным равенство возможностей при обучении РКИ в группах. Часто студенты жалуются на то, что им не уделили должного внимания на занятии или предлагают выполнить упражнение, которое посильно не всем учащимся.

3) Американские учащиеся имеют прагматическую цель изучения иностранного языка. В связи с этим рекомендуется использовать коммуникативные задания, а также задания, несущие непосредственно практическую ценность (например, написание объявлений, статей, заметок и т.д.). Доказательством этого являются результаты проведённого нами опроса среди двадцати американцев, изучающих иностранный язык. По результатам опроса 70 % высказывались за форму обучения с активным участием, преобладанием коммуникативных заданий, 25 % предпочитают самостоятельное изучение иностранного языка и только 5% выбрали вариант со спокойным течением урока без активного участия студентов [1, с. 247-248].

На наш взгляд, при правильном методическом применении приведённых сведений и рекомендаций преподаватель может облегчить учащимся процесс изучения русского языка, предотвратить появление социокультурной интерференции, снизить вероятность коммуникативной неудачи и главное – создать комфортные условия для обучения русскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединский С. И. Методика преподавания русского языка как иностранного. Минск : БГЭУ, 2011. 309 с.
2. Голиков С. Г. Лингводидактические основы педагогического проектирования системы обучения испанцев русскому языку и тестирования : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2008. 33 с. : табл.
3. Чжао Ю. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2008. 22 с.
4. Золотых Л. Г. «Перевернутый класс» как новый метод преподавания русского языка в практике китайских вузов: опыт Сычуаньского университета // Русистика. 2018. Т. 16, № 4. С. 451–463.
5. Перевёрткина М. С. Обзор современной российской и зарубежной парадигмы иноязычного образования (образовательные парадигмы России, Соединённых штатов Америки и Финляндии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8-2 (62). С. 198–203.

УДК 378.147:811.161.1'243

Верниковская Алла Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: alla.vernikovskaya@mail.ru

Verniovskaya Alla, Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: alla.vernikovskaya@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В СИСТЕМЕ РКИ

Аннотация. В статье изложены лингвистические и методические основы изучения грамматической категории числа имени существительного. Показаны трудности при усвоении этого материала иностранными обучающимися, изучающими русский язык, ошибки и их причины. Автором подчеркивается необходимость тесной связи работы над грамматикой, фонетикой и лексикой, что способствует более эффективному обучению. Предлагается система тренировочных упражнений, направленных на усвоение категории числа имени существительного.

Ключевые слова: грамматика, категория рода, категория числа, имя существительное, форма единственного и множественного числа, прямое и переносное значение, абстрактное и конкретное значение, семантизация, контекст.

TEACHING THE CATEGORY OF NUMBER OF NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE TO FOREIGN LEARNERS

Summary. Linguistic and methodical aspects of teaching the grammatical category of number to foreign students are discussed in the paper. Difficulties of understanding the category in question, typical mistakes, their causes are in the focus of the author's attention. In the article it is stressed that close ties between grammar, phonetics and lexics in the process of a foreign language learning contribute greatly to the language proficiency of students. The system of training exercises for the development of the skills under discussion is suggested by the author.

Key words: grammar, category of gender, category of number, noun, singular and plural forms, direct and metaphorical meaning, abstract and concrete meaning, semantization, context.

Изучение иностранными студентами категории числа имени существительного, на первый взгляд, не представляет особой трудности, т.к. она характерна для всех языков и противопоставление один – много является достаточно наглядным. Однако это только на первый взгляд, поскольку, как показывает практика, студенты допускают немало ошибок при использовании в речи форм числа.

Чтобы увидеть все проблемы и «подводные камни» данного аспекта грамматики, следует рассмотреть как лингвистические, так и методические основы изучения категории числа. Очертим круг этих проблем: правильное образование формы множественного числа (выбор окончаний в форме именительного и косвенных падежей), возможность/невозможность образования форм числа от ряда существительных (в зависимости от лексико-грамматического разряда), приобретение абстрактными существительными способности употребляться в форме мн.ч. в зависимости от лексического значения, проявляемого в контексте. Кроме того, имеется немало исключений, специфических форм мн.ч., которые необходимо запоминать.

Категория числа является универсальной грамматической категорией; в русском языке по числам изменяются слова, относящиеся ко всем знаменательным частям речи.

Основным средством выражения значения мн. ч. являются окончания – *a/-я, -ы/-и* – в зависимости от рода имени существительного (*адрес – адреса, окно – окна, поле – поля, ученик – ученики*), у существительных на *ин* – окончание *-е* (*горожанин – горожане*). Наряду с окончаниями, в образовании формы мн. ч. могут участвовать суффиксы *-ь, -овь, -ес, -ат/-ят* (*листья, братья, сыновья, небеса, зайчата*). Ввиду немногочисленности суффиксальных форм они запоминаются студентами в ходе выполнения тренировочных упражнений. Нередко процесс формообразования сопровождается перемещением ударения, чередованием звуков, что создает для иностранных учащихся дополнительные трудности: *семья – семьи, друг – друзья*. У неизменяемых существительных число выражается только посредством формы согласуемых прилагательных и глаголов: *модные пальто, ателье не работают, такси стояли, открыты уютные кафе*.

Правильность образования форм мн. ч. зависит от умения оперативно ориентироваться в роде имени существительного, чему необходимо постоянно уделять должное внимание. Иностранцы учащиеся затрудняются в установлении рода существительных с одинаковыми окончаниями в начальной форме (3-его склонения и 2-ого склонения мужского рода типа *педа́ль, спектакль, тень, пень, гроздь, гвоздь*), а также с безударными флексиями, в которых гласные звуки в слабой позиции произносятся почти одинаково и на слух практически не различаются (*облако, прогулка, сердце*).

При продуцировании формы мн. ч. иностранные учащиеся испытывают затруднения в выборе окончания *-ы/-и* либо *-а/-я*, зависящего от родовой принадлежности имени существительного, которая является немотивированной. У имен существительных мужского рода в форме И.п. мн. ч. наблюдаются варианты окончаний: *мосты, автобусы, поезда, берега, документы, паспорта*. Менее частотные формы на *-а/-я* усваиваются, как правило, путем многократного использования их в речи.

Наибольшие трудности у иностранных учащихся вызывает форма родительного падежа, в которой выбор окончания (нулевого, *-ов, -ев, -ей*) зависит от рода, склонения существительного, а также от конечного согласного звука основы ([ц] [j], мягкий, твердый, шипящий) и от места ударения. Кроме того, имеется ряд исключений, которые нужно запомнить (*полей, морей, облаков, глаз, раз, солдат, котят* и др.).

Для предупреждения ошибок в употреблении формы Р.п. мн. ч. необходимо отработать со студентами алгоритм выбора окончания имени существительного. Предлагается две памятки: первая – с опорой на род и тип склонения существительных (на обучающем этапе), вторая (ее студенты составляют самостоятельно) – на этапе закрепления и проверки.

Памятка 1.

Ж.р.: нулевое -1.скл.(*книг*), *ей* – 3 скл.(*дочерей, ночей*)

Ср.р.: нулевое (*колец, окон*), *-ев* (*крыльев, деревьев*), *-ей* (*морей, полей*), *-ов* (*облаков*)

М.р.: *-ов* (*домов*), *-ев* (*героев*), *-ей* (*судей, дядей, ножей, друзей, сыновей*), нулевое (*раз, глаз, солдат, человек, котят*)

Памятка 2.

Нулевое окончание: ж.р.1 скл., ср.р. (*книг, окон*) +м.р.*глаз, раз, человек, солдат, котят. –ов:* м.р. 2 скл.(на тверд.согл.и на *ц-* под ударением):*домов, огурцов*+ ср.р. *облаков*

-ев: м.р.2 скл. (на *й, ья*): *героев, братьев*+ ср.р. на *ья* (*крыльев, деревьев*)

-ей: ж.р.3 скл., м.р. 1скл.и 2 скл. на мягк. согл. и шипящий(*судей, юношей, друзей, сыновей*) + ср.р. (*морей, полей*)

С целью формирования навыка употребления формы Р.п. мн.ч. проводится постоянный тренинг попутно с изучением любого языкового материала. При этом следует обращать внимание учащихся на появление/исчезновение в данной форме так называемых «беглых» гласных: *окна – окн, вилки – вилок, ложки – ложек, ковер – ковров.*

Таким образом, в качестве главной проблемы, связанной с употреблением формы мн. ч., можно назвать правильность определения рода имени существительного, от которого зависит выбор окончания.

Следующая проблема обусловлена наличием в русском языке существительных, не изменяющихся по числам: *singularia tantum* и *pluralia tantum*. Только в форме ед. ч. употребляются имена существительные следующих лексико-грамматических разрядов: абстрактные (*злость, внимание, быстрота, грусть, дружба, скука*), вещественные (*сахар, мёд, лён, рожь, шерсть, кислород, пыль*), собирательные (*молодёжь, косметика, мебель, посуда, оружие, листва*) имена собственные: (*Италия, Москва, Днепр, Европа*), названия сторон света, месяцев и некоторые другие. Однако небольшая часть имен существительных указанных разрядов, наоборот, употребляются только в форме мн. ч.: абстрактные (*выборы, каникулы, похороны, будни, переговоры*), вещественные (*чернила, щи, сливки, консервы, дрожжи, макароны*), а также некоторые конкретные (*деньги, очки, весы, часы, грабли, ножницы, шахматы, джунгли*).

Таким образом, препятствием к изменению имен существительных по числам является их принадлежность к определенным лексико-семантическим разрядам. Значит, для правильного использования в речи форм числа необходимо учитывать обобщенное значение, присущее абстрактным, вещественным и собирательным именам существительным. Поэтому на занятиях иностранные студенты получают сведения о лексико-грамматических разрядах существительных, упражняются в разграничении, группировке слов, что сопровождается толкованием лексики. Как показала практика, иностранными студентами нередко допускаются ошибки типа: *купил несколько луков и чеснока, в комнате нет мебели, продаются обуви и посуды*. Преподаватель постоянно мотивирует студентов: чтобы избежать подобных ошибок, нужно уметь ориентироваться в разрядах существительных.

Еще одна проблема вызвана наблюдаемой в современном русском языке тенденцией возникновения у отвлеченных имен существительных конкретных значений и в связи с этим появления возможности образовывать форму множественного числа: *риски, наклоности, увлечения, высоты, глубины*. Этот процесс некоторыми лингвистами называется экспансией формы множественного числа абстрактных существительных.

В форме мн. ч. абстрактные существительные выступают в конкретных значениях: *маленькие радости, три желания, великие открытия, развивать способности, получать блага, делать переводы*. Наблюдения над семантикой слов свидетельствуют о том, что в форме мн. ч. наиболее часто встречаются отвлеченные существительные с негативной коннотацией: *упреки, капризы, насмешки, страдания, печали, сомнения, измены, ссоры, жалобы, обиды, огорчения, глупости, оскорбления* и др. Форма множественного числа может подчеркивать интенсивность действия, силу проявления признака, придавать экспрессию: *наступили холода, стояли морозы; долгие поиски, сильные боли*.

Способность некоторых многозначных существительных выступать в разных значениях в форме только единственного либо только множественного числа влечет за собой ошибки при употреблении их в речи. В связи

с этим следует предлагать иностранным учащимся задания, в которых они анализируют контекстное окружение слов при выборе варианта грамматической формы. Широко используются задания с «ловушками», при выполнении которых студенты должны обнаружить имена существительные, не изменяющиеся по числам.

Система работы над категорией числа включает ознакомление с грамматической теорией и выполнение упражнений, которые подразделяются на следующие группы в зависимости от ведущего вида деятельности.

1) аналитические: группировка имен существительных в зависимости от способности изменяться по числам, наблюдение над значением форм слов в контексте (*выбор профессии – прийти на выборы*);

2) синтетические: образование формы мн. ч., в том числе со включением «конфликтных» слов (*транспорт, такси, метро, асфальт, шоссе, шофёр, водитель, поезд, аэропорт*), выбор подходящей формы в зависимости от контекста;

3) коммуникативные – на использование в речи нужной формы числа.

Приведем примеры некоторых заданий.

1. *От данных имен существительных образуйте названия лиц по месту жительства в форме единственного и множественного числа. Выделите окончания и суффиксы.*

Корея, Европа, Египет, Греция, Франция, Россия, Туркменистан, Москва, Минск, юг.

2. *Прочитайте. Объясните правильность выбора формы выделенных слов. От всех имен существительных образуйте, если возможно, форму множественного числа.*

1) Человек наделен *способностью* сострадать. Надо развивать *способности* ребенка. 2) Жизнь состоит не только из *удовольствий*. Какое *удовольствие* окунуться в теплое море! 3) Надо хорошо вымыть чашки: на них появился *осадок* от чая. После этого разговора на душе остался неприятный *осадок*. Дождь, снег, град – это атмосферные *осадки*.

3. *Прочитайте, вставляя в слова вместо точек окончания –ы/-и, -а/-я. Объясните значение этих слов. Измените их, если возможно, по числам.*

1) В конце декабря устраивают провод.. зимы – народный праздник Масленицы. Как вы понимаешь пословицу «Долгие провод.. – лишние слезы»? На электрические провод.. сели ласточки. 2) Век.. и ресницы защищают глаза. Египетские пирамиды простояли век.. .

4. *Вставьте в предложения подходящие формы существительного время. Определите их число и падеж.*

Как быстро бежит ... ! Цени ... , не трать его на пустые дела и разговоры! У студентов мало свободного ... . Со ... мы станем квалифицированными специалистами. Глаголы изменяются по ... : они могут стоять в форме настоящего, прошедшего и будущего ... . Настали трудные ... .

5. *Вставьте в предложения подходящие слова, объясните их значение, определите число и падеж. Можно ли эти слова изменить по числам?*

Если хочешь узнать, который ... , посмотри на ... .

Если хочешь узнать свой ... , встань на ... .

Люди пришли на ... , чтобы сделать свой ... .

Если ты получил водительские ... , то имеешь ... водить машину.

Для справок: вес, весы, час, часы, выбор, выборы, право, права.

6. *От данных имен существительных образуйте, если возможно, форму Р.п. множественного числа.*

1) посуда, тарелка, кастрюля, ложка, нож, кухня, мебель, полотенце, чай, кофе, сахар;

2) погода, небо, облако, туча, дождь, ливень, лужа, ручей, жара, природа, отдых;

3) транспорт, автобус, трамвай, метро, такси, водитель, пассажир, место, остановка.

7. *Прочитайте. Выпишите выделенные фразеологизмы, объясните их значение. Определите падеж имен существительных, обоснуйте выбор окончания.*

1) Мать целую ночь *не сомкнула глаз*, переживая, что сын совсем *отбился от рук*. 2) Я родной городок знаю *как свои пять пальцев*, любой дом найду *с закрытыми глазами*. 3) Только с годами начинаешь понимать, что *нет правил без исключений*. 4) *Много слов, да мало дела*. 5) *На вкус и цвет товарищей нет*. 6) Студенты-выпускники – *без пяти минут* специалисты.

Таким образом, изучение числа должно осуществляться в функциональном аспекте, во взаимосвязи всех сторон языка, базироваться на усвоении рода, лексико-грамматических разрядов имен существительных, проводиться в тесной связи с семантизацией и с привлечением фонетического анализа лексики.

УДК 378.147:811.161.1'243'373

Андреева Мария Владиславовна, преподаватель

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: maryiaand@yandex.ru

Andreyeva Maryia Vladislavovna, Lecturer

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: maryiaand@yandex.ru

ФЕМИНИТИВЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В статье рассматривается явление феминитивов в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Цель исследования: выявить основные особенности преподавания феминитивов для студентов, не являющихся носителями языка. Теоретическая значимость заключается в выявлении закономерностей отбора феминитивов для обучения языку.

Ключевые слова: феминитивы, преподавание РКИ, названия профессий, наименование женщин.

FEMINITIVES (*GENDER-SPECIFIC NOUNS OF FEMINITIVE GENDER*)
IN TERMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary. The article examines the phenomenon of feminitives (gender-specific nouns of feminine gender) in the aspect of teaching Russian as a foreign language. The goal of the study is to find main peculiarities of teaching feminitives to students who do not have Russian as their first language. Theoretical significance lies in finding regularity in selection of words suitable for teaching.

Key words: feminitives (gender-specific nouns of feminine gender), teaching Russian as a foreign language, names of professions, names for women.

Феминизм как социокультурное явление, общественно-политическое движение, целью которого является предоставление женщинам всей полноты гражданских прав, приобретает все больший размах и в результате недопонимания не всегда интерпретируется правильно. В результате влияния этого движения во многих языковых системах начинают появляться или более активно использоваться лексемы, образованные от существительных мужского рода с целью более точного наименования женщин. Эта проблема особенно актуальна для языков, где грамматическая оппозиция мужского и женского рода играет важную роль, что в современном русском языке привело к возникновению проблемы феминитивов.

Ирина Фуфаева в книге «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция» определяет это понятие следующим образом: «Феминативы (феминитивы, от лат. *femina* – женщина) – это слова с “показателем женскости”, в русском языке – обычно со специальным суффиксом. Например: волч-ица или рыбач-ка. В более широком смысле – любые обозначения женщин, в том числе, например, тетья, примадонна» [1, с. 10].

Проблема использования феминитивов появилась в языке давно, однако особую актуальность приобрела с развитием информационных сетей. У носителей языка нет единой точки зрения, как именно феминитивы могут использоваться и где происходит нарушение нормы литературного языка. Если в данных лексемах вопроса с национальностью или семейными отношениями не возникает, то названия профессий становятся камнем преткновения. Многие люди предпочитают использовать только форму мужского рода как универсальную, и желание многих давать более четкую характеристику вызывает споры о нарушении литературной нормы. Тот факт, что большинство названий профессий в документах также пишутся в нейтральном для русского языка мужском роде, добавляет недопонимания. В результате такое разнообразие мнений не может не отразиться и на тех, кто изучает русский язык как неродной. Если посмотреть учебники, написанные носителями языка, можно заметить, что в каждом издании по-разному используются слова, называющие женщин. Например, если посмотреть учебник «Слово: пособие по лексике и разговорной практике», уже в первом

задании можно увидеть следующий пример: *Здравствуйте. Будем знакомы. Я ваша преподавательница. Меня зовут Анна.* [2, с. 14]. Через несколько уроков в одном из заданий дается вариант *Твоя подруга Анна – преподаватель?* [2, с. 26] без объяснения разницы между этими двумя вариантами. Не дается и пояснение, почему по отношению к женщине в данном случае используются как слова мужского, так и женского рода. Серия учебников «Поехали!» дает много вариантов наименований женщин, например, в книге «Поехали-2» в первой части можно встретить слова *журналистка, студентка*, но в то же время авторы выбирают форму *секретарь* вместо *секретарша* [3, с. 24]. Данная замена, по всей видимости, нужна для исключения негативных ассоциаций о несерьёзности профессии «секретарша».

Если рассматривать учебники, предназначенные для студентов более продвинутого уровня владения языком, то в учебнике «Обсуждаем глобальные проблемы, повторяем русскую грамматику» в теме «Женщина в современном мире» в одном тексте можно встретить варианты «хранительница очага», «помощница мужа», но «женщины-руководители», «процент женщин-депутатов» [4, с. 235-236]. Женщины, занимающие высокий пост, здесь характеризуются через использование формы слова мужского рода с пояснительным словом *женщина* вместо существующих, но обладающих пометой «разговорное» вариантов *депутатка, руководительница*.

В книге «Ваше мнение: учебное пособие по разговорной практике» при отборе материала зачастую выбираются отрывки из газетных статей и журналов, интервью с людьми. В таких случаях названия профессий сохраняются в оригинальном наименовании, и в зависимости от тематики можно встретить разные способы характеристики женщин: *Татьяна Толстая, писатель; женщины-подчиненные; Нинель Русских, председатель «Межрегионального комитета спасения от тоталитарных сект*, а также варианты *есть у нее коллега – учительница Ирина Сергеевна; Татьяна Устинова, писательница.* [5].

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии единого критерия, по которому для учебника отбираются те или иные лексемы для наименования женщин, и многое остается на усмотрение составителя пособия. Это косвенно подтверждается и лексическим минимумом, которым должны владеть изучающие язык. Для сдачи экзамена первого сертификационного уровня в тематическом разделе 3.4 «Профессия, специальность» из 42 слов, обозначающих людей, только 4 являются феминитивами, образованными от парных им слов мужского рода [6]. Такие слова, как *официантка, журналистка*, являющиеся альтернативой для слов *официант, журналист*, не представлены, хотя и не имеют пометы «разговорное» в лексикографическом источнике.

Стоит отметить, что в некоторых учебниках довольно мало времени уделяется составлению пары для профессий как самостоятельному заданию, например, *составьте пару для каждой профессии: учитель – учительница*,

актер – актриса, певец – певица и т.д. Не очень много внимания уделяется и комментариям, в каких ситуациях и к какому лицу предпочтительнее использовать форму мужского рода как универсальную, поэтому объяснение об особенностях использования феминитивов студенты могут получить только от преподавателя или из собственных наблюдений.

В связи с вышеупомянутыми особенностями учебников представляет интерес реакция студентов-иностранцев, которые достаточно долгое время живут в языковой среде, на различные наименования женщин. Был проведен опрос 25 студентов-добровольцев 1-4 курсов Минского государственного лингвистического университета. Учащиеся изучали русский язык на протяжении разного количества времени, являются гражданами Туркменистана, Китая, Казахстана, Кореи и других стран. Вопрос с национальностью, религией, семейными отношениями не затрагивался как вызывающий наименьшие трудности. Опрошенным предлагалось ответить на следующие вопросы.

1. *Разница между словами сосед/соседка.* Отличие видят практически все студенты: *сосед* – это слово мужского рода, используется для обозначения мужчин. *Соседка* – для женщин.

2. *Разница между предложениями Она мой друг и она моя подруга.* Большинство студентов считает, что разница есть, но часть опрошенных (52%) считает, что здесь допущена ошибка: она, значит женщина, следовательно, подруга. Часть (28%) отмечает, что это разница в близости или форме отношений: например, друг ближе, чем подруга, отношения у них крепче; *она мой друг* – это отношения между парнем и девушкой, *она моя подруга* – между двумя девушками. Только 5 студентов отмечают, что никакой ошибки нет и эти предложения синонимичны.

3. *Как Вы назовете преподавателя, который ведет у Вас какой-либо предмет (предмет выбирался в зависимости от курса, все преподаватели женщины).* Выбирая обращение к преподавателю, студенты чаще выбирали универсальный вариант мужского рода (52% опрошенных посчитало это самым подходящим вариантом). 3 человека решили, что самый лучший вариант – это обращение по имени и отчеству, один выбрал вариант «Здравствуйте». В этом вопросе было интересно взглянуть на объяснения, почему выбрали тот или иной вариант. Студенты приводили такие аргументы, как: *Преподавательница, так как она женского пола; Преподаватель, так как в русском языке нет слова преподаватель; Преподаватель, потому что привыкли так называть.*

4. *Если ректор – женщина, как вы назовете ее должность.* Большинство студентов (68%) выбрало вариант *ректор*, хотя отмечали и слова женского рода. Примеры ответов студентов: *Ректор. Дело в том, что «Ректорка» или «ректоресса» пока не являются общеупотребительными; Ректор, не знаю, я просто так учил.*

5. Как Вы считаете, нужны отдельные слова для мужчин и женщин (например, учитель – учительница) или нужно только одно слово (учитель)? Этот вопрос был дополнительным и направлен на выяснение личного отношения студентов к такому явлению. Мнения разделились: 44% посчитало нужным только одно универсальное слово, 36% выступили за мужской и женский варианты, 20% решило, что такие слова возможны, но не обязательны.

По результатам опроса можно сделать вывод, что студенты достаточно хорошо чувствуют, в каких ситуациях мужской род как универсальный и нейтральный будет использоваться чаще, чем женский. Использование феминитивов, которое сейчас приравнивается к нарушению литературной нормы, может потребовать дополнительного объяснения. Аргументация студентов для выбора того или иного варианта представляет интерес, так как они не всегда отталкивались от языковых знаний, а часто давали ответ, исходя из собственных наблюдений.

Изучение особенностей использования феминитивов студентами, для которых русский язык не является родным, может помочь учащимся не допускать коммуникативных ошибок, а также позволит носителям языка взглянуть на довольно спорную тему под другим углом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М. : CORPUS, 2020. 304 с.
2. Ермаченкова В. С. Слово : пособие по лексике и разговорной практике. СПб. : Златоуст, 2006. 208 с. : ил., табл.
3. Чернышов С. И., Чернышова А. В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых : базовый курс : в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. СПб. : Златоуст, 2009. 168 с.
4. Баско Н. В. Обсуждаем глобальные проблемы, повторяем русскую грамматику : учеб. пособие по рус. яз. для иностр. учащихся. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Рус. яз. Курсы, 2010. 273 с.
5. Старовойтова И. А. Ваше мнение : учеб. пособие по разговорной практике. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2007. 288 с.
6. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. 7 е изд. СПб. : Златоуст, 2015. 200 с.

Круглый стол
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

УДК 378.147:811.161.1'243'27

Подберезская Юлия Александровна

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *podberezskaya11@mail.ru*

Podberezskaya Yuliya

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *podberezskaya11@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ
(ТЕМА «МУЗЕИ МИНСКА»)

Аннотация. В статье рассматривается специфика формирования коммуникативной и социокультурной компетенций иностранных учащихся, изучающих русский язык как иностранный в Беларуси. На примере темы «Музеи Минска» предлагаются упражнения, способствующие обогащению культурных, лингвистических, эстетических и этических знаний учащихся о Беларуси в процессе приобретения коммуникативных навыков.

Ключевые слова: музеи Минска; русский язык как иностранный; методика преподавания; коммуникативная компетенция; социокультурная компетенция; культура страны.

FORMATION OF COMMUNICATIVE AND SOCIO-CULTURAL
COMPETENCIES OF FOREIGN STUDENTS
(THE TOPIC “MUSEUMS OF MINSK”)

Summary. This article analyzes the specifics of the formation of communicative and socio-cultural competencies of foreign students studying Russian as a foreign language in Belarus. On the example of the topic “Museums of Minsk”, exercises are offered that contribute to the enrichment of cultural, linguistic, aesthetic and ethical knowledge of students about Belarus in the process of acquiring communication skills.

Keywords: museums of Minsk; Russian as a foreign language; teaching methods; communicative competence; socio-cultural competence; culture of the country.

Цель обучения иностранному языку – формирование у учащихся компетенций, которые могут в дальнейшем обеспечить использование изучаемого языка в определенных условиях общения. В рамках данной работы обратимся к содержанию коммуникативной и социокультурной компетенций.

Ф. М. Литвинко определяет коммуникативную компетенцию при обучении иностранному языку как «совокупность знаний о системе языка и его единицах, их построении и функционировании в речи, о способах формулирования мыслей на изучаемом языке и понимания суждений других, о национально-культурных особенностях носителей изучаемого языка, о специфике различных типов дискурсов; это способность изучающего язык его средствами осуществлять общение в различных видах речевой деятельности в соответствии с решаемыми коммуникативными задачами, понимать, интерпретировать и порождать связные высказывания» [1].

Социокультурная компетенция ориентирует обучающегося на диалог культур. По мнению Т. В. Жуковской, ее можно рассматривать как постепенно приобретаемую в процессе обучения информацию реалий жизни, быта, истории и культуры страны изучаемого языка и страны пребывания, как постепенное накопление информативных и фоновых знаний; в нее включается формирование в сознании учащихся норм поведения в соответствии с окружающей их действительностью, знакомство с менталитетом, со стереотипом мышления носителей изучаемого языка [2].

Как известно, уровень владения русским языком студентами-иностранцами непосредственно зависит от того, насколько они погружаются в языковую среду, «это значит используют совокупность всех источников информации на языке страны, в которой они обучаются» [2].

Иностранные студенты изучают русский язык среди белорусской действительности и менталитета белорусов. Поэтому знакомство учащихся с компонентами белорусской и русской культуры является обязательным и способствует изучению русского языка в условиях двуязычной языковой ситуации, а значит, и быстрой адаптации к новым социальным условиям.

С этой целью в программы по РКИ наряду с учебно-профессиональными и бытовыми темами включаются различные социокультурные темы: «Беларусь на карте мира», «Минск – столица Беларуси», «Музеи Минска», «Несвижский и Мирский замки», «Белорусская кухня», «Белорусские национальные праздники», «Марк Шагал» и др.

В статье мы остановимся на теме «Музеи Минска», которая может быть построена по классической структуре, включающей работу со словарем и тематической лексикой, повторение пройденного и изучение нового грамматического материала, работу с текстом, а также упражнения на отработку коммуникативных навыков.

ПРЕДТЕКСТОВАЯ РАБОТА

Задание 1. Запишите, переведите и выучите следующие слова.

Аудиогід, вѣставка, коллѣкцыя, кампозіцыя, посетітель, сабрание, экскурсія, экспанат.

Архітэктура, дворэц, зодчество, іскусство, графіка, жывопись, літаратура, абрад, паметнік, прайзведэніе, скульптура, художественный, ювельный.

Задание 2. К словам из левого столбика подберите синонимы из правого.

выставка	знаменитый
произведение	изобразительное искусство
экскурсовод	экспозиция
личный	ежедневно
известный	живописец
живопись	работа
художник	гид
каждый день	собственный

Задание 3. Подберите как можно больше прилагательных к слову музей.

Музей (какой?) – _____.

Задание 4. Составьте словосочетания.

Образец: *изобразительный (искусство) – изобразительное искусство*

Творческий (деятельность), известный (поэт), белорусский (живопись), художественный (произведение), важный (событие), исторический (события), интересный (выставка), национальный (искусство), народный (архитектура), традиционный (кухня), государственный (музей), личный (вещи), виртуальный (экскурсия), трагический (дни), ювелирный (искусство), красивейший (здание), электронный (книга).

Задание 5. Найдите лишнее слово.

1. Известный, уважаемый, популярный, одинокий.
2. Архитектура, экскурсия, живопись, скульптура.
3. Красивый, симпатичный, радостный, привлекательный.

Задание 6. Образуйте от глаголов существительные при помощи суффикса -тель.

Образец: *писать – писатель*

Учить, преподавать, водить, читать, покупать, посетить.

Задание 7. Прочитайте сочетания с числительными.

40 объектов, 30.000 коллекций, 145.000 экземпляров, 18 рублей, в 1944 году, о 1100 трагических днях, памятники XVII-XX веков, церковь XVII века, с 11.00 до 19.00.

Задание 8. Прочитайте текст.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Национальный художественный музей в Беларуси. Здесь можно увидеть более 30 тысяч экспонатов, которые составляют 20 коллекций и 2 собрания: собрание белорусского национального искусства и собрание памятников искусства стран и народов мира. Музей старается постоянно радовать посетителей, поэтому в коллекции часто появляются новые работы живописи, графики, скульптуры и ювелирного искусства.

Сам музей является произведением искусства, потому что внутри он похож на бесконечный дворец со множеством переходов и лестниц.

Национальный художественный музей находится на улице Ленина, 20.

Работает музей ежедневно, без обеда и выходных, с 11.00 до 19.00.

Цена билета: для взрослых – 8 рублей, для школьников и студентов – 4 рубля.

Каждую последнюю среду месяца в музее действуют скидки: для взрослых билет будет стоить 4 рубля, для студентов и школьников – 2 рубля.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Первый в мире музей истории Великой Отечественной войны.

Музей имеет свою богатую историю и является единственным в Беларуси, который создали в тяжелые годы войны. Одна из визитных карточек музея – архитектурная композиция. Первое, что привлекает внимание – яркая 45-метровая стена «Минск – город герой», рядом с которой расположена скульптура «Родина-мать». За ними находятся 11 лучей, которые символизируют Победу и напоминают о 1100 трагических днях и ночах войны. Над самим музеем развивается белорусский флаг, а если посмотреть изнутри, то можно увидеть парк Победы и красивейшую реку Свислочь.

В музее на площади более 3 000 м² можно увидеть больше 8 тысяч экспонатов, рассказывающих об истории Великой Отечественной войны. Всего в музее хранится около 145 тысяч экспонатов, собранных во время войны на территории Восточной Европы и Германии, а также переданных посольствами разных стран уже в мирное время. Чтобы их увидеть, в Беларусь приезжает множество туристов.

Музей находится на проспекте Победителей, 8.

Время работы музея: с 10.00 до 18.00. Выходной – понедельник.

Цена билета: для взрослых – 18 руб., для детей 7–18 лет – 9 руб., стоимость аудиогиды – 5 руб.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И БЫТА

Белорусский музей народной архитектуры и быта – это красивый музей под открытым небом. Такие музеи сохраняют и показывают памятники истории и культуры в естественной среде. В Беларуси это единственный музей, который представляет собой целую деревню из памятников зодчества XVII–XX веков.

Музей можно разделить на три части: Центральная Беларусь, Поозерье и Поднепровье. В музее около 40 объектов, среди которых: церковь XVII века, школа, мельница, баня, дома богатых и бедных крестьян. Посмотреть это очень интересно. Для посетителей здесь подготовлены интересные выставки и экскурсии.

Здесь очень часто проводят фестивали, концерты, национальные праздники и обряды. Каждый может принять участие в мероприятиях. А если гости проголодались, то здесь можно попробовать блюда и напитки традиционной белорусской кухни.

Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта находится в деревне Озерцо Минского района.

Время работы: с 11.00 до 18.30. Выходные: понедельник, вторник.

Цена билета: для взрослых – 8,5 руб., для школьников и студентов – 4,5 руб.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ ЯНКИ КУПАЛЫ

Янка Купала – один из самых известных белорусских поэтов. Музей в его честь был создан в 1944 году. Первым директором стала жена Янки Купалы Владислава Луцевич. Музей находится в парке, который носит имя поэта.

Главная задача музея – рассказать о жизни и творчестве писателя. Для посетителей здесь подготовлено 8 залов, которые начинают свою историю с рождения белорусского поэта, знакомят с его семьей и показывают весь творческий путь Янки Купалы. Каждый зал идёт в хронологическом порядке. Здесь интересно будет посмотреть рукописи, личные вещи, фотографии, живопись и графику.

Музей очень современный. Здесь можно оставить отзыв о музее в электронной или обычной книге, посмотреть виртуальную экскурсию и видеоролики в формате 3D. На память о посещении можно получить диплом с собственной фотографией.

Музей Янки Купалы находится на улице Янки Купалы, 4.

Язык и динамическая картина мира

Время работы: понедельник, вторник, среда, суббота: 9.45–17.30; пятница: 9.45–17.15; четверг: 9.45–20.30.

Цена билета: для взрослых – 6 руб., для студентов – 4,5 руб., для школьников 3,5 – руб.

Скидки на билеты каждый третий понедельник месяца: взрослый билет в эти дни стоит 1 руб., а школьный всего 0,5 руб.

ПОСЛЕТЕКСТОВАЯ РАБОТА

Задание 9. Ответьте на вопросы.

1. В каком музее можно познакомиться с изобразительным искусством Беларуси?
2. В чем особенность здания художественного музея?
3. Какие виды искусства представлены в художественном музее?
4. О чём рассказывают экспонаты в Музее истории Великой Отечественной войны?
5. Какова площадь Музея истории Великой Отечественной войны?
6. Какова архитектурная композиция этого музея?
7. Какие объекты можно увидеть в Музее архитектуры и быта?
8. На какие части делится этот музей?
9. В каких мероприятиях могут принять участие посетители Музея архитектуры и быта?
10. Когда был создан Музей Янки Купалы?
11. Кто был первым директором этого музея?
12. Какие экспонаты хранятся в Музее Янки Купалы?

Задание 10. Выберите правильный ответ.

1. Если вы хотите познакомиться с белорусскими национальными традициями, вы пойдёте в ... .
  - а) музей архитектуры и быта
  - б) музей истории Великой Отечественной войны
  - в) художественный музей
2. Если вас интересует военная история, вы пойдёте в ... .
  - а) литературный музей
  - б) музей истории Великой Отечественной войны
  - в) художественный музей
3. Картины белорусских и русских художников можно увидеть в ... .
  - а) в литературном музее
  - б) в музее архитектуры и быта
  - в) в художественном музее
4. В парке Янки Купалы находится ... .
  - а) музей архитектуры и быта
  - б) литературный музей
  - в) художественный музей
  - г) музей истории Великой Отечественной войны
5. В понедельник не работает ....
  - а) музей архитектуры и быта
  - б) литературный музей
  - в) художественный музей
  - г) музей истории Великой Отечественной войны
6. Во вторник не работает ....
  - а) музей архитектуры и быта
  - б) литературный музей
  - в) художественный музей
7. Скидки на билеты каждую последнюю среду действуют в ... .
  - а) литературном музее
  - б) музее архитектуры и быта
  - в) художественном музее
8. По четвергам до 20.30 работает ... .
  - а) музей архитектуры и быта
  - б) литературный музей
  - в) художественный музей
  - г) музей истории Великой Отечественной войны

Задание 11. Прочитайте объявления и выберите информацию, которая соответствует содержанию объявлений.

Приглашаем вас на выставку
«Тайны белорусской письменности»
в Национальный исторический музей.

У нас вы сможете познакомиться с коллекцией приборов
для письма от приспособлений наших предков до XX века.
Каждый вторник – выставка для студентов и школьников
бесплатно.

1. Увидеть коллекцию приборов для письма можно ...:
а) каждый день
б) во вторник вечером

Дорогие студенты!
Приглашаем вас в субботу в 10.00
на автобусную экскурсию
в Белорусский государственный музей
народной архитектуры и быта «Строчицы».

2. Вы поедете в Строчицы ... .
а) на машине
б) на автобусе
в) на поезде

20 мая открывается выставка
«ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ФОТОТЕХНИКА».
Вы увидите Минск на старых снимках и редкие фотоаппараты
Информация на сайте <https://www.belta.by>

3. Вы сможете ... фотографии.
а) купить
б) сделать
в) посмотреть

Задание 12. Прочитайте диалог. Составьте свои диалоги по образцу.

- Извините, Вы не могли бы мне помочь?
- Да, конечно. Слушаю вас.
- Я недавно в Минске и очень хочу посетить интересные выставки и музеи. Посоветуйте мне, пожалуйста, куда лучше сходить.
- В Минске много интересных музеев. А что вас интересует больше всего?
- Мне нравится живопись.
- Тогда я советую вам посетить Художественный музей. Он находится на улице Ленина, 20.
- А вы не знаете, как он работает?
- Каждый день, с одиннадцати часов утра до семи часов вечера.
- Спасибо вам за информацию.
- Не за что. Желаю вам приятно провести время.

Задание 13. Используя формы речевого этикета, разыграйте данные ниже ситуации.

Совет, предложение	<i>Я предлагаю (советую, рекомендую) + инфинитив</i> <i>Я хочу посоветовать тебе (вам) + инфинитив</i> <i>Я хотел бы предложить вам + сложноподчинённое предложение с союзом чтобы</i> <i>Сходи! Посмотри!</i> <i>Вы бы сходили в музей...</i> <i>Не сходить ли нам в музей...</i>
Нерешительный совет, предложение	<i>Может быть, вы сходите в музей...</i> <i>Хорошо бы вам сходить в музей...</i> <i>Вам бы надо сходить в музей...</i>
Настоятельный совет, предложение	<i>Обязательно (неприменно, во что бы то ни стало) сходи...</i> <i>Очень (убедительно) советую вам сходить...</i> <i>Вы должны сходить...</i> <i>Вам надо (нужно, необходимо, следует) сходить</i>
Ответные реплики	<i>(Я) постараюсь.</i> <i>(Я) подумаю.</i> <i>Спасибо (благодарю) за совет.</i> <i>Обязательно схожу.</i>

1. Вы собираетесь посетить выставку картин белорусских художников. Обратитесь к своему преподавателю, который был на этой выставке, за советом и узнайте у него, стоит ли её посещать.

2. Вы хотите посетить один из музеев Минска. Обратитесь к своим друзьям за советом и узнайте у них, в какой музей вам лучше сходить.

3. Вы недавно приехали в Минск и хотите посетить Музей истории Великой Отечественной войны. Обратитесь к прохожим и узнайте у них, где находятся эти музеи и как туда лучше доехать.

4. Вам предложили пойти на экскурсию в Музей Янки Купалы. Расскажите об этом своему соседу и спросите его, хочет ли он пойти на экскурсию вместе с вами.

5. Вы хотите пойти в Художественный музей. Позвоните туда и узнайте, в какие часы (в какое время) и по каким дням он работает, адрес музея и как до него доехать.

В заключение отметим, что использование на уроках РКИ лингвострановедческого текстового материала и системы упражнений к нему обеспечивает усвоение культуроведческих, речеведческих и грамматических знаний, способствует формированию коммуникативных умений и навыков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинко Ф. М. Коммуникативная компетенция как методическое понятие // Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; в авт. ред. Минск, 2009. Вып. 9. С. 8–14.
2. Жуковская Т. В. Особенности изучения русского языка как иностранного в условиях билингвизма // Труды БГТУ. 2014. № 5. С. 156–158.
3. Чиркова В. М. Развитие социокультурной компетенции иностранных студентов на занятиях по РКИ (на примере темы «Музеи Москвы») // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 87–90.
4. Мазько Г. Ч. Урок РКИ на материале лингвострановедческого текста «Аптека-музей в Гродно» // Интернаука. 2018. № 45 (79). С. 22–23.

УДК 378.147:811.161.1'243

Самойлова Инна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гродно, Беларусь
электронная почта: *samina2004@mail.ru*

Samojlova Ina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
e-mail: *samina2004@mail.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОФОНОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье описан опыт работы с произведениями живописи на занятиях курса «Лингвострановедение». Подчеркивается роль эмоциональных факторов при восприятии живописи, которые, порой, служат основой для порождения вторичного текста.

Ключевые слова: лингвострановедение; произведение живописи; порождение вторичного текста; интерпретация.

THE USE OF WORKS OF ART IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN TO FOREIGNERS

Summary. The article describes the experience of working with paintings in the classes of the course "Linguistic and Regional". The role of emotional factors in the perception of painting, which, at times, serve as the basis for generating a secondary text, is emphasized.

Key words: linguistic and cultural studies; a work of art; generating a secondary text; interpretation.

По мнению Е. И. Пассова, «единственной достойной целью, которую необходимо преследовать в любом образовательном учреждении, является homo moralis – человек духовный, ибо духовное богатство – итоговая характеристика индивидуальности» [1, с.11].

Ряд ученых (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, А. Н. Щукин, Т. М. Балыхина и др.) подчеркивает, что иностранный язык необходимо преподавать параллельно с курсом культуры изучаемого языка, ибо процесс его усвоения не может ограничиваться только языковыми целями.

В преподавании иностранного языка, в том числе русского языка как иностранного (РКИ) получение новых знаний возможно как из вербального источника (текст), так и из невербального (зрительный образ). С их использованием решается один из основных вопросов обучения – порождение вторичного текста, создание собственного текста.

Любое произведение искусства служит основой для осмысленного связного высказывания. Особым потенциалом обладают произведения живописи. Л. М. Абазова подчеркивает, что, «обладая способностью уникального эмоционального воздействия на психику и сознание человека, они вызывают особую творческую активность студентов. Представляя собой своего рода культурный фон, они служат его неисчерпаемым источником, воспитывая толерантность к другому образу жизни, мышления и мировоззрения» [2, с. 56].

В связи с этим обязательным компонентом учебного плана для иностранных студентов, обучающихся на кафедре языковой подготовки Гродненского государственного университета имени Я. Купалы, является дисциплина «Лингвострановедение». Программа курса построена таким образом, что изучаемая разговорная тема на уроке русского языка соответствует теме занятия по «Лингвострановедению», где один из компонентов занятия – работа над картиной. Таким образом, соблюдается принцип учебно-методической целесообразности [3, 4] и учет межпредметных связей.

Мы поддерживаем точку зрения А. Н. Щукина, Г. А. Ждановой, Л. А. Ходяковой, Г. Г. Городиловой и других исследователей, что живопись может сопровождать процесс преподавания русского языка как иностранного с первых месяцев обучения, ибо использование произведений в обучении РКИ мотивирует у инофонов интерес к изучению не только языка (РКИ), но и культуры.

Успех работы по произведениям живописи во многом зависит от того, какие репродукции картин будут предложены для рассмотрения. Очевидно, что это полотна, которые могут обеспечить соответствие между достаточной информативностью произведения и уровнем языковой компетенции учащихся. Кроме того, картина, подтверждающая изучаемый материал, помогает построить высказывание в соответствии с темой. К примеру, занятие со студентами уровня А1 в рамках разговорной темой «Времена года» дополняется работой над репродукциями И. И. Левитана, А. К. Саврасова, А. И. Куинджи и др. Работа над темой «Внешность человека» коррелирует с занятием по картине современного русского художника П. В. Голика «Дарья».

Необходимо заметить, что любое средство наглядности, имеющее национально-культурный компонент, может быть правильно воспринятым только в подготовленной аудитории. Так, работа над картиной В. В. Пукирева «Неравный брак» на занятии по «Лингвострановедению» проводится после изучения на уроке РКИ разговорной темы «Семья: новые и старые проблемы».

Произведения живописи воздействуют на эмоции, способствуют стимулированию самостоятельной мысли инофона, высказыванию собственного мнения.

Занятия по картине имеют определенную структуру:

а) лексико-грамматическая работа с обязательной семантизацией новых лексических единиц, их формоизменением, работой над сочетаемостью слов и пр. Особое внимание уделяется работе с безэквивалентной лексикой, обладающей национально-культурной спецификой;

б) подготовка к восприятию репродукции, включающая тексты о художнике и его творчестве (устное или письменное предьявление), времени создания картины, поскольку эта информация формирует знания эпохи, в которую было создано произведение живописи;

в) демонстрация и рассматривание репродукции (посмотреть произведение можно в аудитории или на сайте Третьяковской галереи http://www.tretyakovgallery.ru/ru/collection/_show/categories/_id/42).

Это очень важный этап работы, т. к. во время рассматривания картины у студентов развивается способность воспринимать полотно целостно. Как и при восприятии любого произведения искусства, каждый человек видит, понимает и интерпретирует картину по-своему. Это зависит от уровня личных знаний и жизненного опыта, от культуры социума, в котором он жил, от воображения и интуиции человека и даже его возраста и пола. Человек выделяет то, что понимает, что его волнует и интересует;

г) беседа по картине, ее анализ. Зрительное впечатление вызывает эмоциональный толчок, поэтому необходимо ставить вопросы, выявляющие эмоциональное отношение к картине, первое наиболее яркое впечатление, например: *«Какое впечатление производит на вас картина?»*, *«Нравится ли вам эта картина? Почему?»*, *«Что чувствуете вы и о чем думаете, когда смотрите на эту картину?»* и т.д.;

д) построение собственного высказывания (монологического характера), содержащее оценочный компонент.

Все компоненты занятия взаимосвязаны и могут проводиться в иной последовательности, при этом каждая из структурных частей предполагает использование различных видов заданий.

В процессе работы задействованы все виды речевой деятельности обучающихся: аудирование, говорение, чтение, письмо.

Однако процесс соизучения языка и культуры весьма сложен. На любом из этапов обучения языку встречается непонимание, отторжение, собственная интерпретация увиденного на полотне. Причины мы уже указали выше. Но в любом случае произведение искусства рождает определенное отношение к изображенному на картине. Личный жизненный опыт, в первую очередь, стимулирует интерес, согласие или несогласие и желание высказаться.

Приведу пример, который демонстрирует сказанное выше и вызывает удивление даже у людей, имеющих большой опыт работы с инофонами.

Работа по разговорной теме «Биография: (рассказ о себе: детство, учеба в школе, интересы и увлечения, рассказ о друге, знакомом, родственнике, описание внешности и пр.)» предваряла просмотр репродукции и работу над

картиной Федора Павловича Решетникова «Опять двойка» с последующим обсуждением, т.е. с выходом в диалогическую и монологическую речь. Как мы полагали, ситуация, изображенная художником, проста и понятна каждому. Обычно при знакомстве с картиной одни улыбаются, глядя на главного героя, другие смотрят с сочувствием, вспоминая годы своей учебы. Поэтому, начиная анализ картины, мы предлагаем текст об истории ее создания и обращаем внимание студентов на время ее написания (1952 год), рассчитывая на знания о Великой Отечественной войне, которые уже имеются у инофонов из других курсов. Для беседы предоставляются вопросы, способные вызвать ассоциативные знания об этом периоде истории нашей страны: *Как вы думаете, сколько лет ученику? В каком году он родился, если известно, что картина написана в 1952 году? Говорят ли вам о чем-нибудь эти годы? Что вы знаете об этой войне?* и др.

Особое место уделяется описанию внешности персонажей: мальчика, его мамы, старшей сестры и младшего брата и ряд других заданий.

Каково же было удивление автора статьи, когда в группе студентов из Ирака время создания картины, историческое время и личная трагедия иракской войны вызвали отличное от замысла художника понимание. Студенты наперебой говорили, что *«отец погиб на войне»*, а *«старший сын должен идти работать, чтобы прокормить семью»*, что *«он мужчина, поэтому содержание матери, сестры и младшего брата на его ответственности»*, *«он такой грустный, потому что не может сказать матери о том, что хочет играть, а надо работать»* и т.д. Никакие отсылки к названию картины, к некоторым характерным деталям не имели результата до тех пор, пока каждый не предложил свой вариант восприятия. Визуализация вызвала сильнейшую эмоциональную реакцию, эмоциональный толчок, т. к. на картине инофоны, в первую очередь, увидели то, что созвучно их опыту, жизненно знакомо, что вызывает сильные чувства сопереживания главному герою. Интерпретация замысла художника породила вторичный текст.

В заключение хотим подчеркнуть, что, работая над произведением живописи, надо учитывать значение эмоциональных факторов. Они стимулируют не только развитие ассоциативного мышления у инофонов, но и способствуют развитию всех видов речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пассов Е. И. Диалог культур: философский, социальный и образовательный аспекты // Русский язык в центре Европы. Банска Бистрица, 2001. Вып. 4. С. 143.
2. Абазова Л. М. Золотые имена России на уроках РКИ // Инновации в науке : материалы XVII междунар. заоч. науч.-практ. конф. (25 февр. 2013 г.). Новосибирск : Изд-во СибАК, 2013. С. 56–65.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Рус. яз., 1976. 248 с.

УДК 378.147:811.161.1'243'221

Дунькович Жанна Александровна, старший преподаватель
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *dunkovichz@mail.ru*

Dunkovich Zhanna, Senior Lecturer
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *dunkovichz@mail.ru*

Моховикова Елена Афанасьевна, старший преподаватель
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *filologi-77@mail.ru*

Mokhovikova Elena Afanasievna, Senior Lecturer
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *filologi-77@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье обращается внимание на национально-культурную специфику невербальных средств общения. Приводятся примеры несовпадений норм и правил поведения в разных этнокультурах, обосновывается значимость невербального коммуникативного поведения при формировании межкультурной компетенции.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, невербальные средства коммуникации, межкультурная коммуникация.

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF NON-VERBAL COMMUNICATION

Summary. The article draws attention to the national and cultural specifics of non-verbal means of communication. Examples of discrepancies between the norms and rules of behavior in different ethnic cultures are given, the importance of non-verbal communicative behavior in the formation of intercultural competence is substantiated.

Key words: national and cultural specifics, non-verbal means of communication, intercultural communication.

Процесс изучения любого иностранного языка предполагает овладение не только его фонетической и лексико-грамматической системой, но и межкультурной коммуникацией. «Межкультурная коммуникация – это процесс вербального и невербального общения между коммуникантами, носителями разных языков и культур» [1. с. 54].

Иностранному студенту, осваивая язык, проникает в новую культуру, знакомится с основными чертами национального характера представителей изучаемого языка, с их особенностями восприятия мира, пространства, времени, учится общению с ними в формате их культуры.

Знание фонетики, грамматики и лексики изучаемого языка является обязательным условием любого межъязыкового общения, но для того чтобы язык мог служить эффективным средством коммуникации, за ним должно стоять «единое или сходное понимание реальности» [2. С. 272]. Чтобы стать равноправным участником межкультурной коммуникации необходимо учитывать национально-культурную специфику речевого поведения инофона, так как её незнание может привести к коммуникативному конфликту. Даже общаясь на одном языке, представители разных культур не всегда правильно понимают друг друга. Причина разночтения смыслов чаще всего кроется не в недостатке лингвистических знаний, а в расхождении культур. Вступая в контакт, носители разных языков и культур действуют в соответствии со своими национальными моделями поведения, которые не всегда совпадают.

Национально-культурную специфику передают культурно маркированные единицы всех уровней языка, в том числе и невербальные средства общения, в число которых входят жесты, мимика, позы, выражения лица и др.

Психологами установлено, что в процессе взаимодействия людей более половины информации, поступающей в процессе коммуникации, передаётся с помощью невербальных средств общения. «Особенностью невербального языка является то, что его проявление обусловлено импульсами нашего подсознания, и отсутствие возможности подделать эти импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем обычному, вербальному каналу общения» [3, с 120]. Так как невербальные средства общения в меньшей степени контролируются сознанием, они более правдиво отражают чувства и отношения. Знание языка жестов и телодвижений позволяет лучше понимать собеседника, предвидеть, какое впечатление произвело на него услышанное.

Следует отметить, что объектом усвоения должны стать не сами по себе невербальные средства общения, а выполняемые ими функции. Каждому жесту в языке соответствует слово или словосочетание, поэтому необходимо изучать вербальные эквиваленты невербальных средств общения. Понимание значений жестов изучаемого языка позволит избежать трудностей в межкультурной коммуникации.

При общении чаще всего участники коммуникативного процесса сопровождают слова каким-либо действием, в котором главную роль играют руки. Так как невербальное поведение имеет национально-культурную основу, одни и те же невербальные сигналы могут быть по-разному интерпретированы участниками межкультурного общения.

Например, русский человек при приветствии на расстоянии помашет рукой из стороны в сторону. Житель Северной Америки, увидев данный жест, решит, что с ним прощаются, а жители Центральной Америки или Африки чаще всего таким жестом останавливают машину или подзывают кого-либо к себе. По-разному будет воспринят жест *палец у виска* жителями Западной Европы и ряда африканских стран. Если при общении с голландцем русский человек, подразумевая какую-то глупость, повернёт указательным пальцем у виска, его не поймут. В Голландии этот жест имеет противоположное значение и означает, что кто-то сказал очень остроумную фразу. А африканец решит, что человека посетила глубокая мысль. Жители Европы указывают на грудь, если говорят о себе, а японцы – на нос. Смех во многих странах – это не всегда проявление веселья. В некоторых странах Африки это показатель того, что человек изумлён и находится в замешательстве. Привычный для многих представителей разных этнокультур жест *кивок головой*, у многих народов будет выражать согласие, а у болгар, турок и албанцев – несогласие. Жест, образованный большим и указательным пальцем правой руки в виде нуля, известный во многих странах, как знак, имеющий значение «всё хорошо», в Японии означает «деньги», а в Португалии и Венесуэле относится к категории неприличных.

Вышеупомянутые примеры доказывают, что довольно часто одни и те же жесты несут разную информацию. Вступая в межкультурный диалог, важно понимать, что представитель другой культуры не всегда жестикуют так, как принято в вашей культуре. Чтобы избежать недоразумения, лучше понять и осмыслить коммуникативное поведение вашего собеседника, всегда необходимо учитывать его национальную принадлежность и исключать невербальные средства своей культуры.

Большой процент иностранных студентов, обучающихся в вузах Республики Беларусь, составляют студенты из Китая. При работе с данным контингентом следует учитывать, что они являются представителями богатейшей азиатской культуры с многовековыми культурными и историческими традициями. При организации учебного процесса знание истории их страны, особенностей национальной культуры, религии поможет преодолению психологического барьера, установлению атмосферы взаимной заинтересованности и доверительности. Иногда в китайской аудитории можно наблюдать такую картину: преподаватель стыдит студентов за невыполненное задание, а те улыбаются. В данном случае необходимо понимать, что восточная улыбка может означать многое: и радость, и сожаление, и раскаяние. Это своеобразная маска, не позволяющая терять лицо.

В русском и китайском языках существуют жесты, как полностью эквивалентные друг другу, так и неполно-эквивалентные.

Например, и русские, и китайцы одобрение выражают аплодисментами, а неодобрение – свистом и топотом. Когда русский или китаец показывает большой палец, поднятый вверх, это означает, что кому-либо или чему-либо даётся высокая оценка.

К неполно-эквивалентным можно отнести жесты, обозначающие китайскую систему счёта.

Когда китайцы и русские считают на пальцах, они сгибают пальцы на ладони. Однако китайцы начинают счёт с большого пальца, а русские с мизинца.

Кисть руки у китайцев при счёте тыльной стороной всегда повернута к собеседнику. Цифре «один» соответствует поднятый вверх указательный палец, цифре «два» – указательный и средний пальцы, цифре «три» – средний, безымянный пальцы и мизинец, цифре «четыре» – все пальцы кроме большого, а цифре «пять» – раскрытая ладонь.

В отличие от китайцев итальянцы цифру «один» показывают поднятым вверх большим пальцем, а «два» – указательным пальцем. Когда считают американцы и англичане, поднятый вверх указательный палец обозначает «один», а средний – «два». Большой палец представляет цифру «пять».

Чтобы продемонстрировать цифру «шесть», китайцы сжимают руку в кулак и оттопыривают два пальца – большой и мизинец. Русские могут расценить такой жест как приглашение выпить.

При выражении восторга, восхищения русские и некоторые европейцы используют жест *целовать себе кончики пальцев*. Китайцы похожим жестом – *сложенные в щепотку большой, средний и указательный пальцы* – обозначают цифру «семь». Жест, соответствующий китайской цифре «восемь», – *вытянутые вперёд и разведённые на максимальную ширину большой и указательный пальцы* – русские воспринимают как *пистолет*.

Для обозначения цифры «девять» следует вытянуть вперёд согнутый в форме крючка указательный палец, а оставшиеся пальцы соединить все вместе. «Десять» – это собранные в кулак все пальцы или перекрещенные указательные пальцы обеих рук, смотрящие в противоположные стороны. Русские эти жесты не всегда понимают.

Пространство и время, взгляд, его направление, частота контакта глаз также выступают в качестве особой знаковой системы и несут смысловую нагрузку. Для того чтобы наладить процесс эффективного общения между народами, необходимо хорошо знать невербальные способы передачи информации.

Многие методисты к числу невербальных языков относят и язык привычного поведения. Для каждой культуры характерен определённый набор правил и норм поведения в повседневной жизни. Данные нормы регламентируют поведение людей в стандартных жизненных ситуациях, когда человек выступает в определённой роли: пешехода, пассажира,

покупателя, пациента, гостя, хозяина и т.д. Очень часто поведенческие нормы представителей разных культур не совпадают. Например, у некоторых народов Азии, в отличие от русских, считается вполне приличным ковыряться в зубах во время принятия пищи. Зубочистки там обязательный предмет на любом столе. У народов Японии, Кореи и Китая не принято разворачивать и рассматривать подарки в присутствии гостей. Русский этикет требует, чтобы мужчина пропускал вперёд женщину и придерживал перед ней открытую дверь. Это правило отсутствует у многих азиатских народов. У арабов, как и у многих европейцев, при встрече мужчины обнимаются, прикасаются друг к другу сначала одной щекой, потом другой, похлопывая по спине и плечам. А если они не виделись очень давно и знакомы достаточно близко, то обычно они приветствуют друг друга троекратным поцелуем в обе щёки, заключив друг друга в объятия. Русские же мужчины, приветствуя друг друга, чаще используют рукопожатие.

Поведенческие нормы новой национальной культуры довольно часто могут быть расценены как странные и противоестественные. Потеря всех привычных знаков и символов социального взаимодействия может вызвать у иностранного студента душевное состояние дискомфорта и даже протеста и привести к культурному шоку. В данном случае иностранным студентам необходимо указать на то, что иное поведение не более странное, чем их собственное. Во избежание конфликта старых и новых культурных норм следует создавать на занятиях стандартные речевые ситуации, в которых обучаемые могли бы представить себя в различных социальных ролях и легко адаптироваться к условиям новой социально-культурной среды.

Таким образом, невербальные средства коммуникации также как и вербальные национально обусловлены, поэтому им необходимо уделять достаточное внимание при изучении иностранного языка. Чем больше знаний о чужой культуре получит обучаемый, тем меньше у него появится коммуникативных неудач в общении с носителями языка в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крючкова Л. С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному : учеб. пособие. 3-е изд. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. 480 с.
2. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии : избр. тр. М. : Изд-во Моск. соц.-психол. Ин-та ; Воронеж : МОДЕК, 2003. 448 с.
3. Бороздина Г. В. Психология делового общения : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 1998. 224 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.
5. Хавронина С. А. Проблемы адаптации иностранных учащихся к новой педагогической реальности // Личность в межкультурном пространстве : материалы Междунар. конф., посвящ. 50-летию Рос. ун-та дружбы народов, 19-20 нояб. 2009 г. М., 2009. Ч. 1. С. 183–189.

УДК 378.147:811.161.1'243

Родина Марина Юрьевна

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *mararoenator@gmail.com*

Rodzina Maryna

Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *mararoenator@gmail.com*

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Аннотация. В работе рассматривается процесс обучения иностранного студента лингвокультурологии в аспекте развития межкультурной компетенции, определена корреляция содержания учебной дисциплины «Основы лингвокультурологии» со структурой межкультурной компетенции.

Ключевые слова: лингвокультурология, межкультурная компетенция, предвузовский этап обучения.

DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF A FOREIGN STUDENT IN THE PROCESS OF TEACHING LINGUOCULTUROLOGY

Summary. The paper considers the process of teaching a foreign student of linguoculturology in the aspect of the development of intercultural competence, the correlation of the content of the academic discipline "Fundamentals of linguoculturology" with the structure of intercultural competence is determined.

Key words: linguoculturology, intercultural competence, pre-university stage of education.

В современном мире ускорение и углубление процессов межкультурной коммуникации непосредственно связаны с глобализацией. Общение и взаимодействие между представителями разных культур и преодоление коммуникативных барьеров тем успешнее, чем выше уровень толерантности и взаимопонимания. Межкультурная коммуникация, понимаемая как расположенность к диалогу и способность взаимопонимания, становится, в том числе, одновременно целью и средством обучения иностранным языкам.

Целый комплекс знаний, навыков и умений, обеспечивающий межкультурную коммуникацию, – это межкультурная компетенция. Общепринята наиболее полная модель межкультурной компетенции М. Байрама, выделявшего 5 компонентов: установки, знания, умения интерпретации и соотнесения, умения открытия и взаимодействия и критическое осознание культуры [1, с. 8-13]. Согласно этой модели, открытость, заинтересованность в иной культуре, отсутствие предубеждений и нивелирование отрицательных стереотипов способствуют межкультурному общению.

Межкультурная компетенция становится предметом изучения ряда дисциплин: лингвистики, психологии, культурологии, лингвокультурологии и др. Проблема формирования иноязычной межкультурной компетенции занимает методистов и лингвистов (Н. Д. Гальскова, В. В. Сафонова, В. П. Фурманова, С. Г. Тер-Минасова и др.) в целом ряде исследований [2, 3,4,5]. Специалисты отмечают, что основными составляющими формирования межкультурной компетенции являются знакомство с образом жизни других народов, изучение системы ценностей и традиций, а также обучение коммуникативному поведению (вербальному и невербальному) и речевому этикету.

Целенаправленное формирование межкультурной компетенции возможно в процессе изучения различных учебных дисциплин. В этом аспекте можно рассматривать и преподавание предмета «Основы лингвокультурологии», который на предвузовском этапе обучения имеет своей целью «формирование у слушателей лингвокультуроведческой компетенции, повышение уровня фоновых знаний о стране изучаемого языка, о национальных традициях и обычаях, об особенностях менталитета, характера, которые определяют как социальное, так и речевое поведение носителей языка») [6, с. 3]. Овладение культуроведческими и лингвокультурологическими знаниями играет значительную роль и в формировании межкультурной компетенции.

Учебная дисциплина «Основы лингвокультурологии», преподаваемая на факультете доуниверситетского образования иностранных граждан Института дополнительного образования Белорусского государственного университета, носит междисциплинарный и теоретико-практический характер, так как готовит иностранных слушателей к обучению в вузе по гуманитарным специальностям. Знания о культуре страны изучаемого языка сочетаются со знаниями о культуре страны пребывания, а также о мировой культуре. Среди умений, которые развивает изучение этой дисциплины, – способность к социальному и межкультурному взаимодействию. В процессе обучения иностранный слушатель должен систематизировать знания о культуре и овладеть умениями их использования.

Систематизация лингвокультуроведческих и лингвострановедческих знаний происходит на занятиях при чтении учебных текстов, выполнении лингвокультурологических и культуроведческих заданий, составлении планов и таблиц. Широко применяется визуализация учебных материалов, используются преимущества интерактивной доски и другие возможности виртуальной обучающей среды.

Освоение слушателями национально маркированных единиц русского языка, русской фразеологии и безэквивалентной лексики осуществляется на материалах культуроведческих текстов, видеофильмов, при заполнении фразеологического словаря и составлении лингвокультурологических тезаурусов. Для создания адекватного образа восприятия применяется иллюстративный материал, в том числе из интернета, а также из фонда лаборатории информационных материалов.

Осмысление ценностей и реалий национальной культуры происходит на материале культур Беларуси, России и родной страны слушателей. Сравнение культурных коннотаций в различных культурах происходит в процессе дискуссий, а также при выполнении культурологических заданий.

Усвоение форм речевого этикета и коммуникативного поведения происходит при работе с диалогами в учебнике, в ролевых играх и при просмотре видео отрывков с различными коммуникативными ситуациями. Знакомство со стереотипами речевого поведения и со средствами невербальной коммуникации вызывает интерес у слушателей, так как происходит в игровой форме или во время просмотра занимательных видеосюжетов.

Следует отметить, что преподавание данной дисциплины ведется на основе учебного пособия «Основы лингвокультурологии» (авторы Е. П. Любецкая, М. Ю. Родина), в котором представлен богатый культурологический и лингвокультурологический материал о культурах Беларуси и России, а также разнообразные культурологические задания [7].

Таким образом, рассматривая проблему формирования и развития межкультурной компетенции как комплекса теоретико-практических знаний и умений, можно сделать следующие выводы:

1) Формирование межкультурной компетенции иностранного слушателя осуществляется на основе актуализации культурного запаса и усвоения культурологических и лингвокультурологических знаний, развития соответствующих умений и дальнейшего осмысления информации в контексте диалога культур.

2) Развитие умений социального и межкультурного взаимодействия происходит посредством выполнения культурологических заданий и участия в дискуссиях.

3) В процессе обучения используются инновационные цифровые технологии и виртуальная обучающая среда.

4) Преподавание дисциплины «Основы лингвокультурологии» взаимосвязано с изучением русского языка как иностранного и способствует развитию умений во всех видах речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Byram Michael. Assessing Intercultural Competence in Language Teaching // Sprogforum. 2004. № 18, vol. 6. P. 8–13.
2. Гальскова Н. Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2004. № 1. С. 3–8.
3. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж : Истоки, 1996. 237 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]. М. : МГУ, 2008. 352 с. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785211054721.html> (дата обращения: 09.04.2022).
5. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз) : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. М., 1994. 475 л.

6. Любецкая Е. П., Родина М. Ю. Основы лингвокультурологии [Электронный ресурс] : учеб. прогр. для иностр. граждан, осваивающих образоват. прогр. подготовки к поступлению в учреждения высш. (сред. спец.) образования Респ. Беларусь. УД-51 ФДО/ уч. Минск : БГУ, 2020. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248894> (дата обращения: 02.04.2022).
7. Любецкая Е. П., Родина М. Ю. Основы лингвокультурологии : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2021. 151 с.

УДК 378.147:811.161.1'243

Юсупалиева Лилия Нажиповна

ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия
электронная почта: liliya_270589@inbox.ru

Yusupalieva Liliya

Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Astrakhan
e-mail: liliya_270589@inbox.ru

Курманова Алтынай Мухтаровна

ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, Астрахань, Россия
электронная почта: akurmanova2014@mail.ru

Kurmanova Altynaj

Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Russia, Astrakhan
e-mail: akurmanova2014@mail.ru

РОЛЬ УРОКА-ЭКСКУРСИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Настоящая статья рассматривает основные функции урока-экскурсии по русскому языку как иностранному (далее – РКИ) в процесс развития навыков межкультурной коммуникации. Авторы статьи описывают различные виды деятельности, используемые во время учебной экскурсии.

Ключевые слова: урок-экскурсия; иностранный студент; межкультурная коммуникация; лингвострановедческая компетенция; коммуникативные навыки.

THE ROLE OF THE LESSON-EXCURSION OF RUSSIAN AS A FOREIGN IN THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS

Summary: This article considers the main functions of a lesson-excursion in the Russian language as a foreign (hereinafter referred to as RFL) in the process of developing intercultural communication skills. The authors of the article describe the various activities used during the study excursion.

Keywords: lesson-excursion; foreign student; intercultural communication; linguo-national competence; communication skills.

«В российские вузы ежегодно поступают иностранные граждане из стран ближнего и дальнего зарубежья. Астраханский государственный медицинский университет не является исключением [1, с. 490]. Изучение русского языка иностранными студентами является неотъемлемой частью обучения в вузе. Привлекает внимание в аспекте проблематики нашего исследования формирование коммуникативной компетенции у студентов-иностранцев, происходящее благодаря знакомству с новой учебной информацией, новой культурой, традициями, историей России. Коммуникативные умения и навыки иностранных студентов формируются в процессе межкультурной коммуникации. «Межкультурная коммуникация – это взаимодействие носителей разных культур [2, с. 6]. На занятиях по русскому языку как иностранному студенты вовлекаются в процесс взаимодействия с новой социокультурной действительностью, тем самым развивая навыки межкультурного общения. Знакомство с новой культурой раскрывает участникам межкультурного общения понимание сущности «коммуникативных и некоммуникативных целей с помощью средств языка» [3, с. 86].

Овладение коммуникативными навыками – одна из главных задач студента-иностранца, изучающего РКИ. В соответствии с этим, перед преподавателем стоит задача активизировать деятельность учащихся, способствующую грамотному формированию у обучаемых необходимых компетенций.

В нашем исследовании мы рассмотрим, как урок-экскурсия помогает формировать необходимые (коммуникативные, лингвострановедческие и др.) компетенции у иностранных студентов.

Важным для исследования является положение о том, что цель такого занятия – «это знакомство иностранных учащихся с русской культурой и бытом, историческими архитектурными памятниками...» [4].

В данном исследовании опишем различные виды деятельности, которые возможно использовать на уроке-экскурсии по известным местам Астрахани. Подготовкой к занятию-экскурсии по Астрахани будет служить знакомство иностранных студентов с текстами краеведческой направленности, представленными в учебном пособии по развитию речи «Добро пожаловать в Астрахань!» [5]. Данное пособие разработано преподавателями кафедры русского языка Астраханского ГМУ. Пособие включает в себя 3 раздела: первый раздел описывает достопримечательности Астрахани, второй – выдающихся лиц Астрахани, третий раздел включает легенды и предания об Астрахани. Предэкскурсионный этап заключается в предварительной аудиторной работе с текстами первого раздела данного учебного пособия. Первый раздел включает в себя тексты, кратко описывающие известные места Астрахани. Работа с данными текстами может проводиться в течение нескольких занятий. Здесь уместно обратить внимание на то, что урок-экскурсия может служить итоговым занятием, осуществляющим визуализацию прочитанного материала. К примеру, текст «Астраханский Кремль» [5, с. 11–14] знакомит студентов с историей башен Кремля, с их расположением. Во время урока-экскурсии преподаватель может предложить

студентам пройти квест по данной теме, заранее подготовив интересные задания, направленные на развитие коммуникативных навыков. *Например, «Найди баашню «Никольские ворота». Узнай у прохожего, как до неё дойти. Сделай фото и отправь преподавателю»* и т.д.

Также можно предложить иностранным студентам заполнить интерактивную таблицу «Моё путешествие по Астрахани». Данная таблица должна быть заранее подготовлена преподавателем на основе текстов учебного пособия «Добро пожаловать в Астрахань!». Таблица будет включать 31 наименование достопримечательностей астраханского края:

- Астрахань.
- Астраханский герб.
- Флаг.
- Астраханский Кремль.
- Большое Богдо.
- Баскунчак.
- Река Волга.
- Газ.
- Астраханский заповедник.
- Лотос.
- Астраханский арбуз.
- Тинаки.
- Культурно-развлекательный центр «Сарай-бату».
- Культурный центр имени Курмангазы.
- Астраханский драматический театр.
- Астраханский государственный театр оперы и балета.
- Театр юного зрителя.
- Астраханский театр кукол.
- Музейно-культурный центр «Дом купца Г.В. Тетюшинова».
- Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник.
- Музей боевой славы.
- Музей истории города Астрахань.
- Дом-музей Велимира Хлебникова.
- Музей истории медицины.
- Памятник Петру I в Астрахани.
- Лебединое озеро.
- Площадь Ленина и памятник Ленину.
- Братский сад.
- Парк «Аркадия».
- Морской садик [5].

Студенты отмечают места, которые посетили во время экскурсии, дополняют их видео и фотоматериалами, а также составляют 2-3 предложения о каждом увиденном месте, используя пройденные грамматические конструкции.

После учебной экскурсии на занятия в университете проводится анализ изученного материала: иностранные учащиеся делятся впечатлениями, отвечают на вопросы преподавателя, пишут рассказ-впечатление «Моё путешествие по Астрахани».

Сказанное позволяет заключить, что урок-экскурсия помогает студентам познакомиться с новым лингвострановедческим материалом, а также систематизировать знания по уже изученным темам краеведческой направленности, отработать новый лексический материал, грамматические конструкции и речевые модели, необходимые для решения коммуникативных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юсупалиева Л. Н., Курманова А. М. Способы совершенствования знаний по русскому языку как иностранному (на примере использования маршрутного листа обучающегося) // ЦИТИСЭ. 2021. № 1 (27). С. 488–494.
2. Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации : [учеб. пособие] / М-во образования и науки РФ ; Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.
3. Щукин А. Н. Методика преподавания иностранных языков : учеб. для студентов учреждений высш. образования. М. : Академия, 2015. 288 с.
4. Азитова Г. Ш., Азитова Г. Ш. Занятие – экскурсия как эффективный способ обучения русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // E-Scio. 2020. № 2 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatie-ekskursiya-kak-effektivnyy-sposob-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения: 07.04.2022).
5. Мотыгина Ж. Ю., Юсупалиева Л. Н., Филатова Н. А. Добро пожаловать в Астрахань : учеб. пособие по развитию речи с мультимед. приложением для иностр. студентов / под ред. А. Х. Сатретдиновой. Астрахань : Изд-во Астрах. ГМУ, 2019 г. 121 с.

УДК 378.147:811.161.1'243

Лапуцкая Ирина Иосифовна, старший преподаватель

Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Беларусь

электронная почта: *ice-le@hotmail.com*

Laputskaya Irina, Senior Teacher

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

e-mail: *ice-le@hotmail.com*

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «ИМЕНА» В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. Показаны ключевые различия русской и китайской антропонимических систем, на которые нужно обратить внимание в преподавании русского языка. Даны методические рекомендации по изучению русского имени китайскими студентами. Приводятся образцы заданий.

Ключевые слова: антропонимическая система; личное имя; формула личного имени; обращение.

THE SPECIFICITY OF STUDYING THE THEME «NAMES» IN THE CHINESE AUDIENCE

Summary. The key differences between Russian and Chinese anthroponymic systems are shown, which should be paid attention to in teaching the Russian language. Methodological recommendations for the study of the Russian name by Chinese students are given. Sample assignments are provided.

Keywords: anthroponymic system; personal name; personal name formula; appeal.

Система имен в русском и китайском языках сильно отличается, что обусловлено национальной спецификой и различным строением языков. Поэтому китайские студенты, попадающие в русскоязычную среду, сталкиваются с трудностями в употреблении русских антропонимов.

Цель данной работы – показать специфику изучения китайцами русской антропонимической системы в курсе русского языка как иностранного (РКИ).

Китайцы, только начавшие изучать русский язык, сразу же знакомятся с русскими именами: слышат / запоминают имя преподавателя, читают имена в учебнике, записывают, выполняя задания, и др. Однако нельзя говорить о формировании понимания системности русского имени. Инофоны далеко не всегда имеют представление о формуле русского имени, часто не могут идентифицировать ее компоненты – имя, фамилию или отчество. И это неслучайно, ведь «формула русского личного имени (или антропонимическая модель) не совпадает с формулой китайского имени» [1, с. 163] (см. Таблица 1):

Таблица 1

Русское имя	Китайское имя
Имя + отчество + фамилия	Фамилия + имя
Фамилия + имя + отчество	~~Имя + фамилия~~
Имя + фамилия	
Фамилия + имя	
Фамилия	
Имя	
<i>Марина Ивановна Лагун</i>	<i>Ван Лю</i>
<i>Лагун Марина Ивановна</i>	<i>Лю Ван</i>
<i>Марина Лагун</i>	
<i>Лагун Марина</i>	
<i>Лагун</i>	
<i>Марина</i>	
▼	▼
Один человек	Разные люди

Как видим, формула русского имени достаточно гибкая. В ней допускаются перестановки и сокращения (не все указаны в таблице). В китайской формуле фамилия (или наследственное имя) находится в препозиции. Фиксированное местоположение обусловлено культурными традициями: так показывается значительность лексемы, выражающей отношение к предкам (китайская фамилия – показатель принадлежности к клану, а клан выше личности).

Перестановка фамилии в китайской формуле невозможна: это приведет к полному изменению имени (так, *Ван Лю* и *Лю Ван* – разные люди).

Поэтому китайцы, слыша имя своего преподавателя, по аналогии с китайской моделью часто ошибочно используют составляющие русского официального имени – путают фамилию, имя и отчество либо вовсе не разграничивают их. Как правило, в реальной коммуникации китайцы употребляют ту часть русского официального имени, которую запомнили.

Нам представляется важным на занятии по русскому языку «провести разъяснение строения модели русского имени собственного, показать способы образования отчества в русском языке, выделить показатели родовой принадлежности, назвать коммуникативные ситуации употребления подобных форм» [1, с. 164], т. к. русское имя – это часть культуры, отражение национальных традиций, один из показателей специфики изучаемого иностранцем языка. Кроме того, употребление имени – частотная коммуникативная ситуация. Поэтому преподаватель РКИ с первых же занятий должен по возможности разъяснять антропонимы, обращать внимание инофонов на то, как правильно употреблять новые лексемы и почему.

К сожалению, методическое обеспечение изучения русского имени в курсе РКИ нельзя считать достаточным. Лишь в немногочисленных учебных пособиях (преимущественно по практике речи или стилистике) находим материалы данной тематики (например, см. [2, с. 14-16], [3, с. 25-27], [4, с. 41-49], [5, с. 21-29], [6, с. 18-30], [7, с. 34-39]). Хотя подробное знакомство с русской антропонимической моделью возможно и на начальном этапе изучения языка (см. [8, с. 86]).

На что следует обратить внимание при изучении темы «Имена» в курсе РКИ? Результаты проведенного среди китайских студентов 1-3 курсов опроса показали, какие сложности могут возникнуть. В опросе приняли участие 25 студентов 1 курса, 20 – 2 курса, 24 – 3 курса.

1. Фонетические особенности русского имени.

Китайцы редко используют в обращении полное русское имя, т. к. оно многосложно (сравн., полное имя китайца – два-три слога) и поэтому его трудно произнести. Обращаясь к своему преподавателю, студенты из КНР практически никогда не называют его полного имени. Результаты проведенного опроса подтверждают это и показывают частотность употребления той или иной формы обращения (возможные варианты обращения были предложены) (см. Таблица 2):

Таблица 2

Форма обращения	Количество (чел.)		
	1 курс	2 курс	3 курс
<i>преподаватель</i>	13	6	4
<i>преподаватель Марина</i>	7	-	-
<i>Марина</i>	3	14	12
<i>Марина Ивановна</i>	2	-	8
<i>Марина Ивановна Лагун</i>	-	-	-

Как видим, китайцы выбирают для обращения наиболее простые в произношении формы – «преподаватель» или имя. Обращение по имени и отчеству выбрали студенты старших курсов или те, у кого хороший уровень владения русским языком. Хотя в реальной коммуникации редко кто-либо из этих студентов использует эту форму из-за ее фонетической сложности. Самое частотное обращение – «преподаватель» («лаоши»). Оно привычно китайским студентам, т.к. полностью повторяет традиционную китайскую этикетную формулу. «Опрос показал, что выбор формы обращения напрямую зависит от времени проживания в Беларуси, уровня адаптации, продолжительности знакомства с преподавателем, уровня общения, доверительности отношений» [1, с. 165].

2. Трехкомпонентная структура полного русского имени.

Более 60% участников опроса ошибочно идентифицировали русские фамилию, имя и отчество. Правильно образовать отчество от данных имен (мужской и женский род) смогли лишь 2 студента, уровень владения русским языком у которых В2. Причина ошибок – незнание формулы полного имени и грамматических маркеров форм имени и отчества, бедный лексический запас. Изучив материал таблицы (подробно см. [5, с. 21-29]), китайцы могут сделать вывод о строении русского имени, гендерных отличиях лексем, способах образования отчества (см. Таблица 3).

Таблица 3

Как зовут мужчину		
<i>Имя</i>	<i>Отчество</i> (имя отца + <i>ович / евич</i>)	<i>Фамилия</i>
Олег	Иванович	Дымов
Владимир	Николаевич	Ильин
Как зовут женщину		
<i>Имя</i>	<i>Отчество</i> (имя отца + <i>овн-а / евн-а</i>)	<i>Фамилия</i>
Анна	Ивановна	Дымова
Ольга	Николаевна	Ильина

В китайской антропонимической формуле отсутствует отчество, поэтому особенно важно прокомментировать это понятие студентам из КНР. Полученные знания студенты должны закрепить, выполнив упражнения на словообразование (напр., 1. *От данных имен образуйте отчества. Запишите их.* 2. *Определите, как зовут отца этих людей.* 3. *Вы знаете имя отца. Назовите полное имя этих людей*) (подробно см. [5, с. 21-29]). Так студенты смогут понять материал и глубже усвоить особенности русской системы имен.

3. Расширение словарного запаса по теме.

Китайские студенты, как правило, знают немного русских имен. Это имена преподавателей, некоторых однокурсников и имена, которые часто встречаются в учебниках: *Анна, Антон, Александр, Ирина, Марина, Сергей, Андрей, Юлия, Ольга, Зоя, Олег, Елена, Игорь, Анастасия, Владимир, Виктор, Максим* и др.

Называя своих белорусских друзей, китайцы, как правило, используют неофициальную форму – *Саша, Даша, Юля, Катя* и др. Однако мало кто из студентов знает, что *Саша – Александр, Катя – Екатерина, Даша – Дарья* и др. – это формы одного имени, и вторая из них – официальная.

Мы можем сделать вывод, что каждое новое имя китайцы воспринимают как незнакомую лексему, поэтому без подготовки не могут выстроить соответствующие лексические цепочки. Так, немногие участники опроса смогли правильно назвать имя по отчеству (*Михайлович – Михайловна – Михаил; Геннадьевич – Геннадьевна – Геннадий; Евгеньевич – Евгеньевна – Евгений* и др.).

4. Разнообразие словообразовательных моделей русских имен.

Иностранцы, изучающие русский язык, как правило, знакомятся лишь с официальной и неофициальной формами русского имени (*Александр – Саша, Светлана – Света*). «Формы, имеющие социостилистические характеристики, иностранцам не комментируются, они минимально описаны лишь в некоторых узкоспециальных учебниках по РКИ (например, [2], [6])» [1, с. 165]. Множество уменьшительно-ласкательных и пренебрежительно-фамильярных форм студентам незнакомо. Поэтому, встречая в художественном тексте формы одного имени, студенты думают, что это имена разных людей. Необходимо давать комментарии, объяснять способы образования эмоционально-экспрессивных русских имен и показывать зависимость оценочного значения (положительного или отрицательного) имени от того или иного суффикса.

Теоретический материал обязательно должен быть закреплен на практике (см. материал пособия [5, с. 21-29]):

Задание 1. Прочитайте русские имена. Подумайте, в каких ситуациях их можно употребить.

<i>Полное имя</i>	<i>Короткое имя</i>
Иван	Ваня, Ванечка, Ванюша, Ванька
Елена	Лена, Леночка, Алёна, Ленка
Надежда	Надя, Надюша, Наденька, Надька

Задание 2. Прочитайте текст. Скажите, сколько девушек называется в нём. Объясните свой ответ.

Марина Ивановна замечательный человек. У неё большая семья. Маша любит своих близких. К Марусе иногда приезжает подруга. Машенька очень весёлая. Друзья часто просят: «Муся, расскажи что-нибудь!»

Задание 3. Прочитайте фрагменты диалогов. Что вы можете рассказать об этих людях? Как они относятся друг к другу?

1. – Танечка, здравствуй! Ты так красиво пела на конкурсе!
– Спасибо. Я очень волновалась.
2. – Привет, Ваня! Как дела?
– Привет! Вроде бы, всё в порядке. А у тебя?
3. – Ольга Петровна, простите! Я опоздал.
– Ничего страшного. Входите.

Задание 4. Прочитайте возможные варианты имени Александр. Подумайте, в каких ситуациях можно употребить каждое из них. Скажите, как можно обратиться к девушке, полное имя которой Анна?

Задание 5. Вашего преподавателя зовут Ольга Петровна Ершова. Как к ней обратятся, чтобы узнать, где она отдыхала в отпуске: а) коллега; б) подруга; в) соседка; г) сестра; д) родители?

Китайские студенты с интересом выполняют задания, касающиеся их личного опыта и объясняющие различия китайской и русской антропонимических систем (по материалам [5, с. 21-29]): 1. Как вы понимаете выражение «Родители назвали меня в честь дедушки»? Есть ли такая традиция в вашей стране? 2. Подготовьте сообщение «Система имен в моем родном языке». 3. У вашей сестры родился ребенок. Она думает, как его назвать? Что вы посоветуете? 4. Расскажите однокласснику о своих белорусских друзьях, об их именах. 5. У вашего друга иностранца есть русское имя. Что вы об этом думаете? 6. Какое русское имя вам больше всего нравится? Почему? 7. Напишите эссе «Мое имя».

Как видим, включение темы «Имена» в практический курс РКИ очень важно для студентов, антропонимическая система языка которых отличается от русской. Так, освоение этого материала позволит китайским студентам в дальнейшем полноценно участвовать в коммуникации, обсуждать художественные тексты, глубже понимать русскую культуру и традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапуцкая И. И. Особенности изучения русского личного имени китайскими студентами // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 11 : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017. Ч. 1. С. 163–167.

2. Глазунова О. И. Давайте говорить по-русски : учеб. по рус. яз. М. : Рус.яз., 2005. 336 с.
3. Есакова М. Н., Кольцова Ю. Н., Литвинова Г. М. Практический курс русского языка : учеб. пособие для переводчиков. М. : Рус. яз. Курсы, 2015. 248 с.
4. Короткова О. Н., Одинцова И. В. Загадай желание : пособие по развитию речи для изучающих рус. яз. как иностр. СПб. : Златоуст, 2006. 224 с.
5. Лапуцкая И. И. Русский язык как иностранный. Практика устной и письменной речи. Минск : БГЭУ, 2020. 180 с.
6. Практическая стилистика русского языка для учащихся с неродным русским языком : учеб. пособие для продвинутого этапа (I-II сертификац. уровни) / И. П. Лысакова, Н. А. Федорова, О. Г. Розова, М. Б. Хрымова. М. : Рус. яз. Курсы, 2007. 168 с.
7. Сосновски В., Тульска-Будзяк М. С Россией на «ты»! Сценарии уроков по русскому языку как иностранному. М. : Рус. яз. Курсы, 2014. 224 с.
8. Эсмантова Т. Русский язык: 5 элементов : уровень А1 (элементарный). СПб. : Златоуст, 2008. 320 с.

УДК 378.147:811.111'243'33

Семенчук Светлана Анатольевна, преподаватель

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь

электронная почта: svetlana.semen4uck@yandex.by

Semenchuk Svetlana, Teacher

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

e-mail: svetlana.semen4uck@yandex.by

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И СЕРВИСОВ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ НАД АУТЕНТИЧНЫМИ ТЕКСТАМИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается методический аспект выбора текста для формирования коммуникативной компетенции на занятиях по английскому языку, дается обзор бесплатных Интернет-ресурсов и сервисов по подбору аутентичных текстов по темам и уровням владения языком.

Ключевые слова: компетентность; коммуникативная компетенция; ИКТ на уроках английского языка; анализ текстов; уровень владения языком; CEFR.

USE OF INTERNET RESOURCES AND SERVICES TO ORGANIZE WORK ON AUTHENTIC TEXTS IN A FOREIGN LANGUAGE LESSON

Summary. The article discusses the methodological aspect of text selection for the formation of communicative competence in English lessons, provides an overview of free Internet resources and services for the selection of authentic texts on topics and levels of language proficiency.

Keywords: competence; communicative competence; ICT in English lessons; text analysis; level of language proficiency; CEFR.

В последнее десятилетие мы наблюдаем трансформацию образовательной парадигмы во всем мире. На смену существовавшей долгие годы знаниевой парадигме пришел компетентно-ориентированный подход. Это значит, что основой современных стандартов образования становится формирование определенных компетентностей человека, среди которых отдельное место отведено коммуникативной компетентности.

Наряду с термином компетентность, широко используется термин компетенция. Данные понятия дифференцируют таким образом: компетенция – это комплекс знаний, навыков, умений, приобретенный в ходе занятий и составляющий содержательный компонент обучения. Компетентность – это свойства личности, определяющие ее способность к выполнению деятельности на основе сформированной компетенции [1, с. 42]. Необходимо отметить, что близость терминов «компетенция» и «компетентность» закономерно породила некоторую сложность, и довольно часто они рассматриваются как синонимичные понятия.

Обладание коммуникативной компетентностью в области английского языка как языка межкультурной коммуникации значительно расширяет возможности географической и социальной мобильности современного человека, его круг общения и знаний о мире.

Как известно, в ходе межкультурной коммуникации мы взаимодействуем не только с отдельными людьми, но и с их культурами, обуславливающими мироощущение людей. При этом мы склонны воспринимать чужую культуру через призму своей, что нередко приводит к возникновению недопонимания и сложностей в общении. Поэтому изучение иностранного языка сегодня не сводится только к разбору грамматики, умению читать, писать и даже свободно строить высказывания с помощью иностранных слов. Оно предполагает также знакомство с культурными особенностями, поведенческими и речевыми паттернами народов, говорящих на этом языке.

В основе обучения практически всем видам речевой деятельности лежит работа с текстом. Одновременное использование на занятии различных форматов (печатный, аудио- и видео форматов) способствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции.

Чтобы помочь учащимся научиться успешно решать свои коммуникативные задачи, необходимо задействовать на уроке тексты из различных сфер жизни:

- новостные материалы,
- музыкальные и литературные произведения,
- фольклор, пословицы, шутки и крылатые фразы,
- народные рецепты,
- тексты об истории, национальных праздниках и символах,
- телевизионные передачи, юмористические шоу и другие.

При выборе текста для чтения или аудирования приходится учитывать ряд критериев: аутентичность текста (оригинальность источника), лексико-грамматическое наполнение и его стилистические особенности, актуальность и частность употребления лексики, возможности для разработки упражнений и заданий с последующим обсуждением содержания текста.

Существуют специальные бесплатные Интернет-ресурсы, на которых можно подобрать тексты в соответствии с заданными пользователем параметрами. Одним из таковых является ежедневно пополняемый сайт News in levels, где каждая новость представлена в трех вариантах. Статьи уровня 1 предназначены для начинающих изучать английский язык, чей словарный запас составляет менее 1000 слов, статьи второго уровня – для более уверенных пользователей (до 2000 слов в активном словаре), статьи уровня 3 – для учащихся с самым богатым лексическим запасом (около 3 000 слов). В текстах каждого уровня авторы используют соответствующие по сложности лексику и грамматику.

Ещё одним вспомогательным ресурсом для преподавателя со схожим функционалом является сайт ReadWorks, где собрана большая коллекция преимущественно небольших увлекательных статей, адаптированных под учащихся с разным уровнем владения языком по шкале Lexile. С помощью поисковой строки можно найти материал, адекватный возрасту студентов, а также подходящий по количеству и сложности используемых в тексте слов.

TweenTribune – электронная библиотека, включающая в себя небольшие аутентичные тексты на разные темы: образование, искусство, спорт, еда, технологии и другие. Как и на предыдущих ресурсах, статьи изложены в 3-4 вариантах согласно системе оценки сложности текста Lexile Framework.

Во всех представленных выше каталогах каждый вариант текста сопровождается аудиоверсией.

В случае, когда преподаватель берет со стороннего источника текст, отвечающий дидактическим целям занятия, но сомневается в актуальности лексико-семантического наполнения, он может прибегнуть к помощи онлайн-анализаторов текста.

The online Graded Text Editor определяет соответствие лексики текста выбранному уровню и создает списки потенциально новых или сложных слов.

Vocab Kitchen делает цветовую разметку текста, выделяя слова разных уровней согласно шкале CEFR (признанный во всём мире стандарт для описания уровней владения иностранным языком) и, тем самым, обращает внимание преподавателя на лексические единицы, которые стоит обсудить заранее или заменить.

Text Analyzer определяет уровень текста по шкале CEFR. Кнопка wordstats выдает список слов с пометками уровня сложности. Кнопка definitions направляет на страницу с определениями сложных слов.

Rewordify помогает найти и выучить слова, упрощает их, создает упражнения для работы с лексикой по тексту.

Подобные подборки представляют большую ценность для преподавателей, экономят время и помогают эффективно организовать работу над текстом в разноуровневых группах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2003. 332 с.

УДК 811.581.11`36

Ленковец Виктория Ивановна, выпускница
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
электронная почта: *lenkovichv@gmail.com*

Lenkavets Viktoryia, graduate
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *lenkovichv@gmail.com*

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности выражения императивных значений в китайском языке при помощи специальных каузативных глаголов, обращается внимание на различия в выражении каузативности в разноструктурных языках.

Ключевые слова: императивное значение, категория залога, побудительный залог, каузативные глаголы

WAYS OF EXPRESSING IMPERATIVE MEANINGS IN CHINESE

Annotation. The article examines the peculiarities of imperative meanings in Chinese with special causative verbs and draws attention to the differences in the expression of causation in different languages.

Key words: imperative meaning, causative category, causative construction, causative verbs.

В китайском языке выделяют 3 залога: действительный (主动态zhǔdòngtài), страдательный (被动态bèidòngtài) и побудительный (使动态shǐdòngtài). Примечательно, что побудительный залог не встречается в индоевропейских языках и не имеет в них прямых аналогий. Это значение, как правило, передаётся лексическими средствами или специальными грамматическими конструкциями, наподобие английского сложного дополнения вроде *to make / to let smb do smth* и т.д.

Китайский побудительный залог – 使动态shǐdòngtài. Глаголы в побудительном залоге (или морфологическом каузативе) выражают побуждение в самом широком спектре: от разрешения и невмешательства до активного содействия и прямого принуждения. Субъект, таким образом, производит своё действие или приходит в некое состояние по воле, под влиянием или в результате воздействия другого субъекта («третьей» стороны, «третьего» участника акта коммуникации).

Побудительный залог в китайском языке выражается при помощи специальных каузативных глаголов. Наиболее часто употребляемыми из них являются 让ràng «побуждать, велеть» и 叫jiào «просить, позволять, велеть», различие между которыми состоит в том, что 让ràng очень редко выражает принуждение. Однако, когда речь идёт о позволении совершить данное действие, можно употребить и глагол 让ràng, и глагол 叫jiào, функции которых в этом случае совершенно одинаковы.

Для выражения императивных значений в китайском языке часто употребляются следующие глаголы:

- 使shǐ «дать, позволить; послать» (глагол с наиболее общим значением побуждения; является самым старым каузативным глаголом, присутствующим ещё в каузативных конструкциях древнекитайского языка),

- 请qǐng «просить (сделать что-л.), приглашать» (самая мягкая степень побуждения): 迫使pòshǐ «вынуждать» (наиболее сильная степень побуждения): 迫使工人退却 - вынудить рабочего отступить.

Остальные каузативные глаголы используются реже и приносят тот или иной дополнительный смысловой оттенок. В предложениях с каузативными глаголами дополнение обычно занимает место между первым (каузативный глагол) и вторым (смысловой глагол) сказуемым:

主人Zhǔrén让ràng客kè坐zuò *Хозяин предлагает гостю сесть.*

Подлежащее + 1-е сказуемое + дополнение + 2-е сказуемое.

Каузативные глаголы – 使役动词shǐyìdòngcí. Каузатив относится к универсальным понятийным категориям и находит выражение в различных языках и на разных уровнях языковой системы. Однако способы выражения каузативности отличаются в разноструктурных языках. Каузативные глаголы – это глаголы с общим значением вмешательства в чужие дела, (сема воздействия). Подлежащее глагола, стоящее в этом наклонении, не само является носителем действия, выраженного данным глаголом, а побуждает другое лицо выполнять это действие. Субъект каузации просит, советует, заставляет, помогает, мешает и т.п. объекту каузации совершить некое действие. В некоторых источниках их называют побудительными глаголами.

Различие между модальным и каузативным глаголом заключается, в первую очередь, в «разносубъектности»: субъект побуждения не совпадает с тем, от кого требуется выполнение действия (т.е. с объектом побуждения); т.е., каузативный глагол обозначает действие от кого-то к кому-то другому, модальный глагол – действие к себе.

К китайским каузативным глаголам относятся: 请qǐng «просить (сделать что-л.), приглашать», 让ràng «побуждать, велеть», 叫jiào «просить, позволять, велеть» (в старых текстах может встречаться в омонимичной форме 教jiào;

в текстах среднекитайского периода – также и 交jiāo, 要yāo «требовать (от кого-то сделать что-то)», 使shǐ «дать, позволить; послать», 允许yǔnxǔ «разрешать, позволять», 令lìng «приказывать, предписывать».

При каузативном глаголе в китайском языке субъект каузации – подлежащее – это чаще всего одушевлённое существительное, так же как и объект каузации, который одновременно является субъектом второго глагола. Этот второй глагол, в свою очередь, может управлять дополнениями. Такие предложения называются последовательно-связанными и состоят из : 1) субъекта каузации, 2) каузирующего действия, 3) объекта каузации, 4) действия, к которому каузируют.

Стоит также отметить, что морфологический каузатив практически отсутствует в современном китайском языке.

Рассмотрим способы выражения императивного значения с помощью каузативных глаголов.

请. Вежливый совет. Совет, вопрос, просьба и т. д. могут передаваться каузативным глаголом 请, который всегда находится в начале предложения и выражает уважительное, вежливое отношение к адресату. Придает предложению оттенок официальности: 舒尔仁卡…… 伊凡伊凡内奇, 列涅契卡, 我亲爱的朋友们, 你们关注一下我的多变的命运. – Позволь, Жорженька... Иван Иванович, Ленечка, милые мои друзья, возьмите вы во внимание колдоватность моей судьбы. 请您告诉我, 在这个地方, 我该到哪儿去找驿车? – Скажите, пожалуйста, где я могу найти здесь почтовых лошадей?

要. Глагол 要 /yào/ также может выступать и в качестве глагола побуждения, входя в состав предложений с последовательно-связанной структурой. В этом случае 要 /yào/ переводится как «просить», «требовать», «добиваться» или «хотеть, чтобы...»: 她要我替她写信。Tā yào wǒ tì tā xiě xìn. Она просит (хочет), чтобы я написал за неё письмо. 我要你离开这个地方。Wǒ yào nǐ lí kāi zhè ge dì fāng. Я хочу, чтобы ты ушла/уехала отсюда. 妈妈要我去睡觉, 我不得不服从。Mā ma yào wǒ qù shuì jiào, wǒ bù dé bù fú cóng. Мама потребовала, чтобы я пошёл спать, и мне ничего не оставалось, как подчиниться.

В каузативных конструкциях частицу 让 некоторые ученые предлагают рассматривать не как собственно глагол, а как маркер каузации, образовавшийся вследствие позиционной грамматикализации соответствующих исходных глаголов. Примечательно, что в китайском языке в каузативной конструкции опущение субъекта действия невозможно. Таким образом, 让 может передавать: 1) значение позволения/разрешения: – Пускай

приучаются – *让他们去学吧*. Дословно это предложение переводится на русский как «Позволь им идти учиться»; 2) значение условия: – *Дай ей только разбежаться, так потом и не остановишь...* – *只要让它撒腿跑起来, 你就休想止住它...* Кроме того, может употребляться для выражения просьбы: – *Дай я поцелую, оно и пройдёт.* - *让我来吻一下, 肿块就不见了.*

Таким образом, в процессе русско-китайского и китайско-русского перевода, а также при обучении китайскому языку следует учитывать специфику выражения императивных значений, обусловленную как собственно языковыми (системными), так и национально-культурными факторами.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Желтухина М. Р. (Волгоград, Россия). Аксиологичность как фактор развития лингвокультурной специфики современного медиаязыка	4
Минеева З. И. (Петрозаводск, Россия). Аксиологический аспект изучения русских зоотропов	11
Романовская А. А. (Минск, Беларусь). Аксиологичность античного символа в современном художественном тексте	16
Метревели М. Г. (Телави, Грузия). Язык и диалекты.....	24
Трофимович Т. Г., Русакович И. К. (Минск, Беларусь). Национальный компонент наименований родства в словесных и жестовых языках Белоруссии и России	29
Буйняк М. (Братислава, Словакия). Суть культуроведческого направления в педагогической интерпретации иноязычного образования. Н. И. Фешин – диалог культур.....	35
Пашковская С. С. (Пенза, Россия). Преподавание русского как иностранного в аспекте межкультурной коммуникации	39
Барчакова М. (Нижна над Оравой, Словакия). Без прошлого нет будущего (Педагогическая интерпретация).....	45

Секция 1

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКОВОЙ, КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И НАИВНОЙ КАРТИНАХ МИРА

Захилько Е. А. (Минск, Беларусь). Понятие «интеллигенция»: взаимосвязь языка и культуры	49
Тарасенко Е. В. (Таганрог, Россия). Репрезентация языковой картины мира младшего школьника	55
Долгат Ю. В. (Минск, Беларусь). Особенности атрибутивных словосочетаний с компонентами «свобода», «воля» и «независимость» в художественном тексте.....	59
Велисевич А. В. (Минск, Беларусь). Структурные особенности гастрометафоры в медийном дискурсе: сопоставительный аспект	64
Рудько Т. В. (Минск, Беларусь). Семантические особенности выражения количества: сопоставительный аспект.....	69
Мицкевич Е. С. Семантика инфинитивных конструкций в публицистике ..	75
Воронова Ю. В. (Минск, Беларусь). Коммуникативные тактики и стратегии доминирования (на основе материалов англоязычных ток-шоу)	79
Цыбульская М. В. (Минск, Беларусь). Средства выражения интертекстуальных связей в жанре кинорецензии (на материале русского и английского языков)	83

Куц А. А. (Минск, Беларусь). Лексико-семантические особенности языковых средств обозначения победителя в современном тексте.....	88
Акуленко Е. А., Леонтьева В. В. (Минск, Беларусь). Семантическая адаптация заимствований в системе современного русского языка (на материале лексемы <i>джунгли</i>).....	93
Томашева Е. А. (Минск, Беларусь). Новейшие заимствования в пространстве современного медиатекста	100
Агличева Т. Н. (Москва, Россия). Лингвокультурологический аспект исследования фразеологизмов	107
Надумович Л. М., Сяо Ян (Минск, Беларусь). Зоонимы, характеризующие человека, в составе фразеологизмов русского и китайского языков	112
Чернышова Л. В. (Минск, Беларусь). Особенности концептуализации действия <i>вязать</i> в русской и белорусской динамической картине мира	115
Фоменко В. В. (Минск, Беларусь). Фразеологизмы в контексте концептуального описания мира (на материале английского и русского языков).....	120
Маковский А. О. (Минск, Беларусь). Эпидигматические трансформации итальянизмов в русском языке.....	125

Секция 2

ДОМИНАНТНЫЕ КОНЦЕПТЫ

В НОМИНАТИВНОМ И ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА

Додыченко Е. А. (Саратов, Россия). Личное имя древнеримского гражданина как свернутый культурно-исторический текст	131
Богова М. Г., Жилинская А. В. (Минск, Беларусь). Особенности наименований эргоурбонимов г. Минска	137
Каминская И. С. (Минск, Беларусь). Оценочные номинации в составе ассоциативных полей к антропонимам	142
Пивень А. В. (Горловка, ДНР). Номенклатурный термин как смыслоразличительный компонент годонима.....	145
Дмитриева Ю. Л. (Горловка, ДНР). Языковой образ дома в лирике С. Есенина	148
Мельникова Т. Н., Хоронко С. С. (Минск, Беларусь). Концепт «знание / незнание» в едином тексте: образность и способы интерпретации.....	154
Лагутова А. С. (Москва, Россия). Особенности анализа концептов в пространстве религиозного текста	159
Балуш Т. В., Чуханова А. В. (Минск, Беларусь). Концепт «пандемия» в русскоязычных СМИ Беларуси.....	163
Лешкова Н. В. (Горловка, ДНР). Морфологические особенности православной проповеди	169
Хальпукова Е. Л. (Минск, Беларусь). Концепт пути в книге поэзии Я. Купалы «Шляхам жыцця»	174
Гвоздович Г. А. (Минск, Беларусь). О лексеме <i>дорога</i> в поэтической картине мира.....	177

Секция 3
АКСИОЛОГИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ
И СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Аникеева Т. В. (Минск, Беларусь). Сопоставительный анализ прецедентных феноменов русскоязычного и англоязычного художественного текста сферы-источника «Культура»	184
Козлова Т. А. (Минск, Беларусь). Роль оценки в системной организации наименований честности / нечестности	189
Захилько Е. А. (Минск, Беларусь). Лексикографическая репрезентация понятия интеллигенция.....	195
Данилюк Д. А. (Минск, Беларусь). Мифонимы в англоязычном и русскоязычном поэтических текстах	199
Шестакова Е. В. (Минск, Беларусь). Языковые средства выражения оценки в дипломатическом дискурсе (на материале английского языка).....	204
Урбанович И. Г. (Минск, Беларусь). Публицистический стиль: история и современность.....	209
Солодовникова Т. В. (Минск, Беларусь). Аксиологические доминанты белорусской медиакommunikации.....	212
Дерунова А. А. (Минск, Беларусь). Устойчивые выражения о жизни и здоровье в Статуте ВКЛ 1588 г. и Соборном уложении 1649 г	216
Любецкая К. П. (Минск, Беларусь). Стана ў ленне беларускай навуковай мовы ў пачатку ХХ ст. (1900-1920 гг.): знешні кантэкст.....	221
Бабровіч Т. С. (Минск, Беларусь). Тыпы полівербальных тэрміналагічных намінацый будаўнічай сферы ў сучаснай беларускай мове	227
Полетаева О. А., Иватович-Бабич В. Т. (Минск, Беларусь). Оценка статуса варианта личного имени в рамках лингвистической экспертизы	231
Лучкина Н. В., Мирзоева С. А., Проценко И. Ю. (Ростов-на-Дону, Россия). Аксиологичность при определении содержания обучения русскому языку как иностранному	239
Григорьева И. М. (Минск, Беларусь). Лексико-грамматические трансформации языковых единиц с семантикой гендера	244

СЕКЦИЯ 4
ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пустошило Е. П. (Гродно, Беларусь). Обучение иностранных студентов речевому этикету интернет-сообщений на русском языке.....	250
Грибченко И. В. (Мытищи, Россия). Формы работы в общеобразовательной школе РФ в условиях многонациональной среды	252

Палавінскі В. А. (Магілёў, Беларусь). Тэарэтычныя аспекты вывучэння граматычных трансфармацый пры перакладзе	257
Куклицкая А. М. (Минск, Беларусь). Реализация игровых технологий в процессе контроля знаний учащихся	262
Жизневская О. Н. (Минск, Беларусь). Окказиональное словоупотребление в аспекте обучения русскому языку как иностранному	265
Федорович Н. Н. (Минск, Беларусь). Сравнительный анализ средств выражения временных отношений в русском, арабском, монгольском, китайском и турецком языках	269
Нестерович О. Б. (Минск, Беларусь). Модульное обучение русскому языку иностранных студентов	277
Тихоненко Е. В. (Минск, Беларусь). Коммуникативные ошибки в межкультурном общении.....	282
Мицкевич Е. С., Рублевская Т. В. (Минск, Беларусь). Национальная принадлежность обучающихся как фактор выбора метода обучения.....	287
Верниковская А. В. (Минск, Беларусь). Изучение категории числа в системе РКИ.....	292
Андреева М. В. (Минск, Беларусь). Феминитивы с точки зрения преподавания русского языка как иностранного.....	297

**Круглый стол
«ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ»**

Подберезская Ю. А. (Минск, Беларусь). Формирование коммуникативной и социокультурной компетенции студентов-иностранцев (Тема «Музеи Минска»)	302
Самойлова И. Ю. (Гродно, Беларусь). Использование произведений искусства в процессе обучения инофонов русскому языку.....	309
Дунькович Ж. А., Моховикова Е. А. (Минск, Беларусь). Национально-культурная специфика невербальной коммуникации.....	313
Родина М. Ю. (Минск, Беларусь). Развитие межкультурной компетенции иностранного студента в процессе обучения лингвокультурологии.....	318
Юсупалиева Л. Н., Курманова А. М. (Астрахань, Россия). Роль урока-экскурсии по русскому языку как иностранному в процессе развития навыков межкультурной коммуникации.....	321
Лапуцкая И. И. (Минск, Беларусь). Специфика изучения темы «Имена» в китайской аудитории.....	324
Семенчук С. А. (Гродно, Беларусь). Использование интернет-ресурсов и сервисов для организации работы над аутентичными текстами на уроке иностранного языка	330
Ленковец В. И. (Минск, Беларусь). Способы выражения императивных значений в китайском языке	333

Научное издание

ЯЗЫК И ДИНАМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Сборник научных статей
по материалам докладов
Международной научной конференции

Минск/Беларусь, 7-9 апреля 2022 г.

Ответственный за выпуск *О. А. Полетаева*

Компьютерная верстка *Е. А. Запеко*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.